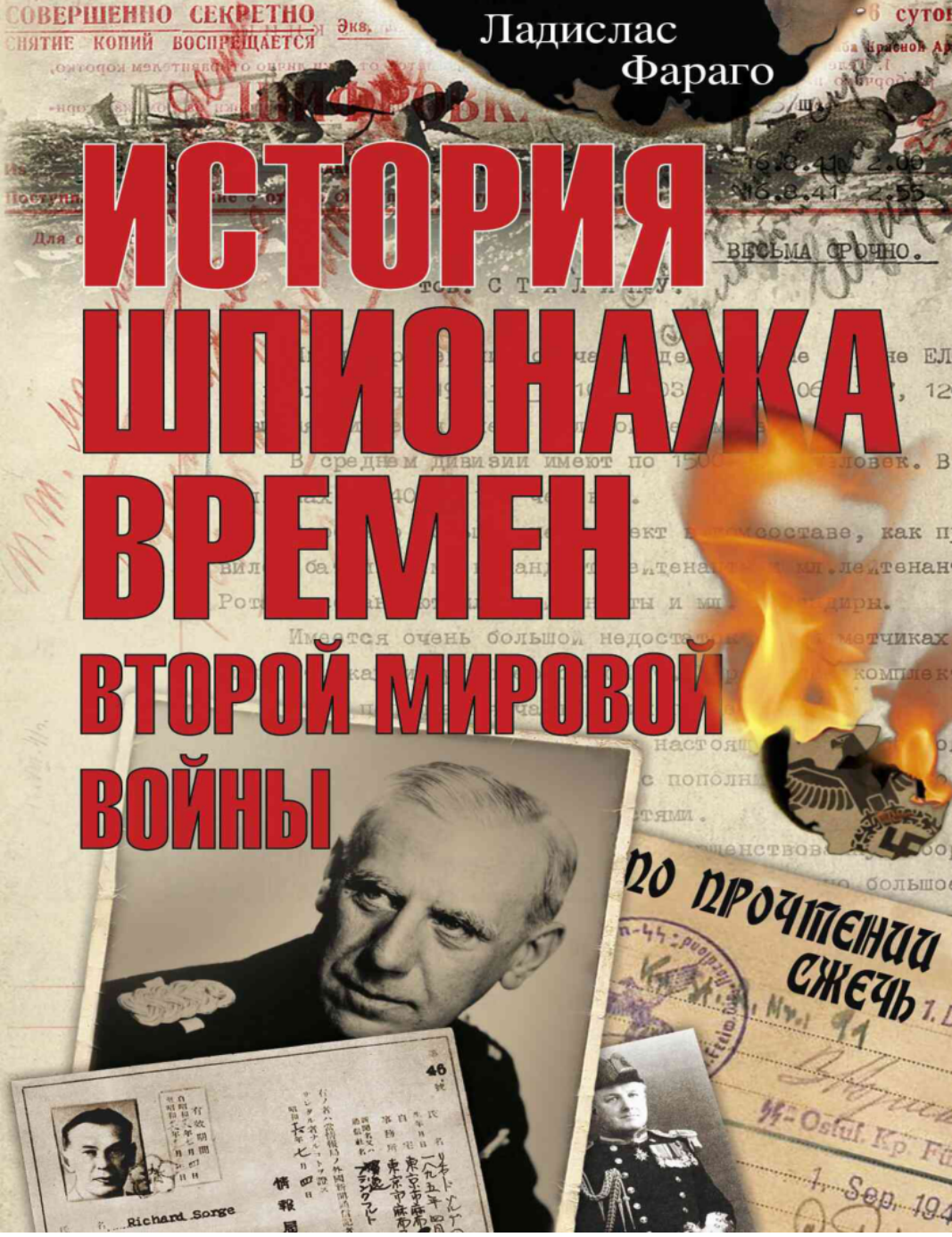
Ладислас Фараго

ИСТОРИЯ ШПИОНАЖА ВРЕМЕН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ладислас Фараго, бывший начальник отдела исследований и планирования в специальном военном подразделении ВМС США, автор нескольких книг по шпионажу, предлагает захватывающую картину всего спектра тайной деятельности, различных форм разведки секретных служб стран — участниц Второй мировой войны. Результатом действий агентов спецслужб, проводивших разведывательные операции, были победы или поражения, которые часто играли не менее важную роль, чем достигнутые на поле боя. В своем исследовании Фараго анализирует не только фактические события, но и мотивы и поступки людей, которые принимали в них участие. Здесь представлена галерея портретов фигурантов разного уровня и значения, среди них первые лица государств, знаменитые разведчики и никому не известные герои.

- Ладислас Фараго
  -
  - Предисловие
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45

- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88

Ладислас Фараго
История шпионажа времен Второй мировой войны

Ladislas Farago

BURN AFTER READING
TIE ESPIONAGE HISTORY OF WORLD WAR II

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Предисловие

Шпионаж играл заметную и нередко весьма запоминающуюся роль в каждой войне, но лишь в период Второй мировой войны он обрел статус своего рода «Четвертого сословия». Характер и размах этого ожесточенного конфликта породил особый вид войск, тайно сражавшихся в тылу и на своих собственных фронтах.

Думаю, не требует пояснений, что я использую слово «шпионаж» в универсальном смысле. Если эта книга — история шпионажа времен Второй мировой войны, то по логике вещей она включает в себя и планы тайных операций, и различные формы разведывательной деятельности, шпионажа и саботажа, подрывной и контрразведывательной деятельности, описание засекреченных баталий, проводившихся параллельно с обычными боевыми операциями современной войны.

Шпионаж осуществлялся обеими сторонами, но лишь союзники придали этому виду деятельности истинный размах. Вполне объяснимо — в оккупированных неприятелем странах Европы и Азии он был и оставался единственной возможностью угнетаемых бросить вызов угнетателям и в итоге обречь их на поражение. Это был стихийный бунт, зародившийся в душах оказавшихся под вражеским игом людей, объясняемый их стойким стремлением к свободе, даровавшим весьма сомнительным занятиям ауру благопристойности, оправдывавшим и убийства, и другие преступления.

Это была всего лишь видимая часть большой войны, однако даже эта часть сама по себе заслуживает полное право считаться отдельной войной. Более не существующий на этом свете дуче вряд ли преуспел как надлежащий авторитет в решении каких-либо вопросов, за исключением разве что военных. В своем отношении к войне этот субъект предельно прозрачен и не обнаруживает и тени лицемерия. Муссолини однажды заявил, что, дескать, только война доводит энергию человека до возможного максимума и отмечает печатью святости народы, которые имеют мужество сражаться. Нет войны более благородной, чем отпор миллионов тирании.

Именно секретная составляющая Второй мировой войны и побудила меня написать эту книгу. Для изучающего шпионаж историка немецкий шпион, исполняющий явно преступные приказы во благо своей державы, как объект исследования равнозначен любому американскому агенту, добывающему сведения для своей страны. Хотя все же применительно ко Второй

мировой войне существуют свои оговорки, и даже до педантизма объективный историк обязан признавать их. Мне лично эту мысль привил генерал Колин Маквин Габбинс, начальник британского Управления специальных операций. Он писал: «Отпор, который мы были вынуждены давать все эти долгие и мрачные годы на оккупированных территориях гестапо, коллаборационистам Квислинга и секретным службам Японии, был настоящей войной со всеми присущими ей страданиями, смертями и даже пытками… И находились тысячи и тысячи тех, кто выполнил свою задачу, тех, для кого самым главным в жизни было сохранение нерушимости боевого духа. Они целиком отдали себя делу, которое считали высшей целью».

Но даже невзирая на это, у меня все же остаются определенные сомнения. У того, кто в течение многих лет столь же серьезно, как я, посвящал себя и захватывающей, и в то же время требовавшей огромной эмоциональной нагрузки деятельности, не может не выработаться определенной точки зрения, и я, признаюсь, на самом деле не свободен от некоторой доли предвзятости. С одной стороны, отчасти мое отношение к этой работе можно было охарактеризовать как умеренно презрительное. Здесь весьма кстати процитировать Вергилия, предупреждавшего, что все зло подпитывается тайной. Большая часть работы здорово отдавала ребячеством, как если бы взрослый мужчина ни с того ни с сего ударился в мальчишество; она представлялась неким несерьезным времяпрепровождением, к которому человек взрослый и не без гордости осознающий свою вполне сформировавшуюся взрослость неизбежно отнесся бы с иронией. С другой стороны, у меня не хватало духу без обиняков окрестить эту работу заведомым обманом. Известны случаи, когда то, что замышлялось как игра, некое надувательство, временное и не очень серьезное, нередко дорастало до фактора огромной разрушительной мощи, и тем, кто воплощал его на практике, всю жизнь потом приходилось расплачиваться необратимыми психическими травмами.

Я и не пытался полностью исключить эту предвзятость со страниц данной книги. В отличие от части писателей я не ставлю целью живописать шпионаж с избыточным пиететом; упомянутые авторы слишком уж много внимания уделяют героике игры, не замечая при этом ее театральной надуманности. Хочется верить, что читатель не осудит меня, если я, описывая явления по данной теме, воздержусь как от мелодраматизма, так и от некритичного восхваления шпионских деяний, а, скорее, попытаюсь придерживаться золотой середины, не забывая при этом и о чувстве меры.

Ввиду неохватности масштабов этой тайной борьбы любое повествование о ней обречено на неполноту и не всегда убедительно. И это повествование — не исключение. Стараясь представить более сдержанную картину, я ограничился выборочным описанием событий и самой темы. Сожалею, что из-за ограниченности объема будущей книги я не имел возможности описать деятельность некоторых движений Сопротивления, в частности партизанскую войну на Филиппинах. Я сознательно опустил уже достаточно хорошо известные инциденты, такие как похождения «человека, которого не было» и случай с Тайлером Кентом. Несколько получивших широкую огласку операций, как, например, проникновение на базу в Скапа-Флоу подводной лодки, якобы проведенной туда шпионом, также опущены, ибо никогда не происходили[1]. Уверен, что те, кто изучает этот аспект, обнаружат достаточно упущений. Заранее приношу извинения за любые возможные огрехи и недостатки и в свое оправдание могу лишь сослаться на очевидные сложности при получении сведений по столь непростой и запутанной теме, как шпионаж.

Считаю своим долгом выразить благодарность моему другу и коллеге Джею Нельсону Таку за неоценимую и самоотверженную помощь в редактировании рукописи, представлявшей бесформенное нагромождение документов, и превращении ее в упорядоченную книгу. Работа Джея Нельсона Така над моей рукописью далеко выходила за пределы обычной редакторской задачи. Если данная книга и заслуживает похвалы, это в огромной степени достижение редактора.

Если сам автор книги сознательно воздерживается от всякого рода выводов, излагаемые им в ней факты — спроецированные на гигантский экран истории — все же могут послужить своего рода прагматическими уроками. Акцент сделан на фактах. Они, по выражению Уинстона Черчилля, несравненно ценнее иллюзий и домыслов.

Глава 1
Операция «Мясные консервы»

Той душной ночью 10 августа 1939 года едва ли кто-нибудь из прохожих нарушил ночное спокойствие почтенной берлинской Кайзер-Вильгельмштрассе, пока незадолго до полуночи быстрые шаги в тяжелой обуви пугающим эхом отдались в тишине этой знаменитой улицы. Охрана у внушительного серого здания Имперского министерства авиации заметила торопливо прошедшего мимо рослого мужчину. Поскольку на незнакомце была черная форма офицера общих СС, молодой часовой приветствовал его, вскинув на караул карабин и вытянувшись, проводил его взглядом до самого угла, пока эсэсовец не свернул на Принц-Альбрехтштрассе, где располагались здания, в которых размещались центральные органы гестапо — тайной государственной полиции, шефом которой стал Рейнхард Гейдрих.

Охранники в вестибюле при виде вошедшего щелкнули каблуками и выбросили вперед правую руку, сопроводив церемонию нацистского приветствия возгласом «Хайль Гитлер!». Небрежно отсалютовав в ответ, поздний визитер стал подниматься по лестнице, направляясь прямо в приемную Гейдриха.

Этим нарушителем спокойствия в здании на Кайзер-Вильгельмштрассе был тихий и спокойный на вид человек, один из головорезов гестапо Альфред Гельмут Науйокс. Будучи безмозглым орудием в руках мастера, этот бандит даже запахом весьма напоминал героя «Безволосого мексиканца» Сомерсета Моэма — высокий, дородный, ширококостный, с гладкой кожей и грубым лицом, украшенным шрамом на лбу, светловолосый и с несуразно большими и усыпанными розовыми веснушками руками. Науйокс был человеком с именем в гейдриховском братстве убийц, один только намек на которых вселял страх в души немцев. Он принадлежал к новой касте тайных агентов, негласные операции которых придавали древней войне шпионажа дух бандитизма.

Было десять минут первого ночи, когда Науйокс вошел в просторный, безлико меблированный кабинет Гейдриха. Жестом пригласив его сесть, Гейдрих изложил ему предстоящую миссию, которой, по-видимому, было суждено стать главной в послужном списке Науйокса, да и в его жизни в целом.

— Я собираюсь поручить вам, — необычно высоким голосом

заговорил группенфюрер СС, — совершенно секретное задание, являющееся вопросом государственной важности рейха, и не считаю необходимым напоминать вам о том, что данная операция должна быть проведена с предельной осмотрительностью.

Науйокс кивнул, и Гейдрих продолжал:

— Фюрер решил раз и навсегда разрешить данцигский вопрос и разгромить Польшу. И день «Х» и час «У» уже установлены. Все подготовлено — кроме предлога для войны. Он пока что не избран. Но мы изыщем его для фюрера, мы с вами, мой уважаемый Науйокс! Именно нам предстоит создать повод для этой войны! Германия начнет Польскую кампанию без формального объявления войны, с внезапной атаки, заявив всему миру о том, что именно поляки сделали первый выстрел. Но этого мало. Нам необходимо неоспоримое практическое доказательство, весомые улики, которые Геббельс сможет потом предъявить зарубежной прессе.

Перед тем как перейти к сути дела, Гейдрих сделал мелодраматическую паузу.

— Мы искусственно спровоцируем серию пограничных конфликтов и заставим поверить всех в то, что нападавшие были поляками.

Подойдя к висевшей на стене карте, группенфюрер указал на отмеченные на ней населенные пункты и участки на территории восточной части Германии.

— Инциденты должны произойти вот здесь, — пояснил он, — в районе Глейвица[2] в Верхней Силезии, и вот здесь, в Питцене под Кройцбургом[3], а также в Хохлиндене под Ратибором[4], ну и в самом Глейвице. Мы переоденем пару сотен наших солдат в польское обмундирование и прикажем им обстрелять территорию рейха, поджечь несколько наших домов, в общем, в течение нескольких часов сеять панику среди немецкого населения.

Его костлявый указательный палец остановился на одной из точек на карте.

— Вот здесь в Глейвице, — продолжал он, — расположена наша радиостанция. Вашей задачей будет подготовить инцидент там. Партайгеноссе Мюллер несет прямую ответственность за перечисленные операции. От него вы получите все необходимые детальные разъяснения. Найдете его или в Глейвице, или в Оппельне[5]. Доложите ему о прибытии, когда доберетесь туда. Желаю удачи!

Науйокс впервые за все время инструктажа раскрыл рот.

— Благодарю, группенфюрер, за оказанное доверие. Хайль Гитлер! — произнес он в ответ.

Поднявшись, Науйокс щелкнул каблуками и вышел из

кабинета Гейдриха.

«Партайгеноссе Мюллером» был не кто иной, как Генрих Мюллер, шеф гестапо, один из подчиненных Гейдриха. Науйокс нашел его в Оппельне, где обер-гестаповец был занят тайной подготовкой предстоящих операций. Когда Науйокс прибыл, Мюллер созвал на совещание своих заместителей и дал каждому из них соответствующие инструкции. Головорез по имени Мельхорн должен был направить в район Питцена около 100 нацистов, переодетых в форму польских регулярных войск. Другому прислужнику, по имени Лангханс, предстояло организовать и провести штурм здания таможни в Хохлиндене. Науйокса Мюллер ознакомил с деталями нападения на радиостанцию в Глейвице.

— Выберете себе шестерых заслуживающих доверия сотрудников СД и переоденете их в польскую форму. В назначенное время атакуете радиостанцию и захватите ее. Долго удерживать здание нет необходимости — 5—10 минут, не больше, самое главное, чтобы в эти минуты уложился тот из вашей группы, кому предстоит зачитать на польском языке антигерманское обращение к полякам.

Мюллер продолжал:

— Здесь у меня в Оппельне, в тюрьме гестапо, найдется с десяток заключенных из концентрационных лагерей. Мы используем их для придания инцидентам убедительности. Мы тоже переоденем их в польскую форму, а потом оставим их лежать, как будто они погибли в ходе нападения. Им будут сделаны смертельные инъекции, и, кроме того, на их телах впоследствии поляки обнаружат и огнестрельные ранения. После инцидентов мы предъявим трупы зарубежным корреспондентам, представителям прессы, которых Геббельс собирается доставить сюда из Берлина.

Мюллер заверил Науйокса, что выдаст и ему тело одного из этих «поляков», которому тоже будет сделана смертельная инъекция и нанесены огнестрельные ранения.

— Между прочим, — добавил Мюллер, — мы избрали для этих якобы поляков кодовое название — «консервы». А сама операция называется «Мясные консервы». Что же, остроумно.

И Науйокс, и Мюллер рассмеялись, предвкушая столь многообещающее начало.

25 августа Науйокс репетировал нападение со своими подопечными, но пока что без убитых поляков. Он выжидал. В 11:00 31 августа Науйокса позвали к телефону. Звонил Гейдрих из Берлина.

— Науйокс, — сказал он, — жребий брошен. Все начнется

завтра в 5:00 утра. Ваша работа должна быть завершена к 20 часам — сегодня вечером. Прямо сейчас звоните Мюллеру и просите об отправке вам одного из своих «мясных консервов».

В 11:10 Науйокс позвонил Мюллеру в Оппельн и попросил «поляка». В 19:00 он расставил своих людей по постам около радиостанции, а в 19:30 прибыл автомобиль с «поляком». Заключенному сделали инъекцию, кроме того, на теле его были огнестрельные ранения, а лицо испачкано кровью. Но человек еще дышал. В 19:50 по распоряжению Науйокса тело выложили у главного входа на радиостанцию.

Часы показывали 20:00. Науйокс взглянул на свои наручные часы и полуравнодушным тоном отдал приказ об атаке. Мгновение спустя шесть человек — его «поляков» — захватили станцию, и якобы «польский агитатор» подошел к включенному микрофону. Он прокричал в эфир, что для поляков настало время отомстить Германии, и обратился ко всем патриотически настроенным полякам с призывом убивать немцев. Пока он говорил, звучали выстрелы — люди Науйокса палили в воздух и в лежавшие на полу «мясные консервы», обеспечивая инсценировке соответствующее звуковое сопровождение.

В 20:07 спектакль завершился. Науйокс вместе со своими «поляками» расселись по машинам и отбыли в неизвестном направлении. Гитлер получил оправдание для начала войны. Лежавший у входа бывший заключенный концлагеря несомненно был мертв. Он стал первой жертвой Второй мировой войны — в прямом смысле ее Неизвестным Солдатом.

В 5:00 1 сентября 1939 года вермахт пересек границу Польши на трех участках, начав наступление по трем главным направлениям. В те же минуты бомбардировщики люфтваффе нанесли бомбовые удары по Гдыне, Кракову и Катовице.

В 5:11 Гитлер выступил с обращением к вермахту, оправдывавшим нападение. «Ряд нарушений границы, — утверждал он, — терпеть которые великая держава больше не в состоянии, доказывает, что поляки больше не готовы уважать немецкую границу. Чтобы положить конец этому безумству, у меня не остается никаких других средств, кроме ответа силой на силу».

Ровно в 8:00 утра, спустя 12 часов после инцидента в Глейвице, вермахт сумел глубоко вклиниться на территорию Польши. Отныне число жертв конфликта уже не ограничивалось одним лежавшим в нескольких шагах от радиостанции «поляком». В 9:10 в Глейвиц въехал походный госпиталь — двое раненых, один из которых скончался. Первые жертвы среди немцев.

Мир снова находился в состоянии войны.

Для Польши эта война продлилась всего 27 дней. Никогда прежде военная мощь государства не рухнула столь стремительно. Военные эксперты всего мира задавались вопросом: как могло произойти, что страна с населением 32 миллиона человек столь быстро оказалась под пятой оккупантов? Ни один находившийся в здравом уме человек всерьез не предполагал, что польской армии удастся остановить вермахт без помощи извне, но, с другой стороны, все рассчитывали, что поляки окажут достойный отпор агрессорам, победа которым обойдется весьма дорогой ценой.

Сутки спустя после начала Гитлером блицкрига 75 % польских самолетов были уничтожены — большинство из них в ангарах. Нацисты упредили помощь полякам от Великобритании и Франции, разрушив все польские аэродромы, специально оборудованные для приема военной авиации. За первые несколько дней кампании немцы разрушили польские коммуникационные линии и железнодорожные мосты в тылу польских войск. Армейские транспорты, действующие согласно секретным графикам, были атакованы самолетами люфтваффе и выведены из строя еще на терминалах. Центры мобилизации и сборные пункты, по-видимому известные только высшему руководству польского Верховного командования, были обнаружены германской авиацией и уничтожены. Склады боеприпасов и ГСМ были взорваны все до единого. Не уцелел ни один объект военного значения.

Среди самых больших загадок той войны случай в Ленчице был наиболее труднообъясним. Ленчица — город с населением 10 000 человек неподалеку от Лодзи, в глуши, вдали от войсковых путей следования. Казалось, эта провинция для неприятеля интереса не представляет. Гарнизон в Ленчице насчитывал всего лишь 150 солдат и офицеров. Но и их в спешке направили в районы боевых действий, оставив город вообще без военных. И все же подразделение за подразделением стало появляться в этом городке, пока Ленчица не пала трагической жертвой тотальной бомбардировки — согласно статистике на каждое здание пришлось рекордное количество бомб, принимая во внимание размеры этого городка.

Офицеры действующей армии задавали вопрос: почему нацисты не пожалели десятки тонн бомб на такую малозначительную цель? Безумное расточительство, принимая во внимание в целом ограниченный боезапас авиабомб люфтваффе. Шестнадцать воздушных налетов не решили проблему. А семнадцатый послужил ключом к разгадке. Раздался взрыв такой силы, что в радиусе 50 миль от Ленчицы в окнах домов не

осталось ни одного целого стекла. Сам город был разрушен до основания. Дело в том, что именно здесь, в провинциальной глуши, поляки разместили гигантский склад боеприпасов, о местонахождении которого знало лишь высшее командование Войска польского.

Как немцы узнали об этом?

Ответ был получен спустя несколько дней после завершения кампании. Группу иностранных журналистов привезли на экскурсию в руины Варшавы. Выделили даже сопровождающего — полковника фон Веделя из отдела по связям с прессой Верховного командования. Его-то и попросили объяснить тайну этого удивительного успеха.

Полковник представил весьма откровенное объяснение, что в целом было не очень типично для людей военных, тем более генштабистов: «Успех был достигнут в результате превосходства германского оружия и германской разведывательной службы».

Шпионаж и анализ полученных сведений играли заметную роль во всех больших войнах истории, но никогда прежде военачальники этого публично не признавали.

Трагедия Ленчицы послужила нагляднейшей иллюстрацией тому, что имел в виду фон Ведель. В течение нескольких предвоенных лет в Ленчице действовал немецкий шпион, в задачу которого входило наблюдение за самым важным военным секретом этого городка. В первый день войны Ленчица числилась среди первоочередных объектов атак люфтваффе. Склад был тщательно и умело замаскирован. Несмотря на радионаведение местного агента, самолеты не сразу нащупали цель, отчего и понадобилось 16 бомбардировок. Но полученные немцами сведения были столь бесспорны, что они решили бомбить Ленчицу в семнадцатый раз, возымевший и для объекта, и для города воистину фатальные последствия.

Надо сказать, подобная обстоятельность преобладала не только в Ленчице. Военные составы, например, не следуют по определенным и всем известным расписаниям, и пункты назначения также известны лишь узкому кругу ответственных лиц. Тем не менее подрывы польских рельсовых путей происходили с поразительной регулярностью и точностью. 5 сентября, например, армейский состав отошел от Центрального вокзала Варшавы, направляясь на фронт. Его засекреченное направление предусматривало прибытие на станцию Прага, на другом берегу Вислы, 15 минут спустя. За несколько минут до прибытия эшелона в Прагу словно ниоткуда появились немецкие самолеты и до основания разбомбили железнодорожную станцию. Состав встал на линии, перекрыв движение поездов. Один-

единственный агент, внедренный в аппарат управления начальника станции в Варшаве, воспользовавшись секретным каналом связи, сумел предупредить немцев и таким образом воспрепятствовал прибытию нескольких тысяч польских солдат и офицеров на фронт[6].

Сомнений нет, очередная страница летописи войн была перевернута. Подозрительный успех сопутствовал вооруженным силам Германии. Секретная миссия штурмбаннфюрера Науйокса, предвосхитившая самую большую войну в истории, так или иначе, стала доселе невиданным символом нового типа ведения войны.

Этот только что разразившийся конфликт обладал загадочным, интригующим новым измерением. В чреве его вынашивалась армия совершенно нового типа, организованная заранее для ведения сражений в войне тоже совершенно нового типа.

Это была армия шпионов.

Безусловно, испокон веку во всей писаной истории шпионы играли важную роль: и в дипломатии, и уже в ходе войны, но никогда прежде как в ходе этой.

Непосредственно перед началом Второй мировой войны американский историк секретной службы подсчитал численность шпионов в мире. И при этом обнаружил, что белых пятен на карте практически не осталось. Земной шар целиком был испещрен тайными явками, резидентурами разведок, тайными агентами, роковыми женщинами, конфиденциальными осведомителями, стихийными информантами и полицейскими шпиками.

Весьма примечательный прирост, в особенности принимая во внимание тот факт, что шпионаж отнюдь не принадлежит к видам деятельности, шагающим в ногу с увеличением численности человечества и прогрессом цивилизации. Безмятежные времена шпионажа, как казалось некоторым, миновали навсегда. На самом же деле они только начинались.

Глава 2
«Лис» в своем логовище

31 августа 1939 года вермахт, участвовавший в кампании в Польше, буквально лопался от нетерпения. Но в безликом, безвкусно обставленном берлинском кабинете тщедушный, болезненного вида человек с белоснежными волосами расслабленно откинулся на спинку кресла. Для Вильгельма Канариса это внезапное начало войны было своего рода отдохновением — пик интенсивной деятельности миновал. Он долго и упорно работал, прокладывая путь к нему: а теперь сражения, которые вермахту предстояло выиграть или проиграть, уже не в его власти. Он со своими сотрудниками вел собственную тайную войну со всей возможной решительностью и редкостным мастерством. Хотя победу в некоторых схватках пришлось все же уступить, но большинство сражений они выиграли. И теперь уже не сомневались, что выиграют и войну.

Кем был этот человек, этот великий полководец и мозг огромной подпольной армии? Разумеется, самым известным предводителем шпионов всех мастей периода Второй мировой войны. Канарис был и одним из ее самых спорных персонажей. Редко, писал один бывший высокопоставленный чин германской секретной службы, встречаются столь заметные в истории фигуры, оценки которых столь разнятся, как внешне незаметный, немногословный, несколько эксцентричный адмирал Вильгельм Канарис, руководитель германской военной разведки.

Враги Канариса расценивают его как не знавшего мук совести организатора самых гнусных преступлений гитлеровского режима. Его друзья восхваляют адмирала как духовного лидера умилительно-трогательного антинацистско-го движения, человека, который принял мученическую смерть за бесстрашие и убеждения. Есть и такие, кто заклеймил его как предателя, чья измена вермахту в самый тяжелый час и обусловила сокрушительное поражение Германии.

Масса глупостей написана о Канарисе. Его изображали самым загадочным из деятелей Германии всех времен — ловкачом, который плел интригу за интригой на протяжении всего промежутка между двумя мировыми войнами. Его выдавали и за одного из любовников Мата Хари, называли «адмиралом без формы», хотя большую часть взрослой жизни этот человек прослужил как раз на флоте. Другие пытались сделать из него гуманиста и моралиста, и даже интригана.

На самом же деле большая часть жизни Канариса была невероятно скучна и однообразна. Он родился в Аплербеке неподалеку от Дортмунда, то есть в самом центре Рура, 1 января 1887 года. Вильгельм Канарис был младшим из троих детей в семье преуспевающего горного инженера. Может показаться символическим, но в юности он получил прозвище Kiecker, что можно перевести как «любитель подглядывать» или даже «шпик». Молодой Вильгельм Канарис пошел служить в военно-морские силы (кайзерлих-марине) и уже в Первую мировую войну заинтересовался разведывательной работой, хоть она и не была его специальностью. В Первую мировую войну он командовал подводной лодкой, а после войны стареньким линкором «Силезия». Начавшаяся после этого синекура послужила тонким намеком на то, что военно-морские силы более не нуждаются в его услугах. В начале 1930-х годов его списали на берег на командирскую должность на второстепенную базу германских ВМС Свинемюнде на Балтийском море, где под его началом было несколько береговых орудий и еще мириады чаек для отстрела, чтобы не умереть со скуки.

Затем совершенно внезапно и необъяснимо с 1 января 1935 года он сменяет на должности главу абвера, военной разведывательной службы, гауптмана Конрада Патцига.

В ту пору Канарису исполнилось 48 лет, но выглядел он намного старше. Он был небольшого роста, щуплым, говорил тихо, сопровождая речь неторопливой жестикуляцией, лицо его покрывала сетка мелких морщин, волосы были белоснежные. Подчиненные за глаза называли его «der Alte» — Старик.

Канарис все время разрывался между нечистоплотностью своей работы и врожденной страстью к морализаторству, между мистической верой в судьбу и дотошным следованием поставленной цели. Он был добрым и слабоватым человеком, приспособленцем, обожавшим всех замирять, постоянно колеблющимся между решимостью и стремлением отложить решение на потом, до лучших времен. Его характер находил отражение во всех его поступках, даже в его излюбленном виде спорта — хождении под парусом. Он всегда ходит только по ветру, как однажды выразился кто-то из его друзей, и причаливает к берегу с повисшими парусами.

Канарис был в известной степени человеком впечатлительным, что, как кто-то отметил, было «несовместимо с выбором профессии офицера и вынуждало его чуть ли не с ужасом расценивать любое проявление силы». Вероятно, по причине своей чисто штатской внешности он с долей отвращения взирал на своих вечно куда-то мчавшихся коллег-офицеров. Один

только вид орденов на груди у кого-нибудь из коллег вызывал у него сардоническую улыбку и язвительные высказывания. Этого было достаточно, чтобы бедняга навеки исключался из круга общения будущего адмирала. Канарис предпочитал штатские костюмы и окружал себя служащими, которые очень мало напоминали людей военных.

Его святилище на верхнем этаже здания абвера, прозванное посвященными «Лисьей норой», отражало противоречивые черты характера этого странного человека. Обстановка кабинета была лишена как стиля, так и вкуса. На его рабочем столе красовалась старинная безделушка, которую Канарис избрал в качестве символа абвера: три обезьянки — одна затыкает уши, вторая прикрывает рот, третья зажмуривается — «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу». Одну стену закрывала огромная карта мира. На других висели три картины: фотография с автографом генералиссимуса Франко (знак его любви к Испании, гражданскую войну в которой он в 1936 году помог спровоцировать); японское изображение дьявола и картина его любимой таксы Зеппля.

У этого странного человека не было ни друзей, ни доверенных лиц, но зато он обожал собак. Его тревоги по поводу самочувствия его любимцев-собак однажды полностью дезориентировали его противников. Разъезжая под вымышленным именем и с поддельным паспортом по Испании, Канарис в 1936 году занимался подготовкой франкистского мятежа. Республиканская полиция разыскала его и поставила его телефон на прослушивание, поскольку Канарис временами шел на явный риск, передавая весьма конфиденциальную информацию в Берлин по открытым каналам международной связи.

Агент-испанец подслушал разговор Канариса о занемогшей собачке. В ответ на вопрос о ее самочувствии он получил от своего берлинского подчиненного детальный отчет об актах дефекации четвероногой любимицы. Испанская полиция не сомневалась, что это было не что иное, как хитроумный код, и дешифровальщикам пришлось туго: они едва ли не всю ночь пытались разгадать этот код. Но так и не разгадали. Канарис на самом деле рассуждал о самочувствии своей заболевшей таксы.

Канарис воплощал худшие стороны секретной службы. Он был политиком и, вследствие этого, попирал наиглавнейшее правило любой секретной службы, используя полученную его департаментом информацию как оружие для осуществления собственных козней. Он пришел в абвер, будучи убежденным нацистом, но позднее дистанцировался от Гитлера, а закончил жизнь и карьеру в статусе участника антигитлеровского заговора.

Ныне его часто причисляют к высшему эшелону антинацистского заговора, однако реальный вклад адмирала Канариса состоял скорее из упущений, нежели из заслуг. Он позволил нацистам внедрить своих осведомителей в абвер, а антинацистам — готовить за его спиной заговоры. И отнюдь не безуспешно пытался использовать и тех и других в своих собственных интересах.

В конце нацисты вздернули его на специально изготовленной виселице с тонкой рояльной струной вместо веревки — видимо, желая усугубить и продлить предсмертные муки бывшего начальника армейской разведки. Как однажды заметил Уоттон, виселица — позорнейший вид казни, но, судя по всему, представляется логичным предположить, что этот человек ее вполне заслуживал.

Но 1 сентября 1939 года от финала карьеры и казни адмирала отделяли годы. В ту пору он был на пике власти и славы — и все потому, что, хотя и странно слышать подобное о человеке, казалось бы, самой судьбой предопределенном вечно пребывать в тени, Канарис был всемирно известен. Абвер был мощной опорой Гитлера, а Канарис — одним из его наиболее ценных и ценимых им сообщников.

В полуофициальной истории абвера Пауль Леверкюн, гамбургский юрист, служивший офицером разведки во время войны, писал о Канарисе следующее: «Он был не просто человеком, находившимся на должности главы абвера. Его личность и методы создали сущность абвера. Абвер являлся в очень большой степени его творением, и, когда Канарис был отстранен, абвер начал быстро разрушаться. Фактически не будет большим преувеличением сказать, что абвер был Канарисом и Канарис был абвером».

Накануне войны Канарис располагал постоянным штатом в 18 000 сотрудников, как мужчин, так и женщин, и, кроме того, несколькими тысячами неофициальных информаторов.

Возглавлял иерархию сам Канарис. Ниже его располагались 5 главных секций. Существовал Центральный отдел, возглавляемый храбрым и решительным офицером, антинацистом, полковником Гансом Остером. Иностранный отдел при капитане Бюркнере поддерживал связь с иностранными державами. Отдел абвер II при полковнике фон Лахузене отвечал за саботаж и другие закулисные тайные операции. Отдел абвер III (начальник — подполковник (позже генерал-майор) фон Бентивеньи) исполнял главные функции в абвере — безопасность, контрразведка и борьба с диверсиями.

Секретная аналитическая работа (включая шпионаж) была

зоной ответственности отдела абвер I, именуемого также Geheimer Meldedienst, или Секретной службой сбора и доставки сведений. Каждый из этих трех отделов, в свою очередь, был далее разделен на три подотдела, представлявшие армию, флот и авиацию соответственно и имевшие номера I H (сухопутные силы), I M (флот), I L (авиация), II H, II M, II L и т. д. Вдобавок существовали следующие 5 групп.

В подчинении отдела абвер-1:

Группа I Wi (Wirtschaft). Экономическая и коммерческая информация.

Группа I Ht (Heerestechnik) — сбор технической информации для армии (сухопутных войск).

Группа I TLw (Luftwaffentechnik) — сбор технической информации для военно-воздушных сил.

Группа I G — фотография, тайнопись (проявляющиеся чернила), удостоверения личности и паспорта и все другие вспомогательные устройства и аксессуары, необходимые для функционирования секретной разведслужбы.

Упомянутый отдел состоял из трех «подотделов» (по одному для армии, морских и военно-воздушных сил) и пяти групп. Среди них группа I G была занята разработками особых видов оружия (замаскированного под различные безобидные на вид предметы), изучением особых методов микрофотографии, невидимых чернил, изготовлением фальшивых документов — одним словом, всех необходимых для эффективного функционирования секретной службы средств. Группа 11 отвечала за радиосвязь, включая конструирование радиооборудования для агентуры (так называемый Afus) и создание секретных радиосетей.

Отдел I имел относительно малочисленный штат в штаб-квартире в Берлине в пятиэтажном доме на Тирпицуфер. Этот отдел имел весьма разветвленную сеть многочисленных так называемых «доверенных лиц» (Vertrauensleute), то есть нештатных сотрудников-осведомителей. Многие агенты рекрутировались из числа постоянно проживавших в Германии граждан рейха; еще больше — сотрудничали с абвером на временной, непостоянной основе. Большинство этих Vertrauensleute были добровольцами, помогавшими нацистам из идейных убеждений, считавшими, что они таким образом словом и делом поддерживают гитлеровский «новый порядок». Горстка была наемными шпионами, работавшими за деньги, но платили им не так уж и много, по-видимому исходя из устоявшейся теории о том, что самую ценную информацию все равно ни за какие деньги не купишь.

Но не столь важно, насколько твердо Канарис держался на этом пике иерархии. Он понимал, что его пребывание в одиночестве чревато риском. И он не был бы предводителем шпионов, если бы не подозревал о всех опасностях, подстерегавших и его лично, и подчиненный ему абвер. И главной опасностью был Рейнхард Гейдрих, молодой шеф эсэсовской службы безопасности СД (Sicherheitsdienst des Reichsfürers SS — сокращенно Sicherheitsdienst — SD — служба безопасности рейхсфюрера СС), представлявшей собой довольно небрежно сработанную копию абвера Канариса.

Главной функцией абвера являлась защита Германии от иностранных противников как средствами агрессивного шпионажа, так и контрразведки. СД Гейдриха, созданная для защиты рейха от «внутренних врагов», как предполагалось, выполняла в основном функции полицейской разведки. Но подобное разделение полномочий долго сохраняться не могло. Невзирая на показное сотрудничество и даже личную дружбу, Канарис и Гейдрих не на жизнь, а на смерть сражались за обретение контроля.

Гейдрих всегда был полон решимости расформировать абвер, но подвластная Канарису организация занималась не пустопорожней деятельностью, а как-никак военной разведкой. Несмотря на то что этот план первоначально базировался прежде всего на профессиональных амбициях, у Гейдриха были и личные мотивы неприязни к Канарису. Гейдрих был младше Канариса на 17 лет, но оба были выходцами из германских военно-морских сил. С одним различием: Канарис дослужился до контр-адмирала и покинул ряды моряков с достоинством; Гейдрих же успел заполучить лишь погоны обер-лейтенанта, после чего с позором был изгнан из флота[7].

И хотя теперь Гейдрих обрел огромную власть, его в свое время здорово потрепанная гордость не позволяла ему задирать нос перед Канарисом, в котором он не мог не видеть олицетворение военно-морских сил.

Со своей стороны, Канарис тоже пошел на значительные уступки, выполняя указания Гейдриха, чтобы не злить его без особых оснований. Он приглашал его к себе в дом, убедил поселиться неподалеку в пригороде Берлина и имел с ним хотя бы внешне вполне приятельские отношения. Однако мог временами и проявить высокомерие по отношению к этому желторотому наци, поскольку имел против него козырную карту, компромат, как это повсеместно принято в разведслужбах. Канарис обладал неоспоримыми доказательствами, хранившимися в надежном сейфе в «Лисьей норе», тому, что сам

Гейдрих, эта фанатичная нацистская ищейка, яростно преследовавшая евреев, сам был по происхождению на какую-то часть евреем[8].

Настроенная против абвера служба СД располагала в рейхе достаточно широким кругом задач и полномочиями. Впоследствии она была объединена в руководящий орган под названием RSHA (Reichssicherheitshauptamt), или РСХА — Главное управление имперской безопасности.

Этот находившийся в подчинении у Генриха Гиммлера орган состоял из 7 управлений, функции которых и круг обязанностей варьировались от вербовки и обучения личного состава до бесчеловечных, тайно проводимых медицинских экспериментов над заключенными концентрационных лагерей, исполнявшими роль подопытных животных. Управления IV и V выполняли полицейские функции. Управлением IV было печальное известное гестапо (Geheime Staatspolizei), возглавляемое Генрихом Мюллером, боровшимся против оппозиционеров режиму, евреев, религиозных деятелей и, разумеется, осуществлявшее рутинный полицейский надзор за всеми аспектами жизни рейха и не только рейха. Отделом V была уголовная полиция (Kriminalpolizei), или Kripo, под началом Артура Небе, самая обычная криминальная полиция рейха.

Сбор информации и шпионаж были сосредоточены в III управлении (внутренняя СД) и VI управлении (внешняя СД), подчиненных непосредственно Рейнхарду Гейдриху. Гнездом агрессивного шпионажа нацистов было печально известное VI управление, где на Гейдриха работал проницательный и вероломный приспособленец-интеллектуал Вальтер Шелленберг[9], низкорослый пронырливый тип, холодная расчетливость и склонность к методичному плетению бесконечных интриг которого служили прекрасным дополнением к размашистому подходу Гейдриха к выполняемой деятельности.

Управление VI шаг за шагом усовершенствовалось, пока не превратилось в эсэсовскую разновидность абвера вермахта, секретную службу со своими функциональными и региональными подразделениями, явно копировавшими структуру абвера. Пусть и значительно меньшая, нежели абвер, эта служба Гейдриха на самом деле дублировала функции ведомства Канариса, нередко присваивая себе прерогативы, которые по логике вещей должны были бы принадлежать исключительно абверу.

Идеи Гейдриха отличались нетрадиционностью. Всякий прямой подход ему претил в силу якобы присущей ему примитивности. Его секретная служба постоянно ковала не совсем понятные планы совсем уж непонятных операций. Даже

тех немногих, которые ему удалось удачно осуществить на практике, было достаточно для создания Гейдриху репутации одного из самых коварных, но, бесспорно, одного из самых блестящих, невзирая на относительную молодость, главарей шпионских ведомств.

В некотором смысле Гейдрих — персона, объективно наименее оцененная и недостаточно изученная в истории шпионажа периода Второй мировой войны. Несмотря на то что именно описания Канариса в немалой степени способствовали тому, что мир видел в Гейдрихе шпиона № 1 Германии, следует признать, что даже и без помощи своего бывшего сослуживца по флоту Гейдрих сам немало сделал в пользу распространения и закрепления подобной репутации. Некоторые даже полагают, что Гейдрих превосходил Канариса по части эффективности проведенных операций, но, как бы то ни было, вопрос об этом до сих пор остается спорным.

Все в этом человеке было окутано темным покровом тайны, включая его происхождение. Он родился в Галле в 1904 году в семье директора музыкальной Академии, внесенного в справочник как «Бруно Рихард Гейдрих (на самом деле Зюсс[10])». Именно эта деталь и обусловила гипотезу о сомнительности расовой чистоты Гейдриха, ибо фамилия Зюсс в Германии была исключительно еврейской.

Для участия в Первой мировой войне 1914–1918 годов Гейдрих был слишком молод и уже после ее окончания вступил в ряды террористической молодежной организации и к 15 годам успел обеспечить себе репутацию опытного головореза. В военно-морские силы он пришел кадетом, впоследствии получил звание обер-лейтенанта, но вскоре был с позором изгнан по причине нескольких любовных связей, происходивших одновременно.

После этого Гейдрих, оставшись не у дел, вступил в ряды нацистов, а именно пристроился в службу разведки, где имелись все возможности проявить себя в роли шантажиста. Он выяснил, что одна высокопоставленная прусская официальная персона тайно переписывалась с заклятым врагом Гитлера в нацистской партии, пресловутым теоретиком партии Грегором Штрассером. Гейдрих стал ухаживать за женой упомянутого официального лица и сделался ее любовником. В паузе между любовными ласками на квартире дамы он и обнаружил скрытые в потайном месте компрометирующие ее мужа письма и похитил их.

Завладев таким серьезным оружием, Гейдрих стал вымогать для себя теплое местечко в мюнхенской элитной гвардии. И надо сказать, после этого его карьера быстро пошла вверх. В возрасте неполных 27 лет в 1931 году его назначили на должность

начальника особого разведывательного отдела НСДАП и поставили во главе своры подонков — дюжих головорезов явной нордической внешности, наделенных кроме физической силы и явно садистскими наклонностями.

Гейдрих в свои 27 лет выглядел гораздо моложе, однако он принадлежал к тем, о ком говорят «молодой, да ранний». Он был высокого роста, строен и великолепно смотрелся в черной эсэсовской форме. Его безбородая физиономия придавала ему некоторое женоподобие, но это впечатление быстро рассеивалось, стоило его собеседнику встретиться с холодно-циничным взглядом Гейдриха. Вильгельм Хёттль, один из его подчиненных в СД, сравнивал Гейдриха с Чезаре Борджа (Борджиа)[11]. Их обоих, как утверждал он, объединяло полнейшее игнорирование всех этических ценностей, оба обладали той же маниакальной жаждой власти, той же холодной расчетливостью, тем же ледяным сердцем, теми же тщательно и систематически просчитываемыми амбициями и даже той же физической привлекательностью, характерной красотой падшего ангела.

Гейдрих представляется влиятельной фигурой в истории современной секретной службы, потому что в наш век просвещенной и механизированной интриги он был единственным практиком средневековой, грубой интриги. Его жизнь представляла собой непрерывную цепочку убийств. Он лишал жизни людей, следуя жизненному принципу: мертвый враг лучше живого, и не снисходил до различия между несомненными противниками и теми, кто мог бы стать ему друзьями. Он ликвидировал людей, которых инстинктивно недолюбливал, коллег, которых считал помехой его карьерному росту, нацистов, которых считал ненадежными.

Даже его довоенные успехи были поразительны, но заметно поблекли в сравнении с более поздними победами. Война, которую он помог «оправдать», предоставила ему массу великолепных возможностей. И он не мог дождаться ее начала, совсем как обжора, предвкушающий появление на столе обильных яств.

Глава 3
Канарис прокладывает путь

Ганс Пикенброк был похож на преуспевающего виноторговца, но это был шпион высочайшего уровня. Веселый и жизнелюбивый уроженец Рейнской области, он был полковником германского Генерального штаба и руководителем отдела I Канариса, отдела абвера, занимавшегося шпионажем. Пикенброк был высокий, крупный, широкоплечий мужчина и снискал популярность у своих подчиненных, которые величали его Pieki (Пики). Ради него они были готовы на все.

Поскольку у Канариса не было времени, да и желания глубоко вникать в работу отдела I и он предпочитал утонченную атмосферу политической и дипломатической игры, Пикенброк обладал значительной самостоятельностью и максимально ею пользовался.

В папках Пикенброка таились самые сокровенные тайны фактических и потенциальных врагов Германии. Из-за огромных трудностей получения секретных сведений из Советского Союза Пикенброк принял решение пренебречь СССР. Время от времени ему удавалось переправить агентов в Советский Союз, а кое-кому из них даже удавалось и возвратиться, но большую часть сведений приходилось вычитывать между строк в советских открытых публикациях, опрашивать возвращавшихся из СССР туристов — одним словом, прибегать к помощи других методов кабинетного шпионажа.

Пикенброку не везло и в других важных областях. Министерство иностранных дел Германии, всеми средствами пытавшееся избегать трений с Великобританией, Францией и Соединенными Штатами (чтобы убаюкать их самодовольство и не втянуть их ненароком в войну), отнюдь не поощряло шпионскую деятельность сотрудников отдела в перечисленных странах. До 1936 года абверу даже запрещали иметь агентурную сеть в Великобритании. Только в 1937 году, после личного обращения Канариса к Гитлеру, армейской разведке было дозволено шпионить против Англии без каких-либо ограничений.

Менее двух лет хватило абверу для сбора исчерпывающей информации о Великобритании, с точными деталями, касавшимися ее малочисленной армии мирного времени, разбросанных по всему острову аэродромов Королевских ВВС и мощного Королевского флота. В течение тех довоенных лет полиции особой службы Скотленд-Ярда и Ми-5 директората

военной разведки военного министерства (два главных британских органа контрразведки) удалось разоблачить много второстепенных агентов, но самая важная персона ускользнула от них. Хребет германского шпионажа в Великобритании так и не был сломан вплоть до внезапного начала Второй мировой войны.

Впрочем, Англия не являлась главной целью абвера. Куда более важной считалась Франция. Она была извечным врагом Германии и исторически сложившимся местом деятельности германских секретных служб.

В тактике действий абвера против Франции не было ничего нового. В 1869 году тайный агент Бисмарка доктор Вильгельм Штибер подготовился к Франко-прусской войне 1870–1871 годов, заслав 30 000 агентов во Францию. И накануне Первой мировой войны в отношении Франции поступили примерно так же — нафаршировали страну германской агентурой.

Канун Второй мировой войны тоже не был исключением. Даже Черчилля и того одурачили. 15 августа 1939 года, всего за 19 дней до внезапного начала войны с Францией[12], генерал Жорж, главнокомандующий французскими войсками[13], пригласил Уинстона Черчилля проверить линию Мажино. По возвращении Черчилль представил конфиденциальный отчет военному министерству.

«Врагу не удастся прорвать французский фронт, где бы он ни пытался это сделать», — заявил Черчилль.

Но линия Мажино, которую Черчилль описал как «непробиваемую», уже была пробита — не немецкими солдатами, те просто-напросто обошли ее несколько месяцев спустя, — а агентами «Пики» и Канариса.

В отделе I было создано специальное отделение, целью которого было разузнать все секреты линии Мажино. Была создана масса тайных подходов к объекту, но французы все же арестовали нескольких германских агентов, засланных к этому фортификационному сооружению. Тем не менее усилия абвера в конце концов были вознаграждены благодаря продажности двух французских офицеров, занимавших важные посты. Один из них был капитан Кредль, адъютант командира оборонительных сооружений сектора Меца, от которого — через агента, эльзасца Поля Денца, — немцы получили часть чертежей линии Мажино. Еще более важные сведения достались от другого предателя — француза Жоржа Фрожа, капитана, отвечавшего за обеспечение войск линии Мажино. В ходе частых командировок на протяжении всей линии укреплений и в результате доступа к картам и документации, содержащим важнейшие данные касательно гарнизонов, капитан Фрож собрал солидную

информацию о линии Мажино.

Фрож был по характеру негативистом, с восхищением взиравшим на тоталитарную систему нацистов. И, обладая обширными знаниями об обороноспособности Франции и питая к ней, как и ее политической системе, ярко выраженную антипатию, вполне естественно, стал работать на немцев.

Как только немцы поняли, что имеют дело с источников ценнейшей информации, они приступили к выполнению операции «Z», то есть к вербовке Фрожа. Выяснилось, что капитан оказался в стесненном финансовом положении и любил деньги столь же сильно, сколь ненавидел свою страну. После этого вербовка агента много времени и усилий не отняла.

Подтверждение достоверности переданных Форжем сведений абвер получил случайно, как раз в то утро, когда немцы вошли в Прагу в 1939 году. Вместе с войсками в столицу Чехии прибыли и спецагенты абвера, которым была поставлена задача завладеть документацией чехословацкого Генерального штаба, в частности архивами его второго отдела. Быстро был установлен контакт с предателем в чешском Генштабе, полковником Эммануэлем Моравецем, который провел своих друзей из абвера прямо к замаскированному сейфу, в котором чехи хранили даже не свои военные секреты, а секреты армии Франции. А именно — комплект чертежей линии Мажино.

Каким образом эти чертежи оказались в сейфе у чехов — отдельная история. Когда чехи решили соорудить собственную систему укреплений по образцу французской линии Мажино, группе чешских военных инженеров разрешили осмотреть французскую систему фортификационных сооружений и даже сделать детальные эскизы отдельных сооружений, тех, которые произвели на них наиболее сильное впечатление. Чехи внесли в чертежи свои доработки, снабдили их подробными описаниями и пояснениями, проанализировали и даже подвергли критике французскую систему, а во время штабных «учений» еще и продемонстрировали способы проникновения в оборонительную систему.

Второй по важности позицией в списке приоритетов абвера был ВМФ Франции. С помощью агентуры, действовавшей в Бельгии, отдел I M (военно-морской разведывательный отдел Пикенброка) абвера систематически получал обзор французского флота, дислоцированного на побережье Франции, — от линкоров и до торпедных катеров, от пролива Ла-Манш и до Кана на Лазурном Берегу в Средиземноморье. Германская разведка располагала мощной агентурной сетью, созданной специально для этих целей. Несколько агентов были французами. Один,

симпатичный молодой человек, лейтенант флота, выходец из образцовой семьи, попался на удочку работавшей на абвер красавицы, некоей Лидии Освальд, которой абвер поручил вскружить голову молодому лейтенанту. Лейтенант имел доступ к секретным документам адмирала Дарлана, главнокомандующего французским военно-морским флотом.

Этот источник был весьма ценным не только вследствие характера поставляемой информации, но еще и тем, что он упомянутую информацию поставлял чрезвычайно быстро. Однажды — это произошло во время кризиса — Дарлан продиктовал приказ о мобилизации военного флота. С помощью лейтенанта уже 4 часа спустя абвер получил упомянутый приказ — причем даже раньше, чем он был разослан в части и подразделения французского флота. И в 1939 году агент абвера по имени Отто Бальт прибыл в Берлин, имея на руках список всех аэродромов Франции и подробный отчет о самолетах и их пилотах. Человеком, от которого Бальт получил эти детальные сведения, был молодой капитан французских ВВС, работавший в кабинете Пьера Ко, министра военно-воздушных сил. Как и многие до него, молодой человек оказался предателем из-за любви, в том числе и к деньгам. Бальта заманила в ловушку привлекательная швея, жительница Эльзаса, проживавшая на Рю де ла Пэ. Когда она стала его любовницей — что потребовало куда больше денег, чем жалованье капитана, — Бальт стал снабжать его деньгами. В качестве оплаты он получил драгоценный отчет.

Эта акция Канариса стала последней в составлении французского досье. Теперь германское Верховное командование знало все, что требовалось знать о Франции.

Несмотря на традиционное внимание к Франции, работа кипела вовсю и в польском отделении отдела полковника Пикенброка. Польша представляла собой идеальный охотничий заповедник. Многие немецкие граждане постоянно проживали в Польше, и полковник мастерски организовал их в особую Meldedienst, оперативную информационную службу. Пикенброк еще задолго до войны организовал и так называемую сеть прикрытия — настоящую паутину доверенных агентов. Сеть эта покрывала всю Польшу, включая все военные объекты. Эта сеть была до поры до времени законсервирована. У агентов были соответствующие инструкции не привлекать к себе внимания во избежание обнаружения и начать действовать лишь в чрезвычайных ситуациях или при наличии у них сведений экстраординарной важности. Агентура должна была сохраниться до начала войны.

Кроме того, Пикенброк организовал в Польше и специальную группу, которая снабжала абвер сведениями о Войске польском. Очень немногие из агентов были немцами; большинство было поляками по рождению, которые по очень многим соображениям пошли на предательство своей страны.

За несколько лет до войны «искатели талантов» Пикенброка прочесали Польшу в поисках новичков. Полковнику не составило труда рекрутировать целую армию изменников. Большое количество высокопоставленных чиновников и важных официальных лиц совершенно добровольно предлагали свои услуги. Но немецко-польское состязание по шпионажу не всегда представляло собой дорогу с односторонним движением. Поляки также продемонстрировали усилия, изобретательность и даже определенную эффективность в шпионаже против рейха. До начала войны они нанесли не меньше ударов немцам, чем абвер Польше.

Отдел II (сбор информации) польского Генерального штаба был крупной и влиятельной организацией. Размещался отдел в самом центре Варшавы на площади Пилсуд-ского в покрытом тайной, мрачном старом здании довольно неряшливого вида. Туда регулярно стекались сведения, представлявшие вполне объективную и детальную картину Германии и вермахта — ничуть не хуже той, которую имели немцы о Польше и Войске польском.

Крупнейший центр польской разведки, специализирующейся на сборе сведений о Германии, располагался в городе Быдгощ (до 1919 и в 1939–1945 гг. Бромберг) неподалеку от германской границы. Центр располагал 11 филиалами, включая один в Данциге. Поляки даже сумели пробраться к сердцу Гданьского отделения абвера. Они решили прибегнуть к древнейшим методам шпионажа — с помощью красивой женщины в качестве приманки — некой Клары Шебинской. Хорошенькая, как и большинство полек, пани Клара проживала в Данциге и работала секретаршей в одной фирме, которая была абсолютно вне всяких подозрений.

Эту пани направили в Данциг с определенной целью — завязывать знакомства с господами из абвера. Женщина была умна, прекрасно осведомлена о некоем Лотариосе, на которого ее ориентировали. Самым заметным ее активом была внешность — женщина обладала особой, чувственной красотой: миниатюрная блондинка с круглым милым личиком, поразительно большими карими глазами, чувственным ртом и несравненной фигурой. Она была женщиной жизнерадостной, сверх меры очаровательной и к тому же наделена романтическим восприятием жизни.

Клара часто бывала в компании сотрудников абвера, с некоторыми была знакома довольно близко и вскоре вступила в интимные отношения с резидентом данцигского филиала абвера. Шебинска знала, как вытянуть из своего любовника нужную и ценную информацию об операциях абвера в Данциге, и не только в Данциге, но и вообще в Польше.

И за работой в Данциге, и вообще за работой шпионской сети в городе Быдгощ стояла одна загадочная фигура. Звали его Жыхонь, впрочем, вовсе не обязательно, что это была его настоящая фамилия. Жыхонь был кадровым военным, и в Войске польском его знали, ценили и уважали. Даже в среде противников он считался несомненно лучшим офицером польской разведки. Но все же (а Жыхоню шел уже пятый десяток) он до сих пор ходил в майорах.

Жыхоня неизменно обходили в присвоении воинских званий, и все потому, что этот человек имел репутацию эксцентрика и бунтаря. Он обладал способностью наступать на любимые мозоли начальства, был довольно дерзок, не терпел дураков и нередко оказывался помехой для многих коллег, чаще всего помимо своей воли. И внешностью он чем-то напоминал бродягу, а уж по части манер и говорить нечего — воплощение неотесанности.

Жыхоня давно бы изгнали из разведки, не будь он в известной степени незаменимым человеком. Как только после его очередной выходки заходила речь о суде офицерской чести или об увольнении из армии, он каким-то образом выкручивался, доказав на практике свою полезность разведке. И что еще следует отметить — Жыхонь постоянно пребывал, что называется, под хмельком.

Жыхонь был алкоголиком, и не исключено, что и не совсем нормальным. Ему было плевать на соблюдение секретности даже в самой секретной из профессий. Как только он прибыл в Данциг, например, он тут же названивал какому-нибудь своему немецкому коллеге и объявлял, что, дескать, прибыл в город. Он мог в дружеской беседе с немцем вовсю пользоваться профессиональным жаргоном, будто забывая, с кем говорит. Он мог и оскорбить собеседника, и нахамить ему. В подобных случаях немцы говорили: «Ах, снова этот идиот Жыхонь напился в стельку». Однако они очень и очень недооценивали Жыхоня.

Время от времени немцы пытались пробраться в агентурную сеть Бромберга, играя на слабостях Жыхоня, и время от времени они, казалось, были даже на грани успеха. Но как раз тогда, когда им начинало казаться, что дело, как говорится, на мази, Жыхонь разочаровывал их. Этот шут был кем угодно, но не глупцом. Ян Хенрик Жыхонь был королем шпионов.

Поэтому, когда подотдел «Восток» доложил наверх в Берлин, что, мол, есть признаки того, что в деле организации Жыхоня намечается реальный прорыв, это вызвало настоящую сенсацию в абвере. Сначала казалось, что сам майор Жыхонь кидал пробные шары, но, когда был установлен контакт с потенциальным предателем, выяснилось, что он — заместитель майора Жыхоня, капитан Казимир Толодзецки.

Он предложил вероятное объяснение своей измены: ненависть к его капризному боссу. Толодзецки был мальчиком для битья и козлом отпущения Жыхоня. Майор превратил жизнь своего несчастного заместителя в ад, и постепенно в Толодзецки накапливалась слепая злоба. Толодзецки, может, и не собирался действовать во вред своей родине Польше, но вот назло Жыхоню был готов на что угодно. Его задачи были просты. Он передает абверу часть сведений с тем, чтобы устроить неприятности Жыхоню — документы эти якобы послужат доказательством тому, что Жыхонь спутался с немцами. И Толодзецки написал анонимку в Варшаву, намекающую на то, что, мол, Жыхонь — немецкий агент. В конце концов его рвение насторожило и немцев. Абвер подозревал, что Толодзецки — всего лишь приманка, с помощью которой Жыхонь планировал передавать дезинформацию в абвер.

Но тут вмешались поляки и доказали, что подозрения, оказывается, безосновательны. Предательство заместителя Жыхоня было истинным. Толодзецки был взят под наблюдение, и его измена была обнаружена. Капитана арестовали, судили и повесили. Поляки совершили ошибку, разгласив факт казни. Казнь раскрыла немцам глаза. Сведения, которые они отказались рассматривать как подлинные, никакой дезинформацией не были и в свое время сослужили немцам добрую службу в ходе Польской кампании.

Другим источником секретных сведений для немцев был офицер Войска польского, имя и фамилия которого до сих пор окружена тайной. Ему удалось избежать участи Толодзецки, и немцы, в знак благодарности, до сих пор не спешат раскрыть его. Этот человек так же добровольно предложил свои услуги абверу и представил список многих польских офицеров, готовых работать на абвер. И этот офицер вызвал подозрение абвера, сначала его предложение отклонили. После дела Толодзецки, однако, немцы поняли свою ошибку и стали отчаянно пытаться восстановить контакт с ним. Поскольку маховики шпионажа раскручиваются временами довольно медленно, им потребовалось свыше двух лет, чтобы возвратить контакт, который был наконец установлен, причем в критический момент — накануне Второй мировой войны.

После этого все шло гладко. Агент поставлял абверу сведения достаточно многих польских офицеров, занимавших ответственные должности, и от них немцы постепенно получили целиком мобилизационный план страны и план стратегического развертывания войск.

Таким образом, организация Канариса снабдила Гитлера всем, что он должен был знать о Франции и Польше. Восточный фланг был надежно защищен нацистско-советским пактом. Оставалось лишь одно, чего жаждал фюрер, — нейтралитет Великобритании.

Глава 4
Застой в союзническом лагере

В отличие от разросшихся секретных служб Гитлера, демократические государства либо не располагали вообще разведслужбами, достойными внимания, либо ограничивались малочисленными и находившимися в состоянии полудремы организациями. Спецслужбы Франции и Великобритании занимали последнее место. Они существовали в основном на низких бюджетных ассигнованиях и почивали на лаврах прошлых заслуг с неизбежными последствиями. Грубо говоря, и французские и британские секретные службы были просто никуда не годными, полностью не соответствующими проблемам и требованиям тех роковых лет.

Во Франции, на родине Жозефа Фуше (1759–1820), одного из самых коварных и бесчестных шпионов в истории, разведка была традиционным инструментом власти, но относились к ней скорее как к искусству, нежели как к серьезной науке. Под стать хаотической организации французского правительства и снедаемой завистью хищной бюрократии, из которой оно и состояло, разведка была децентрализована и разделена. Службы предпочитали держаться подальше друг от друга, все попытки сотрудничества осуждались из опасений, что, мол, согласованность может поставить под угрозу автономию.

В 1939–1940 годах Франция располагала плеядой блестящих послов в ключевых столицах. Такие люди, как Андре Франсуа-Понсэ[14] и Робер Кулондр, занимавшие посты глав дипломатических миссий Франции в Риме и Берлине в те неспокойные дни, были вполне способны и представить оценки тех или иных событий (и представляли их) в посылаемых на Кэ д'Орсэ[15] отчетах, но представления не имели, что происходит с их отчетами в Париже. Во Франции разведка, по сути, рассматривалась как прерогатива вооруженных сил; соответственно, крупнейшие разведывательные службы функционировали в недрах военных структур.

Накануне Второй мировой войны у Франции было четыре крупных разведывательных службы, но ни одной структуры, которая координировала и централизовала бы их деятельность. Армия имела две спецслужбы — второй и пятый отделы Генерального штаба; первый из упомянутых занимался общей разведкой и выработкой стратегических оценок; второй — шпионажем и контрразведкой. У военно-морского флота был свой

собственный параллельно действующий разведывательный отдел. У Министерства ВВС имелся несколько меньший разведотдел, вероятно лучший из всех, ибо в силу новизны учреждение не успело впитать традиционные предрассудки.

И по срокам существования, и по влиянию, и по искусности приемов присвоения власти армейское Bureau de Renseignement — Второе бюро — занимало центральную позицию в лабиринте разведки. Второе бюро представляло собой отъединенную от всего остального мира, закрытую организацию. Причем пресловутую «отъединенность» вполне можно было понимать и в прямом смысле. Оно размещалось в La Ferete-sous-Jouarre, вдали от сутолоки Парижа и вдали от пятого отдела.

Несмотря на статус «серого кардинала», армейская разведка Франции страдала от различных фатальных затруднений. С одной стороны, она возглавлялась офицерами довольно низких званий. В 1939 году ею руководил некто полковник Гоше. Главой Второго бюро был Бариль, воинское звание — майор. Гоше и Бариль были людьми достаточно образованными и компетентными, способными разведчиками, но их влияние оставалось низким даже в стенах руководимых ими организаций. Их постоянно загоняли в угол более старшие по званию офицеры, равно как и те, кто был ближе к командному генералитету, так что поступавшие к ним зачастую весьма важные сведения так и оставались пылиться в ящиках столов их служебных кабинетов, пусть даже с их резолюциями.

Гоше, например, не раз прилагал воистину героические усилия, чтобы направить полученные сведения касательно Польской кампании генералу Гамелену, главнокомандующего армией[16]. Гош рассчитывал, что содержание документов все же выведет генерала из состояния летаргии и заставит изменить отжившую свой век стратегию бесстрастного равнодушия. Он добрался до полковника Прео, друга Гамелена и начальника оперативного отдела штаба главнокомандующего. Прео был категорически не согласен с выводами Гоша и не удосужился даже проверить данные, на которых эти выводы основывались.

Сами французские генералы были склонны игнорировать или отклонять заключения их офицеров разведки. Когда генералу Вейгану представили отчет о моторизованной войне, которая предполагала обновление военной машины Франции, он набросал на полях документа (который, между прочим, был подготовлен Шарлем де Голлем): «То, что Вы написали, глубоко заинтересовало меня, но я не согласен». Это было концом обсуждения вопроса.

Точно так же Второе бюро отличалось от старших

французских наблюдателей во мнении относительно хода и оценок уроков Польской кампании. Но генерал Гамелен был настолько далек от разведки, что не нашел времени даже пролистать польское досье Второго бюро.

В штате Второго бюро было множество офицеров, которые навязывали его руководству свое мнение в силу того, что они, как оказалось, были друзьями или протеже генералов. По тому же принципу назначались и военные атташе, и Второе бюро вынуждено было зависеть от них по почти всем вопросам касательно разведки. В последние годы перед Второй мировой войной полковник Дидле — который, как и его адъютант, и его предшественник на этом посту, не владел немецким языком — тем не менее был назначен военным атташе Франции на решающем направлении — в Берлин. Дидле получил это назначение, поскольку был одним из протеже Вейгана. В Берлине он жил беззаботно, не задумываясь о будущем. Отчеты посылал в Венсен (район Парижа), и ныне они воспринимаются как детские сказки. Он так ничего и не выяснил ни о фактической численности германской армии, ни о военной доктрине, ни о тактике, ни об истинном назначении немецких бронетанковых соединений, то есть именно тех соединений, которые вскоре сыграют доминирующую роль в сокрушении Франции.

И Второе бюро увязло в своих традициях. Несмотря на таких его сотрудников, как Гоше и Бар иль, организация эта не соответствовала требованиям времени и была неэффективна. Просчеты Второго бюро простирались от малозначимых тактических упущений до фундаментальных стратегических ошибок. На карте Генерального штаба, выпущенной картографическим отделением, немецкий город Ахен (Aix-la-Chapelle) располагался на территории Бельгии. Главная железнодорожная линия Гамбург — Берлин была отмечена как неспособная к интенсивному движению. Периодические резюме разведки содержали фундаментальные фактические ошибки и совершенно неверные суждения, что не могло в будущем не возыметь серьезных последствий. Историк Марк Блок, служивший офицером разведки во время Второй мировой войны, утверждает, что грубые ошибки в резюме разведки отчасти были причиной катастрофического поражения Франции в 1940 году.

Именно дело разведки, писал Блок впоследствии, предусматривать потребности и заранее представлять необходимые факты. Достоверные сведения должны быть доступны всем, кому требуется. Но вместо этого разведка едва ли выходила за тесные границы, предписанные ей традициями, которым понятие моторизованной войны было неведомо.

В отношении Франции можно без обиняков заявить, что разведывательная служба страны и сама отражала царивший в стране беспорядок и вдобавок способствовала усугублению этого хаоса.

Англия в этом смысле выглядела чуть лучше.

Любому, кто не имеет отношения к спецслужбам, британская секретная служба представляется таинственной, едва ли не фантастической организацией. Британское правительство с упорством, достойным лучшего применения, не опровергало, но и не подтверждало существования разведки либо обвиняло ее во всех смертных грехах, требуя одних только успехов. Сам девиз секретной службы: «Ничего не объяснять, ни за что не извиняться». Все нападки на секретную службу безмолвно проглатывались, виновников не было, однако уж самые нелепые претензии или обвинения все же изредка удостаивались опровержений.

Тайна, которой Великобритания как броней окружила свою секретную службу, отчасти диктовалась осмотрительностью, отчасти просто причудой; в большей степени как раз последним. Это был романтичный маскарад, адресованный британцам, грандиозное шоу шпионажа, которое в 1939 году, накануне Второй мировой войны, представлялось анахронизмом и даже ребячеством.

Рост раздражения этим тайным орудием правительства его величества побудил членов парламента нарушить священную традицию и перейти к открытому обсуждению очевидной деградации секретной службы.

В палате общин Джеффри Мендер оплакал «частое поразительное незнание британским правительством событий за границей». Лис-Смит потребовал убрать секретную службу из-под эгиды министерства иностранных дел, поскольку ее традиции и методы «не соответствуют тем, которые мы вынуждены будем использовать в борьбе с нацистским режимом».

Самый откровенный и красноречивый, как обычно, Уинстон Черчилль, Кассандра тех дней, озвучил самую что ни на есть нелицеприятную критику секретной службы. 13 апреля 1939 года, в связи с оккупацией Гитлером Чехословакии, он заявил: «После 25-летнего опыта в мирное и военное время я полагаю, что британская Интеллидженс сервис является самой прекрасной службой в мире. И все же мы убедились в том, что и в случае оккупации Богемии, и в случае вторжения в Албанию у министров короны не было, по-видимому, подозрений и уж точно убежденности в том, что должно было произойти».

Стагнация секретной службы была очевидна и в стране, и за

ее пределами. Наиболее сильно это отразилось на министерстве иностранных дел и автоматически — на британской дипломатии того периода. Члены секретной службы переняли заплесневелые викторианские манеры британских дипломатов и их склонность и к этикету, и к интригам. Политическая разведка стала инструментом, которым злоупотребляли главы отделов, постоянные официальные лица среднего уровня. Анархия царила повсюду, а традиционная секретность покрывала не только конфиденциальные операции, но заодно и анархию.

Во время войны Великобритания опомнилась и стала привлекать в разведку интеллектуалов из самой Британии и стран Содружества. Выдающиеся писатели, такие как Сомерсет Моэм и Маккензи; ученые — Эвинг, Хогарт и Лоуренс; блестящие политики вроде Уилсона и Кокса стали служить специалистами в разведке в наиболее знакомых им областях.

Но в относительно безмятежные дни мира британская разведка возвращается к «корпусу» — горстке пожизненных профессионалов. Некоторые из этих людей проявляют себя как великолепные специалисты, хорошо обученные в легендарном «черном замке», в котором предположительно размещался колледж имперского Генерального штаба по подготовке агентуры, но, как правило, это были люди с долей здравого смысла и воображения. Они до дыр зачитывали учебники. Им была не чужда и способность размышлять, причем даже в духе Фальстафа: «Молитесь, чтобы армии наши встретились в не слишком жаркий день, потому что, клянусь Господом, я беру с собой только две рубашки и вовсе не желаю слишком сильно потеть».

И потом, все упиралось в деньги. В чрезвычайных ситуациях Великобритания может быть щедрой, но в мирное время она, как правило, скаредна.

Накануне Первой мировой войны секретная служба его величества получила скупое ассигнование приблизительно в 47 000 фунтов, по сравнению с 70 000 фунтами, которые Кромвель выделил Джону Терло в середине XVII века, когда к тому же покупательная способность фунта была намного выше.

Результат этого возымел катастрофические последствия. Министерство иностранных дел было вынуждено ликвидировать департамент политической разведки, распустить лучшие кадры. К 1938 году бюджет на службу был увеличен — 450 000 фунтов. Но большая часть его должна была быть потрачена на борьбу с иностранными агентами, роящимися на всей территории Британских островов и империи. Только в период чехословацкого кризиса министерство иностранных дел внезапно решило восстановить департамент политической разведки (сокращенно

P.I.D. или, в разговорной речи, Pids) и назначило блестящего профессионального дипломата, Рекса Дилера, ее руководителем. Фактически этот отдел не начинал работу до 10 сентября 1939 года, то есть неделю спустя после внезапного начала войны. Липер расположил его в Уоберне, в имении герцога Бедфордского — разведывательная служба, как отметил Брюс Локкарт, оказалась в 50 милях от центра разведки.

Возрождение Pids усугубило анархию, поскольку это еще усложнило комплекс секретной службы. С одной стороны, Липер, несмотря на его компетентность, не стал во главе секретной службы. На самом деле его собственный отдел едва ли вообще мог считаться секретным. Фактический руководитель этого лабиринта служб был скрыт где-то в глубинах и плотно прикрыт, ибо так было удобнее, поскольку гордиться ему было нечем и вопить тоже не о чем.

Анархия и хаос не ограничивались Лондоном; за его пределами все могло обстоять намного хуже.

Практикой секретных служб всегда было насыщение проблемных участков сетями своих сотрудников, проходивших длительную предварительную подготовку; часть таких сетей могут так и никогда не использоваться. Их цель — подстраховка на случай возникновения критических ситуаций, когда они смогут предоставить любые необходимые сведения.

Что до их урезанных ассигнований и глобальных обязательств, то британцы ограничивались созданием и поддержанием в рабочем состоянии остова, скелета сети; несмотря на это, и у министерства иностранных дел, и у управления военного министерства и разведки имелись собственные сотрудники в Германии. Это были вполне полноценные, полностью занятые, компетентные, обученные агенты в самом буквальном смысле слова, действующие согласно заранее разработанным планам и на долгосрочной основе, в достаточной степени не зависимые от особых, временных осведомителей и ассистентов добровольных помощников (волонтеров).

Их присутствие было очевидно; время от времени СД Рейнхарда Гейдриха и другим органам германской контрразведки удавалось изловить британских шпионов с поличным. В 1938–1939 годах они вынесли 23 приговора самым настоящим шпионам, все из которых были гражданами рейха. Среди них было несколько довольно незначительных агентов, работавших, к примеру, осмотрщиками на железных дорогах или же занимавших должности в аэропортах, казармах, железнодорожных станциях и т. и.

Эти люди выполняли указания либо атташе берлинского посольства Великобритании, или же британских консулов на территории рейха, но в основном они подчинялись так называемой Континентальной секретной службе. В упомянутой службе никогда не считалось необходимостью иметь свою штаб-квартиру в Германии или любой другой стране, являвшейся объектом шпионажа. На практике предпочитали скорее учредить некий центральный штаб под более-менее благовидным прикрытием в соседней дружественной стране, которая, как и ожидалось, будет соблюдать нейтралитет.

До середины лета 1938 года главная база на Европейском континенте оставалась в Вене. Она функционировала под вывеской Британской паспортной службы, традиционно зависевшей от секретной службы. Заведовал ею капитан Томас Кендрик, один из самым многообещающих офицеров британской секретной службы.

Позиции Кендрика здорово пошатнулись, когда в марте 1938 года немцы присоединили к рейху Австрию, заняли Вену и вовсю занялись розыском шпионов. Уже очень скоро они вышли на Кендрика, который был арестован по обвинению в шпионаже. Министерство иностранных дел затеяло обычный ритуал заявлений протеста, но все, что на самом деле желали англичане, — так это вытащить Кендрика из тюрьмы и вернуть его в Лондон. 22 августа он был выслан из Вены. И хотя Кендрик был отнюдь не самым худшим из сотрудников, его сеть, разумеется, развалилась как карточный домик.

После этого центр британских шпионских операций против Германии перебрался в Копенгаген, но в ноябре 1938 года и это изменение потерпело серьезную неудачу. Датчане, взволнованные ростом интенсивности шпионских операций иностранных государств на их территории, организовали самую настоящую и тщательно продуманную охоту на шпионов, и некий Вальдемар Пётш попался в сети датчан. В тот период все агенты, как само собой разумеющееся, считались германскими, но в ходе допроса Пётша выяснились сенсационные факты о том, что он, оказывается, работал на британцев. Датчане ужасно стеснялись вмешиваться в операции английских агентов, но, так как его арест стал всеобщим достоянием, предстояло его «припрятать». Судебное разбирательство по делу Пётша проходило за закрытыми дверями, однако немцы сумели раздобыть соответствующее признание Пётша, и, таким образом, в рейхе выяснилось довольно много об управлении и осуществлении операций Континентальной секретной службы.

Дополнительный компромат немцы получили из еще одного

датского источника, от полиции, располагавшей специальным отделом контрразведки. Секции III-F тер-майской военной разведки удалось инфильтровать в этот отдел и включить в список агентуры заместителя начальника полиции. Из этого источника немцы получили точную информацию об операциях Континентальной секретной службы не только в Дании, но и во всей Скандинавии.

После провала Пётша Континентальная секретная служба переместила штаб-квартиру в Гаагу. Здешнее управление возглавлял бессменный профессионал шпионажа Генри Ричард Стивенс. Он был майором британской армии и проходил в свое время подготовку в «черном замке». Стивенс руководил солидной организацией, поделенной на более или менее самостоятельные отделы. Существовали политические и экономические отделы, отдел контрразведки, военные и военно-морские отделы, у каждого был свой руководитель, обладавший значительной автономией. Военный отдел находился под руководством, как предполагается, офицера в отставке британской армии, капитана Пейтона Зигмунда Беста, который впервые появился в Голландии еще в Первую мировую войну.

Бест отвечал за сеть агентов в Германии. Они поставляли ему самую разнообразную военную информацию, которая только попадала к ним. Его главным связником с этой сетью был нервный и экспансивный «беженец», называвший себя доктором Францем. Именно доктор Франц и поставлял подлинные сведения о стремительном развитии люфтваффе. Бест очень тщательно скрывал свою принадлежность к шпионам и до внезапного начала боевых действий дистанцировался от других своих коллег по профессии.

Голландское зарубежное отделение было в своем роде уникальным. Великолепные результаты его работы в предвоенные годы достигались в основном за счет эффективности отдела разведки армии Нидерландов при генерале ван Оршоте, с которым сотрудничали британцы, и еще компетентности одного холостяка, голландского военного атташе в Берлине. Атташе был скромным полковником армии Нидерландов с приятными манерами и вкрадчивым голосом по имени Ян Г. Сас. Сас был выдающейся фигурой в мрачном мире шпионажа.

Сас имел многих близких друзей в вермахте, и в особенности полковника Ганса Остера, начальника штаба абвера, решительного и энергичного человека, антифашиста по убеждениям. Остер был по своей природе довольно подозрителен, но к Сасу относился вполне лояльно. Он в своих разговорах откровенничал с ним едва ли не больше, чем со своими

немецкими соратниками и единомышленниками. Эти двое полковников встречались в доме Остера в Целендорфе (район Берлина на юго-западе города) обычно по вечерам. Во время упомянутых встреч Остер снабжал полковника Саса всей информацией, к которой имел доступ, и часть этого материала в конечном итоге уходила в Лондон.

Великобритания располагала и еще одним зарубежным отделением — в Берне, Швейцария, но до вторжения в Голландию в 1940 году его деятельность носила скорее формальный характер.

Возможности британских зарубежных служб в сильной степени тормозились моральным старением бездействующей сети. Большая часть ее существовала уже не один год, если не одно десятилетие, и ее участники деградировали как разведчики. Другой недостаток коренился в сотрудниках, которые, как предполагалось, должны были заниматься всем сразу.

Одна из неудач Великобритании состояла в том, что британский посол в Берлине испытывал непреодолимую неприязнь к шпионажу (вероятно, он считал его помехой проводимой им политики умиротворения) и его предвзятые понятия не позволяли объективно оценить даже самую достоверную информацию, если она противоречила его личным воззрениям. Британским послом в Берлине был сэр Невилл Хендерсон, довольно негибкий человек, хотя и профессиональный дипломат, неспособный осмыслить интриги и мелочные придирки идущей вразрез с общепринятыми нормами нацистской дипломатии. Шпионаж не был областью Невилла Хендерсона. Шпионажем отчасти занимался анонимный сотрудник секретной службы и отчасти атташе, но и они, увы, не могли не попасть под чары этого достойного лишь брезгливого сочувствия посла.

Таким образом, 15 февраля 1939 года, ровно за месяц до германской оккупации Чехии и Моравии, полковник авиации Дж. Л. Уэчелл, британский военно-воздушный атташе в Берлине, сообщил в Лондон: «Думаю, маловероятно, что Германия предпримет военную операцию в ближайшие 2–3 месяца». А 28 февраля 1939 года, когда немецкие войска уже приступили к стратегическому развертыванию, готовясь войти в Чехословакию, полковник Франк Мэйсон-Макфарлейн, военный атташе, ответил на вопросы таким образом, что ни один профессиональный аналитик ничего бы не понял: «Немецкая армия проходит через фазу эволюции, когда все, обычно считающееся ненормальным, на самом деле вполне нормально… Немалая сложность — даже для квалифицированного наблюдателя — состоит в том, чтобы определить, когда же «нормальная ненормальность» объединится

в нечто более значительное. На данный момент [за 15 дней до марша на Прагу] я не располагаю никакой достоверной информацией, которая указывала бы на начало любой формы мобилизации, и не могу ничего добавить к сказанному».

С поступлением подобной «информации» едва ли может показаться удивительным, что оценочная деятельность этих лондонских пентюхов была намного хуже, чем бесполезной.

15 августа 1939 года приготовления немцев были практически завершены, и даже была выбрана предварительная дата — 26 августа — начала военных действий против Польши.

Тем не менее в тот же день в конфиденциальном письме министр иностранных дел лорд Галифакс продолжал настаивать: «У меня такое впечатление, что герр Гитлер все еще проявляет неуверенность, стремясь избежать войны, и нам следовало бы удержать его от этого, но так, чтобы при этом он не потерял лица».

Глава 5
Троянские кони

На рассвете первого дня войны полковник Пикенброк предоставил вермахту обширнейшую информацию касательно начала войны Германией, самые что ни на есть достоверные сведения, располагаемые абвером; и все же, даже несмотря на изобилие цифр и фактов, информированность Гитлера о его противниках нельзя было считать исчерпывающей, более того — она оставалась крайне недостаточной. Сияющие в лучах самовосхваления, самоуверенные и избалованные германские спецслужбы тоже имели свою ахиллесову пяту — политическую разведку, которая играла важную роль.

В первую очередь эту функцию должно было выполнять внешнеполитическое ведомство, то есть министерство иностранных дел, но ее прибрала к рукам вотчина Гейдриха и еще два квазиофициальных агентства: личное бюро министра иностранных дел Риббентропа (печально известное «Бюро Риббентропа») и Внешнеполитическое бюро, или Aussenpolitisches Amt, «дипломатическая лапа» нацистской партии, направляемая каким-то труднопостижимым образом именно Альфредом Розенбергом, мистиком-теоретиком НСДАП и несостоявшимся дипломатом.

Эти агентства соперничали друг с другом в безумной схватке за дипломатическую информацию. В своих попытках создания отдельных собственных сетей и ненасытной состязательности они заживо поедали друг друга. В результате Гитлер получал огромное количество касавшихся политики сведений, качество которых никак не соответствовало их количеству.

С самого начала воцарения нацистского режима в Германии институт политической разведки всячески поощрялся. То, как создавалась и развивалась шпионская сеть в Англии, было описано в откровенном отчете Розенберга фюреру. «Усилия, — писал он, — отыскать людей в Англии, которые тяготели бы к германской идее, относятся к 1929 году. Наш английский агент Р. в Берлине устроил мою первую поездку в Лондон еще в 1931 году. Там было установлено достаточно контактов, вполне осуществимых и на практическом уровне и способствующих англо-германскому взаимопониманию».

Если верить отчету Розенберга (а ему, по-видимому, верить можно и нужно, поскольку обвинители от Великобритании на Нюрнбергском процессе привели его в качестве доказательства),

становится ясно, что его организация достаточно успешно создавала невиданную доселе сеть искренних друзей рейха в Великобритании — дезинформированных простофиль и наемных шпионов. «Самый видной фигурой из всех, — утверждал Розенберг, — был полковник авиации В., член Генерального штаба Королевских ВВС, человек, твердо убежденный в том, что Германия в союзе с Англией должны выступить единым фронтом против большевистской угрозы. Если мы внедрим эту идею в общественное сознание, — писал дальше Розенберг, — то расширим круг наших доверенных лиц в Генеральном штабе Королевских ВВС. Кроме того, центром англо-германского сотрудничества стал Королевский аэроклуб. В 1934 году полковник авиации В. приехал в Германию и был принят фюрером».

Сеть Розенберга также включала секретаря премьер-министра Рамсея Макдональда; консультанта военного министерства капитана Маккоу (одного из адъютантов лорда Китченера); адъютанта герцога Коннахтского (Коннаутского); некоего Арчибальда Бойля, которого Розенберг описал как «консультанта министерства ВВС»; и «большое количество других лиц» среди британских политиков, служащих и членов британского парламента. Его влияние простиралось даже до королевской семьи. По крайней мере, однажды Розенберг удостоился конфиденциального приема у герцога Кентского, который по своей инициативе пообещал в выгодном свете представить Германию своему брату, королю Англии.

Проявление понимания и готовность к конкретному сотрудничеству со стороны такого количества видных британцев ослепляли дипломатов-дилетантов, каковыми и были как Риббентроп, так и Розенберг, лишая их способности трезво оценивать реальные факты. Оба считали этих британцев невзыскательными авантюристами, то есть людьми того же типа, что и сами, фигурками обширного заговора, участники которого предпочли «Mein Kampf» Великой хартии вольностей. Верно, часть этих британцев были людьми неумными или просто наивными, этого никто отрицать не собирается, но вот только предателями они не были.

Наутро после оккупации Чехословакии многие сочувствовавшие Гитлеру страдали ужасным похмельем с горьким привкусом лжесвидетельства фюрера. За ту ночь нацисты растеряли фактически всех своих знаменитых английских друзей, и все же ни Риббентроп, ни Розенберг этого так и не осознали.

Оценка ситуации, подготовленная для Гитлера министерством иностранных дел и бюро Розенберга, была

подробной и недвусмысленной. В ней безоговорочно утверждалось, что Великобритания лжет и блефует и что Гитлеру опасаться ее вмешательства нечего. Эта оценка была изложена в письменной форме Риббентропом: «Англия никогда не посмеет выступить против фюрера, иначе она будет разгромлена, как и Польша, и, таким образом, утратит свое имперское величие, если же рискнет ввязаться Франция, то истечет кровью у Западного вала».

Чтобы Гитлер вдруг, не дай бог, изменил свои намерения, Риббентроп строго-настрого запретил представлять фюреру все материалы, идущие вразрез с его, Риббентропа, точкой зрения. Он дошел даже до того, что выпустил директиву следующего содержания: «Если я замечу, что какое бы то ни было официальное лицо выразит иное толкование, то лично расстреляю его у него же в кабинете, а ответственность возьму на себя…»

Едва ли приходится удивляться тому, что очень многие представители германской дипломатической службы, которые хоть чуточку опасались за свои головы, принялись торопливо переписывать свои собственные оценки обстановки — так что вполне дезинформированный Гитлер, вступая в войну с Польшей, пребывал в непоколебимой уверенности в собственной безнаказанности.

Но пока нацисты наивно полагали, что сумели запустить в цитадель к британцам образцовых троянских коней, аналогичные коняги имели все возможности бить копытами в их собственном лагере. Надо признать, что британцы проворонили эту неоценимую возможность. Для них в Германии существовало воистину «Эльдорадо» потенциального шпионажа, причем не где-нибудь, а в высших сферах Третьего рейха. Речь идет о весьма пестрой группе профессионалов в различных областях, религиозных лидерах, высокопоставленных служащих, членах высших сословий с вкраплениями кое-где социал-демократов. Все упомянутые люди были настроены крайне антинацистски и отличались прозападным мышлением.

К ним можно по праву причислить отважного и неоценимого Остера, Ульриха фон Хасселя, экс-посла Германии в Италии, ставшего дипломатическим консультантом этой тайной оппозиции, генерала Людвига Бека, уволенного с должности начальника германского Генерального штаба, Карла Фридриха Герделера, бывшего бургомистра Лейпцига, и еще многих других, например, генералов Вицлебена, Фалькенхаузена и Томаса, официальных лиц в различных министерских отделах: Донаньи, Мольтке и Попица, и все они пребывали в чудовищном

недоумении и раздражении оттого, что их враждебность и непримиримость к Гитлеру по совершенно непонятным причинам игнорируется британцами.

Среди представителей молодого поколения немецких диссидентов выделялся юрист Фердинанд фон Шлабрендорф. Еще со студенческих дней в Галле он боролся с нацистами. В 1928 году он однажды на одной из их встреч рискнул вмешаться в пламенную речь нацистского оратора, после чего был избит штурмовиками.

У Шлабрендорфа существовали исторические семейные связи с Англией. Он был потомком барона Кристиана Фридриха фон Штокмара, англо-бельгийского государственного деятеля, наставника королевы Виктории и устроителем ее брака с принцем Альбертом. Поэтому антинацистское подполье и решило избрать именно Шлабрендорфа, чтобы тот предупредил Великобританию о грозившей ей опасности. Его специально направили в Лондон донести эту жизненно важную секретную информацию до Уайтхолла[17]. Однако в Лондоне Шлабрендорф убедился, что обе стороны Даунинг-стрит для него закрыты. Это показалось ему более чем странным. В конце концов он все же добрался до лорда Ллойда, заметного политика консервативного толка, но не входившего в кабинет Невилла Чемберлена, и до Уинстона Черчилля. Шлабрендорфа принял в Чаруэлле тот, кого по праву считали голосом Великобритании, но у кого в тот период не было ни властных полномочий, ни ответственности.

Шлабрендорф чувствовал себя не в своей тарелке, стремясь довести цель своей миссии в Великобританию до Черчилля. В конце концов, Шлабрендорф был немцем, но не англичанином, и выходило так, что он, по сути, предавал правительство своей страны. На встрече с Черчиллем в его идиллическом загородном доме он начал беседу со слов: «Сэр, я хочу, чтобы вы поняли, что я не нацист. Я — патриот». Широкая улыбка осветила ангелоподобное лицо Черчилля, и тот ответил: «Я тоже».

Как позже вспоминал Шлабрендорф, он заявил Черчиллю, что «внезапное начало войны неизбежно» и что начнется она нападением на Польшу, и не важно, какие усилия должны быть предприняты для ликвидации кризиса.

«Более того, — продолжал посланник оппозиции Германии, — я порекомендовал ему, что сближение сейчас Англии и России было бы весьма уместным, ибо Гитлер, заключив договор со Сталиным, может гарантировать себе спокойствие в тылу».

Но Черчилль ровным счетом ничего не мог предпринять, заполучив подобную информацию. Миссия Шлабрендорфа

провалилась.

Но стоило войне на самом деле начаться, как Уайтхолл в конце концов встряхнулся, решив использовать беспрецедентные возможности, которыми столь длительное время пренебрегал. Остер окольным способом через голландцев из самого сердца абвера предоставлял весьма важную информацию, а Лондон даже не предпринял реальной попытки установить надлежащую связь между своими разведывательными службами и важнейшим источником, организованным Остером и некоторыми его коллегами и друзьями. Теперь Стивенс и Бест в Голландии получили наставления установить контакт с немецким антинацистским подпольем. А немцы-антифашисты, до сих пор игнорируемые Великобританией, теперь стали играть важную роль в стратегических расчетах правительства Чемберлена. Уайтхолл полагал, что угроза войны, столь решительно отклоняемой германскими оппозиционерами, позволит им отстранить Гитлера от власти и покончить с войной еще до ее начала.

Сам Чемберлен через оппозиционеров адресовал примирительное заявление к немцам, пытаясь убедить их, что Великобритания не возложит на них ответственность за деяния Гитлера, если тот окажется ими свергнут. План этот зашел так далеко, что даже был назначен день начала его практического осуществления. Заговорщики должны были поднять восстание в Германии в начале ноября 1939 года, ликвидировать Гитлера, свергнуть его режим и заключить мир с Западом. Существовало несколько вариантов плана заманить фюрера в засаду, и в принципе вроде не было помех, чтобы покончить с войной уже к Рождеству.

Увы, Великобритания и немецкие заговорщики были теперь уже не одни. Как раз тогда, когда Великобритания решилась наконец иметь дело непосредственно с заговорщиками, на заднем плане возникла зловещая тень Рейнхарда Гейдриха. Он был в общих чертах информирован о планах оппозиционеров, но на данном этапе не располагал всеми деталями, необходимыми для нанесения решительного удара. Да и с пропагандистской точки зрения тоже было не совсем уместным выставить на всеобщее обозрение столь высокопоставленных оппозиционеров и тем самым развеять миф о монолитном германском единстве.

Гейдрих поэтому решил нанести удар по заговору косвенно, избрав целью британскую секретную службу, которая этот заговор спонсировала. О существовании организации Беста и характере британских операций в Голландии Гейдриху было известно во всех деталях еще годом ранее после признаний Вальдемара

Пётша в Дании.

Немцы располагали и дополнительной информацией о Стивенсе и Пётше из неожиданного источника: от Ричарда Протце, выдающегося экс-главы III отдела абвера. Протце было уже под семьдесят, когда адмирал Канарис решил отправить его на покой, но уговорил его обосноваться в Голландии и коротать жизнь на свою пенсию там, между делом шпионя за британскими агентами. Таким образом, в 1938 году «Дядя Рихард» перебрался в Вассенар, к северу от Гааги, якобы представляя там немецкие государственные железные дороги.

Как-то летом 1939 года «Дядя Рихард», выглянув из окна своей виллы, увидел на улице незнакомого ему человека. Когда он в течение нескольких следующих дней увидел его несколько раз снова, то решил пригласить его зайти. Этот непонятный тип оказался голландцем по имени Вальбах. Он доверительно сообщил Протце, что, мол, да, он действительно британский агент, работающий на Стивенса и Беста. Вальбах оказался полноватым мужчиной с крупной головой и проницательным взглядом. Судя по всему, он желал кому-то продаться.

«Сколько вам платят британцы? — поинтересовался Протце, и, когда Вальбах признался, что 700 гульденов в месяц, немец сделал ему предложение: — Я заплачу вам еще 800 в дополнение к тому, что вы получаете от них. Ваша работа будет состоять в том, чтобы держать меня в курсе о британской секретной службе здесь, в Голландии».

Вскоре Вальбах назвал Стивенса как главу Континентальной секретной службы, а Беста — руководителем военной разведки. Вальбах поставлял сведения регулярно и аккуратно, и Канарис объявил обо всем сотрудникам абвера: «Думаю, «Дядя Рихард» пробрался в британскую секретную службу. Он шлет мне потрясающие отчеты из тех мест». Среди контактов Беста был робкий, небольшого роста немец, представившийся доктором Францем и беженцем из рейха. Бест вначале не очень-то доверял этому доктору Францу уже хотя бы потому, что тот был подозрительно словоохотлив, но та уйма информации, которую доктор дал о вермахте, оказалась верной.

В начале сентября Франц, который до тех пор имел дело с Бестом через посредника, потребовал личной встречи с капитаном. Дескать, у него кое-какая важная информация и он должен передать ее только боссу на руки. Вопреки обычной практике и даже вопреки собственной натуре, Бест согласился на эту встречу. Франц пояснил, что эта весьма ценная информация, которую он желает передать секретной службе, исходит от майора люфтваффе Золмса, члена антинацистского подполья.

Теперь Золмс располагает сведениями об определенных событиях, которые могли бы привести к свержению Гитлера, но он отказался доверить их доктору Францу. Он поручил ему организовать личную встречу с капитаном Бестом.

Бест предложил Золмсу прибыть в Амстердам или Гаагу. Золмс ответил через Франца, что не может ездить так далеко. Тогда была достигнута договоренность о встрече в Венло, небольшом городе на нидерландско-германской границе.

Золмс оказался дородным, уверенным в себе, вспыльчивым баварцем, который и изъяснялся столь же солидно, как и выглядел. Вскоре выяснилось, что он — мальчик на побегушках, не более того. Вторая встреча была назначена на следующей неделе, и снова в Венло. На этот раз майор вел себя спокойнее и не был столь хвастлив. Он вполне вразумительно изложил суть своей миссии: мол, для осуществления столь дерзновенного плана он остро нуждается в поддержке британцев. Во главе заговора стоит некий генерал — имя он пока назвать не может, — однако цель его ясна: свержение Гитлера. Бест очень осторожно попытался выяснить, правду ли говорил этот Золмс. И задал ему несколько чисто технических вопросов, и, когда Золмс дал на них вполне резонные ответы, Бест был удовлетворен, что с этим человеком все в порядке. Больше никаких «проверочных работ» в отношении Золмса или доктора Франца не предпринималось. Обоим решили поверить.

В ходе второй встречи был разработан шифр, на котором Золмс будет связываться с Бестом через Франца, обсудили также и места будущих почтовых ящиков в Нидерландах. Несколько дней спустя Франц сообщил Бесту, что ему позвонил по телефону еще один офицер из Германии и шифром сообщил, что Бесту выслано письмо, но только чтобы вручить ему лично для прочтения, а потом снова забрать. Письмо прибыло, Бест ознакомился с его содержанием. Анонимный автор докладывал Бесту, что таинственный лидер заговора, «генерал», был готов встретиться с Бестом лично, при условии, что Бест сможет его убедить в том, что он на самом деле британский агент высокого ранга. К письму также прилагался текст новостей, который должен был быть передан в эфир через немецкую службу Би-би-си. Сообщение это передали дважды 11 октября 1939 года.

Золмс исчез со сцены, мотивируя это тем, что, дескать, на его след напало гестапо. Так что «генерал» будет обсуждать все лично. Поскольку заговор постепенно охватывал и представителей командных кругов, Бест подумал привлечь к работе майора Стивенса. С ходом событий решили ознакомить и генерала ван Оршота, шефа голландской военной разведки,

который поручил молодому голландскому офицеру разведки, лейтенанту Дирку Клопу, действовать в статусе его офицера связи.

Наконец Франц сказал Бесту, что «генерал» готов к встрече с ним. Рандеву было назначено на 10:00 19 октября, на этот раз в небольшом пограничном городке Динксперло.

Немцы прибыли в полдень, то есть с двухчасовым опозданием. В группе никакого генерала не было, только двое офицеров лет тридцати или чуть больше, представившихся как лейтенант Зейдлиц и лейтенант Грош. Франц поручился за них. Бест предложил пройти к одиноко стоящему придорожному кафе пообедать. Когда сели за стол, возникла какая-то непонятная напряженность, в особенности взвинченным показался Франц.

Компания привлекала внимание — наихудшее, что может произойти во время конфиденциальной встречи. Бест подумал, а не лучше бы доехать до Арнема, у него там у друга ресторанчик, можно усесться в отдельном кабинете и обо всем нормально поговорить. Надо сказать, что вообще эта встреча представляла собой сплошное нарушение конспирации и агентурных правил. Так как все обставил Бест, это свидетельствовало о его низком профессионализме. Теперь казалось, что все мероприятие обречено закончиться, толком не начавшись.

Компания привлекла внимание и голландского солдата, тот немедля вызвал полицию и сообщил полицейским, что у группы немецких шпионов была встреча, сначала в кафе, а затем в одном доме в Арнеме, где он их и выследил. Полиция окружила дом, ворвалась и потребовала объяснений. Клоп объяснил все полицейским, и они ушли, но все равно продолжать встречу было уже просто нельзя из соображений безопасности. Во время эпизода с полицией эти двое немцев жутко перепугались и даже попытались бежать через окно. Низенький доктор Франц, казалось, готов был хлопнуться в обморок. Однако, судя по всему, ничто не возбудило подозрений Беста.

Вообще-то все эти треволнения были излишними. Оба немца никаких сведений не предоставили. Они были просто уполномочены назначить другую встречу, использовав пресловутого вымышленного «генерала» в качестве наживки. Бест согласился, и следующая встреча была назначена на 25 октября, затем отложена до 30 октября. В тот день один только Клоп явился в Динксперло с инструкцией доставить немцев в Гаагу.

«Генерала» в группе по-прежнему не было, но на сей раз прибыло трое офицеров вместо двоих. Зейдлиц не появился, но Грош присутствовал вместе с еще одним субъектом, назвавшимся полковником Мартини, и майором Шемме-лем, который был, по-

видимому, старшим группы. Это был коренастый молодой человек, лет около тридцати, его полудетское лицо покрывали полученные на дуэлях шрамы, так что из-за столь ярко выраженных особых примет он явно для секретных миссий не подходил — уж очень был приметен. Шеммель, хотя и смахивал на человека недалекого, оказался исключительно хорошо осведомлен, и вообще проявил решительность и способность держать ситуацию под контролем.

Шеммель представил ясную и лаконичную картину обстановки в Германии и заявил Бесту, что от имени «генерала» он мог бы гарантировать конец войне, при условии готовности британцев гарантировать Германии достойный мир. Стивенс и Бест уклончиво ответили Шеммелю, сославшись на ожидание соответствующих указаний из Лондона.

Бест передал немцам секретную радиоустановку для упрощения связи. Немцы передали по радио сообщения в центр связи британской разведки в Лондоне, где они были получены двумя радиооператорами, назвавшимися Инменом и Уолшем. Из Лондона сообщения были переданы Бесту.

Бест и Стивенс получили из Лондона инструкции «энергично добиваться решения вопроса» и обращаться с немцами с пониманием, но и в то же время не пренебрегая осторожностью, чтобы в случае провала помочь сохранить лицо правительству его величества. Еще одна встреча в подобном же духе была проведена в Венло 7 ноября (никакого «генерала» и там не было), а потом еще одна, состоявшаяся 9 ноября. Именно ей отводилась роль решающей.

Утро того дня выдалось ненастным и холодным, в осеннем воздухе висел дождь. Погода поубавила энтузиазм Беста, и ему было не по себе и оттого, что вот уже несколько дней за ним ходил по пятам какой-то неприятного вида, физически крепкий субъект, впрочем, Бест не связывал это с заговором.

В 10 часов он зашел домой к Стивенсу и убедился, что и его коллега тоже не в своей тарелке. Майор, подойдя к комоду, извлек оттуда два автоматических браунинга, зарядил их, один дал Бесту, а другой положил к себе в карман. Пока они дожидались Клопа, немцы связались с ними по радио напрямую, а не через Лондон. Бест уже стал подумывать, что речь пойдет в очередной раз об отмене предстоящей встречи, но это оказался обычный запрос об изменении времени радиосеанса. И Бест пришел к заключению, что все в порядке.

Прибыл Клоп, и вместе с водителем Беста, голландцем Яном Лемменсом, все неторопливо направились к Венло. Когда они ехали, разговор зашел о возможности вторжения, и Стивенс вдруг

повел себя более чем странно, в особенности если принять во внимание характер данной встречи — взял карандаш и листок бумаги и кратко записал список контактов, с которыми он должен будет выехать из Голландии в случае вторжения. Был ли этот список при нем в кульминационный момент или же нет, об этом мог сказать лишь сам Стивенс. Бест надеялся, что Стивенс все же успел уничтожить его.

В начале пятого вечера группа прибыла к месту встречи. Это было кафе «Бахус», здание из красного кирпича, всего в 200 метрах от границы. Никого не было видно, но Бест заметил, и это было впервые на его памяти, что пограничный шлагбаум на немецкой стороне поднят.

На веранде второго этажа «Бахуса» Бест заметил майора Шеммеля и увидел, как тот махнул кому-то рукой.

Он подумал, что майор подзывает его подъехать поближе к кафе, но, как только он остановился, тут же услышал звук выстрела и крики. К кафе ринулся большой зеленый открытый автомобиль и остановился, врезавшись в бампер автомобиля Беста. Машина была битком набита какими-то незнакомыми людьми, двое из которых с автоматами в руках восседали на капоте.

Стивенс наклонился к нему и произнес: «Боюсь, нам конец, Бест!» В следующую секунду обоих британцев скрутили и защелкнули на них наручники. Довольно нелюбезно их доволокли до германской территории, а потом шлагбаум не спеша опустился.

Водителя, Яна Лемменса, вели последним, а вот Клопа не было видно. Выяснилось, что молодой офицер пытался бежать, но едва он исчез в кустах, как немец заметил его и дал очередь, смертельно ранив.

То, что Бест и Стивенс должны были заметить с самого начала, — это как неуклюже немцы играли свою роль — их «заговор» оказался примитивнейшей немецкой ловушкой. Идея ее созрела в изобретательном уме Гейдриха. Выполнение операции было возложено на восходящую звезду службы безопасности — 28-летнего Вальтера Шелленберга, холодно-расчетливого интеллектуала с массой талантов для работы в секретной службе.

Шелленберг и был «майором Шеммелем». «Я признаю, — позже писал Бест, — что это он обвел вокруг пальца нас со Стивенсом, когда мы встретились с ним в Голландии, но самое удивительное то, что этот человек был прекрасно осведомлен обо всем. Кроме того, у него просто конспирологический дар, как доказывают дальнейшие события, он никому не доверял и никому не доверился».

Гейдрих одержал весьма заметную победу, хотя и не сумел выйти на германскую оппозицию. Стивенс и Бест скорее лишь коснулись заговора и его истинных вдохновителей и предводителей и, соответственно, мало что могли рассказать на длительных допросах Шелленберга. Но они находились в сердцевине шпионской деятельности, направленной на Германию рулевыми британской шпионской сети в рейхе.

Инцидент выявил несоответствие британской секретной службы требованиям времени, некомпетентность ее ведущих специалистов. Наивность, по причине которой Стивенс и Бест угодили в западню Шелленберга, указывала на то, что они были отнюдь не идеальными кадрами для столь тонкой игры, а просто-напросто исчерпавшими ресурс авантюристами, годными разве что для ухода на покой.

Удар Шелленберга возымел далеко идущие последствия на отношение Уайтхолла к тайной войне, напрочь отбил охоту у разочарованной и озлобленной британской секретной службы когда-либо вновь связываться даже с самыми, казалось, надежными и ценными немцами, сулившими им немыслимые дары. Но в то же время эпизод на нидерландско-германской границе имел и благотворный эффект. Он привел пусть к запоздалой, но фундаментальной реорганизации британской разведслужбы.

Провал этот встряхнул британское самодовольство до самых оснований, но завершающим ударом был тот самый радиопередатчик, которым управлял Шелленберг. Когда Стивенс и Бест были надежно упрятаны в подвалы на Принц-Альбрехтштрассе, Шелленберг использовал радиоустановку для отправки последнего сообщения в Лондон. Оно гласило:

«Длительное, да и кратковременное общение с тщеславными и неумными людьми — дело невероятно скучное. И Вы поймете, почему мы решили бросить это занятие. Сердечные Вам приветствия от любимой Вами немецкой оппозиции.

Гестапо».

В Лондоне сообщение было надлежащим образом записано британским оператором, который принял его с вежливым «Спасибо» и, как обычно, добавил свое имя — Уолш.

Глава 6
Сети, радиоигры и подлодки

В начале 1937 года Гитлер дал Канарису зеленый свет на создание шпионской сети в Великобритании, и переполненный энтузиазмом адмирал без промедления взялся за дело. Оперативная ответственность была возложена на полковника Карла Буша, старого офицера разведки, который возглавил англо-американское отделение абвера.

Буш выстроил не одну, а две отдельные агентурные сети в Великобритании. Первая состояла из относительно малозначительной агентуры. В нее входили сотни немецких девушек, работавших горничными в семьях высокопоставленных британцев. Как другие шпионы, эти девушки прошли соответствующую подготовку в школе абвера в Гамбурге, где изучали самые разнообразные вещи — от приготовления английского ростбифа до управления радиопередатчиком.

Буш рассматривал эту сеть как полезную, но не рассчитанную на длительное и многократное использование. Ее задачей было собирать доступную информацию, но ее главная цель состояла в том, чтобы действовать в качестве гигантской приманки. Буш рассчитывал, что она отвлечет на себя основную массу внимания хронически недоукомплектованных британских агентств контрразведки и что вторая и намного более важная сеть не будет обнаружена.

Большинство членов сети № 2 бездействовало. Они должны были занять ключевые позиции в Великобритании, но не выполнять никакой работы мирного времени до тех пор, пока не им не подвернется нечто весьма и весьма важное. Только с началом войны они распакуют тщательно спрятанные радиопередатчики и вступят в бой.

К 1939 году обе сети функционировали согласно плану. И обе были известны британским контрразведчикам, благодаря одной парикмахерше из Данди, Шотландия. Некая миссис Джесси Джордан, вдова и представительница среднего класса, средних же лет, вела однообразную и заурядную жизнь на Кинлок-стрит в Данди. Сама она была шотландкой и средненькой во всех отношениях: средненький дом, средненькое трудолюбие. Скучнейшее создание. Ее парикмахерский салон считался фаворитом у всех леди по соседству.

Г-жа Джордан пользовалась благосклонностью почтальона, поскольку не скупилась на чаевые. У нее имелись причины не

скупиться. Люди типа миссис Джордан обычно получают немного писем, но она была исключением — все адресованные ей были исключительно тяжелыми, настолько увесистыми, что это не могло уйти от внимания почтальона, который, не раздумывая, доложил об этом начальству. Его отчет в конце концов лег на стол крупного, широкоплечего, чрезвычайно строгого вида полковника Хинчли Кука из кабинета 505 военного министерства. Именно в этом кабинете и разместилась МИ-5, служба контрразведки.

Миссис Джордан была подвергнута осторожному контролю, и скоро Кук узнал кое-какие любопытные факты о ней. Он узнал, например, что она была вдовой немца, погибшего за кайзера в Первую мировую войну. Еще выяснилось, что упомянутая миссис несколько раз в 1937 году тайно посетила Германию. Несмотря на ее утверждения, что, дескать, все ее родственники жили на Британских островах, она получала письма из Соединенных Штатов, Франции, Голландии и даже Южной Африки. И всегда отправляла ответы всем этим дальним адресатам.

Почту миссис Джордан аккуратно вскрывали, и то, что полковник Кук вычитал из них, убедило его, что эта вдовушка — центральный почтовый ящик обширной германской шпионской сети. Женщину арестовали, судили и дали 4 года тюрьмы.

Как обычно в подобных случаях, были подготовлены карточки на людей, предположительно имевших отношение к сети. Имена их выдала на допросах миссис Джордан. Их решили пока не арестовывать. И правильно сделали — в конце концов, они сами вывели британских контрразведчиков на других подозреваемых. Так в свое время «Иорданское дело» вывело на множество подозреваемых. И сейчас полковник Кук вздохнул с облегчением.

На счастье Кука, солидные сети Буша засветились и в других местах. В Портслейде, в Суссексе, жил отставной офицер британской армии, Эрвин Бэтли, имевший не совсем обычное хобби. Он был буквально влюблен в холмистую местность Суссекса и, став своего рода экспертом в этой области, провел годы, изготовляя уникальные контурные карты, впоследствии ставшие знаменитыми.

Однажды в 1938 году в дверь к нему постучался молодой человек, представившийся как путешествующий пешком немецкий турист, и попросил капитана Бэтли предоставить ему кое-какие его известные карты. Капитан проинформировал об этом визите местного констебля в Портслейде, а тот — МИ-5. Контрразведчики решили не прерывать «отдыха» немца», но взяли его на заметку. И не ошиблись — молодой немец вывел контрразведчиков полковника Кука на шайку немецких агентов.

Приблизительно в то же время британский подданный по имени Джозеф Келли был пойман с поличным и обвинен в шпионаже в пользу Германии. Келли работал каменщиком и помогал возводить оборонительные сооружения. Он имел доступ к проектам и продал несколько копий нацистам. До его ареста он также привел МИ-5 к нескольким из своих коллег. Среди них был Вальтер Рейнхардт, один из высокопоставленных германских шпионов, официально занимавший должность немецкого консула в Ливерпуле. Рейнхардт был вскоре выслан из страны, но до отъезда тоже помог пополнить картотеку в кабинете полковника Кука.

Куда более серьезным, чем перечисленные случаи, ставшие явными скорее благодаря случайным стечениям обстоятельств, стала тщательно разработанная в стенах МИ-5 операция. От проваленной агентуры полковник Кук узнал, что немецкие агенты проходили подготовку в школе абвера в Гамбурге. МИ-5 решило внедрить своего человека в упомянутую школу. И тот, кому предстояло внедриться, был молодым британским лингвистом.

Ему удалось устроиться на работу в школу абвера, где он стал преподавать разговорный английский язык немецким шпионам, собиравшимся отправиться в Англию. И теперь МИ-5 получила возможность организовать каждому прибывавшему из Германии «туристу» должный прием. Их не арестовывали, но все они оказывались под пристальным наблюдением. За выявленным шпионом можно спокойно наблюдать и кормить его дезинформацией, тогда как если он арестован, его, скорее всего, просто заменят другим агентом, и пройдет время, пока этот другой агент будет разоблачен, если вообще будет разоблачен. Однако в данном случае задержания, тем более многократные, учеников молодого лингвиста неизбежно возбудили бы подозрения абвера к преподавателю.

У этого отважного молодого человека имелись средства предупреждения МИ-5 о поведении немцев. Излюбленный метод предупреждения основывался на врожденном чувстве юмора молодого преподавателя. Агенты, которым предстояло длительное время жить среди англичан, обязаны были пройти курсы нравов и обычаев Англии. На занятиях он не уставал повторять, что эти степенные и уравновешенные британцы — большие любители респектабельности, и, будучи нацией лавочников, и респектабельность склонны измерять в фунтах, шиллингах и пенсах.

И предложил своим курсантам, когда те явятся в Великобританию, первым делом отправиться в ближайшее почтовое отделение и открыть там почтовый сберегательный счет.

Но, предостерег он, этого мало. Респектабельность должна была быть продемонстрирована, заметна для других, и в первую очередь в ней им предстоит убедить полисменов. Поэтому предложил, чтобы они «потеряли» свои сберкнижки и тут же заявили о потере в полицию, которая, таким образом, убедилась бы, что они не просто голытьба, а люди со средствами. Среди его учеников нашлись и такие, кто последовал его совету. Таким образом, любой потерявший сберегательную книжку и сообщивший об этом в полицию автоматически включался в список подозреваемых МИ-5.

Вот такими остроумными способами МИ-5 и составляла список немецких агентов. Накануне войны у МИ-5 и полиции безопасности Скотленд-Ярда было более-менее неплохое представление о структуре обеих сетей. Поговаривали, что пресловутые сети насчитывали как минимум 3000 немецких шпионских «акул» в Великобритании, из которых приблизительно 400 квалифицированных агентов относились к сети № 1 полковника Буша и 35 ключевых агентов — к сети № 2. Остальные были мелкотой: фрилансерами, осведомителями, пронацистски настроенными болтунами или просто людьми недалекими.

Если МИ-5 и полиция безопасности и добивались успехов, то это происходило за счет того, что старая система была хорошо отлажена, и отчасти потому что те, кто теперь управлял ими, были людьми исключительно компетентными. МИ-5 возглавлял один из выдающихся британских специалистов по шпионажу, солидный человек, сквайр из Стаффордшира Вернон Джордж Уолдегрэйв Келл, один из самых по-настоящему загадочных людей. Хотя он 40 с лишним лет провел (некоторые из этих лет на самом деле весьма таинственны) на службе своей страны, он был практически неизвестен своим соотечественникам.

В Нью-Скотленд-Ярде (официальное название всем известного Скотленд-Ярда) Норман Кендал и комиссар Рональд Хоу, тонкогубые боссы с рыбьими глазами и строгим выражением лица, как и подобает представителям Департамента уголовного розыска, были коллегами генерала Келла. А за стенами кабинетов истинной Немезидой для иностранных шпионов был Кук, сотрудничавший с помощником комиссара Альбертом Кэннингом, который возглавил полицию безопасности Скотленд-Ярда, организацию, наиболее близкую британской идее секретной политической полиции. Увлекавшегося костюмчиками в полоску и галстуками в горошек, неизменно огромными и надвинутыми на нос фетровыми шляпами Кэннинга без труда можно было принять за адвоката средней руки.

Когда Гитлер напал на Польшу, и МИ-5, и полиция безопасности тоже были подняты по тревоге. 3 сентября, незадолго до истечения срока британского ультиматума, кодовое слово было передано в военное министерство и Скотленд-Ярд. Началась большая охота на шпионов. Это была нечеловеческая работа. Списки подозрительных лиц выросли почти до 75 000 человек. Не все они были шпионами, но шпионы среди них определенно имелись.

В течение ночи с 3 на 4 сентября инспекторы и специальные агенты Скотленд-Ярда, вместе с приблизительно 2000 детективами и полицейскими в форме, сделали тысячи звонков. Еще до рассвета 435 человек получили вежливые приглашения пройтись в обществе офицеров или лиц в штатском в места, где уже все было готово к их встрече. За последующие дни, недели и месяцы было рассмотрено 73 235 случаев подозреваемых и обнаружено еще 569 иностранных агентов.

В отношении примерно 6000 человек сотрудники МИ-5 и CID[18] не могли сказать ничего определенного, но вот только времена были не те, чтобы помнить о презумпции невиновности. Действие закона «О неприкосновенности личности» было на определенный период приостановлено. Подозреваемым строжайше предписали до минимума ограничить передвижение.

Число засланных Канарисом в Великобританию шпионов было ненамного больше, чем пойманных Келлом и Кэннингом. Две феноменальные агентурные сети полковника Буша были просто разгромлены, причем как раз тогда, когда они были нужнее всего. Это стало первым крупным поражением Канариса.

В Германии был человек с внешностью голливудского актера, исполняющего роль офицера германской разведки, гауптман Герберт Вихман. Это был высокий и сильный мужчина, с короткой стрижкой на прусский манер, со шрамами на лице, и в то же время, невзирая на габариты, ловкий, гибкий, верткий. Особым умом Вихман не отличался, но зато был исполнителен и скромен — ну, просто образец самоотверженного офицера германской армии. Он отвечал за британский отдел абвера. Какое-то время после внезапного начала войны Вихман просидел в надежно охраняемом кабинете связи гамбургского радиоцентра, дыша в затылок радисту, рассылавшему заранее подготовленные сигналы агентам в Великобритании и Франции. Кодовое слово, повторяемое снова и снова с промежутками, призывало агентов немедля начать бой и работать впредь в меру своих способностей и согласно имеющимся инструкциям.

Капитан Вихман не мог вообразить и не имел никаких оснований подозревать, что его британская сеть фактически в

полном составе сидела не у радиоприемников, а за решеткой «Уормвуд скрабз», известной тюрьмы, которой МИ-5 завладела на какое-то время. И он не удивился, когда стали приходить ответы. Правда, за радиопередатчиками сидели не немцы, а радисты британской секретной службы. За долгие дежурства дотошные англичане научились копировать радиопочерк немецких агентов. Это характерное прикосновение — основной опознавательный знак агентов, работающих на передачу. Англичане столь блестяще сымитировали все нюансы работы на ключе немцев, что радиооператоры абвера ничего не заподозрили.

Продолжение работы в эфире после провала и ареста шпиона — один из излюбленных шпионских приемов, уловка, которая хоть и стара как мир и широко распространена, но все же по-прежнему эффективна. Немцы изобрели слово «Funkspiel» — буквально «радиоигра».

Англичане продолжали эту радиоигру в течение 15 месяцев, все это время Канарис чувствовал себя в безопасности и его переполняло самодовольство. Он даже похвастался графу Чиано из Италии своей гигантской сетью в Англии, упомянув с особой гордостью одного агента, который делал до 25 радиосеансов в сутки. Насколько немцы знали, только один из их ключевых агентов пропал, и винили в этом досадный несчастный случай.

Регулярно прослушивая в начале сентября большую сводку новостей, один брокер, проживавший в лондонском пригороде, как обычно настроил приемник на 9-часовые новости Би-би-си и очень был недоволен странными наводками, происходившими будто строго по графику, продолжаясь ровно 7 минут, с 9:02 до 9:09, и так четыре вечера подряд. Он сообщил об этом в полицию. Скотленд-Ярд отправил в пригород фургон с соответствующим пеленга-ционным оборудованием. Определить местонахождение передатчика много времени не заняло. Сигналы поступали из одиноко стоявшего дома. Именно оттуда кто-то посылал слабые сигналы азбуки Морзе на незарегистрированном радиопередатчике.

Владелец дома был кротким низкорослым правительственным клерком, короче говоря, точь-в-точь «человек зонтика», как выразился бы Диккенс. При обыске детективы обнаружили источник наводок — радиопередатчик незнакомого им типа. Трубка, и все. И 3 небольшие батарейки. Аппарат вместе с питанием и передающим ключом весил всего 4 фунта (около 2 кг). Это был известный Afu, миниатюрная «коробка шептания», посылавшая очень слабые сигналы. Хотя их было едва можно поймать в Англии, зато их уверенно принимала специальная приемная аппаратура на станции связи абвера под Гамбургом.

Клерка тут же поместили в «Уормвуд скрабз», но рацию оставили. Сигнализатор секретной службы продолжал посылать сообщения, используя его шифр. Однажды в сильном волнении британский агент радировал Вихману, что, мол, ему стала доступна информация предельной безотлагательности, настолько важная, что он не решается передать ее в эфир, и спросил разрешение гауптмана прибыть в Германию и доставить сведения лично.

Это была не совсем обычная просьба и требовала рассмотрения на высоком уровне. Вопрос с вывозом агента к кругу простых не принадлежал. Наилучшим средством переброски агента из Англии в Германию была подводная лодка, но флот Дёница был крайне нужен в других местах. Тем не менее Канарис уговорил Гитлера, и тот отдал соответствующий приказ — выделить в распоряжение абвера подводную лодку.

В начале октября агенту передали по радио инструкции; его заберут в первую же безлунную ночь в отдаленном, скалистом заливе на побережье Уэльса.

В 2:00 в назначенную для проведения этой операции ночь с берега стали сигналить тонкими лучиками света с интервалом — 10 минут. Час спустя на берегу заметили ответный световой сигнал: подводная лодка прибыла.

Внезапно вспыхнул яркий свет. Мгновение спустя раздались звуки боя. Находившиеся в засаде британские эсминцы дожидались прибытия подлодки, и каких-нибудь десять минут спустя она была потоплена.

Гауптман Вихман так никогда и не узнал, что произошло. Когда агент замолчал, а лодка пошла ко дну, предположили, что ее просто случайно выследили англичане и приняли соответствующие меры. После этого инцидента адмирал Дёниц очень долго отказывался предоставлять абверу подводные лодки.

Глава 7
Солома на северном ветру

В перечне предателей майору Видкуну Квислингу отведена достойная страница. Отчасти потому, что его предательство было масштабным, и еще потому, что его побуждения, мягко выражаясь, были не совсем понятны. Квислинг был предателем, но предателем вечно колеблющимся, сам он себя таковым не признавал. Он рассматривал себя как перевоплощение Харальда Завоевателя, которому божественной волей было предначертано привести норвежцев в некую Землю обетованную. Что это была за земля и как он планировал туда добираться, Квислинг и сам не знал.

Он родился в 1887 году в Фюресдале, Норвегия, в семье деревенского проповедника. Это была настоящая глушь — медведи вовсю бродили по местности. Квислинг довольно рано покинул отчий дом, но его «варварское место рождения» не давало ему покоя, поселив в нем комплекс неполноценности вкупе с ложным чувством превосходства. Мальчишку распирало от идей человеколюбия. «Еще мальчиком, — признался он когда-то, — мне хотелось проповедовать по воскресеньям и исцелять людей по будням». Но вместо проповедников и лекарей он подался в кадровые военные.

В военном училище он демонстрировал чудеса работоспособности, упорства, успеваемости и дисциплины, но Видкун был упрям, молчалив и замкнут — жил в непроницаемой раковине. Ему не исполнилось и 30 лет, когда он получил звание капитана в Генеральном штабе норвежской армии; потом его назначили военным атташе в Санкт-Петербурге и Гельсингфорсе. Российская революция вызвала в нем сильнейший эмоциональный подъем, и в 1921 году он, решив расстаться с армией, стал помощником Фритьофа Нансена, великого гуманиста, посвятившего себя проблемам российских голодающих. В 1927 году он вернулся в норвежское дипломатическое представительство в России и в период разрыва англо-советских дипломатических отношений представлял британские интересы в СССР.

Несмотря на всеми признанные блестящие успехи в работе, Квислинг постоянно ставил в тупик даже тех, кто, казалось, был ближе всех к нему. Когда Нансена спросили о его помощнике, тот заметил: «Я не знаю Квислинга, поскольку не могу понять его».

В конце 1920-х годов карьера Квислинга постепенно сошла на

нет. В нем росло убеждение, что стал жертвой заговора. Из угрюмой, добровольной самоизоляции он на ощупь стал пробираться к другим, сформировал тайное братство недовольных патриотов. Одним из таких был некий Хагелин, преуспевающий торговец из Осло; другим — полковник Конрад Сунло, командующий гарнизоном Нарвика, мечтатель тоталитарного пошиба, засевший в своей арктической крепости.

Квислинга охватила зоологическая ненависть к большевизму, который он расценивал как еврейский заговор в 1933 году (он сформировал и возглавил партию «Национальное единение»). В 1931 году его назначили министром обороны в коалиционном правительстве, и Квислинг не замедлил воспользоваться этим постом для осуществления личных устремлений. Он был замешан в великом множестве совершенно непонятных заговоров, пока терпение его не отличавшихся экстремизмом земляков не исчерпалось и они не изгнали Квислинга из правительства.

Именно на этой, наиболее неудачной, стадии его карьеры нацисты, в поисках единомышленников и союзников за рубежом, и разыскали его. Квислинга «открыл» Альфред Розенберг, интеллектуальный кондотьер, всегда интересовавшийся сидевшими не у дел заговорщиками.

В 1938 году секретарь Розенберга, Тило фон Трота, прибыл в Осло, якобы как частное лицо, как турист, где встретился с Квислингом. Самозваный «Норвежский Колосс» произвел на фон Троту впечатление одинокого волка, к тому же трудного в общении, и эта встреча закончилась безрезультатно. Но в 1939 году ситуация кардинально изменилась — Квислинг решил восстановить контакт с Розенбергом. По приглашению Розенберга он совершил поездку в Берлин, где встретился с Розенбергом в его доме в Далеме (район Берлина на юго-западе города), куда майора норвежской армии доставили в лимузине с занавешенными окнами.

Под воздействием щедрых порций аквавита[19] у Квислинга развязался язык, Квислинг вовлек гостеприимного хозяина в рассуждения, которые надолго запечатлелись в его памяти. Норвежец искренно порицал Германию за отсутствие интереса с ее стороны к его родине. «Он указал, — докладывал Розенберг позже Гитлеру, — на решающее геополитическое преимущество Норвегии в Скандинавском регионе и преимущества, полученные властью страны с возможностью контролировать норвежское побережье…» Квислинг также просил поддержать его партию и партийную печать в Норвегии, обосновав эту просьбу «пангерманской» идеологией. Розенберг согласился оказать ему эту поддержку.

В августе 25 членов партии «Национальное единение» Квислинга тайно доставили в Германию на двухнедельные курсы изучения методологии нацистской активности. В то же время Розенберг пытался торговать вразнос услугами Квислинга с различными немецкими агентствами. Он пытался заинтересовать этим норвежцем личный секретариат Гитлера и также Геринга, последнего Розенберг приманивал возможностями использования в Норвегии посадочных площадок для люфтваффе. Какое-то время особого интереса к Квислингу не проявляли. Розенберг был озадачен — пообещал Квислингу финансы, а его собственное ведомство значительными фондами не располагало.

Наконец осенью 1939 года он нашел клиента для своего протеже: адмирала Шнивинда, начальника штаба гросс-адмирала Редера. Редер давно тосковал по выходу в Северное море и видел в Норвегии идеального партнера. Уже 10 октября 1939 года гросс-адмирал пытался уговорить Гитлера вторгнуться в Западную Скандинавию, но Гитлер был слишком занят другими планами. Тогда адмирал избрал обходные пути, и, когда Шнивинд рассказал ему о доступности Квислинга, Розенберг усилил нажим на нацистский аппарат и весьма красноречиво расписал Квислинга чуть ли не как героя Норвегии, обрисовал в общих чертах то, что этот единомышленник мог бы сделать для германских военно-морских сил.

«Согласно его плану, — писал Розенберг, — несколько специально отобранных норвежцев должны пройти в Германии подготовку, чтобы иметь возможность выполнять возлагаемые на них задачи. Эти люди получат точные указания, и им будет оказана помощь со стороны опытных членов нацистской партии. Затем они вернутся в Норвегию, где будет разработан окончательный план действий. Намечается быстро захватить в свои руки контроль над некоторыми районами Осло, в то время как немецкий флот появится у норвежской столицы по просьбе норвежского правительства (то есть правительства Квислинга)».

Далее Розенберг отметил, что «Квислинг не сомневается в успехе и рассчитывает на полную поддержку руководства норвежской армии, с которым у него уже налажен контакт».

Редер попросил Розенберга пригласить Квислинга в Берлин. 11 декабря Квислинг и Хагелин прибыли в немецкую столицу. Квислинг потребовал от своих немецких партнеров решительных действий, чтобы их не сумели опередить англичане.

Редер решил представить Квислинга Гитлеру. 16 декабря майора Квислинга представили фюреру. Встреча носила явно сентиментальный уклон — «нордический дух», заверения в верности и т. д. Однако Квислинг остался недоволен результатом

визита к Гитлеру. И даже сам фюрер показался ему каким-то скользким и в целом произвел на него негативное впечатление. И что самое главное, Квислинг был неприятно удивлен пактом, который Гитлер заключил со Сталиным, и недоволен тем, что фюрер, по мнению норвежца, уж слишком всерьез воспринимал этот договор и ни в какую не желал пофантазировать на тему германо-русского военного конфликта.

Причина недоверия Гитлера заключалась в его невежестве и хитрости. Недоверие, с которым Гитлер отнесся к Квислингу, объяснимо. Фюрер мало знал его и к тому же никогда раньше серьезно не задумывался о вторжении в Скандинавию. Кроме того, Гитлер не хотел открывать своих карт иностранцу, о котором мог судить только со слов Редера и Розенберга. Он даже подозревал, что Квислинг, возможно, ведет двойную игру, является агентом союзников и стремится из первых рук получить информацию о планах Германии.

Вернувшись в Имперскую канцелярию два дня спустя, Квислинг нашел Гитлера более любезным и сговорчивым. Фюрер согласился создать при штабе Редера специальную группу для изучения предложений и планов Квислинга. Политическими вопросами должен был заняться Розенберг. Военные мероприятия поручалось разработать военно-морскому атташе капитану 2-го ранга Шрайберу совместно с Квислингом. С точки зрения Квислинга, самым важным было обещание Гитлера предоставить ему 200 тысяч марок из фондов министерства иностранных дел. Однако министерство иностранных дел отказалось субсидировать Квислинга, считая его банкротом, который готов продать свою страну, но не в силах распоряжаться ею. Несмотря на отчаянные усилия, Розенбергу так и не удалось получить этих денег для Квислинга.

На этом дело с Квислингом кончилось. Квислинг вошел в историю как человек, предавший свою родину немецким фашистам, но в действительности он не сыграл никакой роли в установлении немецкого контроля в Норвегии. Это произошло вовсе не потому, что Квислинг не хотел помочь нацистам. Дело в том, что немцы просто не нуждались в его услугах.

До января 1940 года Канарис ничего не знал о переговорах, которые Квислинг вел с Розенбергом и Редером. Абвер вступил в игру только тогда, когда было получено донесение от одного из агентов в Меце. 4 января этот агент узнал, что французская горнострелковая дивизия снята с позиций на линии Мажино и переброшена в Англию для возможного использования в Финляндии против русских или в Норвегии для захвата Нарвика.

Это донесение попало сначала к начальнику передовой базы

ВМС в Гамбурге, а тот немедленно переслал его Канарису. Канарис, в свою очередь, счел необходимым информировать об этом Гитлера. Сведения о предполагаемой высадке союзных войск в Норвегии, по-видимому, заставили фюрера изменить свое отношение к планам действий в Скандинавии. Гитлер не интересовался Норвегией, но в то же время был полон решимости не допустить захвата ее союзниками.

С этого момента Норвегия постоянно находилась в центре внимания абвера. Когда началось планирование операции «Везерюбунг» («Учения на Везере») и была сформирована специальная группа офицеров вермахта для выполнения этой задачи, Канарису удалось добиться назначения своего ставленника, капитана 3-го ранга Лидига, на пост начальника разведки в этой операции. Лидиг руководил деятельностью обширной шпионской сети в Норвегии. Его агенты вели наблюдение за всем, что происходило в Осло, Бергене, Нарвике и других важнейших портах страны. Им была поставлена задача собирать информацию о движении судов, и прежде всего конвоев, отправлявшихся в Англию. С этой задачей агентам Лидига справиться было нелегко. Капитаны судов получали данные о маршруте следования и пунктах назначения всего за несколько часов до отплытия. И все же агенты Лидига действовали успешно. По утверждению абвера, полученные от Лидига сведения позволили самолетам люфтваффе и немецким подводным лодкам за несколько месяцев 1939–1940 годов потопить суда союзников общим водоизмещением 150 тысяч тонн.

Получив специальные указания от руководства операцией «Везерюбунг», Лидиг выехал в Норвегию, чтобы лично руководить расширением шпионской сети. Вскоре агенты абвера вели сбор информации по всей территории Норвегии.

По мере развертывания подготовки к операции «Везерюбунг» интерес немцев к Квислингу таял буквально на глазах удивленного норвежца. Даже Розенберг вынужден был признать, что Квислинг мало чем мог помочь немцам. Гитлер, по-видимому, и не вспомнил о Квислинге, когда 1 марта 1940 года приказал Верховному командованию быть в готовности оккупировать Норвегию и Данию. Фюрер не возлагал никаких надежд на Квислинга и тогда, когда отдавал распоряжение начать вторжение в Скандинавию в 5 часов утра 9 апреля 1940 года. Один небольшой эпизод, происшедший в Осло незадолго до вторжения немцев в Норвегию, вероятно, заставил Гитлера вспомнить о его первоначальных сомнениях в отношении Квислинга.

26 марта немецкий военно-морской атташе Рихард Шрайбер

сообщил из Осло, что норвежские войска противовоздушной и береговой обороны неожиданно получили разрешение открывать огонь без согласования с высшим командованием. По мнению Шрайбера, это было вызвано тем, что норвежцы каким-то образом узнали о планах немцев. Военно-морской атташе считал, что проболтался кто-то из квислинговцев.

С этого момента Квислинг уже больше не получал информации от немцев. 4 апреля он выехал в Данию для консультации с одним немецким генералом. Во время беседы немец вынудил Квислинга признаться, что грандиозный план захвата власти в стране провалился. Квислинг буквально умолял гитлеровского чиновника как можно быстрее начать вторжение в Норвегию. Генерал и раньше считал Квислинга болтуном, теперь же он отвернулся от него — такого бесстыдного предательства не мог вытерпеть даже убежденный нацист.

Таким образом, Квислинг потерял всякую возможность влиять на ход операции. Розенберг был отстранен от участия в планировании, а руководителем операции вместо Редера назначили генерала фон Фалькенхорста, который не пожелал иметь дело с болтуном. По указанию министерства иностранных дел, немецкий посланник в Осло Брейер попытался тайно привлечь к прогерманской деятельности короля Хаакона VII и министра иностранных дел Коота, давно симпатизировавшего нацистам и способного, по их мнению, возглавить коалиционное правительство страны после вторжения немцев.

В 4 часа утра Шрайбер облачился в парадную форму и отправился в порт, чтобы встретить приближавшиеся к берегам Норвегии немецкие военные корабли. По пути в порт автомашина Шрайбера проехала мимо английского посольства, и он обратил внимание на дымок, тонкой струйкой поднимавшийся над двором посольства. «Жгут документы», — подумал Шрайбер, ухмыльнувшись. Но атташе в то утро напрасно ждал свои корабли. В Осло-фьорде норвежские батареи, выполняя приказ, открыли огонь по появившимся вблизи берега кораблям немецкого флота. Корабли, которых ждал Шрайбер, были либо потоплены, либо получили тяжелые повреждения и с трудом удерживались на плаву[20].

В 9 часов 30 минут Шрайбер покинул порт. Вернувшись в посольство, он попытался связаться с Берлином по радио, но это ему не удалось. Тогда атташе отдал приказ начать уничтожение документов, ибо с минуты на минуту ждал появления полиции, сознавая, что Квислинг не добился успеха в своей попытке совершить переворот в стране.

После полудня в норвежской столице высадился немецкий

десант. Правительство бежало из столицы на север страны. Король последовал за правительством.

В 5 часов вечера, когда город был уже фактически полностью захвачен немецкими войсками, Квислинг наконец выполз из своей норы. Влияние этого предателя было настолько незначительным, что многие немецкие генералы даже не слышали этой фамилии. Когда генерал Эбергарт прибыл в Осло и обосновался в «Гранд-отеле», Квислинг занимал номер на третьем этаже этой гостиницы. Он явился к немецкому генералу и представился как новый премьер-министр страны. Эбергарт ничего не знал о Квислинге и потому решил навести о нем справки в немецком представительстве в Норвегии у посланника Курта Брейера, который, между прочим, чувствовал себя сильно посрамленным, после того как ему не удалось добиться от Коота и короля согласия на сотрудничество. Посланник видел в Квислинге последний шанс спасти свою репутацию. Поэтому на вопрос Эбергарта, как поступить с Квислингом, Брейер ответил: «Да, этот человек действительно является новым премьером».

Жестокий режим, установленный Квислингом в стране, лишь нанес ущерб положению немцев в Норвегии. Квислингу не удалось поставить норвежцев на колени, и он во второй раз подвел своих хозяев.

В Дании у немцев не было Квислинга. Но там был более предприимчивый человек — Франц Лидиг. Этот хитрый и ловкий шпион показал, что является незаурядным завоевателем и стратегом.

Лидиг жадно читал все, что касалось разведслужб, и среди его любимых книг была небольшая по объему книжонка, вышедшая в свет в 1931 году и написанная итальянцем Курцио Малапарте. Название: «Государственный переворот: Техника революции». Первая глава этой книги — «Большевистский государственный переворот и тактика Троцкого» изложила достаточно недостоверный отчет о захвате Петрограда большевиками в октябре 1917 года.

По словам Малапарте, Ленин запланировал свергнуть российский демократический (после свержения царя в ходе Февральской революции) режим, прибегнув к манифестациям и обычным средствам революции, однако Троцкий утверждал, что того же результата можно достичь всего с горсткой террористов и саботажников, парализовав работу правительства, отключив его от внешнего мира. Малапарте, описывая переворот по Троцкому, не скупится на восторженные тона (хотя описание насквозь фиктивно), детально описывает, как Троцкий выполнил задачу, как отправил своих людей практиковать переворот «невидимыми

маневрами», как его агенты определили местонахождение самых чувствительных центров правительства — телефонных станций, электростанций, даже отдельных железнодорожных переездов — и как они в конечном итоге нанесли удары. Вместо перемещения людских масс, как предлагал Ленин, бойцы Троцкого повреждали электрооборудование, нарушали связь, одним словом, за считаные часы полностью изолировали правительство, и оно, понимая, что оказалось в безвыходном положении, было вынуждено сдаться.

Именно так Лидиг собирался захватить Копенгаген. Из отчета одного из своих агентов он выяснил, что управление датской армией сосредоточено в старинном форте в окрестностях Копенгагена. Если удастся захватить этот форт сразу после начала военных действий, решил Лидиг, тогда можно будет полностью парализовать датскую армию и лишить ее возможности оказывать завоевателям сопротивление. План, предложенный Лидигом, одобрили, и, между прочим, именно так и был «захвачен» Копенгаген.

Ему был нужен только малочисленный контингент солдат для переворота и несколько агентов, чтобы уверить, что ведущие в крепость дороги не заминированы. Лидиг поместил войска в «плавучего троянского коня» — германское грузовое судно, которое спокойно пришло в порт Копенгагена, и никому в голову не пришло, что «груз» судна состоял из немецких штурмовиков, специально обученных для переворота «а-ля Троцкий».

Одно, возможно, ставило под угрозу схему Лидига. Его коллега по абверу, убежденный антинацист полковник Остер, явно не собирался подыгрывать Гитлеру в его экспансии в Скандинавии. 1 апреля, всего за 8 дней до намеченного вторжения в Данию, Остер передал датскому военно-морскому атташе сведения о планах вторжения. Эти же сведения Остер сообщил 4 апреля норвежскому военно-морскому атташе.

Норвежец, скорее всего, не поверил Остеру, ибо даже не стал передавать полученные сведения в Осло. А его датский коллега доложил командованию в Копенгаген о поступивших от Остера сведениях, однако ему тоже не никто не поверил.

9 апреля 1940 года Дания была захвачена немцами, и все произошло в полном соответствии с планами Лидига.

Захватив Копенгаген, немцы завладели, по-видимому, самым главным трофеем кампании — правда, тогда они об этом и не подозревали. Речь идет о лаборатории Копенгагенского университета, руководимой доктором Нильсом Бором, знаменитым физиком и лауреатом Нобелевской премии. Для немцев он был просто одним из «яйцеголовых» — престарелым

«ботаником», и они оставили его в покое. Доктор Нильс Бор, со своей стороны, занимался преподавательской работой и спокойно жил, ничем не провоцируя интерес к себе со стороны оккупантов. Но за закрытыми дверями, в полном одиночестве своей частной лаборатории он работал над загадочным проектом, тайне которого суждено будет стоить нацистам миллионы. Он со своими американскими друзьями сотрудничал в рамках программы ядерных исследований. Лаборатория Бора имела особую важность — это была станция на пути к ядерной бомбе, как и другие, существовавшие в Соединенных Штатах и Великобритании аналогичные лаборатории. Работа Нильса Бора на самом деле представляла собой неотъемлемую часть проекта, за исключением, правда, того, что располагалась она за коричневым занавесом и в пределах досягаемости нацистов.

В течение нескольких лет германской оккупации доктор Нильс Бор продолжал свою фантастическую двойную жизнь в науке. Ему в небольших количествах поставляли дейтерий, или тяжелую воду, драгоценные капли которой и обеспечивали продолжение этого исследования. Если бы нацисты узнали об этом, работа Нильса Бора стопроцентно заинтересовала бы их. В целях маскировки ученый хранил тяжелую воду в большой пивной бутылке, которую ставил в холодильник, где обычно держал пиво.

Поскольку работа Бора продвигалась, возникла необходимость вывоза его из Дании. Шел 1943 год. Британская секретная служба организовала его эвакуацию. Ученому велели быть на причале в определенное время с наступлением темноты, где небольшое судно встретит его и переправит в Швецию. Все были буквально в шоке, увидев, как Бор тащит с собой здоровенную бутылку пива. И решили, что этот эксцентрик-ученый пивной алкоголик. В Швеции доктор Бор отправился прямо в лабораторию Нобеля на встречу с доктором Лиз Мейтнер, коллегой, которая уже работала в Швеции, и вручил ей драгоценную бутылку на ответственное хранение. Доктор Мейтнер с удивлением исследовала содержимое, явно не думая о том, что пиво может представлять интерес для их исследований, и горестно воскликнула. Жидкость в бутылке ничем от заурядного пива не отличалась. Дело в том, что в спешке ученый перепутал бутылки и взял из своего холодильника не тяжелую воду, а пиво.

В течение следующих суток эта злосчастная бутылка стала самоцелью разведслужб союзников. Группа подпольщиков-датчан тайком пробралась в опустевший дом Бора, спокойно извлекла из холодильника нужную бутылку и в конце концов без каких-либо

осложнений доставила ее профессору Бору в Швецию.

Подпольщики так и не узнали, почему им поручили столь странное задание.

Глава 8
Финал сражения за Европу

Период между разгромом Польши и вторжением в Норвегию один из самых загадочных в истории — месяцы «странной войны». Стоя в сентябре 1939 года на руинах Варшавы, Гитлер, судя по всему, был вполне удовлетворен устроенной им мясорубкой[21]. Но его не покидала мысль — как быть дальше?

Состояние мира и войны были играми, в которые играл Гитлер. 6 октября 1939 года он попытался усадить Англию и Францию за стол мирных переговоров. Но в ответ получил решительное нет. Пытаясь изыскать другие пути замирения с союзниками, Гитлер взвешивал один план за другим, не давая покоя генералитету — генералы каждый раз должны были воплощать его сиюминутные замыслы на картах. «Санфлауэр» — такого названия удостоилась запланированная кампания в Северной Африке, целью которой был Триполи. Целью операции «Альпийская фиалка» была Албания, операция «Феликс» нацеливалась на Гибралтар. Существовал и еще один план — операция «Гельб» — речь шла о захвате Голландии[22].

В тот период Берлин буквально кишел разного рода коммивояжерами, готовыми по сходной цене сбыть немцам свои государства — из Голландии, из Бельгии, из Норвегии. Из Голландии пожаловал жирный тип с бегающими глазками — Антон Муссерт. Он был марионеткой абвера — кукловоды сидели в Берлине. Из Бельгии явился лукавый Леон Дегрелль. Незадолго до этого Гитлер предпочел всем оперативным планам операцию «Гельб»; срочно была издана секретная директива № 4402/39, в которой группе армий «Б» генерала фон Бока предписывалось «провести все необходимые приготовления для немедленного вторжения на голландскую и бельгийскую территории, как только этого потребует политическая обстановка». Был определен и день вторжения — 12 ноября 1939 года. Если позволят метеоусловия.

Началу запланированных операций всегда мешали два основных негативных фактора секретной службы — задержка поступления и утечка необходимой информации. Вторжение постоянно откладывалось, а в промежутках вылезали наружу все подробности замысла.

Итальянцы первыми узнали о плане. Очень многие из них, невзирая на союз с Германией, ненавидели нацистов. Военный атташе Италии в Берлине доложил о существовании плана «Гельб» своим бельгийскому и голландскому коллегам (атташе

Голландии полковник Сас уже был проинформирован об этом полковником Остером). Из Рима министр иностранных дел Италии граф Чиано также предостерег Бельгию и Голландию. Презрев все риски, один из ведущих оппозиционеров в Германии, министр фон Бюлов, направился в Брюссель и, добившись аудиенции у короля Бельгии Леопольда, предупредил монарха об агрессии. Однако и бельгийцы, и голландцы восприняли предостережения скептически.

Именно тогда произошло нечто экстраординарное. Это событие явно собрало бы воедино все фрагменты сведений о близившейся агрессии. 10 января 1940 года самолет люфтваффе, пилотируемый майором Хёнеманнсом, направлялся в Кёльн. Пилот имел при себе экземпляр плана стратегического развертывания войск группы армий «Б» для вторжения в Бельгию и Голландию. Однако Хёнеманнс понятия не имел о важности документов и поэтому особого значения этому перелету не придал. Во-первых, он прихватил с собой пассажира, германского генштабиста; во-вторых, элементарно сбился с курса и в результате приземлился в районе Мехелена на территории Бельгии.

Хёнеманнс и его пассажир, сообразив, где оказались, перепугались и решили сжечь документы. Но поскольку оба были некурящими, спичек у них не оказалось. Тут к самолету подошел какой-то бельгиец. Хёнеманнс тут же попросил у него спичек, и бельгиец дал ему их. Едва Хёнеманнс и генштабист подожгли бумаги, как пожаловал бельгийский патруль. Обоих арестовали. В ходе допроса выяснилось, что майор Хёнеманнс — офицер 7-й парашютной дивизии германских люфтваффе (штаб которой располагался в Берлине), прикомандированный к 220-й авиагруппе, в задачу которой входило организовать переброску 22-й пехотной дивизии к точкам высадки.

Хотя бумаги обгорели, все же бельгийцы их спасли. На трех листах были изложены инструкции 8-му авиакорпусу, достаточно детально описывавшие операцию вторжения в Бельгию и роль десантников в ней. Это была точная копия плана кампании.

Находка обеспокоила бельгийцев, но особой паники не вызвала. Всесторонне изучив документы, они пришли к выводу, что инцидент этот — хитрая уловка немцев, цель которой запугать бельгийцев и заставить Бельгию сохранять нейтралитет в случае конфликтов Германии с Англией или Францией. Не желая осложнений, бельгийцы тут же избавились от непрошеных гостей, выслав их в Германию, вернули немцам самолет, и вопрос был закрыт.

Провал миссии Хёнеманнса в Бельгии в Германии вызвал

вполне объяснимую тревогу, что привело к очередному переносу сроков начала операции. Кроме того, германскому Верховному командованию предстояло фундаментально перерабатывать план вторжения.

Разведка союзников тем временем была целиком поглощена фантастическими проектами. Предпринимались попытки предугадать или выяснить боевое построение германской армии, но никто и пальцем не шевельнул, чтобы попытаться выяснить намерения Гитлера, отследить передислокацию германских войск и уже исходя из этого определить направление удара немцев. Пока Германия лихорадочно готовилась к кампании на Западе, разведка союзников, убаюканная якобы отсутствием активности вермахта, пришла к заключению, что Гитлер никак не может принять конкретное решение, чему в немалой степени способствуют разногласия в Верховном командовании вермахта.

Французская Service de Renseignement теперь возглавлялась генералом Риве, блестящим специалистом и опытнейшим офицером, но, увы, совершенно незнакомым с определенными вопросами функционирования секретной службы в военное время. Недостатки организации сбивали с толку сотрудников службы. «Если уж быть предельно откровенным, — писал историк Марк Блок, впоследствии офицер запаса разведки, — не раз я задавался вопросом, что из этих путаных мнений было результатом отсутствия необходимого профессионализма и что следствием заурядной лжи. Все начальники отделов разведки жили в состоянии постоянного страха, что, когда последует удар, события начнут развиваться катастрофически, разбивая вдрызг все, в чем они клялись и божились вышестоящему генералу, убеждая того, что, мол, он в чем-то там был «совершенно уверен». Поэтому, быть может, разумнее было бы выложить тому же генералу сразу несколько вариантов? В том числе и не самых безупречных? Хотя бы на тот случай, чтобы все же оставалась возможность сказать: «Но я же вас предупреждал!»

Французские офицеры военной разведки пытались взять решение всех вопросов в свои руки, но их усилия саботировались сверху. Например, было установлено обязательное для соблюдения правило: выяснить примерные запасы автомобильного бензина, который французы могли обнаружить в Бельгии в определенных местах на тот случай, если им все же придется пересечь бельгийскую границу и сражаться с немцами на территории этой страны. Бельгийский Генштаб, вдохновленный преданностью короля строгому соблюдению нейтралитета, проявил полное нежелание к сотрудничеству. Французский офицер разведки из 1-й армии генерала Бланшара,

прослышав о каком-то непонятном топливном складе, установил контакт с конфиденциальным осведомителем, который дал ему все нужные данные о емкости резервуаров. Кроме того, человек этот добровольно предложил оставить резервуары заполненными под крышку, если именно это понадобится французскому Генштабу. «Это здорово облегчит вам задачу по снабжению войск ГСМ, — сказал он, — в случае, если у вас возникнут затруднения. И я всегда смогу иметь хотя бы минимум горючего, необходимого для мирной повседневности, и, таким образом, мне не придется оставлять ценные ресурсы немцам. Пусть теперь французский Генштаб решает. Как только я узнаю их решение, предприму все необходимые шаги».

Вопрос был передан на рассмотрение командованию разведки, но начальство заявило: «Наша работа состоит в том, чтобы собирать информацию, а не принимать решения». И наотрез отказалось вообще обсуждать вопрос о ГСМ. Молодой офицер бегал из одного кабинета в другой и везде слышал одно и то же. Тогда этот офицер решил вопрос на своем собственном уровне. Он направил одному из своих контактов закодированное сообщение: «Не заполнять баки», оправдывая свое неповиновение равнодушной рассудительностью. «Полное молчание с нашей стороны, — сказал он, — этот иностранец воспримет как слабоумие наших французских генштабистов. Не очень-то хорошо слышать о себе такое».

Приготовления у немцев, однако, шли полным ходом. Их мучила одна проблема: как предотвратить разрушение мостов через реку Маас и канал Альберт? Если бы удалось захватить эти мосты целыми, германская армия смогла бы решить судьбу Нидерландов и Бельгии в течение нескольких дней. В начале ноября в официальной резиденции Гитлера было созвано специальное совещание для обсуждения этой проблемы. Председательствовал сам Гитлер. На совещании присутствовал и Канарис. Абверу было поручено подготовить план захвата этих мостов специальными диверсионными частями, личный состав которых предполагалось переодеть в форму солдат голландской и бельгийской армий.

Вернувшись к себе в «Лисью нору», Канарис запросил начальника специального склада германской разведки о наличии на складе голландского военного обмундирования. Ему ответили, что в Куэнзе имеется несколько комплектов голландской военной формы, но все они устаревшие. Необходимо было достать несколько комплектов современного голландского обмундирования, чтобы портные (заключенные концентрационных лагерей) могли сшить по ним необходимое

количество комплектов обмундирования для небольшой диверсионной группы абвера.

Это задание было поручено начальнику голландского отдела абвера капитану 3-го ранга Кильвену, который, в свою очередь, связался с Муссертом в Голландии. Голландский фюрер решил выкрасть необходимое обмундирование, придав краже вид обычного ограбления.

Бандитам Муссерта удалось добыть то, в чем нуждался Канарис, однако вор был пойман на бельгийской территории с голландским обмундированием в руках, и тайна открылась: он признался, что выполнял задание немцев и что организатор этого ограбления — Канарис.

Как ни странно, но голландцы и бельгийцы отнеслись к этому инциденту, как к весьма забавному событию. Их больше интересовало незавидное положение незадачливого грабителя, нежели мотивы грабежа.

Канарис был вызван для доклада к Гитлеру и Герингу. Адмирал отправился на эту встречу подготовленным: с газетными вырезками и сообщениями агентов, уверяющих своих хозяев в том, что голландцы и бельгийцы ничего не подозревают.

Однако у Канариса по-прежнему не было обмундирования, необходимого для выполнения полученного задания. С целью добыть его он направил в Голландию одного из своих лучших агентов. И там, где вор потерпел неудачу, посланный абвером агент добился блестящих успехов. С помощью организации Муссерта в одну из ночей, когда склад охранялся голландским солдатом, симпатизирующим нацистам, он пробрался туда, набрал целую коллекцию голландского военного обмундирования и переправил ее в Куэнзе. С этого момента планирование операции перешло в руки генерала фон Лахузена, бывшего офицера австрийской разведки, который после аншлюса перешел на службу в абвер. В распоряжении Лахузена находились диверсионные части, однако их было недостаточно для выполнения такой сложной операции. Лахузен вылетел в Бреслау и там из добровольцев абвера создал под командованием лейтенанта Хокке специальный «батальон 100» для захвата моста у Маастрихта. Для захвата моста у Геннепа из своих регулярных диверсионных подразделений он создал специальный «батальон 800» под командованием лейтенанта Вальтера.

Планировалось, что в Геннепе один из взводов «батальона 800» будет «захвачен» агентами Муссерта, одетыми в форму голландских пограничных войск. «Пленных» затем сопроводят под конвоем к мосту.

Они и захватят этот мост с помощью своих конвоиров. 10 мая

1940 года, задолго до начала операции, Вальтер привел свой «батальон 800» к месту встречи с агентами Муссерта. Голландские предатели сделали вид, что разоружили «пленных», но на самом деле оставили им гранаты и автоматические пистолеты, спрятанные под шинелями. При содействии своих «конвоиров» «пленные» напали на ничего не подозревавшую охрану моста в Геннепе. Операция имела полнейший успех.

События в Маастрихте развертывались не так гладко. Это объяснялось, во-первых, тем, что добровольцы абвера из Бреслау оказались не такими сообразительными, как солдаты «батальона 800»; во-вторых, тем, что они не имели поддержки со стороны людей Муссерта; в-третьих, тем, что голландская охрана мостов проявила бдительность и встретила «голландцев» залпами. Лейтенант Хокке был убит, и в суматохе охрана взорвала мост.

Неудача потрясла Канариса. Он понял, что не сможет теперь преподнести Гитлеру подарок, который готовил специально ко дню вторжения. Прибыв к месту событий, он увидел целые колонны германских танков и автомашин, запрудивших дороги и ожидавших, когда саперы наведут понтонные мосты. Однако, даже несмотря на эту осечку, голландская армия быстро капитулировала. Когда пять дней спустя сопротивление голландцев было подавлено, о неудаче Канариса забыли.

Канарис был занят и другими делами: руководимый им абвер предпринял попытку свергнуть с престола королеву Вильгельмину. Предполагалось помешать королеве покинуть Голландию после вторжения в нее гитлеровских войск. Гитлер был недоволен бегством короля Хокона VII из Норвегии, что явилось для него полнейшей неожиданностью и привело к серьезным политическим осложнениям во время захвата этой страны. И теперь он был полон решимости не допустить повторения подобного случая с королевой Вильгельминой. Капитан 3-го ранга Протце в Вассенаре и Клевен из голландского отдела абвера получили приказ задержать королеву в Гааге. Но план этот провалился. К тому времени, когда головорезы Протце прибыли в королевский дворец, чтобы выполнить приказ Гитлера, королевы и след простыл.

Дело в том, что она обратилась к англичанам с просьбой прислать несколько истребителей для борьбы с немецкими бомбардировщиками. При переводе ее телеграмму исказили, и в Лондоне поняли, что королева просит самолет для бегства из Голландии. Поскольку послать самолет было невозможно, англичане прислали миноносец, который и должен был принять на борт королеву.

Королева, прибыв на миноносец, приказала его командиру

отвезти ее в Флиссимген на юге (Голландии). Но командир корабля не смог войти в порт и в конце концов сказал королеве, что остается один выход — направиться в какой-нибудь английский порт. 10 мая в 5 часов вечера усталая королева прибыла в Букингемский дворец. Она очень переживала, что оказалась за пределами своей страны в самую тяжелую для нее минуту. Таким образом, если кому-либо и удалось похитить Вильгельмину, так это англичанам. Но был ли этот шаг запланирован заранее или нет — никто не скажет даже сегодня.

Нидерланды сопротивлялись только пять дней. 28 мая капитулировала Бельгия, а затем наступила очередь Франции.

Глава 9
Черчилль у штурвала

С началом войны завершилась и изоляция Черчилля, и 3 сентября 1939 года его снова ввели в состав английского правительства в должности первого лорда адмиралтейства. Не успел он усесться в старенькое кресло перед деревянным стендом для карты, который он поставил в кабинете первого лорда еще в 1911 году, как по флоту молниеносно разнеслась весть: «Уинстон вернулся!» Его бодрящее присутствие мгновенно почувствовалось во всем, в особенности в разведке.

На протяжении всей своей довольно пестрой карьеры Черчилль был защитником и приверженцем службы разведки. В Первую мировую войну он установил самые тесные контакты с Управлением морской разведки адмиралтейства. Вполедствии, оказавшись не у дел, он располагал собственной секретной службой, что позволяло ему владеть ситуацией касательно всех важнейших проблем.

Прежде всего Черчилль изучил положение в разведывательной службе. И результаты в целом удовлетворили его. Разведывательная служба вооруженных сил не была поражена анархией и немощью, парализовавшими деятельность секретной службы МИДа Англии, хотя и страдала от вечной нехватки квалифицированных кадров, впрочем, как и все структуры военного министерства. Там существовал надежный костяк офицеров, служивших под началом опытных шефов. МИ-АЙ — Директорат военной разведки при военном министерстве — находился под началом весьма популярного 46-летнего генерал-майора Фредерика Джорджа Бомон-Несбитта, разведкой военно-воздушных сил руководил полковник К. С. Басе, бывший офицер Королевских ВВС, который в послевоенные годы занимал ряд высоких должностей в разведывательной службе МИДа.

В лице адмирала Джона Генри Годфри морская разведка обрела способного, опытного, энергичного и отличавшегося творческим подходом руководителя. Штат адмирала Годфри был малочисленным, но вскоре пополнился новичками, как правило офицерами запаса. Подавляющее большинство составляли проработавшие какое-то время за границей журналисты, и на своей новой работе им очень пригодилось чутье на новости.

Буквально несколько часов спустя после прибытия в адмиралтейство Черчилль первым делом написал записку в Разведывательно-оперативное управление адмиралтейства (РОУ

адмиралтейства) с просьбой представить ему исчерпывающие сведения о германском подводном флоте. Черчилль был приятно удивлен быстротой, с которой ему эти сведения представили (ровно сутки), как, впрочем, и ее достоверностью. Разведывательно-оперативное управление сообщало, что Германия располагает 60 боеготовыми подводными лодками и что к началу 1940 года число их вырастет до 100. Цифра имевшихся у Германии подводных лодок была чуть преувеличена — на самом деле их у нее было 57. И еще 40 находились в постройке.

Черчилль продолжал бомбардировать РОУ адмиралтейства письмами и записками. 6 сентября, например, он запросил данные о положении на западном побережье Ирландии, которое, как он верно предполагал, должно было стать главным районом коварных происков разведки Канариса. «Есть ли признаки захода германских подлодок в ирландские бухты и фьорды? — спрашивал он и тут же предлагал: — Следует, по-видимому, выделить часть средств на создание в Ирландии надежной агентурной сети для наблюдения за действиями немцев в Англии». Предостережение Черчилля было весьма своевременным, поскольку, как мы убедимся далее, нейтральная Ирландия стала активным фронтом тайной войны.

Однажды Черчилль посоветовал РОУ адмиралтейства печатать секретные документы и наставления на особой бумаге из нитроцеллюлозы, которая, если ее поджечь, мгновенно взрывается; в другом случае — предложил минимизировать размеры секретных документов с тем, чтобы прочитывать их можно было лишь при помощи мощной проекционной аппаратуры. Хотя в тот период еще не знали о применяемой в абвере системе микроточек, но Черчилль смог угадать их существование. То, как его живой ум позволял ему получать важные сведения из открытых источников, например из сообщений в прессе, доказывает один эпизод, произошедший накануне битвы за Европу. 30 марта 1940 года Черчилль прочел коротенькую заметку в газете «Дейли телеграф» о том, что около 20 германских судов, стоящих на якоре в портах Голландии, судя по всему, готовятся к прорыву блокады британцев. Черчилль предположил, что такой массовый исход — признак готовящегося вторжения немцев в Голландию, и тут же сообщил о своих соображениях в РОУ адмиралтейства.

Когда война привела его в кресло премьер-министра, Черчилль, не теряя времени, занялся реорганизацией и совершенствованием проведения операций английской разведывательной службы. Одним из его первых назначений был

майор Дезмон Мортон — майор стал его личным адъютантом по вопросам разведки. Мортон был соседом Черчилля по Чаруэллу и на протяжении длительного времени его советником. Они познакомились в Первую мировую войну, когда Мортон, служивший тогда при штабе фельдмаршала Хейга, сопровождал Черчилля во время поездок на фронт. И когда в 1919 году Черчилль стал военным министром и министром авиации, он назначил Мортона на важный пост в разведслужбе.

Их дружеские отношения пережили и уход Черчилля из политической жизни в период между двумя войнами. Мортон оставался, согласно официальному распоряжению, источником конфиденциальной информации для Черчилля. И с началом Второй мировой войны Мортон тоже был личным советником Черчилля по вопросам разведки. В конце войны майор Мортон был удостоен одной из высших наград Великобритании.

В кабинете Черчилля двое сотрудников исполняли важные разведывательные функции и координировали деятельность политического руководства и секретной службы. Речь идет об Эдварде Бриджесе, секретаре военного кабинета, и полковнике Эдварде Иэне Клоде Джекобе, помощнике секретаря по военным вопросам.

Но одних только назначений надежных и знающих людей на ответственные должности было мало. В июне 1940 года Черчилль продолжал сражаться с мелочной опекой МИДа над секретной службой. Он сформировал две новые группы на самом верху властной пирамиды.

Был создан гражданский триумвират под названием «Комитет трех», прозванный «Секретной тройкой Уайтхолла». Во главе этой тройки стоял лорд Суинтон. Предполагалось, что упомянутый комитет станет высшей инстанцией Великобритании, которая займется всеми связанными со шпионажем вопросами и будет подчиняться исключительно Черчиллю и перед ним же отчитываться. Комитет, по словам Стэнли Фирмина, располагал «абсолютным координационным контролем над всеми фазами деятельности, осуществляемой британской разведслужбой». На практике же упомянутый контроль вылился в контрразведывательную деятельность.

Второй группой стал Объединенный комитет разведки, включавший начальников самых различных разведслужб. Начальники разведслужб собирались на совещания, координировали работу, оценивали полученные их ведомствами сведения и направляли их, снабдив собственными оценками и выводами, на рассмотрение премьер-министру и военному кабинету, с одной стороны, и Имперскому Генштабу и

начальникам служб — с другой.

Именно Объединенный разведывательный комитет (ОРК) в беспокойное лето 1940 года практически ежечасно информировал Черчилля о планах вторжения вермахта в Англию. Черчилль, откровенно говоря, не всегда был удовлетворен сведениями, предоставленными ему ОРК. Он редко опровергал изложенные факты, но зато часто не соглашался с выводами. Черчилль не терпел, когда кто-то представлял ему уже «разжеванные» разведывательные данные. Он предпочитал получать «подлинные документы в их первоначальной форме», чтобы самому разобраться с ними, сделав соответствующие выводы.

Под руководством двух упомянутых групп разведка стала функционировать как единое целое, слаженно и синхронно. Существовала «Сикрет сервис» со своим обновленным аппаратом, прошедшим кадровое омоложение, и Директорат военной разведки (18–19 отделов и подотделов), включая особый отдел шпионажа и саботажа в МИ-6 (особые операции): 3 отдела военно-морской разведки, которая вскоре оказалась под весьма квалифицированным управлением капитана 1-го ранга Рушбрука (так и остававшегося на этой должности до самого конца войны), разведка Королевских ВВС под началом Басса, отделы безопасности МИ-5, Скотленд-Ярд (Управление уголовных расследований и спецотдел), Королевские ВВС и МИД.

На протяжении всей истории существования результативность британской секретной службы была неразрывно связана с тем, кто ее возглавлял, — начальником всего комплекса служб организации. Имя его составляло государственную тайну и после ухода его с этого поста и позже даже в некрологах. Великобритания даже гордилась этим и никогда не скрывала этого принципа, даже наоборот — мир никогда не знал, кто есть главный шпион империи. Пол Дьюкс, удостоенный рыцарского звания за проведенные им блестящие операции в период революции в России, писал: «Минуло полтора года, прежде чем мне было дозволено узнать его настоящее имя и титул, и даже тогда я старался никогда не упоминать его».

В такой организации, как «Сикрет сервис» с твердой дисциплиной и железным соблюдением принципа секретности, что не всегда встретишь даже в тоталитарном государстве, сверхсекретность фигуры руководителя играет доминирующую роль.

И вот на небосклоне английской секретной службы взошла новая звезда, Стюарт Мензис. На момент назначения Стюарта Мензиса на должность руководителя секретной службы ему исполнилось 44 года, это был истинный джентльмен и галантный

офицер. Сын леди Холфорд, Мензис был выпестован тремя теми британскими институтами, задачей которых является воспитание и образование людей подобного склада и специальности, — Итон, гренадерская гвардия и полк дворцовой кавалерии. Он был дважды женат и находился в родстве с Энтони Иденом.

Трудно сказать, что еще способствовало назначению полковника Мензиса на столь ответственную должность. Но Великобритания в проигрыше не оказалась. Он оживил и перестроил окостеневшую секретную службу, и она вновь стала достойной своих престижа и традиций. Находясь на этой должности, Стюарт Мензис отдавал все силы службе и в годы Второй мировой войны, и в не менее сложные годы холодной войны вплоть до своей заслуженной отставки в 1951 году. Благодарные британцы дважды присуждали ему звание генерала и рыцаря.

Мензис был также удостоен бельгийского ордена Леопольда и удостоился высших наград Польши, Голландии и Норвегии. Соединенные Штаты наградили его орденом Legion of Merit. Как мы убедимся, он был удостоен этих знаков отличия за службу, характер и детали которой в наградных листах обычно не упоминаются.

Престарелый генерал Келл подал в отставку и покинул военное министерство, и на его место главы существенно расширенной МИ-5 (5-го отдела военной разведки) был назначен Дэвид Петри, сотрудник полиции с блестящим послужным списком, заработанным им в годы службы в Индии. Будучи всего на пять лет моложе Келла, этот непреклонный шотландец привнес с собой в МИ-5 юношеский азарт в сочетании с методичностью ветерана-полицейского и строгой дисциплиной колониального служащего.

В дополнение к обновлению личного состава прежних структур требовалось и сформировать новые по характеру и назначению ведомства — без этого выиграть войну нового типа было бы просто невозможно. И они были сформированы, причем в сжатые сроки: Управление цензуры почтовой связи, радиоразведка, специальное управление по борьбе с диверсантами, собравшиеся под руководством смельчака с мечтательным взором и мягким баритоном лорда Ротшильда, того самого выходца из семьи банкиров, который предпочел работе в банке несколько иной вид деятельности.

Еще до разгрома Франции Уинстон Черчилль предвидел необходимость мобилизации всех ресурсов для оказания противнику постоянного сопротивления на Европейском континенте. Он продвигал создание специальных сил, которые

изматывали бы неприятеля, наносили удары по его самым уязвимым местам, наносили бы ему неожиданные и весьма ощутимые потери, собирали необходимые сведения и в случае необходимости могли быть оперативно переброшены на оборону Англии. «Мы должны, — писал он своему адъютанту генералу Исмею, — располагать ударными силами или «леопардами» численностью как минимум 20 000 человек, сформированных из существующих войск и готовых контратаковать десантные группы противника с моря или воздуха».

Одновременно полковник Дадли Кларк из Генерального штаба обдумывал концепцию ведения партизанской войны и вспомнил о добровольцах-бурах, объединившихся в ударные группы. Кларк на листке бумаги изложил свои мысли и направил Черчиллю. Тот немедленно одобрил идею. Кларк вместе со штабом разместились в частном доме в Гросвенор-Крешент, где обучались переодетые в штатское солдаты английской армии.

При обучении случались и курьезы. Черчилль рекомендовал вооружить отряды «леопардов» автоматами «томпсон», но выяснилось, что таких автоматов всего-то 40 штук на всю Англию. А для переброски десанта штурмовых отрядов через Ла-Манш сумели отыскать с полдесятка моторных катеров, причем в двух из них двигатели были неисправны. Когда решили, что при проведении операций в темное время суток солдаты отрядов коммандос будут вымазывать лица черным, нигде черного грима не оказалось, и его пришлось покупать в театре на Уордур-стрит.

Не приходится удивляться, что первый рейд на Ле-Туке-Пари-Плаж нельзя было назвать успешным. По словам официального историка, коммандос «добились немногого и в то же время многого. Военные сведения особой ценности не имели, зато сам факт такой операции вселил уверенность в сердца англичан».

Следующая операция прошла успешнее. В борьбе за превосходство в воздухе исключительно важное значение приобретал радар, и немцы в Брюнвале[23] на французском побережье между Феканом и Гавром установили мощную радиолокационную станцию. Ее обнаружил английский агент, после чего в указанный район направили группу специалистов, которые и определили ее назначение и степень важности. 7 февраля 1942 года в район этой станции с самолетов сбросили отряд коммандос численностью до 120 человек. Для поддержки этого отряда с моря высадили еще 32 человека. Группе удалось захватить часть важной радиоаппаратуры и взорвать станцию. Доставленная в Англию аппаратура позволила раскрыть часть наиболее тщательно охраняемых секретов немцев в области электроники.

В дальнейшем разведывательные функции коммандос отходили на задний план, уступая место чисто военным. Разведку вели другие — при министерстве экономической войны была создана разведгруппа, получившая название Управление специальных операций (УСО).

Создание Управления специальных операций было результатом развития идеи Черчилля, высказанной им в коротенькой записке генералу Исмею 24 июня 1940 года после капитуляции Франции. «Представляется крайне важным, — писал он, — создать сейчас, пока еще не захлопнулась ловушка, организацию, которая помогала бы французским офицерам и солдатам, а также видным специалистам в области техники, желающим сражаться, пробираться в порты. Необходимо создать своего рода «подпольную железную дорогу»… Не сомневаюсь, что по ней непрерывным потоком двинутся решительные люди, а нам дорого все, что может пригодиться для защиты французских колоний». Премьер-министр все же решился передать это, прямо скажем, нестандартное предложение узколобым консерваторам из военного министерства, но не сразу, а когда те созрели для восприятия подобных идей.

Насколько опасно было предлагать подобные идеи, наглядно показывает пример судьбы подполковника из полка First Royal Dragoons А.-Д. Уинтла. В период Дюнкерка он загорелся идеей рекрутировать на аэродромах Франции французских летчиков для оказания продолжительного сопротивления нацистам. Эта идея возмутила его непосредственного начальника. Произошло бурное объяснение. В конце концов Уинтлу были предъявлены обвинения в нарушении субординации, отягощенные угрозами в адрес старшего офицера. В конце концов его оправдали, но с тех пор уже никто из его коллег не решался раздражать полковника Блимпа представлением ему разного рода оригинальных идей.

Но если таких, как Уинтл, просто ставили на место, к Черчиллю все же прислушивались. Военное министерство решило добавить специальный оперативный отдел к военной разведке, и, кроме этого, на более широкой основе и с использованием нестандартных подходов, как уже говорилось выше, на свет появилось Управление специальных операций. Возглавил УСО генерал-майор Габбинс. В своей лекции от 28 января 1948 года он изложил задачи УСО так:

«Потрясение от первых успехов немцев было глубоким, в особенности на оккупированных территориях Западной Европы. Франция, Бельгия, Голландия, Дания и Норвегия были в шоке. Только закаленные столетиями борьбы и угнетения поляки сохранили присутствие духа. И тем не менее сотни тысяч людей

во всех этих странах не желали признавать поражение и искали средства продолжения борьбы.

Страны Британского Содружества вынуждены были обороняться, и всем было ясно, что пройдут годы, прежде чем высадка наших сил станет возможной, но что необходимо было предпринять уже тогда — атаковать врага любыми нестандартными методами, атаковать все его военные объекты, наносить урон его военному потенциалу, где только возможно, истощать его мощь, распылять его силы. Это окажет максимум пользы для сил освобождения, когда придет время высадки наших сил на континент. Именно для выполнения этой задачи и было создано Управление специальных операций».

По словам Габбинса, план действий заключался в следующем:

«Воодушевлять народы оккупированных стран и помогать им подрывать военный потенциал Германии везде, где это только возможно, путем саботажа, диверсий и т. д. и в то же время создавать в этих странах тайные внутренние силы, организованные, вооруженные и подготовленные для действий к началу нанесения главного удара…»

Первоначальный замысел Черчилля (или, в данном конкретном случае, полковника Уинтла) впоследствии расширился. 23 июля Черчилль писал главе военного министерства: «Срочно и безотлагательно принять все меры для обеспечения получения в условиях соблюдения секретности всех необходимых сведений о германской армии на всех ее оперативных участках, для установления тесных контактов с местными жителями и для засылки и внедрения агентуры. Надеюсь, это будет осуществляться широкомасштабно вновь создаваемыми организациями УСО и Министерством экономических военных действий».

Любовно окрещенное «Старой фирмой» Управление сцеопераций помещалось в двух зданиях на Бейкер-стрит. Руководство располагалось в доме Майкл-Хаус, а остальные работники — в доме Норгби-Хаус, неподалеку оттуда, где якобы проживал Шерлок Холмс. Для непосвященных это была контора исследовательского бюро «Интерсервис ресерч бюро» — так, по крайней мере, значилось на вывеске двери в Норгби-Хаус. Другие отделения организации рассеялись по всему Лондону, каждое под аналогичным прикрытием.

Необычное размещение УСО в рамках министерства экономических военных действий объясняет, почему его самым высоким чином стал тот, кого при всем желании трудно было вообразить устроителем диверсионных актов и организатором шпионской деятельности. Это был достопочтенный Хью Далтон,

сын известного церковного деятеля. Выпускник Итона, по специальности адвокат с правом выступать в высших судах и доктор Кинг-колледжа Далтон прекрасно зарекомендовал себя на должности эксперта по контролю за бюджетом от партии лейбористов и в свое время служил канцлером казначейства. Далтон согласился управлять УСО едва ли не из одолжения. С неким равнодушием, что ли, и с неким оправданным возмущением человека, случайно оказавшегося в месте, славящемся дурной репутацией. Кто-то из сотрудников УСО однажды сказал, что Далтон напоминает ему один из тех больших гонгов на деревянных подпорках, которые в старых провинциальных имениях созывают приглашенных на обед. «Стоит по нему ударить обтянутым кожей молоточком, как он выдает глубокомысленный звук, — иронизировал насмешник. — Так и Далтон — но ведь обедов-то не предвидится».

Однако трудно было сыскать интеллектуала, кого бы оставила равнодушным умственная и психическая мощь Далтона. Не были исключением и тяжеловесы разведывательной службы. «Я воспринял его, — заметил Брюс Локкарт, — как человека, открытого для новых идей, решительного, действующего быстро и в высшей степени работоспособного. Мы прозвали его «д-р Динамо», и он свое прозвище заслуживал».

Кроме УСО, Далтон отвечал еще за одну организацию — службу пропаганды (Political Warfare Executive). Служба эта пропагандистски оформляла задачи УСО — как организовать шпионаж, саботаж, как деморализовать противника в тылу и на фронте. Объектом атаки были умы людей и умение направить их мышление в нужном нам направлении.

Именно служба пропаганды обеспечивала нужную трактовку и информационную подачу военных действий: ей приналежит символ «V» (победа), использование аккордов 5-й симфонии Бетховена и многое, многое другое.

Кампания задумывалась Виктором де Лавелем и Дугласом Ритчи, заместителем директора европейской службы Би-би-си, прославившихся в годы войны их радиоперсонажем «полковником Бриттоном». В один вечер зимы 1940 года де Лавель, бывший член правительства Бельгии, увидел нечто интригующее в разведсводке Королевских ВВС. Сообщалось, что бельгийские патриоты в знак протеста писали на стенах домов следующие три буквы — «R.A.F.» Де Лавелю пришла идея заменить три буквы «R.A.F.» одной буквой «V». Отчасти потому, что понятие «победа» было куда более емким, отчасти оттого, что куда легче и быстрее было написать одну букву вместо трех.

Де Лавель был затем назначен ответственным за передачи Би-

би-си на Францию и Бельгию и как-то в ходе одной из своих передач поделился задумкой. Прошло время, он уже успел и забыть об этом, но кто-то ему рассказал о том, что теперь в Бельгии вместо «R.A.F.» повсюду красуется «V».

Примерно в то же время и совершенно независимо от Лавеля Ритчи тоже задумал символ, который благодаря своей мощной визуальной нагрузке вполне способен был вдохновить приунывших было европейцев. Как потом описал это Джон Бейкер-Уайт, замыслы Ритчи и де Лавеля слились воедино в феномене «кампания «V». Каким бы несерьезно детским ни показался этот жест, кампания стала действенной, и вскоре не было в континентальной Европе стены дома, на которой не был бы начертан победный треугольник.

К 1942 году деятельность «Старой фирмы» чуть ослабла, и Далтона заменили лордом, под началом которого УСО пребывала до самого конца войны, — майором графом Селборном. К моменту назначения на должность ответственного за работу службы пропаганды ему было 55 лет и он торговал цементом.

И Далтон, и Селборн были и оставались лишь номинальными главами УСО. Истинным шефом являлся бывалый и гибкий молодой офицер Генштаба британской армии, легендарный Колин Габбинс, которому в ту пору было 43 года. Этот герой тайной войны относится к числу забытых. Габбинс был последним известным начальником секретной службы военного периода (и в основном из-за своего личного выбора). Как только закончилась война и он накопил целую коллекцию орденов и медалей (включая и американский Legion of Merit), новоиспеченный рыцарь Колин Габбинс удалился из армии на отдых. Он поселился на отдаленном острове Харрис, где обрел долгожданный покой после «долгих лет мрака и ужаса», как он сам выразился.

Габбинс руководил плохо вязавшейся с реальностью тайной войной, которая, по его собственным словам, представляла собой «ежедневную битву с гестапо, всевозможными Квислингами и японской тайной полицией — длительную борьбу, полную невероятных, невообразимых страданий, когда гибель подкарауливала вас за любым углом в любую секунду».

Ранее не было аналогов тому, с чем приходилось сталкиваться Габбинсу в последние годы войны. Вторая мировая война была первой в военной истории, где организованное сопротивление на занятых врагом территориях достигало таких масштабов. Задача Габбинса в значительной мере отягощалась многонациональным составом действовавших под его командованием сил и их противоречивыми интересами, идеями и

устремлениями оказавшихся в эмиграции правительств, с которыми ему приходилось сотрудничать в тесном контакте.

Управление специальных операций знавало и периоды упадка, и взлеты героизма. Ему не раз приходилось иметь дело с обусловленным войной рискованным единоборством едва обученных дилетантов с поднаторевшими в авантюрах современными разбойниками.

Иэн Колвин, иностранный корреспондент, чьи скрупулезно-добросовестные обзоры немецкой оппозиции привели его в самую гущу тайной войны, отмечал, что те офицеры УСО, кто уцелел, в ходе войны не покидали Лондона.

Общеизвестный факт, что продолжительность жизни агентов была чрезвычайно короткой. В одной из своих книг Питер Черчилль перечислил около 70 агентов, и лишь 20 из них удалось избежать пленения или гибели. «Сотни таких, как я, посылали на оккупированные территории, — писал он. — Кое-кого схватывали сразу же, едва они успевали погасить купол парашюта, другим же удавалось продержаться с неделю, некоторым и месяцы, а часть агентов арестовывали уже в канун Победы, так что пережили войну лишь немногие счастливчики».

Высокие потери агентуры объясняются не только рисками пребывания на оккупированных территориях, но и постоянной нехваткой кадров в УСО. Как указывает Колвин, многие из замышляемых операций были хоть и оригинальны, но из рук вон плохо продуманы и подготовлены.

Львиная доля истории УСО до сих пор закрыта законом «О государственной тайне», и обстановка такова, что большая часть упомянутой истории так и останется засекреченной. Небольшое число разрешенных для публикации повествований выставляют «Старую фирму» учреждением, где случались расколы, раздираемым завистью, хаосом и невежеством, где распри и склоки ставили под угрозу тех, чьи жизни зависели от их британских организаторов. Такова история, описанная Жаной Овертон Фуллер в ее книге «Мадлен». Эта история умилительно-трогательной молодой женщины, участницы Сопротивления, из уст которой непрерывным потоком изливались упреки и претензии к УСО, которую она обвиняет в грубейших промахах. Часть упомянутых претензий настолько грандиозны, стоили жизни стольким людям, что критики УСО даже принялись утверждать, что огрехи службы объясняются отнюдь не только тупостью, дезорганизованностью, склоками и беспечностью ее сотрудников, а чем-то куда более серьезным. «Но подтверждение или опровержение этих фактов, — продолжает Колвин, — не говоря уже о расследовании Межсоюзной комиссией,

исключалось согласно распоряжению об уничтожении всех документальных записей УСО сразу же после войны».

Влияние УСО на стабильность в Европе будущего тоже оказывалось под вопросом, в частности, заслуживают внимания произведения Лиддела Гарта, который рискнул высказать мнение, что долговременное наследие УСО достойно сожаления. Ф.-О. Микше, во время войны начальник секретной службы голлистов, согласен с этим утверждением: «Подпольная народная война (к которой призывала УСО) разъедает душу нации этим систематическим стремлением к неповиновению и неуважению к закону и порядку. Как во время всех революций, пресловутые «народные войны» приводят к одному лишь хаосу, провоцируют жесточайшие битвы, в которых все средства хороши — и месть, и коварство, и даже предательство в них играют первую скрипку. Любое действие оказывает противодействие, а последующие репрессии поселяют невиданную до сих пор ненависть. Вторая мировая война это уже доказала, и мы в современной Европе постоянно сталкиваемся с последствиями подпольной борьбы военного периода».

Невзирая на постоянную нехватку людей и средств, УСО внесла существенный вклад в достижение победы над врагом и, что несомненно, уберегла сотни тысяч жизней. Брюс Маршал, известный агент УСО, повествует в отчете «белого кролика» о том, как агенты нарушали линии коммуникации противника, подрывая рельсовый путь, как тормозили производство оборонной продукции, выводя из строя электростанции и заводское оборудование. Эта работа была куда точнее, продуктивнее, полезнее и безопаснее тотальных бомбардировок с воздуха. Внедренный на фабрику или завод агент мог целенаправленно и бесшумно нанести куда больше вреда, чем целая эскадрилья бомбардировщиков.

Даже кровопролитие вследствие акций УСО, рискну предположить, все же в конечном итоге оправдывало себя. Я лично считаю, что только суровые методы, страдания и боль способны породить решимость и дальше продолжать тайную войну до самой ее победы, ибо всякого рода уговоры и попытки умиротворения ведут лишь к стагнации и краху.

Глава 10
Горькие водоросли Англии

Летом 1940 года абвер достиг пика могущества, после чего последовал постепенный, едва заметный спад. Британская разведка, выйдя из ступора, с поразительной быстротой превратилась в карающую длань правительства его величества. Эти перемены оказали решающее влияние на ход истории — Гитлеру был позарез необходим абвер для облегчения достижения следующей цели, а Черчилль никак не мог обойтись без своей секретной службы, противостоя Гитлеру.

По завершении кампании во Франции Гитлер вновь утратил чувство уверенности в будущем. Какое-то время он даже стал подумывать о заключении мира. Среди других на сцене появился король Швеции, готовый взять на себя роль посредника в возможных мирных переговорах, которые позволили бы нацистам сохранить награбленное в Европе. Однако стремления Густава V были отвергнуты обеими сторонами: Черчиллем — с негодованием, Гитлером — в замешательстве.

2 июля Гитлер приказал абверу приступить к сбору сведений для подготовки к вторжению в Англию. 16 июля он подписал директиву ОКБ № 16/40 «О подготовке операции по высадке войск в Англии». Последняя фраза преамбулы звучала так: «Операция носит кодовое наименование «Зелеве» («Морской лев»)». Уже само это название рассекречивало намерения Гитлера, свидетельствуя о его заносчивости и самоуверенности.

И все же был предпринят ряд мероприятий, задачей которых было обеспечение секретности военной операции.

Гитлеровская директива была отпечатана лишь в 7 экземплярах — по одному главнокомандующим ВМС, сухопутными силами и ВВС, один для начальника штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования вермахта генерала Йодля и два — для отдела «L» (Landesverteidigung) штаба Йодля, офицерам которого поручалось изготовить рабочие копии плана. Седьмой экземпляр остался у самого Гитлера.

Но англичанам все-таки удалось проникнуть в тайну операции «Морской лев». Еще 27 июня Черчилль получил разведывательное донесение о том, что оперативный отдел штаба германских ВМС занят разработкой планов вторжения в Англию. Английская разведывательная машина тотчас же была приведена в действие.

Поздним вечером 6 июля полковник Джекобе представил премьер-министру серию документов о вторжении. В них содержались данные, хотя часть их выглядела противоречиво. Было и несколько агентурных донесений, подтверждавших факт, что именно Англия — ближайшая цель военной операции Гитлера. Однако агентура, действовавшая на берегу Ла-Манша, в один голос твердила, что ни о каких приготовлениях к вторжению на территорию Англии и речи нет.

Неопределенность царила приблизительно до третьей недели июля, когда военная разведка стала выявлять части вермахта, якобы предназначенные для вторжения в Англию. Две горнострелковые дивизии проходили интенсивную подготовку в скалистой местности французского побережья под Булонью. В Булонь был направлен агент Бруно. Подтвердилось, что германские части готовятся к боевым действиям в районе Фолкстона в Великобритании.

Кроме того, британским разведчикам удалось выяснить, что к вторжению готовят 2 полка парашютной дивизии общей численностью 5000 человек. Цель высадки — южная часть Даунса. На побережье пролива Ла-Манш, между Остенде и Булонью, были замечены части еще 13 дивизий и обнаружено скопление войск в районах Па-де-Кале и в Нормандии. Береговая охрана выявила значительное число самоходных барж и моторных лодок вблизи побережья Франции, данные аэрофотосъемки документально подтвердили нарастающую угрозу.

Возникла настоятельная необходимость как можно скорее направить на французское побережье Ла-Манша агентуру для выявления позиций береговой артиллерии, которые по каким-то причинам были упущены воздушной разведкой, например, тщательно замаскированные артиллерийские батареи. Агентов-французов на данный момент на побережье не было, пришлось набирать их в Великобритании. Один человек, политик из Вестминстера Р.-И. Хатчинсон, неплохо знал этот регион и неоднократно бывал в районе мыса Гри-Не (юго-западнее Кале). Но и его там знали, почему его появление было небезопасно. Пришлось прибегнуть к пластической операции, изменившей внешность. Он высадился во Франции с забинтованной физиономией. Его миссия оправдалась — Хатчинсон вернулся с детальной информацией о дальнобойной береговой артиллерии немцев, дислоцированной в районе Гри-Не.

Затем секретную службу ждал феноменальный успех. Просочились сведения о том, что Гитлер назначил точную дату вторжения в Англию — 15 сентября. Он назначил не только

время, но и место предстоящей операции — район между Фолкстоном и Истборном и участок побережья севернее Брайтона. То есть там, где пролив Ла-Манш наиболее узок.

Решение было принято 31 июля. Сведения дошли до Черчилля в начале августа вместе с переводом письма германского армейского Верховного командования, из которого явствовало, что оно отнюдь не в восторге от перспектив пресловутой высадки. 7 августа начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Франц Гальдер аргументированно возразил Гитлеру, указывая на то, что разработанный штабом германских ВМС план вторжения, по сути, означает для германских войск кровавую мясорубку.

Но напряжение нарастало. 7 сентября английская разведка доложила, что немецкие баржи и малые суда приступили к выдвижению к исходным пунктам. Численность люфтваффе возрастала до боевых величин. Наблюдатели отмечали, что концентрация пикирующих бомбардировщиков малой дальности на передовых аэродромах существенно увеличилась.

Располагая огромным количеством разведданных, Англия сумела подготовиться к предстоящей кампании. На стороне немцев все выглядело по-иному. Там царила неуверенность, объяснявшаяся в основном тем, что планировщики операции, включая адмирала Шнивинда и штабистов Йодля, вынуждены были разрабатывать планы, не располагая достаточными и достоверными сведениями от разведки. 7 июля фельдмаршал Кейтель выразил мнение о том, что «Морской лев» — крайне сложная операция, подходить к выполнению которой необходимо весьма тщательно», потому что, как он выразился, «береговая разведка на острове ограничена и рассчитывать на нее не следует». Гитлер вел себя будто слепец.

Когда Гитлер отдал приказ абверу получить необходимые для вторжения сведения, полковник Буш, все еще полагая, что в Англии у него существует сеть агентуры, велел агентам бросить все и приступить к работе. Но Буш получил из Англии лишь сигналы передатчиков проваленных или перевербованных агентов — данные оказались либо бесполезными, либо дезинформацией. Тогда Пикенброк и Буш решили забросить в Англию еще одну группу агентуры и работать с уже созданной в Ирландии разведкой из членов Ирландской республиканской армии (ИРА). Эта идея преследовала две цели: первое, Ирландию можно было использовать в качестве перевалоччного пункта для проникновения германской агентуры в Англию и получать оттуда необходимые сведения, и, второе, немцы планировали поднять восстание против англичан, и это в преддверии вторжения весьма

осложнило бы положение Англии.

Для первого удара в Ирландии абвер решил воспользоваться нестандартной тактикой — воспользоваться уже однажды проваленным агентом Германом Гёртцем. Пресловутый Герман Гёртц, лишенный практики гамбургский адвокат, решил податься в шпионы потому, что иного выхода у него просто не было. Еще в 1935 году Гёртца послали в Великобританию вместе с привлекательной «секретаршей» Марианной Эмиг. Этот план был с дальним прицелом — часть сведений в свое время помогла бомбардировщикам люфтваффе во время авианалетов на Лондон.

Однако уже скоро Гёртца арестовали и приговорили к 4 годам тюрьмы, после чего выслали в Германию. Но в 1939 году Гёртца по указанию Буша отправили в Ирландию. Его сбросили на парашюте, но по причине невнимательности пилота шпион приземлился в Северной Ирландии. Гёртцу едва удалось уйти от местной полиции и пересечь границу Ирландии, бросив радиооборудование и шпионское снаряжение. Англичане объявили о награде в 3000 фунтов за его поимку. Поскольку значительная часть ИРА выступала против сотрудничества с немцами, Гёртц и в Ирландии чувствовал себя достаточно неуютно, и арест воспринял чуть ли не с облегчением. Несколько лет он провел в ирландском лагере для интернированных, затем было решено передать его англичанам. Но в ночь перед этим Гёртц свел счеты с жизнью.

Гёртц был не единственным, на кого абвер делал ставку в связи с Ирландией. Шин Рассел был доставлен из США в Германию, где в шпионской школе абвера Куэнзе проходила подготовку небольшая группа агентов, костяк которой составляли именно ирландцы из ИРА. Туда же направили и ирландского эмигранта Шина Рассела. Поскольку немцы опасались, что англичане в один прекрасный день все же оккупируют Ирландию[24] или в случае успешного завершения операции «Морской лев» переведут туда правительственные органы, они считали первостепенно важным ускорить подготовку восстания ИРА. Для транпортировки Рассела в Ирландию была организована даже специальная подлодка, но Рассел, прибыв во французский порт Лорьян, чтобы там сесть на подлодку, неожиданно почувствовал себя плохо — обострилась язва. Тем не менее немцы посадили его на подводную лодку, но по пути в Ирландию Рассел скончался от желудочного кровотечения.

Абвер располагал и еще одним, третьим по счету важным и перспективным агентом-ирландцем в Лондоне. Это был довольно известный ирландский бизнесмен, утверждавший, что имеет выход на ИРА, но сам к этой организации не принадлежит. Этого

человека немцы собирались использовать в качестве связника между ИРА и германским абвером. Но с началом войны стало весьма сложно не только разыгрывать эту трехходовую комбинацию, но и вообще поддерживать контакт с этим агентом-ирландцем.

Через Испанию к нему выслали агента. Этот агент должен был доставить ирландцу кодировочные таблицы и радиоаппаратуру. Курьер этот добрался до Лондона, но стоило ему позвонить ирландцу, как тот настолько перепугал его, что абверовец сначала вообще отказался от задуманного плана. Используя старый как мир, проверенный и надежный способ — шантаж, курьер пригрозил перетрусившему агенту, что в случае отказа сдаст его британцам. И ирландец не смог устоять перед таким аргументом и согласился продолжать работать на абвер, но наотрез отказался пользоваться радиопередатчиком. Потребовалось организовать регулярные визиты еще одного курьера-связника, который наведывался бы в Лондон и забирал собранные материалы. После этого планировалось уже вдвоем ехать в Ирландию и собирать отчеты от тамошней агентуры — ирландских контактов лондонского бизнесмена. Насколько эффективно функционировала описанная цепочка, видно уже из признания самого абвера: «За всю войну один-единственный курьер сумел добраться до Германии».

Какой бы важной ни являлась для германской разведки ирландская агентура, в предвоенные годы мало что было сделано для ее соответствующей подготовки. Канарису все труднее становилось выбивать у Геринга авиацию для заброски агентуры в Ирландию. Так, в июне 1940 года некий фанат парусного спорта по фамилии Ниссен, которого с Канарисом связывало общее увлечение, получил приказ явиться в распоряжение командира «батальона 800» генерала фон Лахузена. Абвер пожелал воспользоваться хобби Ниссена для переброски агентуры в Британию и Ирландию.

На побережье Ла-Манша Ниссена никто не ограничивал. Он был наделен правом реквизировать любую лодку или яхту по своему усмотрению, подбирать для них экипаж, организовывать различного рода выходы в открытое море — одним словом, предпринимать все, что считал необходимым, но с одним условием — действовать очень и очень быстро.

Ниссен продолжал работать, хотя и не завершил приготовлений, но был вызван в Брест, где ему велели перебросить в Ирландию троих агентов абвера. Без промедления. «После трех дней плавания, — как позже докладывал Ниссен, — я под покровом темноты без осложнений высадил пассажиров в

заливе у городка Болтимор, у Фастнер-Рок на юго-западной оконечности Ирландии».

Несмотря на то что переправа прошла «без осложнений», сама операция завершилась провалом. Из трех пассажиров Ниссена двое немцев были малоопытными агентами из Южной Африки и третий — торговец судами из Индии. Предполагалось, что они отправятся из Ирландии в Англию, доставят сведения касательно операции «Морской лев», передадут ее по рации в Германию, а затем будут заниматься актами саботажа. Индиец струсил. Он решил сдаться англичанам и так и просидел всю войну в лагере для интернированных. Двое молодых немцев попытались добраться до Англии, но их схватили и тоже посадили за решетку.

Неудачи угрожающе множились, и абвер впадал в отчаяние. Второпях абверовцы прочесывали папки личных дел в поисках замены провалившихся агентов, но ничего подходящего не находилось. Но все же эта охота за шпионами дала результат. Отыскали одного человека, который не только хотел, но и страстно желал попасть в Англию. Он был профессиональным шпионом. Звали его Вальдберг.

Каким же ничтожеством он оказался! Будучи на тот момент тюремным стукачом в лагере для военнопленных, он ни слова не знал по-английски! Вальдберг был тертым калачом и более-менее успешно справился с несколькими заданиями абвера в Бельгии и Франции, но, по-видимому, перетрудился и устал.

Еще троих агентов отыскали в Голландии, один из них был немцем, которого где-то откопал лидер голландских национал-социалистов Муссерт (Мюссерт). Карл Майер, 24 лет, нацист до мозга костей, согласился на участие, когда ему сказали, что двое суток спустя там уже будут германские войска, а к нему лично прибудет с деньгами человек и отвалит ему королевский гонорар.

Двое других были мелкими голландскими спекулянтами, которых, прибегнув к шантажу, уломали выехать в Англию. Их поставили перед дилеммой — либо Англия, либо нацистский концлагерь. «Я понимаю, что значит оказаться в Германии, — заявил один из них, которого звали Понс. — Я был готов на все, лишь бы выбраться из этого капкана». Его коллегой был Шарль Альбер ван де Кибоом, 26-летний конторский служащий, во внешности которого наличествовали неоспоримые доказательства того, что мать его была японкой.

Лихорадочные поиски предоставили еще троих рекрутов: 34-летнего немецкого торговца Карла Тео Дрюке, молодого, туповатого водителя-швейцарца Вернера Генриха Вэлти и еще одну загадочную особу, которую никто не знал. Как и Кибоом с

Понсом, все они отвратительно говорили по-английски, еще меньше разбирались в агентурной работе и согласились нелегально отправиться за рубеж исключительно по принуждению.

Единственным агентом, на которого еще можно было хоть как-то рассчитывать, была упомянутая женщина. Ей было чуть за 20, очаровательная блондинка. Северного типа, красивая, довольно высокая, но в то же время вполне женственная и умеющая себя держать. Таких охотно помещают на рекламных плакатах горнолыжных курортов. Кроме того, она была и умна, да и нервы, судя по всему, у нее были стальные.

Что понадобилось этой женщине в своре недоумков и подонков? Никто понятия не имел, откуда она взялась.

Назвалась она мадам Эриксон и уверяла всех, что по национальности норвежка, но эта фамилия — вымышленная, а то, что она говорила по-английски без малейшего акцента, ставило под сомнение то, что она — норвежка. Ее спутники понятия не имели о том, кто она такая, не знали даже ее вымышленного имени. Они обращались к ней «фрейлейн», но относились к ней с заметным почтением, ибо сомнений не было, что пресловутая «фрейлейн» и есть босс.

Отныне у Канариса была горсточка шпионов для отправки в Англию — 6 мужчин и одна женщина. Но численность в шпионаже — это отнюдь не всегда признак перевеса. Случается, что и действующий в одиночку агент добивается самых фантастических успехов, но эта группа не представляла собой ничего примечательного, за исключением разве что их полнейшего несоответствия друг другу. Лишь крайняя степень отчаяния подвигла абвер на подбор агентуры такого рода.

Лорд Джовитт, кто знал этих людей гораздо лучше других, как по Германии, так и по Англии, сказал по этому поводу лишь одно: «Если акции, в которых у меня имеется кое-какой опыт, были достойным примером германского шпионажа, этот же шпионаж в таком случае никуда не годный».

Но у абвера времени на выбор не оставалось. Кибоома, Понса и Майера направили в Брюссель. Двух из троих голландцев разместили в меблированных комнатах, а Майера, поскольку тот был добровольцем, — в отеле «Метрополь». Месяц их обучали работе на особом радиопередатчике и азбуке Морзе. Подготовка Майера осуществлялась по расширенной программе. Как он сам описал ее: «Они давали мне уроки структуры английской армии — дивизии, бригады, из каких подразделений они формируются, словом, о разных важных вещах. Например, где располагаются батальоны и как их распознать. Натаскивали, как ходить в кафе,

пабы и подслушивать разговоры солдат. Как заводить друзей. Были и другие темы: если заметишь передвижение танков или другой техники, по возможности точно запоминать номера. То же самое относилось и к пехоте, проходящей через города, запоминать направление и пункт назначения».

Семерых шпионов разбили на две группы: Вальдберг, Майер, Кибоом и Понс должны были направиться на юг Англии, а Шотландию избрали пунктом назначения для Дрюке, Вэлти и женщины. 2 сентября первая группа была готова к отправке. Вальдбергу была поставлена задача — «определить, какие дивизии и бригады дислоцируются на южном побережье, каков тип фортификационных сооружений и тип вооружений как береговой артиллерии, так и противотанковой». Майеру предстояло собирать сведения об экономическом положении страны, о состоянии боевого духа населения, а также о Королевских ВВС. Кибоому и Понсу было предписано просто следить за обстановкой без каких-либо конкретных указаний: «как люди живут, как ведут себя», как Понс выразился на своем кошмарном английском, «много ли там солдат, ну, в общем, об этом».

Полученные таким образом сведения агенты должны были передавать по радио в часы между 5 и 8 утра. Наконец их экипировали, посадили на рыбачью лодку и переправили через Ла-Манш. Последний участок они преодолели на резиновых лодках и высадились в районе болот Румни-Марш. К 4 часам утра все высадились на берег. Вальдберг развернул рацию, забросил на стоявшее неподалеку дерево антенну и отстучал хозяевам: «Прибыли благополучно, документ уничтожен».

Несколько часов спустя он отправил еще одну радиограмму, но уже не столь оптимистичную. В ней сообщалось: «Майера взяли. Английская полиция ищет меня. Выхода нет. Положение сложное». Вальдберг чувствовал, что отыгрался, поэтому закончил радиограмму пафосным: «Да здравствует Германия!»

Инцидент с Вальдбергом вызвал цепную реакцию. Он почувствовал жажду. Поскольку английским он не владел, послал Майера принести что-нибудь — например, сидра. Майер направился в близлежащий городок Лидд, разыскал там паб и спросил у владелицы сидра и сигарет. Эта леди была далеко не дура: она с первого взгляда заподозрила в нем чужеземца — на часах было 9, в это время в пабе спиртного не подавали. Майеру посоветовали подойти позже, а когда он подошел в 10 часов утра, его уже дожидался полицейский. В полицейском участке Лидда он признался, что нынешним утром высадился с моря на лодке. Но он — голландец, и собирался попасть во Францию, чтобы там

вступить в ряды вновь созданного голландского Сопротивления. О Вальдберге он не сказал ни слова, так что англичанам пришлось искать его товарища самостоятельно. Много времени это у них не заняло. Это произошло ранним утром следующего дня (4 сентября). Жажда погнала Вальдберга из укрытия, и он сразу же угодил в руки полиции.

Провал Кибоома и Понса произошел еще быстрее. Утром 3 сентября, около 5 часов, оба высадились недалеко от городка Хайт, даже не подозревая, что в окрестностях дислоцирован Сомерсетский пехотный полк. Оба шпиона тут же были задержаны. В 5 часов утра рядовой Толлерви чуть поодаль от дороги разглядел силуэт мужчины. Он рявкнул: «Стой! Кто идет?» И это сработало — Кибоом послушно подошел и поднял руки вверх.

В 5:25 другой солдат арестовал Понса, причем в самый что ни на есть неподходящий момент — шпион стоял со спущенными штанами. Как Понс впоследствии объяснил, он просто решил сменить промокшие до нитки штаны на сухие. Он тоже сдался, даже не успев застегнуть до конца ширинку штанов.

Вальдберг и Майер окончили жизнь на виселице в Пентонвилле 10 декабря 1940 года. За неделю до них аналогичная участь постигла Кибоома. Понс был оправдан и пережил неудачное приключение.

Британцы воспользовались этим случаем, чтобы сменить тональность на более оптимистическую. В противоположность своей обычной практике они тут же объявили о поимке шпионов и даже поместили в газете фотоснимки изъятого радиооборудования. Им хотелось создать впечатление, что рации такого типа попали к ним только что, а не раньше.

Если раньше перевербованные агенты-радисты работали довольно вяло, то отныне британцы получили возможность активизировать дезинформационную игру, создавая у немцев впечатление, что агентурная сеть абвера работает без сучка без задоринки. Британцы выбрасывали в эфир груду дезинформации, дозированно приправляя ее крохами правды. А абвер заглатывал ее, торжествуя, что информационный голод наконец позади. После этого большая часть плана операции «Морской лев» базировалась на разведданных абвера, а тому их подкидывала британская разведка.

День начала операции «Морской лев» отложили до октября, и, когда подготовка второй группы шпионов — Дрюке, Вэлти и женщины — завершилась, абвер решил послать их в Лондон через Шотландию. Дрюке и Вэлти морским путем переправили в Норвегию, оба поступили в подчинение «фрейлейн». На рассвете

30 сентября все трое уселись на гидросамолет и летели до нужной точки в Северном море у побережья Банффшира (близ города Банфф в Северной Шотландии). Там они пересели в резиновую лодку. То, что они с промокшими ногами вступили на английский берег, по-видимому, ускорило их арест.

Добравшись до берега, все вдруг поняли, что не знают, где находятся. Такие вещи обычно не входят в сценарий высадки. Строго говоря, они должны были действовать по отдельности, и решили, что каждый будет добираться до своего пункта назначения как сумеет. Пользуясь фосфоресцирующим компасом, Вэлти вышел к небольшой железнодорожной станции на линии Абердин — Эдинбург.

Дрюк с женщиной направились к другой железнодорожной станции. С началом войны все названия железнодорожных станций в Англии были убраны, и поэтому Дрюке с «фрейлейн» решили уточнить местонахождение, обратившись к какому-то железнодорожнику! Тот объяснил им, что это, мол, Порт-Гордон, Дрюке подошел к расписанию на стене, ткнул наугад в название какой-то станции и прошептал своей коллеге-даме купить два билета до Форреса. Такое поведение Дрюке и его коллеги вызвало подозрение железнодорожного служащего, и он сообщил куда следует.

Уже несколько минут спустя констебль Грив задавал им вопросы. Допрос вскоре уже в станционном здании продолжил инспектор Симпсон, и в результате обыска обнаружились диковинные вещи: маузер с шестью патронами в обойме, 19 штук патронов в пальто Дрюке, электрический фонарь с маркой «Сделано в Богемии», ряд других улик, включая кусок колбасы, изготовленной в Германии.

Симпсон распорядился посадить пару под замок и связался со спецотделом контрразведки в Лондоне. Он рассказал о Дрюке и описал внешность женщины. Выглядела она даже симпатичнее, чем была на самом деле, в ее прекрасно пошитом костюме. Правда, вид портили промокшие туфли и чулки.

Выслушав описание этой особы, лондонский собеседник Симпсона тут же вызвал другого коллегу-служащего. «Она прибыла», — доложил англичанин. Тот, к кому он обращался, с облегчением откинулся на спинку вращающегося кресла и улыбнулся. «Отлично сработано», — подытожил он.

О том, что скрывалось за этими шифроподобными фразами, британцы до сих пор не желают говорить, разве что лорд Джовитт позволил себе краткую ремарку — мол, «это могла быть мадам Эриксон, ее наши могли использовать». На самом деле эта женщина была британским агентом, внедренным в абвер в

надежде, что ей удастся передавать немецких шпионов в руки англичан, что она и делала, причем достаточно успешно.

А Вэлти между тем добрался до Эдинбурга через Баки. Он прибыл в 5 часов вечера, сдал багаж, зашел в парикмахерскую постричься, а после этого решил сходить в кино. Он сам распоряжался своим временем. Ему предстояла встреча с контактом — человеком в сером фланелевом костюме со шрамом на лбу. Встреча была намечена на утро следующего дня на лондонском вокзале Виктория.

Пока Вэлти смотрел фильм, инспектор Сазерленд из эдинбургского отделения контрразведки, согласно сведениям мадам Эриксон, сумел напасть на его след. Он открыл чемодан, оставленный молодым швейцарцем в камере хранения, и обнаружил в нем целую шпионскую лабораторию. Когда Вэлти вернулся в камеру хранения, он внезапно понял, что по бокам у него двое мужчин атлетического телосложения. Стоило ему попытаться сунуть руку в карман, как ее тут же скрутили. Было видно, что Вэлти просто так не сдастся. Но вышло так, что он в августе 1941 года отправился на виселицу в Уондсуэртской тюрьме. И когда его подводили к ней, даже не оказал ни малейшего сопротивления. Как и казнимый вместе с ним Дрюке. Мадам Эриксон не имела возможности присутствовать при исполнении приговора, ибо была по горло занята где-то еще.

После провала Вэлти в ходе подготовки операции «Морской лев» все сведения (а их было немало) регулярно поступали в абвер из Англии от британской секретной службы. Шло время, искусственный туман, опустившийся на немцев, густел и густел, в конце концов абвер вообще перестал понимать, что происходит. С поступлением каждой новой порции ловко подтасованной дезинформации из Англии британская оборона представлялась немцам все более мощной, их же шансы на победу мало-помалу сводились к нулю.

Первой жертвой легковерия стал 3-й отдел Генштаба сухопутных войск «Иностранные армии — Запад», занимавшийся сведениями о войсках неприятеля. Накануне дня высадки и начала операции «Морской лев» упомянутый отдел подсчитал, что Британия располагает в общей сложности 35 дивизиями, 16 из которых развернуты вдоль побережья, а 19 находятся в стратегическом резерве. На самом же деле Британия имела в распоряжениии всего лишь 26 дивизий. Германская агентура сообщала, что общая численность английских сухопутных войск составляет 1 миллион 640 тысяч солдат и офицеров, в действительности же она не дотягивала и до 1 миллиона человек.

Эти явно завышенные цифры, естественно, изменили мнение

ОКБ (Верховного главнокомандования). Но как выяснилось позже, пресловутая нерешительность немцев объяснялась не только риском, неизбежно связанным с проведением операций подобного размаха. Она объяснилась еще и тем, что немцы поддались на чудовищную ложь, фальшивку, угрозу, которая была в принципе неосуществима практически.

Ложь остается ложью, в конце концов, чаще всего это просто сотрясение воздуха, как выразился много лет назад Шекспир, «сплетни и чесание языками», но в военное время непрерывно копимая в арсеналах спецслужб ложь обретает силу оружия. Все до единой секретные службы располагают соответствующими отделами, в задачу которых с наступлением войны входит распространение панических слухов.

В один из летних дней 1940 года молодой человек лет двадцати восьми, выполнявший тоскливую канцелярскую работу в военном министерстве в Лондоне, был вызван в Управление военной разведки, возглавляемое генерал-майором Бьюмон-Несбиттом. Молодого человека звали Джон Бейкер-Уайт, и ему совсем недавно присвоили звание майора. Майор Уайт получил задание организовать психологическую войну, но не против Германии в целом, а против германских вооруженных сил.

Уайта послали в живописный район залива Святой Маргариты (около Дувра) с заданием выяснить для себя, какими вооружениями располагают там британцы. Истерия с операцией «Морской лев» была на пике, и от увиденного у Уайта похолодело сердце. Побережье обороняла всего лишь стрелковая рота. Артиллерия поддержки состояла из нескольких доисторических французских 75-мм орудий с 10 снарядами для каждого. И ничего больше за этой тонкой линией в глубину свыше 20 миль. «Это подобие обороны» — так прокомментировал свои силы один из офицеров.

И все же кое-что любопытное Уайт увидел. Вдоль побережья тянулись трубы с просверленными в них через равные интервалы отверстиями. Тут же располагались и емкости для бензина, и насосы. Емкости были заполнены смесью бензина, масла и креозота. Все это очень напоминало садовый разбрызгиватель для воды. «В действии, — пояснил Бейкер-Уайт, — подаваемая под напором смесь поджигалась, и огонь источал клубы густого, жирного дыма, доходившего до самой кромки воды».

По пути в Лондон у майора не выходила из головы эта нехитрая установка. Ему рисовались фантастические картины: вот горящая смесь достигает воды, растекается по поверхности моря и начинает гореть уже сам Ла-Манш. «Поджечь море», — снова и снова повторял он про себя. А что, если распространить

слухи о том, что Англия действительно неприступный остров, по выражению Теннисона, защищаемый огнем?

Проконсультировавшись со специалистами, Уайт убедился, что подобная операция вполне осуществима, хотя и связана с определенными трудностями, да и влетит бюджету в копеечку. Вооруженный полученными от профессионалов знаниями, Уайт составил памятную записку и подал ее в комитет для утверждения. Идею Уайта одобрили с резолюцией: «Возражений нет, но считаем это довольно жалкой попыткой».

Слухи стали расползаться от самого Бейкера-Уайта, через иные органы британской секретной службы. Целью их, как обычно, были холл гостиницы «Гранд-отель» в Стокгольме, бары на Авенида в Лиссабоне, отель «Ритц» в Мадриде, и все аналогичные заведения в Каире, Нью-Йорке, Стамбуле и Буэнос-Айресе.

Уайту и его коллеге оставалось лишь ждать эффекта распущенных им слухов. Какое-то время было тихо. И вдруг последовала первая реакция. Пилот сбитого в районе Кента немецкого самолета в ходе допроса в «Кокфостер кейдж» упомянул об обороне Британии с помощью «пылающего моря». Несколько дней спустя еще один взятый в плен немецкий пленный летчик тоже рассказывал об этом же. И потом последовал шквал всякого рода сообщений. Слухи расползались по всему миру.

Два случайных события придали им правдоподобие и силу, что и требовалось для их действенности. Подвергшие атаке скопление немецких десантных барж бомбардировщики Королевских ВВС обнаружили немецкий десантный батальон, тренировавшийся в районе Кале. На батальон высыпали град зажигательных бомб, и многие немецкие солдаты получили серьезные ожоги. Только что сформированное французское подполье вовсю тиражировало эти слухи — отныне в качестве «доказательства» истинности слухов можно было опираться на пострадавших от ожогов немецких солдат, находившихся на излечении в госпиталях Франции и Бельгии.

Почти одновременно с описанными событиями к побережью Британии волнами прибило около 40 трупов немецких солдат. Это были солдаты еще одного батальона вторжения, отрабатывавшие приемы посадки на десантные суда. Несколько барж с солдатами на борту вышли в море, попали в шторм и затонули. Но появление этих трупов немецких солдат тоже увязали с распространяемыми слухами.

«Это было, — писал Черчилль, — источником распространившихся слухов о том, что немцы попытались

высадиться на побережье Великобритании, но понесли огромные потери и в виде утопленников, и в виде уничтоженных огнем пылавшей на воде горючей смеси. Мы и пальцем не шевельнули ради опровержения всех этих россказней, быстро и беспрепятственно распространившихся на оккупированных территориях, зачастую в искаженно-преувеличенной форме, поскольку они оказывали вдохновляющее воздействие на население стран, томившихся под игом немцев».

Во Франции, если кто-нибудь из немецких солдат заходил, например, в кафе, несколько французов обычно вставали и начинали демонстративно обогревать руки у плиты. В Бельгии и Голландии местное население вежливо останавливало немцев на улице, просило у них спички и после этого горящую спичку подставляли чуть ли не к носу немца.

Для германского Верховного командования дело принимало далеко не шуточный характер, в особенности когда абвер получил достоверное подтверждение от своих агентов в Англии. Нет необходимости говорить, что это подтверждение вновь исходило от английской разведки.

Часть германского генералитета, например Гальдер, восприняли эти слухи как избавление, как находку, которую можно было выставить контраргументом к замышляемой высадке. Даже те, кто прежде считал эту операцию в целом осуществимой, теперь увидели ее в совершенно новом свете. День начала операции «Морской лев» был снова отложен.

Было проведено несколько учений, двое — в условиях, приближенных к боевым. Одни учения провели в Нормандии в Фекане, другие на изолированно расположенном озере неподалеку от Фридланда[25] в Восточной Пруссии. Экспертам было указано воздержаться от приукрашиваний и делать реальные заключения, и, надо сказать, они этого принципа и придерживались. Баржи были накрыты листами асбеста, под которыми находились солдаты, затем в воду вылили горючую смесь, подожгли и направили баржи с людьми прямиком в огонь. Все находившиеся на борту погибли.

Учения не развеяли слухи, скорее напротив — подтвердили их правдоподобность. Эксперты доложили Гитлеру, что британцы в состоянии обеспечить огненную полосу, прорваться через которую не представляется возможным — они просто разольют горючую смесь по воде Ла-Манша со специально оборудованных самолетов, а потом подожгут с помощью зажигательных бомб.

Учения в Фекане стали еще одним подтверждением. Несколько обугленных до неузнаваемости тел выбросили из баржи в море, и какое-то время спустя их прибило к

французскому берегу. Обогревшие тела послужили последним и самым убедительным доказательством.

Насколько важную роль сыграли слухи в судьбе «Морского льва», с определенностью утверждать трудно, но ближайшее окружение Гитлера утверждало, что они лишили его присутствия духа.

Как бы то ни было, «Морской лев» был перенесен с сентября на октябрь, потом еще раз на неопределенное время.

Гитлер теперь уже не вопил на Гальдера, когда начальник штаба ОКВ[26] доложил ему 5 декабря, что более не считает возможным осуществление этой операции. 9 января 1941 года Гитлер отдал ОКВ приказ приостановить подготовку к вторжению в Англию, но имитировать ее, чтобы, на всякий случай, держать британцев в напряжении. Но Гитлер обманывал только себя самого.

Но даже и без «Морского льва» Британия подвергалась ожесточенным атакам. Ее атаковали огромные силы геринговских люфтваффе, 12 августа начавшие битву за Британию. В ночь с 24 на 25 августа первые бомбы упали на центральную часть Лондона. Гитлер истерически орал по радио: «Наступит час, когда кто-то из нас рухнет, и это будет не национал-социалистическая Германия». Во второй половине дня 7 сентября начались интенсивные бомбардировки Лондона. Геринг заверил всех, что «они будут продолжаться круглые сутки, пока Королевские ВВС не уничтожат себя в безуспешных попытках остановить нас и пока люди не будут окончательно сломлены».

Но Геринг, понимавший обстановку куда лучше, лишь бодрился. Несмотря на свою хваленую разведслужбу люфтваффе, он и понятия не имел, чем располагали британцы и как они эту технику использовали. Он пытался выведать это у шефа абвера Канариса и шефа собственной разведслужбы люфтваффе, но все, что ему удалось узнать, были данные, хитро подсунутые британцами в ходе радиоигр.

Вследствие неосведомленности гитлеровские генералы спорили и издавали противоречивые приказы для проведения воздушных операций. В первых числах сентября Ганс Шперле доказывал, что Королевские ВВС до сих пор располагают 1000 истребителей. Альберт Кессельринг утверждал, что у них вообще почти ничего не осталось. Беппо Шмидт в качестве максимального количества называл цифру в 350 машин — «Харрикейнов» и «Спитфайров».

Все были не правы. На самом деле британцы имели 650 истребителей.

В ходе всей битвы за Британию немцам недобрую службу

сослужили недостоверные разведданные. «Это было сражение случая и силы с наукой и мастерством, — писал Честер Уилмот. — У немцев не было недостатка в бесстрашии, но у них не было необходимой уверенности, поскольку немцы считали себя в сравнении с противником слепыми, глухими и немыми».

Британцы забрасывали немцев противоречивой информацией, то утверждая, что положение в Англии из рук вон плохое и что боевой дух англичан вот-вот будет сломлен окончательно, то убеждая, что причиненный ущерб малозначителен, а боевой дух высок, как никогда.

Источники дезинформации были разбросаны по всему миру. Британский агент в Вашингтоне передал германскому военному атташе генералу Бёттихеру сведения о том, что Лондон якобы на грани коллапса, что там не работает транспорт, царит голод, ширятся эпидемии. Германский посланник в Лиссабоне докладывал диаметрально противоположное, утверждая, что получил информацию от известного португальского банкира, только что вернувшегося из Лондона (который, кстати, в действительности работал и на британцев). Германский военный атташе в Софии подтвердил информацию Бёттихера, а его коллега в Рио-де-Жанейро представил сведения, во многом схожие с информацией германского посланника в Лиссабоне.

Германская разведка пыталась выудить сведения у разведслужб нейтральных государств. Англичане, предвидя это, использовали помощь своих друзей-дипломатов. Герцог Альба, испанский посол в Англии, и шведский посланник тоже участвовали в этой игре, направляя противоречивые сведения министерствам иностранных дел своих стран, откуда немцы получали нужные сведения.

Британцы получили однажды помощь от совершенно неожиданного источника. Венгерский военный атташе в Лондоне не скрывал симпатий к нацистам и был одним из весьма надежных источников, которые немцы все еще имели в Англии. В мансарде своего дома на улице Гросвенор-Плейс он тайно развернул радиостанцию и через нее передавал в венгерский Генштаб добытую разведывательную информацию. Германский агент в Будапеште пересылал полученное в Берлин.

Однако военный атташе Венгрии в Стокгольме был в таких же доверительных отношениях с британцами, как его коллега с нацистами. Стокгольмский атташе сообщил англичанам об упомянутой секретной радиостанции в Лондоне, британцы завладели ею и продолжали на ней работать, преследуя уже свои цели.

Ставки были высоки, надежных сведений немного, и 17

сентября в разгар битвы за Британию Геринг лично совершил вылет на самолете проверить с воздуха, что недоговаривали ему наземные агенты. Выяснил он, правда, не очень многое.

Но рейхсмаршал решил разыграть еще одного туза. В весенние месяцы 1940 года в радиоперехватах и захваченных немецких документах стало часто появляться непонятное немецкое словечко «Knickebein». По-английски оно звучало чистейшей белибердой, а вот по-немецки означало весьма церемонный ритуал, а именно — «реверанс». Строили догадки о том, что это слово имеет отношение к радиоэлектронному оборудованию, с помощью которого самолеты люфтваффе наводились на цели в Британии. В этих целях немцы в некоторых районах Европейского континента возвели специальные радиомаяки. Используя направленные радиоволны, пилоты люфтваффе выходили на желаемый курс, рассчитываемый по углам между двумя радиосигналами.

Впоследствии англичане воспрепятствовали немецким радиомаякам с помощью системы электронных помех — «микон». «Микон» принимал сигнал немцев, искажал его и возвращал уже под другим углом. Результаты были вполне удовлетворительные. «Микон» нещадно сбивал с курса немецкие самолеты. Однажды даже один бомбардировщик люфтваффе, следовавший по курсу, проложенному измененным лучом, совершил посадку совершенно не там, где планировал. Пилот не сомневался, что приземлился во Франции. Каково же было его удивление, когда выяснилось, что он сел в Девоншире.

Британцы сознавали, что до бесконечности так продолжаться не может. Слово «кникебайн», решили они, должно быть кодовым названием агентурной сети, развернутой немцами в Англии, целью которой было обезвредить «микон». Планировалось, что агентура немцев создаст в английских городах секретные радиомаяки для наведения немецких самолетов. На выявление германской агентуры мобилизовали всю английскую контрразведку. Началась дикая охота за германскими шпионами и их радиомаяками. Но все впустую.

Что же все-таки означал этот «кникебайн»?

На этот вопрос ответили те, кого Черчилль называл «волшебниками войны». «Это тайная война, — писал он, — баталии которой разыгрываются вдали от людских глаз и к тому же даже сегодня требуют немалых знаний… Такой войны за всю историю еще не было. Ее терминология отнюдь не всегда понятна простым смертным. Но если мы не сумеем осмыслить ее и воспользоваться даруемыми ею чудесами… все наше бесстрашие, все принесенные людьми жертвы окажутся напрасными».

Черчилль загодя готовился к «войне волшебников». Назначив профессора Фредерика Линдемана из Оксфорда своим научным консультантом, он организовал при нем две группы ученых: одну для продвижения и стимулирования военно-научных исследований, вторую — для сбора максимума сведений о сходных тенденциях в исследованиях за пределами Великобритании, в особенности в Германии.

20 июня 1940 года предвидение Черчилля принесло обильные плоды. Линдеман явился к нему в кабинет и заявил: «Мы разгадали тайну под названием «Knickebein».

Ликование Черчилля обернулось шоком, когда Линдеман рассказал ему, что это означает. «Knickebein» было кодовым названием нового немецкого устройства, позволявшего бомбардировщикам атаковать независимо от времени суток и метеоусловий. Такой вывод сделал Ричард В. Джоунс, заместитель директора научного отдела разведки ВВС.

Доктор Джоунс был вызван к Черчиллю уже на следующий день. Примерно полтора часа он вполголоса докладывал, «излагал», как выразился Черчилль, «раскручивал цепь доказательств, да так, что Шерлоку Холмсу или месье Лекоку было бы далеко до него».

Ежели рассматривать фигуру Джоунса чисто практически, он был разведчиком крупного масштаба, из тех, кто, сидя за письменным столом, извлекает ценные сведения, служащие ключом к разгадке самых важных тайн неприятеля. Пользовался он самыми различными источниками. В ход шли и протоколы допросов заключенных, захваченные у них документы, записи перехваченных радиограмм и телефонных разговоров, отчеты цензуры — одним словом, вся бумажная масса, скапливающаяся в разведслужбе в годы войны.

Как-то среди обломков сбитого немецкого бомбардировщика офицеры разведки Королевских ВВС обнаружили прибор подозрительно сложной конструкции, сложнее, чем обычные приборы для ночных полетов. Устройство показали Джоунсу, и тот выяснил, что данный аппарат — шаг вперед к созданию новой системы лучей наведения, используемой немцами для наведения самолетов и бомбометания. Джоунс попытался вникнуть в принцип работы новой системы и понял, что речь должна идти о невидимом поисковом луче, который и наводит самолеты на цели.

Джоунс прочесал все лагеря и тюрьмы в поисках взятых в плен немецких пилотов — те явно хоть что-то должны были знать о конструируемой системе. Несколько дней спустя он нашел того, кого искал. Джоунс задал ему несколько вопросов, и пленный

пилот подтвердил предположения Джоунса. Немец признал, что люфтваффе на самом деле испытывают новейшую систему и что ее появление в войсках ожидается к началу широкомасштабной воздушной атаки Англии.

Сообщение Джоунса послужило толчком для активизации деятельности разведки Королевских ВВС, и несколько агентов по добыванию сведений получили приказ заняться «кникебайном». Вскоре разведка установила местонахождение станций «кникебайн» в районе Дьепа и Шербура. Шаг за шагом прояснялась жутковатая картина действия этой новой радиосистемы.

Едва Джоунс покинул кабинет Черчилля, как тот приказал Линдеману срочно приступить к разработке аппаратуры противодействия. Впервые «Knickebein» был замечен в работе 23 августа, когда станции в Дьепе и Шербуре направляли луч на Бирмингем. Как только германские станции заработали, станции противодействия включили и британцы. Якобы неуязвимый «Knickebein» искривился и пропал. Самолеты люфтваффе в полной уверенности, что все идет, как и прежде, нормально, продолжили полет. И вдруг выяснилось, что все далеко не нормально. И эпоха «Knickebein» просуществовала в воздухе не намного дольше старого доброго «микона».

Целых два месяца никто не решался доложить Герману Герингу, что лучи системы «Knickebein» больше не срабатывают. Когда генерал Мартини набрался смелости и ввел рейхсмаршала в курс дела, Геринг отказался в это поверить и заявил своему шефу по науке: «Этого не может быть!» А это было уже в октябре 1940 года. То есть все сроки разгрома Королевских ВВС и победы в битве за Британию миновали.

Глава 11
«Барбаросса»

В июне 1940 года Гитлер, пробежавшись трусцой в Компьене, отпраздновал падение Франции и затем удалился в свое горное убежище Бергхоф, где ему лучше всего размышлялось. Менее месяца спустя, 19 июля, он пригласил генерала Альфреда Йодля отобедать. Йодль был начальником штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ), располагавшегося в специальном поезде «Атлас», чтобы постоянно следовать за фюрером.

Как бы между прочим, между очередной сменой блюд, подаваемых на завтрак, Гитлер отдал Йодлю приказ приступить к разработке планов вторжения в Россию. Вернувшись в вагон «Атласа», стоявшего на запасном пути в Райхенхалле, Йодль обзвонил начальников оперативных структур — полковников Варлимонта и фон Лоссберга, командующего Юнге и майора фон Фалькенштайна — и передал им соответствующие указания фюрера.

В течение нескольких дней был подготовлен предварительный схематический проект плана, но по мере необходимости его предполагалось дополнять поступавшими данными разведки, а таковых было явно мало. Даже поверхностное изучение плана говорило об острой нехватке разведданных.

7 сентября 1940 года битва за Британию была почти выиграна люфтваффе, правда, сами немцы об этом и не подозревали. Королевские ВВС понесли чудовищные потери. Британия вместе с другими странами Запада, по-видимому, сильнее всего озаботилась готовым к прыжку на острова «Морским львом», который должен был ознаменовать конец войны в Европе.

И в тот же день в «Лисью нору» прибыл офицер с посланием лично в руки адмиралу Канарису. Это был документ, пронумерованный 150231/40, подписанный Йодлем, и содержал приказ абверу о подготовке операций против Советского Союза, ни о чем не подозревавшего союзника Гитлера. Йодль призвал к соблюдению чрезвычайной секретности. «Эти меры, — писал он, — ни в коем случае не должны создать у России впечатление, что мы готовим наступление на Востоке».

Канарис был захвачен врасплох. Отношения с Россией были дружественными; органы разведки этих двух стран временами даже обменивались информацией. И после подписания договора

1939 года абверу, в частности, недвусмысленно запретили всякий шпионаж против Советов[27].

Канарис тогда воспринял тот приказ с явным облегчением — у него никогда не было эффективной сети в России. Этот немыслимый железный занавес простирался на тысячи миль — от Северного Ледовитого океана до Черного моря. Сначала тянулась ограда из колючей проволоки с часто расположенными сторожевыми башнями. Затем 15 ярдов голой земли, вспаханной и заборонованной, чтобы на ней был заметен даже крохотный след. А позади 20 миль пустынной сельской местности, населенной одними только пограничниками НКВД[28].

Единственным способом проникнуть в Россию был проход на законных основаниях через КПП — контрольно-пропускной пункт, где туристов тщательно контролировали, а потом не спускали с них глаз на протяжении всего периода пребывания в СССР[29]. Все потенциальные шпионы против России набирались со всей территории Европы, тайно переправлялись в Советский Союз, где немедленно попадали в руки тайной полиции. Все наниматели зарубежных специалистов работали на секретные контрразведывательные службы.

Столкнувшись с подобными ограничениями, Канарис не пришел в восторг от нововведения. Разведслужба, какой являлся абвер, вынуждена была довольствоваться 4 источниками: сведения, просочившиеся случайно или же закономерно в советскую печать, информация, полученная от вернувшихся из СССР законным путем туристов и от всякого рода изгнанников, ну, и от герра Клатта.

Этот непостижимый человек (чье настоящее имя и личность так и не были известны) был тайным агентом № 1 абвера, действовавшим против Советского Союза. Кем он был, как выглядел и что заставило его работать на абвер, кроме чисто меркантильных интересов, сказать трудно. Он был одним из тех своенравных авантюристов, с которыми каждый сталкивается везде на Балканах, которые живут неизвестно на что, иногда даже занимаясь вполне законной деятельностью, но чаще всего теневой. Клатт жил в Софии в 1930-х годах. Там он занимался бизнесом, который, по-видимому, не имел никакого отношения к систематическому шпионажу, и так продолжалось до тех пор, пока он вдруг не проявил себя тайным агентом довольно заметного масштаба. Он получил доступ к секретам Советов и пустился на поиски организации, которой он мог бы эти секреты прибыльно сбыть. Достаточно быстро Клатт убедился, что охотников на его товар немного, если уж кто и готов выложить ему денежки, так это немцы, поскольку остальных этот материал

либо не особо интересовал, либо не хватало средств на его оплату.

В тот период, а было это в 1938 году, абвер еще не располагал резидентурой в Болгарии, таким образом, Клатт вынужден был для установления контактов ездить в Австрию. Вскоре после аншлюса мюнхенское отделение абвера переместилось в Вену и отвечало за работу во всей Юго-Восточной Европе. Функционировало оно при офицере Генерального штаба, полковнике Маронья-Радвице, истовом католике и достойном баварском дворянине.

В августе 1938 года Клатт прибыл в Вену и был принят уже знакомым нам полковником. Он произвел на графа Маронья впечатление, но скорее даже не внешностью (колоритной, но отталкивающей), а прихваченным с собой материалом. Он явился на первую встречу с потрясающим количеством разведданных, в особенности о положении в советских ВВС. Клатт утверждал, что имел связь с советским дипломатическим представительством в Софии, и добавил, что большую часть информации из Советского Союза получал по коротковолновому радио. Несмотря на то что Клатт был чрезвычайно любезен, он решительно отказался сообщать детали об источниках, но вызвался предоставлять свой материал абверу. После того как материалы будут всесторонне изучены, можно будет поговорить и о деньгах. Маронья быстро представил материалы в Берлин, где они произвели настоящий фурор. Сведения были исключительными, и Клатта восприняли как первую забившую нефтяную скважину на долго и безуспешно исследуемом месторождении.

Его материал выдержал испытание самой кропотливой проверкой. Открытие этого замечательного агента сочли столь важным, что о нем сообщили непосредственно начальнику Генерального штаба — случай в целом почти беспрецедентный, и с тех пор материалы Клатта рассматривались в первоочередном порядке специальными, выделенными для этих целей офицерами в Берлине. Его данные легли в основу планируемого немцами нападения на СССР, использовались на самом высоком уровне, о чем практически вся агентура могла лишь мечтать.

Когда сделка была заключена (а это обошлось в астрономическую сумму), новый и успешный шпион вернулся в Софию, где стал главным и основным тайным агентом, собственно, единственным шпионом прямого действия — работал на абвер день и ночь в этом важном секторе секретной войны. Этот феноменальный шпион никогда не разочаровывал своих работодателей. И никогда не прекращал интриговать их. Маронья перепробовал все. Отдел III абвера не раз пытался проникнуть в

тайну этого человека. Все усилия в течение многих лет, направленные на то, чтобы разузнать хоть что-то о Клатте лично и о его источниках, завершались провалом, что породило вполне логичное подозрение в том, что он был, вероятно, советским офицером разведки, имевшим доступ к подлинной информации, и, соответственно, мог сбывать немцам заодно и дезинформацию, если возникала необходимость.

Подозрения, казалось, подтвердились, когда несколько из утверждений Клатта оказались ложными. Круглосуточный контроль показал, что вопреки его заявлениям у него не было абсолютно никакого контакта с советской дипломатической миссией. Каждый раз, когда Клатт утверждал, что получил материал из Советского Союза на коротковолновике, мониторы абвера не могли обнаружить работавших в этом диапазоне радиостанций. Но материалы поставлялись, были подлинными во всех случаях.

Пытались даже инфильтровать в советскую секретную службу человека с единственной целью — узнать хоть что-то о подозреваемом двойном агенте Клатте. Затея была сложной и дорогостоящей, но все, что удалось выяснить, — это что у русских не раз возникали мысли об утечке информации, но этот факт никогда не связывался ни с Клаттом, ни с его операциями.

Если бы немцы додумались искать тайну Клатта в Бухаресте, а не в Софии, они узнали бы по крайней мере часть загадки. Фактический источник шпиона был не советским дипломатическим представителем в Софии, не таинственным, глубоко законспирированным осведомителем в Генеральном штабе Красной армии, а каким-то корреспондентом токийской газеты Исоно Киёшо, проживавшим в столице Румынии. От корреспондента ниточка привела прямиком в дом в пригороде Токио, к месту жительства доктора Рихарда Зорге, истинного и основного советского шпиона. Не то чтобы Зорге действовал как двойной агент, работая и на немцев, во всяком случае, не непосредственно, хотя и сам был немец. Но вот косвенно, возможно даже без его ведома, так и было. Его сеть простиралась от Токио до Нью-Йорка, со многими станциями вдоль маршрута, включая один в Бухаресте. В румынской столице Киёшо был его агентом, получая информацию для Зорге и передавая его в Токио, и иногда даже непосредственно в Москву.

У Киёшо-сан было еще и другое задание от Зорге. В Бухаресте располагался один из крупнейших европейских филиалов японской разведслужбы, специализировавшейся на СССР, и, таким образом, заданием Киёшо была инфильтрация в этот филиал, работа в нем в качестве конфиденциального

осведомителя, чьей задачей было бы выяснение характера получаемой из СССР и направляемой туда информации, а также ее источники.

Киёшо поставленную задачу выполнил. Он докладывал Зорге часть из того, что узнавал, но большую часть продавал Клатту. Вот таким окольным путем Клатт и функционировал столь феноменально — получал сведения о Советском Союзе из папок японской секретной службы через японского журналиста, а потом через работавшего на Советский Союз немецкого коммуниста и продавал их немцам. Успех Клатта был свидетельством хитрости и расчетливости этого человека, но и эффективности японской секретной службы, а в особенности примером крайней беспринципности и низости шпионских игр.

Клатт обслуживал немцев до самого конца, потому что его источники никогда не иссякали. Даже после провала Зорге в 1941 году Киёшо продолжал функционировать, и в 1943 году Клатт был перемещен в Бухарест под каким-то благовидным предлогом, чтобы быть поближе к своему источнику. Немцы никогда не баловали его излишним доверием, и нередко он оказывался на грани того, что они вполне могли отправить его в тираж, и не потому, что его материалы были плохими (они были превосходны), а потому, что его тайна не давала покоя его начальству. Однажды в начале 1945 года только личное вмешательство генерала Гейнца Гудериана, тогда начальника Генерального штаба сухопутных войск, спасло Клатту жизнь; немцы, взбешенные не поддававшейся разгадке тайной Клатта, решили избавиться от него раз и навсегда, отправив его в концентрационный лагерь. Гудериан был шокирован; информация, которую предоставлял человек, была настолько неоценимой, что начальник Генерального штаба лично отдал приказ оставить Клатта в покое, либо, как предупреждал еще Гальдер, начальник Генерального штаба сухопутных войск в 1938–1942 годах, лучший источник информации о СССР будет безвозвратно потерян.

Что произошло с Клаттом — вопрос гипотез. В марте 1945 года, когда крах Германии был уже неизбежен, он прибыл в Вену и появился в тамошнем немецком бюро секретной службы. Он молил о помощи, пытаясь не попасть в руки наступавших русских. Просил заступиться за него кого-то еще, но заступавшийся исчез — это был Киёшо-сан. На следующий день после того, как Клатт обратился к нему за помощью, этот субъект исчез, и никто и нигде его больше не видел.

В отличие от немцев, которые, фигурально выражаясь, должны были складывать фактически все российские яйца в

корзину герра Клатта, поляки подходили к делу куда расчетливее, работая на советском направлении. Поляки всегда были лучше остальных информированы о Красной армии. Это объясняет то, что адмирал Канарис последовал за вермахтом в Польшу в 1939 году. Его очень интересовало одно здание на площади Пилсудского: штаб-квартира польской разведслужбы.

1 октября 1939 года абвер, заняв упомянутое здание, убедился, что оно в относительно хорошем состоянии — свыше 100 больших сейфов в целости и сохранности. Из Берлина срочно доставили слесарей абвера и приступили к вскрытию. Выяснилось, что большинство сейфов пусты. Ничего ценного по России не обнаружено, даже фамилий отдельных польских агентов, которых, возможно, взял бы к себе абвер.

Вскоре после этого немецкий офицер во время ежедневной прогулки около старого польского форта Легионов[30] заметил, что дверь в одну из оконных створок старого форта была распахнута, и он вошел, чтобы проверить внутреннюю часть полуразрушенного здания. Он был удивлен, обнаружив там множество стальных шкафов. Это была часть архивов польской военной разведки. Ненасытная толпа специалистов абвера набросилась на находку, но и тут результаты оказались неутешительными. Большая часть найденных данных по России были устаревшими, другие неточными, таких, кстати, было большинство. Даже немецкие сведения о России отличались гораздо большей точностью.

Однако попытки обнаружить польский архив продолжались, поиски местонахождения польской агентуры, специализировавшейся по русским, тоже. Довольно скоро часть из них добровольно предложили свои услуги абверу. Была сформирована специальная Abwehrkommando именно для того, чтобы организовать и направить деятельность этих людей, но управлять и вообще заниматься ими стало делом хлопотным, да и к тому же очень многие сотрудники абвера не горели желанием работать с поляками. Большинство этих добровольцев были заурядными негодяями — недобросовестными, распущенными, недисциплинированными и безответственными людьми, — чьи негативные личные качества незамедлительно сказались на их работе. Подавляющее большинство их были одержимы идеей отомстить русским. Они злоупотребляли своим привилегированным положением при нацистах для сведения личных счетов, ликвидируя личных врагов, и вымещали злобу на беззащитных евреях.

Более многообещающие агенты были завезены из Финляндии и стран Балтии; абвер желал использовать выживших офицеров

разведки армий этих стран, захваченных русскими[31]. Некоторые из этих людей, как мужчины, так и женщины, зарекомендовали себя как ценные новые кадры, но большинство опять-таки были неисправимы.

Так что лучшее, что мог сделать абвер, так это тайно доставить людей через новую границу Польши и как следует разузнать все то, что им было известно о Красной армии, оккупировавшей их страну.

Большая часть российской техники, которую шпионам абвера удалось определить, была устаревшей, к тому же в ужасном состоянии. Исходя из этого, абвер пришел к заключению, что вооружение Красной армии в основном крайне низкого качества.

Кроме этой деятельности абвера в области тактической разведки (низкоуровневая деятельность, все эти хлопоты с техникой никогда не привлекали Канариса, не привлекли его и сейчас), при Генеральном штабе существовал отдел, специально занимавшийся техникой и сбором технической информации с акцентом на Красную армию. Отдел носил название «Иностранные армии — Восток» (аналогичный дочерний филиал под названием «Иностранные армии — Запад» занимался армией Франции). Во главе его стоял худощавый, аскетического вида перфекционист из разведки, с каменным лицом. Его звали Рейнхард Гелен.

Гелен был истинным гением в своей игре, в этом человеке чувствовался заложенный природой потенциал к великим делам в разведке, но ему здорово мешали на данном этапе рутинные препоны в генеральных штабах для работы разведки: низкий бюджет, некомпетентный, безликий персонал, ограничения юрисдикции и общая несостоятельность. Строгие властные ограничения его отдела отражались даже в воинском звании Гелена — глава этого потенциально самого важного отдела был всего лишь майором по званию.

Накануне «Барбароссы» и при подготовке к нему Гелен и его специалисты должны были работать в основном с инструментами, доступными сидящим за кабинетными столами офицерам разведки, отчетами военных атташе, различными источниками: газетными вырезками и устными отчетами возвращающихся из СССР туристов.

Если позже, уже в ходе кампании на Востоке, Гелен преуспел в том, чтобы превратить свою организацию в важный винтик немецкой военной машины, на данном этапе его «Иностранные армии — Восток» работали просто ненамного лучше, чем абвер и большая часть разведки в целом. Кроме того, его отчеты редко достигали уровня выше самого Гелена. Эти сведения до Гитлера

не доходили, несмотря на то что тот нуждался в любой информации.

Это привело к поразительно неточной оценке российских вооруженных сил. Большая часть техники Красной армии, которую шпионам абвера и кабинетным разведчикам Гелена удалось идентифицировать в Польше, была безнадежно устарелой, к тому же в плохом состоянии. Из этого немецкая разведка сделала вывод, что в целом советское вооружение и техника отстают от германских. Позже, когда немцы увидели много высококачественного вооружения в руках красноармейцев, Гитлер подумал, что русские специально ввели в Польшу вооружение старой конструкции, то есть это было преднамеренной российской уловкой, чтобы ввести в заблуждение абвер. Было ли это так, сказать сложно[32], но после этого Гитлер фактически отказался верить чему-либо, что Канарис или его представители пытались ему втолковать о русских. Агенты абвера верно сосчитали 77 частей и соединений Красной армии в Польше[33], но офицеры собственной разведки Гитлера подвергли сомнению эту цифру. А еще позже, уже после вторжения в Советский Союз, во время одного из своих наступлений, Гитлер, как слышали многие, с сожалением заметил: «Взгляните на эти российские танки! Прекрасные машины, а мы о них ничего не знали заранее! Если русские в чем-то опередили нас, — презрительно произнес он, — то это — шпионаж!» Эти слова демонстрируют его презрение к тому, что он назвал «Abwehrkram», «абверовским хламом», которым его постоянно потчевала собственная военная разведка.

Там, где так важна масса информации и решающая стратегия, — в историческом нападении на Советский Союз 22 июня 1941 года — разведка и шпионаж сыграли подчиненную роль. На этот раз немцы предприняли кампанию с недостоверными сведениями о противнике, но последствия этой недостоверности проявились не сразу. По-другому обстояли дела в лагере противника, где надежная разведка и шпионаж были и оставались жизненно важным оружием, хотя даже у русских поначалу далеко не все шло гладко.

В те дни в Берлине можно было встретить одного американца, о котором не сразу составишь и определенное мнение. Это был 48-летний Сэм Эдисон Вудс, удивительный, всесторонне развитый человек, образованный, квалифицированный специалист, инженер, бизнесмен, дипломат, предпочитавший держаться в тени космополит, наделенный способностью быстро сходиться со знающими и нужными людьми. Он с 1934 года служил атташе по экономическим

вопросам в посольстве Соединенных Штатов и проявил себя как достаточно любознательный собиратель составлявших государственную тайну сведений, чему в немалой степени способствовала его врожденная скромность и приобретенная страсть к анонимности. И действительно, немцы, которые орлиным глазом наблюдали за некоторыми из посольства США, каким-то образом пропустили Сэма Эдисона Вудса, который, по их мнению, «ничего особенного не представлял».

В августе 1940 года Вудс получил с утренней почтой билет в один Берлинский кинотеатр, хотя ничего подобного для себя не заказывал. Тем не менее он пошел в этот кинотеатр и рядом с собой обнаружил одного своего знакомого, знаменитого немца со связями, протянувшимися аж до Верховного главнокомандования, — доктора Ялмара Шахта из Имперского банка. Вудс знал этого человека как убежденного антинациста, который, однако, быстро сориентировался, поняв, как скрыть свои реальные чувства к режиму.

Оба сделали вид, что не знают друг друга, так и просидели рядом весь фильм, по-видимому поглощенные сюжетом. По окончании сеанса оба спокойно разошлись. Но, придя домой, Вудс извлек из кармана листок бумаги, который ему подложили в кинотеатре. Там сообщалось, что «совещание в штаб-квартире Гитлера посвящено приготовлениям к войне с Россией».

Вудс поставил в известность Государственный департамент, где это восприняли со значительной долей скептицизма. Как выразился Кордел Халл, разведка «все еще не отошла от фикции с якобы запланированной высадкой немцев на побережье Великобритании». Вудсу посоветовали продолжать в том же духе, и последовало еще несколько подобных скрытных встреч в берлинских кинотеатрах. Немец уверял американского атташе по экономическим вопросам, что его информация была абсолютно надежной — прибыла к нему от кого-то из «святилища» Верховного главнокомандования вермахта. «На самом деле, — убеждал он Вудса, — воздушные налеты на Англию служили лишь прикрытием для истинных и продуманных планов и приготовлений Гитлера к внезапному, сокрушительному удару по СССР».

Его друг предоставил Вудсу детальные сведения относительно быстро набиравшего ход плана «Натиска на Восток». Среди прочего он сообщил американскому атташе, что «вермахт организовывался в расчете на госструктуры царской России, и для этих территорий уже даже назначены экономические и административные управляющие». Он информировал также, что немцы начали печатать целыми тюками

валюту СССР.

18 декабря Гитлер издал историческую «директиву № 21» под кодовым названием «Барбаросса»[34]. Даже этот факт был известен лишь весьма узкому кругу посвященных. План содержал инструкции для тщательно продуманного прикрытия и введения в заблуждение Сталина с помощью маневров, обозначенных особыми кодовыми названиями — «Акула» и «Гарпун». Цель — произвести впечатление, что наращивание сил предназначалось для масштабных операций против Англии из скандинавских баз.

Но утаить что-либо от Сэма Вудса было невозможно. Едва план «Барбаросса» был издан, как немецкий друг Вудса тут же представил документ: стратегический план немцев состоял в том, чтобы нанести удар по трем расходящимся направлениям с главным направлением удара на центральном участке — на Москву. Кроме того, подчеркнул информант Вудса, Гитлер распорядился, чтобы подготовка к осуществлению плана «Барбаросса» была завершена не позже весны 1941 года.

Описываемые события относятся к январю 1941 года. К этому времени у секретаря Халла не было оснований сомневаться относительно точности разведданных. Вудс телеграфировал, что его информация может быть подтверждена видным немецким изгнанником, проживавшим в Соединенных Штатах. Заместителя госсекретаря Брекинриджа Лонга послали взять интервью у упомянутого изгнанника, и тот подтвердил информацию. В январе Халл представил все отчеты президенту Рузвельту.

Государственный департамент тогда провел серию конфиденциальных конференций с Россией, чтобы снять напряжение между Сталиным и Гитлером. В заключение одной из таких встреч заместитель госсекретаря Самнер Уэллс предъявил послу Константину Уманскому информацию о намерениях Гитлера, которой располагали американцы. Это было самым первым полученным СССР предупреждением, но Сталин наотрез отказывался верить ему. Он рассматривал его как неуклюжую попытку британцев, явно с подачи Америки, стравить его с Гитлером. Есть основание полагать, что на самом деле его возмутило решение Уманского принять от американцев эти сведения и он порицал посла за недопустимую, по его мнению, наивность.

Черчиллю, разумеется, был предоставлен полный доступ к отчетам Вудса, но до марта 1941 года премьер-министр тоже отказывался принять эту важную информацию всерьез. Вероятно, он отклонил ее по какой-то психологической причине, потому все уж очень складно звучало, чтобы быть правдой; и он, конечно, отклонил эти сведения, по-видимому, на основании каких-то тоже

достаточно серьезных оснований, исходивших от разведки, потому что Объединенный разведывательный комитет Великобритании рекомендовал ему без авторитетной оценки не впадать в иллюзии по поводу «спасительной» русско-германской войны.

К тому времени британская секретная служба уже вполне уверенно функционировала на Европейском континенте. Ее новички-агенты сообщали в деталях о передвижении немецких войск, но рассеянные сведения тактического характера приносили мало пользы. Война Гитлера была до чрезвычайности текучей. Его конфликтовавшие друг с другом идеи требовали постоянных передислокаций. Выводы, которые позволяли сделать эти, никак не связанные друг с другом, отчеты, касались, как правило, лишь небольших регионов и не связывались в единое целое, в лучшем случае были весьма туманными.

Кроме того, немецкая система дезинформации работала превосходно. Вермахт вдоль Ла-Манша был силен, провел целый комплекс учений по высадке и бомбардировал всех пространными утечками о «Морском льве» как об остающейся в силе запланированной операции. В Москве генерал Кёстринг, германский военный атташе, получил инструкции удивить советский Генеральный штаб собственной и весьма правдоподобной версией. Кёстринг заявил русским, что «поскольку операции на Западе завершены, немцы намеревались заменить личный состав пожилого возраста на Востоке молодежью, чтобы те, кто постарше и уже и имели опыт работы, и гражданские специальности смогли в Германии вернуться на производство». Другая причина, утверждал атташе, состояла в том, что обучение и снабжение были лучше именно на Востоке, к тому же здесь немцы были избавлены от опасности воздушных налетов. Советский Генеральный штаб не был склонен полностью верить его россказням, но Сталин не позволял слишком уж недоверчивым генштабистам высказываться по поводу возможных злонамеренных планов Гитлера.

7 апреля 1941 года Объединенный разведывательный комитет Великобритании представил Черчиллю оценку ситуации. Комитет признавал, что у Германии имелись значительные силы на Востоке и что немцы рано или поздно будут воевать с Россией, но в завершение все-таки было сказано, что эта война в тот период представляется маловероятной. И 23 мая комитет сообщил, что «слухи о предстоящем нападении на Россию улеглись».

Но премьер-министр уже знал все намного лучше. В конце марта он велел майору Мортону обеспечивать для него

поступление оригиналов значительно более важных первоначальных отчетов. И однажды среди них обнаружил один, который внезапно представил весь сложный комплекс проблем.

Это было донесение одного из самых доверенных британских источников, агента, которого Черчилль искренне уважал и которому отдал дань уважения в своих мемуарах. Этот агент, наблюдая за передвижением германских войск в Центральной и Юго-Восточной Европе, определил местонахождение пяти танковых дивизий в Польше под Краковом, где в них явно не было нужды, если Германия собиралась напасть на Англию. Да, у Черчилля не могла не возникнуть мысль о том, что фюрер наверняка запланировал кое-что на Востоке. Потом совершенно неожиданно было свергнуто в результате переворота прогерманское правительство Югославии. Два дня спустя, 29 марта, поступил еще сигнал от того же агента. Он сообщал, что 3 из этих 5 дивизий в спешном порядке перебрасывались в Румынию. Но и в Кракове оставались 2 дивизии. И что это может значить, спросил себя премьер-министр. Переброска одной-единственной танковой дивизии — солидная работа, требующая задействования 20 железнодорожных составов. Итого 60 составов, вычислил Черчилль, и эти соединения перебрасывают не из прихоти, что бы ни могло втемяшиться в голову господина Гитлера.

Должен существовать некий мотивирующий фактор, размышлял он, для 5 танковых дивизий, находящихся в Кракове, а этим фактором могла быть лишь надвигавшаяся война с Советским Союзом. Вывод 3 из этих 5 дивизий мог свидетельствовать о том, что Гитлер временно приостановил свой план нападения на СССР и предпринял карательную операцию против Югославии в качестве ответной меры после переворота. И как только упомянутая операция свою задачу выполнит, рассуждал Черчилль, танковые войска немедленно вернутся к остальным в Краков[35].

Больше сомнений у премьер-министра не оставалось. На следующий день он написал о своих размышлениях Идену, который находился в Афинах, энергично действуя и дожидаясь результатов. Черчилль делал предварительный набросок того, что в скором будущем должно было обрести весьма четкие формы, предстоящие фактические шаги Гитлера. За 7 дней до начала югославской кампании Черчилль сказал Идену, что это несомненно произойдет, добавив, что Греция будет следующей. Он сказал ему, что после Югославии и Греции Гитлер повернет против русских.

Он был настолько убежден в точности своих умозаключений,

что три дня спустя, 3 апреля, дал команду сэру Стаффорду Криппсу, своему послу в Москве, поделиться со Сталиным лично своими предположениями на основе «достоверной информации от агента, которому доверяют». Не было никакого ответа до 12 апреля, и только поступила телеграмма от Криппса, что он так еще и не передал сообщение. Черчилль был задет за живое; он телеграфировал Криппсу, чтобы тот немедленно выполнил его поручение. И все же все как-то затягивалось. Сообщение было передано только 19 апреля, и к тому же А.Я. Вышинскому, заместителю министра в Наркомате иностранных дел, а не Сталину. Наконец 22 апреля поступили известия от Криппса: Вышинский заверил его, что сообщение было вручено Сталину.

Если предупреждение Уманского от Вашингтона повергло советского диктатора в раздражение, то после сообщения от британского премьер-министра Сталин просто вскипел. Теперь он был убежден (разве это не было доказательством?), что Черчилль стоял за коварной кампанией, цель которой рассорить его с Гитлером. «Никому бы из нас этого не удалось, — писал Черчилль позже, — это говорило лишь о близорукой предубежденности Сталина».

Тогда даже в Москве бурлили слухи об опасности и неизбежности германо-русской войны, но ввиду отношения к этой теме Сталина было весьма опасно выражать подобные опасения вслух. Немецкий военно-морской атташе предупредил Берлин 24 апреля, что приезжие из Германии в Москве говорили довольно свободно о «Барбароссе», и добавил, что британский посол предсказал, что война вспыхнет 22 (!) июня 1941 года, то есть с точностью до дня, который все же был определен Гитлером.

Ничто не спровоцировало воображение советского посла в Берлине. Он уверил Молотова, а Молотов, в свою очередь, Сталина, что немцы меньше всего хотели нападать на Советский Союз. Он сообщил, что настолько уверен в полнейшей безосновательности подобных слухов, что даже дал указания провести ежегодный традиционный пикник сотрудников посольства — 22 июня.

Перед лицом подобных заверений Сталин распорядился, чтобы паникеров разыскали и соответствующим образом наказали. Начальник его тайной полиции доложил, что виновный — офицер разведки 4-го управления Генерального штаба[36], занимавший должность технического консультанта по связям с советским посольством в Берлине. Согласно указаниям Сталина, этого сотрудника необходимо было отозвать и отправить в Сибирь, но в последний момент он сумел скрыться.

Глава 12
Вольная пташка на «Сицилии»

Советский Союз, традиционно ведущая шпионская сила мира, унаследовал сложную организацию секретной службы от царской России, увеличив и усовершенствовав ее.

Довоенная советская шпионская организация была блестяще и целенаправленно организована и руководилась с исключительным умением, невзирая на частые смены руководства и частые дублирования. В целом у Кремля имелись в распоряжении 6 крупнейших разведывательных организаций, 5 из них были готовы к работе в самых различных областях, одна отвечала за стратегический анализ. Последняя структура являлась так называемым Секретным отделом Секретариата Центрального комитета Коммунистической партии, конвейером для передачи сведений от закупочных агентств до политбюро и Центрального комитета.

Из пяти оперативных служб 4-е управление Генерального штаба Красной армии и иностранный отдел (позже Министерство) внутренних дел, печально известный НКВД, были равны по степени важности и влиянию. Третье ответвление было политическим отделом разведки Наркоминдела (Народного комиссариата иностранных дел), с подотделом в ТАСС, официальном информационном агентстве, корреспонденты которого за границей выполняли ту же шпионскую работу. Были и другие — промышленный и коммерческий отдел разведки Народного комиссариата внешней торговли; существовал также аппарат разведки Коммунистического интернационала со штаб-квартирой в Москве и отделениями по всему миру в региональных коммунистических партиях, как легальных, так и запрещенных.

Этот советский синдикат учреждал и поддерживал невиданную ранее сеть активных сотрудников за границей. Они были как профессиональными шпионами, так и действовавшими чисто из идейных побуждений энтузиастами из числа членов локальных партийных организаций и сочувствующих СССР. Поговаривали, что в штаб-квартире Коминтерна в Москве главная картотека насчитывала около 400 000 человек в очень многих странах мира, на которых Советы в той или иной степени могли рассчитывать, как на потенциальных агентов и сборщиков информации.

Советская секретная служба являлась уникальной и еще по

одной причине — соединяя традиционный шпионаж с политическими заговорами, эта служба по своей жестокости и всесторонности охвата превосходила любую из числа своих оппонентов в капиталистических странах.

Примерно в 1937 году 4-е управление Генерального штаба Красной армии[37] приобрело одного исключительного агента. В штате германского дипломатического представительства в Варшаве служил степенный силезский аристократ, мужчина средних лет, блестящий профессиональный дипломат старой школы Рудольф фон Шелиа. Его можно было назвать типичным представителем «дипломата в полосатых брюках» — старомодно учтивого, сдержанного, с изысканными предпочтениями в отношении и еды, и женщин. Он был женат на пожилой состоятельной даме, получал вполне приличный оклад, но даже таких средств не всегда хватало на покрытие его дорогостоящих любовных интриг и, в особенности, проигрышей в казино.

При посредстве одного немецкого журналиста, которому Шелиа доверял свои беды, советский агент вступил с ним в контакт и, без обиняков предложив ему деньги, вмиг превратил старомодно учтивого джентльмена в старомодно учтивого шпиона. С 1937 года Шелиа регулярно снабжал

Кремль добротной информацией о развитии германо-польских отношений и первым предупреждал Разведуправление, стоило этим отношениям проявить признаки ухудшения.

В феврале 1938 года он с головой ушел в весьма дорогостоящий роман с одной красавицей, жемчужиной варшавского общества, и за ночь в казино отеля «Полония» потерял около 50 000 злотых (приблизительно 10 000 тысяч долларов). Друзья одолжили ему эту сумму до конца февраля, чтобы он смог погасить игорный долг и, таким образом, избежать скандала и позора.

Во время визита в Берлин Шелиа в лихорадочных поисках сведений натолкнулся на достаточно важные — касающиеся предстоящих действий Гитлера в отношении Австрии, Чехословакии и, как более отдаленной цели, — Польши. Вернувшись в Варшаву, он встретился со своим советским покровителем, и началась торговля. Шелиа запросил 10 000 долларов, сумму, которую прежде 4-е бюро никогда и никому из агентов не выплачивало. Ему было предложено 1000 в американской валюте с предложением, чтобы он сбыл эту сумму на черном рынке. Переговоры по финансовому вопросу тянулись почти весь февраль.

Наконец, 26 февраля, Шелиа пригласили провести выходные в Закопане, фешенебельном в ту пору зимнем курорте. Он должен

был на лыжах подойти к заброшенному охотничьему домику высоко в Татрах. В этом домике он встретился с присланным из Москвы курьером. Курьер предложил Шелиа 6500 долларов, либо, как говорится, сделка не состоится. И для придания мероприятию большей весомости курьер в случае отказа дипломата пригрозил прикончить его прямо в этом же домике. После этого Шелиа больше не торговался. Он передал документы и забрал деньги. Когда Шелиа сбывал доллары на черном рынке, как ему предложили русские, у него было достаточно времени и возможностей осмыслить, в какую аферу он впутался.

После этого инцидента Разведуправление более или менее свернуло работу с агентом герром фон Шелиа, несмотря на высокое качество его информации. Однако он так и продолжал числиться в списке агентов и продолжал работать на Советы, даже когда его страна находилась в состоянии войны с русскими[38].

Осенью 1938 года года молодой англичанин прибыл в Женеву в поисках женщины с сумкой в руках, в которой должен был лежать зеленый пакет. Еще женщине полагалось держать апельсин в правой руке. Сам прибывший был в белом шарфе вокруг шеи и с кожаным ремнем в руке. Любой более-менее сведущий в третьесортной шпионской кинотематике без труда вычислил бы по этой странной смеси бакалеи и галантереи парочку шпионов. У прораба советских шпионов, организовывавшего подобные рандеву, либо напрочь отсутствовало воображение, либо он вследствие непостижимого дара предвидения был знаком с шоу «Late, late».

В этом молодом англичанине было что-то от авантюриста, он получил диплом с отличием в школе жизни, сражаясь в Испании во время гражданской войны против республиканцев, но за рубежом никаких грешков за ним не числилось. Женщина явилась в центральное почтовое отделение минута в минуту. Она была стройна и умеренно симпатична, едва за 30, с сексапильной фигурой и красивыми ногами. Темные волосы у нее были гладко зачесаны назад, и на ней было простенькое платье.

Женщина заметила молодого человека и, глядя ему прямо в лицо, направилась к нему и чуть ли не на ходу выдала здорово отдающий любительской сценой пароль — идиотскую условную фразу, в ответ на которую услышала не менее идиотский отзыв.

«Извините меня, — произнесла она, — но где вы покупали этот ремень?»

«Я купил его в магазине торговца скобяными изделиями в Париже, — ответил сын Альбиона. И тут же спросил: — Где бы я мог купить такой, как у вас, апельсин?»

«О, — ответила женщина. — Я могла бы уступить вам его всего за пенни».

Молодым человеком был Александр Фут, уроженец Великобритании, правда, здесь он фигурирует как Джим. Женщину звали Соня, невзирая на то, что ее истинное имя — Урсула-Мария Хамбургер-Шульц; ее направили на «Сицилию», так решили именовать Швейцарию. Джима просто наняли в Лондоне за 300 долларов в неделю, хотя никакой квалификации у него не было, включая шпионскую. И Джим, и Соня, и их коллеги были просто марионетками, управляемыми с улицы Знаменка[39], 19, Москва, где у «директора» Разведуправления располагалась штаб-квартира. Ближнее управление осуществлялось из дома в Женеве неподалеку от обсерватории в Бельвю, где проживал Альберт.

Альбертом был Александр (Шандор) Радо, венгерский картограф с международной известностью и партнер в уважаемой швейцарской фирме картографов под названием «Геопресс». Он был менеджером этой конкретной швейцарской «крыши» определенной шпионской сети, работавшей нелегально. Радо был низкорослым тучным мужчиной с круглым лицом и вообще напоминал ученого. Артур Кёстлер хорошо знал Радо, но не как шпиона, а как человека (они дружили), в доме которого можно было вкусно поесть и интересно побеседовать на самые разные темы. У Кёстлера долгие годы затуманивалось лицо, стоило ему заговорить о Радо.

«Он был добр и участлив по своей природе, — вспоминает Кёстлер, — но очень застенчив и довольно сдержан в личных отношениях, совсем как люди академического круга, и иногда так же рассеян и неловок. Он всегда мне напоминал этот вызывающий желание помочь тип людей…»

До 1937 года Радо жил в Париже, где управлял небольшим агентством печати — две скромно меблированные комнаты на улице Фобур-Сент-Оноре. Его направили в Швейцарию для организации новой разведсети. До тех пор Красная армия зависела в основном от отчетов советских военных атташе, как, например, комкор Путна в Лондоне, и от «аппарата», глобального шпионского отделения Коминтерна. У Разведуправления были собственные сотрудники по этой части, как полковник Быков в Соединенных Штатах и комбриг Вальтер Кривицкий в Гааге для осуществления связи с «аппаратами», но покрытие было недостаточно плотным и приводило к неоднородным, обрывочным результатам. И даже эта едва пригодная организация была потрясена большими чистками 1937 года и, как следствие, агентами-не-возвращенцами. Путну отозвали в СССР, где и казнили. Кривицкий сбежал (в 1941 г. покончил с собой). Агенты,

работавшие с ними, также были ликвидированы.

Так Радо, толстенький коротыш, у которого лоб покрывался испариной, стоило задать ему какой-нибудь пусть даже второстепенный вопрос, был назначен для формирования чрезвычайно запутанной сети, пусть и не очень эффективной — на подобное он был не способен в принципе, — но зато целенаправленной и готовой к импровизации. Если в мире и существовали комики среди шпионов, Радо был именно таким персонажем. Он был робок и постоянно в конфликте со шпионским этикетом. Его промахи были неисчислимы. Постоянно спотыкаясь о меры предосторожности и безопасности, он обращался с фондами сети с воистину богемной расточительностью и не соблюдал спартанских правил торговли в своей частной жизни. Он был сентиментален, чрезмерно доверчив, готов был поверить всем, кто вызывал у него сочувствие. Друзья любили его, лучший пример тому — Кёстлер, однако его терпеть не могли оперативники.

И все же Радо сумел вжиться в этот фантастически грандиозный бизнес. Он работал лучше и производил более ценный материал, нежели его коллеги по бизнесу или же шпионажу. Радо выявил антинацистское подполье в Германии и вскоре располагал агентурой даже в Верховном главнокомандовании вермахта (ОКВ) и фактически в каждом мало-мальски значимом для войны ведомстве нацистского правительства Германии. Даже сегодня, когда миновало достаточно времени с момента разгрома его сети, сумели идентифицировать лишь горстку его контактов. К концу 1938 года Радо собирал огромное количество информации и был самым загруженным человеком в Швейцарии. Он дни напролет просиживал в своем «Геопрессе», располагавшемся в центре Женевы, и каждую свободную от бизнеса минуту уделял своему тайному ремеслу. А упомянутое ремесло означало горы бумаг, ибо Радо в то время не располагал «музыкальными шкатулками», всякими там секретными радиопередатчиками. Он получал столько документов в их первоначальной форме или же в виде копий, что даже не мог их все зашифровать.

Радо фотографировал эти документы на 35-миллиметровую пленку и пересылал их с курьером военному атташе в советском посольстве в Париже. Оттуда они или пересылались в Москву другими курьерами, или радировались Центру по передатчику французского филиала советского Разведуправления.

До 1939 года характер этих документов оставался неясен. Но потом вдруг посыпались доказательства, которых так ждал Радо. 6 или 7 апреля он в микрофильмированном виде получил

немецкий приказ, датированный всего 3–4 днями ранее. Несколько недель спустя он послал курьера в Париж с другой партией фрагментов пленки, на которых находился в уменьшенном виде более длинный документ, то есть это был вариант той же самой темы. Эти две бумаги были копиями приказов Гитлера перейти к осуществлению «плана «Вайс» (оперативного плана военных действий против Польши).

Что предпринял Кремль, получив эти приказы, было и остается неизвестным. Но могло ли быть чистым совпадением, что уже 17 апреля 1939 года, то есть спустя несколько дней после того, как информация Радо достигла Москвы, советский посол в Берлине во время обычной встречи с бароном Эрнстом фон Вайцзеккером, статс-секретарем в германском МИДе, заговорил о возможности восстановления советско-германских взаимоотношений?

Благодаря сенсационной новости Радо Кремль точно знал, в каком направлении дует ветер, и соответственно установил паруса. Подписание германо-советского договора в августе 1939 года имело гротескное последствие в частном мире Радо. 26 августа 1939 года он получил от московского «директора» приказы демонтировать сеть в Германии и прекратить шпионить за этой страной. Сталин довольно серьезно отнесся к этому договору.

Радо, должно быть, подумал, что этот приказ — явная бессмыслица, и ему было откровенно жалко похерить столь прекрасно функционирующую сеть. Он этого приказа не выполнил, как это уже не раз бывало, и сохранил агентурную сеть в Германии. Как мы убедимся, его неповиновение сыграло свою роль в годы Великой Отечественной войны, во всяком случае, поражению СССР оно явно не способствовало. Толстячок-шпион из своей не имеющей выхода к морю Швейцарии видел обстановку куда более ясно, чем сверхвластный диктатор из Кремля. Поэтому для Радо не составило труда вернуться к проведению операций в полном объеме, когда в октябре 1940 года он получил из Москвы инструкции возобновить работу.

У Радо насчитывалось около 50 агентов, работавших на него, имевших самые разнообразные псевдонимы и практиковавших самые разнообразные способы двойной жизни. Двое из них — Сисси и Тейлор — внезапно проявились в этот решительный момент. Сисси — Рэйчел Дюбендорфер, женщина не совсем ясного балканского происхождения, но гражданка Швейцарии благодаря фиктивному браку; она работала в Международном бюро труда, агентстве при Лиге Наций. Тейлор — Кристиан Шнайдер, немец. Он был коллегой Рэйчел в Международном бюро

труда, потом эту деятельность прекратил там и полностью работал на Радо.

Радо использовал три псевдонима: Альберт и Кулихер, а позже, уже в годы войны, — Дора. Он поддерживал контакт с Москвой через 3 секретные радиостанции. Одну из них обслуживал Джим, своенравный британский экспатриант; второй — пара французов, Эдмонд (Эдуард) и Ольга (Мод) Гамель, радиопередатчик находился в одной из задних комнат их вполне легального магазина радиотоваров; третьим ведала Роузи, 21-летняя любовница Радо, миловидная швейцарка по имени Маргарет Болли.

Управлять такой сетью в Швейцарии особого труда не составляло. Страна была идеальным традиционным местом шпионажа в военное время. Все значительно упрощалось благодаря строго соблюдаемым этой страной демократическим принципам, в первую очередь гражданским правам; географическому положению Швейцарии в самом центре Европы; ее роли в высших финансовых структурах, банкира воюющих стран, и тому, что у самих швейцарцев имелась весьма существенная доля в шпионаже, который они рассматривали как оборонительный рубеж № 1 их страны. Постоянно стремясь держать руку на пульсе германских планов и намерений, поскольку без этого было просто нельзя обойтись — Швейцария, как известно, граничит с Германией, — швейцарская военная разведывательная служба (всемирно известная разведслужба Nachrichtendienst) использовала все источники информации — свои собственные, а также агентов других разведок. Разведслужба Швейцарии нередко желала и даже стремилась заключить сделки и бартеры с иностранными агентами, если, конечно, их операции не были направлены против самой Швейцарии.

Именно из Швейцарии советское Разведуправление получило свое самое недвусмысленное предупреждение «от Доры директору».

Это было 10 июня 1941 года, безоблачный, прекрасный день начала лета в Женеве. Радо встал и подошел к домашнему телефону. Звонил Тейлор, нарушая все мыслимые правила конспирации. Сам Радо мог нарушить эти правила, но терпеть не мог, когда его связные, агенты, посредники пытались общаться с ним напрямую.

«Да… Что вам нужно?» — рявкнул он.

«Я немедленно должен видеть вас, — сказал Тейлор. — Я сейчас приеду к вам!»

«Это невозможно, — ответил Радо. — Мы встретимся где-нибудь еще».

Но Тейлор продолжал настаивать.

«Этот вопрос не терпит отлагательства», — сказал он и повесил трубку. Четверть часа спустя перед рестораном остановилось такси, и Тейлор, выйдя из него, направился прямо к дому Радо. Босс дожидался его в кабинете.

Тейлор, бесстрастный, туповатый немец, весьма сдержанный человек, едва дышал от охватившего его волнения.

«Сисси связала меня с абсолютно феноменальным источником из всех, которыми мы когда-либо располагали, — начал объяснять Тейлор. — Она не назвала мне его, но она намертво вцепилась в него, он не подставной, а самый что ни на есть настоящий и имеет прямой выход на ОКБ. Кроме того, имеет собственный канал связи. И он в полнейшей безопасности! Он работает на разведслужбу (Nachrichten-dienst). Они ручаются за него и защищают его!»

Он передал Радо самые первые данные, которые получил тем же утром от таинственного контакта. Радо провел час, сочиняя краткое донесение, зашифровывая его (чем он крайне редко занимался самостоятельно), затем какое-то время обдумывал, отправить ли его. Новость была космического масштаба, тут двух мнений быть не могло. А если нет? Кем он выставил бы себя? И какой гнев обрушился бы на его голову.

Наконец, было уже около 11 часов утра, он вызвал Джима и велел ему передать радисту, чтобы тот ждал его на углу улицы. Радо все еще не пришел в себя, когда они встретились, его буквально трясло от волнения и страха, но Джим успокоил его. Он просто взял листок бумаги с шифром из дрожащей руки Радо и ушел по своим делам, оставив стоять своего шефа на том же углу.

В ту ночь двое офицеров немецкой станции слежения за радиоэфиром в Кранце[40] в Восточной Пруссии, прочесывая диапазоны в поисках секретов других, перехватили сообщение. Оно привлекло их внимание, потому что его передачу несколько раз повторили на 18,9 и на 21,3 метра и повторяли несколько часов подряд каждые полчаса. Все те же монотонные сигналы, те же совершенно одинаковые группы по 5 цифр. Немцы и раньше слышали эту станцию, но шифр, на котором она работала, разгадать никак не могли. Передавал, разумеется, Джим из Женевы:

«От Доры директору, источник: Тейлор. Нападение Гитлера на Советский Союз окончательно запланировало на 22 июня. Это — новая отсрочка даты 15 июня. Гитлер принял решение всего 2 дня назад. Сообщение из абсолютно надежного нового источника, получившего его из швейцарского Генерального штаба через

специального дипломатического курьера. Ждите дальнейшей информации».

Донесение пришло в Москву в ту же ночь, но не было расшифровано до следующего утра. Его немедленно направили генералу Кузнецову, «директору», который был в Кремле на совещании военных в кабинете Сталина. Генерала вызвали из кабинета и вручили донесение. Потом Кузнецов вернулся на совещание и зачитал донесение присутствующим.

Сталин воспринял новость скептически, но остальные присутствующие, похоже, не разделяли его сомнения. Властный диктатор, единолично отдававший приказы дать отпор противнику, видимо, не решался отдать его.

Кто же был тем самым источником, который Сталин столь опрометчиво игнорировал?

Недалеко от неброской штаб-квартиры швейцарской Военной разведывательной службы в Люцерне располагалось средней руки книгоиздательство под названием «Вита Нова». Здесь издавали литературу с либеральным католическим философским уклоном. Во главе издательства стоял невысокий мужчина, чем-то напоминавший сову, в общем довольно аскетичной внешности. Он называл себя Рудольфом Рёслером, и, что вполне возможно, это было его настоящее имя.

Случается, хоть и не частно, что единственный отдельный шпион может оказать решающее влияние на ход мировой истории, и Рудольф Рёслер был именно таким человеком. По словам Алекса Фута, в основном именно вклад Рёслера позволил Красной армии сокрушить Гитлера.

Рёслер родился 22 ноября 1897 года в баварском Кауфбойрене в семье баварского лесничего. Он работал журналистом в Аугсбурге и позже стал директором театральной ассоциации в Берлине. Когда нацисты пришли к власти,

Рёслер вынужден был уехать из Германии. Он нашел приют в Швейцарии, и с тех пор его жизнь была посвящена антинацистской деятельности. Он обосновался в Люцерне с помощью молодого друга, доктора Ксавьера Шнипера. В ходе последующих шпионских операций Шнипер оставался его единственным доверенным лицом и партнером. Рёслер стал видным представителем чрезвычайно влиятельной группы заговорщиков, связи которых достигали высших эшелонов ОКВ и Министерства иностранных дел Германии.

Шнипер был в приятельских отношениях с майором швейцарской «Интеллидженс сервис», в доме которого жил и какой-то «Дядя Том», то ли родственник, то ли друг семьи. На самом деле «Дядей Томом» был полковник Свобода, военный

атташе чехословацкого правительства в изгнании. Рёслер предоставил свои сведения в распоряжение швейцарцев и также передал их «Дяде Тому» для чехословацкой секретной службы в Лондоне. Одновременно он пытался установить рабочие отношения с генералом Уэстом, британским военным атташе в Берне, по должности — резидентом секретной службы. Но Уэст отказался от сотрудничества, вероятно, потому, что его источники были теми же немецкими диссидентами, с которыми британцы, после инцидента в Венло, отказывались сотрудничать.

Рёслеру ничего не оставалось, как искать связей с русскими — он ведь прекрасно понимал, что ни швейцарцам, ни чехословакам нацистов не одолеть. Шнипер представил его Сисси, а та вывела его уже на Тейлора. До этого Тейлор никогда не считался тайным агентом, но его связь с Рёслером в Москве оценили настолько высоко, что он был принят в братство Разведуправления в качестве штатного агента с ежемесячным окладом в размере 800 швейцарских франков.

Сисси и Тейлор были единственными членами сети Радо, которые когда-либо лично встречались с Рёслером. Все сделки осуществлялись через Тейлора. Они и в финансовом отношении были солидными, ибо Рёслер настоял, чтобы ему платили за услуги солидно. Именно Тейлор, получив сведения от Рёслера, направил их Радо, именно он забрал деньги у Рёслера. Рёслер согласился работать на Радо, но только на своих условиях. Он не обязан был раскрывать свои источники информации, и за все те годы сотрудничества он лишь намекал, что, мол, его основной контакт в Германии — высокопоставленный офицер в ОКБ фюрера, которого он нарек вымышленным именем «Вертер». Даже сегодня неизвестно, кем был этот «Вертер».

Когда в Москву прибыло первое донесение Рёслера, то самое, в котором предрекалось скорое и внезапное начало германо-русской войны, этот новый источник информации восприняли со скептицизмом. Кузнецов попросил Радо побольше сообщить о своем новом контакте, но Радо мало что мог сказать о нем. Качество сведений, переданных Рёслером, поразило Кузнецова. Поражала и быстрота, с которой они поступали, но он подозревал в Рёслере подставное лицо и какое-то время считал материал фальшивкой. Однако считал он так недолго. По словам Фута, это был единственный раз, когда Москва была готова к сотрудничеству с «непроверенным источником», человеком, остававшимся неизвестным как своим покупателям, так и немецким работодателям, против которых он действовал.

До конца Рёслер оставался вне сети Радо. Футу поручили передавать большую часть его информации, но они ни разу не

встретились, и даже несколько лет спустя англичанин считал, что Рёслер был каким-нибудь чехом по имени Зельцингер.

Рёслеру выплачивали 7000 швейцарских франков ежемесячно и особые бонусы за свежесть и уникальность сведений. Он с самого начала расставил все точки над «/», заявив, что не примет ни одного поручения ни от московского Центра, ни от Радо в Женеве. Не будет преувеличением утверждать, что Рёслер заработал воистину астрономическую сумму за свой шпионаж. В период с лета 1941 года до весны 1944 года ему заплатили в общей сложности 336 000 швейцарских франков в виде ежемесячных дотаций и приблизительно 250 000 франков в виде бонусов. Рёслеру присвоили псевдоним Люси, по аналогии с Люцерном, где он жил; и Тейлор оставил свою работу в Международном бюро труда, чтобы быть всегда в пределах досягаемости в качестве посредника с Рёслером.

Рёслера можно было сравнить с фонтанирующей скважиной. Он предоставлял советскому Разведуправлению приказы на проведение вермахтом сражений буквально ежедневно, включая точное местоположение и задачи вплоть до батальонного уровня; оперативные планы и приказы на их выполнение, а также сведения дипломатического характера большой степени важности.

Рёслер предоставил немецкий оперативный приказ на проведение сражения, которое впоследствии стало решающим для Ростова-на-Дону, в ходе которого маршал Тимошенко впервые остановил продвижение вермахта. Рёслер передал оперативный план Битвы за Москву, позволивший маршалу Жукову провести соответствующую подготовку[41]. Рёслер предоставил оперативный план Сталинградской битвы, включая расположение всех немецких сил, планов действий в чрезвычайной ситуации в условиях прекращения действия «воздушного моста» Геринга и весьма детальные логистические данные.

«Люси не только, — писал Фут, — ежедневно предоставлял фронтовые диспозиции на Восточном фронте, но и давал ответы на конкретные вопросы. Случалось, и не так уж редко, когда Москва теряла из виду отдельные соединения. В таких случаях направляли запрос Люси, и в течение нескольких дней получали ответ с указанием численности личного состава, вооружений, местоположения рассматриваемой боевой единицы». Иногда отчеты Люси сопровождали ту или иную боевую единицу, начиная с формирования и заканчивая разгромом. Он сообщал о том, что такая-то дивизия после отдыха и пополнения личным составом во Франции готова к переброске на Восточный фронт.

Сообщив точную дату отбытия, Люси уточнил маршрут следования и места прибытия. Затем сообщал о сражениях, в которых принимала участие дивизия, прилагались оперативные приказы, в точности определявшие участки ее боевого применения с указанием времени.

«Для Москвы, — замечает Фут, — это было, очевидно, самым важным, что мог сделать для нее Люси. Россия, расходовавшая остатки ресурсов, была весьма заинтересована в достоверной информации о вооруженных сил противника — и она ее от Люси регулярно получала».

Рёслер не был шпионом в обычном значении слова, поскольку у него не было прямого доступа к секретной информации, которой он торговал вразнос. Он выполнял функцию конвейера, получая информацию от своего загадочного источника в Германии (и по сей день никто не может сказать с определенностью, каким образом, в особенности так быстро). Некоторые утверждают, что, дескать, у него был доступ к дипломатической почте швейцарцев; другие — что он был на тайной радиосети «Красной капеллы» по всей Европе, еще одной исполинской шпионской сети, забрасывавшей 4-е управление материалами прямо из сейфов и папок дипломатического и военного аппарата Гитлера.

Советское разведуправление слыло обычно весьма скаредным, если это касалось финансовых стимулов, и этот факт лишь подтверждает ценность Люси для Москвы — этот агент получил самые высокие денежные поощрения от «директора». Однако среди перехваченных радиограмм периода Доры (Радо) есть и такие, в которых содержатся лишь благодарности, которую Радо предстояло передать Рёслеру. Вряд ли сегодня кто-то считает дискуссионным вопрос о вкладе Люси в победу Советского Союза. Предоставленные им сведения сыграли главнейшую роль, и «трудно преуменьшить значение ее для сокрушительного поражения вермахта и победы Красной армии».

Рёслер продолжал работать на русских до июня 1944 года, но он предусмотрительно прикрывался и тем, что работал на швейцарскую разведку.

Одно время во время войны Гитлер вынашивал идею вторжения и оккупации Швейцарии. В течение тех недель и месяцев важность Рёслера для разведслужбы швейцарцев достигла высочайшего уровня. Он передал разведке этой крохотной страны все необходимые данные, включая содержание частных бесед Гитлера о Швейцарии. И при этом не получил от швейцарцев ни франка вознаграждения, за исключением того, что ему было позволено функционировать на территории Швейцарии

совершенно беспрепятственно.

Руководитель швейцарской «Интеллидженс сервис» полковник Роже был убежден, что именно переданные Рёслером в те критические дни сведения и позволили швейцарским федеральным властям упредить запланированную агрессию немцев, своевременно подготовить собственные контрмеры как в военных, так и дипломатических сферах. Полковник Роже считает Рёслера человеком, спасшим Швейцарию от участия во Второй мировой войне 1939–1945 годов.

С помощью Рёслера и собственных выдающихся усилий Радо и его 50 агентов управляли беспрецедентной в истории шпионажа структурой. Ни одной сопоставимой сети с таким тщательно выверенным персоналом, проводившим огромную по ценности и объему работу, никогда не удавалось выжить столь длительное время. К 1942 году общее количество исходящих сообщений составляло в среднем 800 в месяц. Радо должен был ежедневно использовать все 3 свои радиопередатчика и, кроме того, до предела загружать радистов и шифровальщиков. Достаточно долгое время работать столь интенсивно просто невозможно. Конец был неизбежен, и, когда он, приближаясь шаг за шагом в 1943 и в 1944 году, наступил, то это произошло именно в результате того самого сочетания, испокон веку характеризовавшего деятельность Радо, — беспечности и хаоса, которые неизбежны в ходе даже наилучшим образом организованной войны, и, разумеется, зависти, от которой ни одна в мире секретная служба не гарантирована.

Радо хронически нарушал нерушимые правила шпионажа, но ни одно из них не возымело столь необратимо серьезных последствий, как роман с Роузи, очаровательной швейцаркой Маргарет Болли. Она была уроженкой Женевы, и той, которых немцы обычно называют «ein Madchen aus gutem Наше», девушкой из хорошей семьи. Но за вполне обывательским фасадом скрывалась коммунистическая активистка, приближенная Леона Николя, швейцарского агента Коминтерна экстра-класса, «рыбопитомник» которого поставлял «мальков» для советских шпионских сетей в Швейцарии.

Николь представил мадемуазель Болли Радо, и стареющий шпион со стажем, никогда прежде не позволявший себе подобных увлечений, почти не обращавший внимания на свою законную супругу, был сражен наповал обаянием этой молодой женщины. Как потенциальная шпионка мадемуазель Болли была в лучшем случае нуждающимся в тщательной обработке, да и к тому же мелковатым алмазом, однако Радо в любовном угаре усмотрел в ней незаурядную сотрудницу и кинулся обучать ее

радиотелеграфии, шифровальному делу — одним словом, всему, что положено знать и уметь шпионке.

Любовь Радо к Маргарет не утихала, но сама девушка со временем заметно охладела к пожилому господину. Уже очень скоро затосковала по близким отношениям с мужчинами помоложе и увлеклась красавцем парикмахером из Женевы Гансом Петерсом. Теперь ей предстояло начать вести уже третью по счету тайную жизнь, поскольку она явно не горела желанием выставить напоказ Радо свой новый бурный роман.

Но молодой и симпатичный Петерс питал к Маргарет отнюдь не только романтический интерес. По национальности он был немцем и к тому же тайно связан с консулом Германии в Женеве. Германская контрразведка, функционировавшая прямо в консульском бюро, была полностью осведомлена о существовании советской сети в Швейцарии, но вот только ей никак не удавалось определить местонахождение ее передатчиков, взломать шифры или даже просто выяснить хоть что-то полезное для себя. Все, чем располагали немецкие контрразведчики, была информация, да и то скорее косвенная, что мадемуазель Болли тоже сотрудничала с этой сетью и даже работала на одной из раций.

Ее частную жизнь соответствующим образом исследовали и вскоре убедились, что она своенравна и на грани любовной размолвки. Тут же к работе подключили Петерса, и молоденькая Грета потеряла голову. И в своем безумном увлечении не смогла от него ничего утаить. В конце концов она даже преподнесла ему книгу, на которой основывался код, томик на немецком языке «Es geschah in September» — «Это случилось в сентябре».

В октябре 1943 года Маргарет была арестована на основе доказательств, которые немцы угодливо подсунули швейцарцам. Ее взяли на квартире Петерса во время их свидания, когда невежливый кавалер додумался пригласить сюда и полицию. Теперь провал стал лишь вопросом времени, и действительно очень скоро феноменальная сеть Александра (Шандора) Радо была разгромлена.

Радо скрылся, но был объявлен в розыск, и за ним охотилась не только полиция. Его собственные компаньоны и партнеры, никогда к нему особой любви не питавшие, предоставили исчерпывающую информацию о нем и швейцарцам, и немцам, и даже русским, обвинив Радо в том, что он присвоил часть фондов сети для проведения спекуляций на Нью-Йоркской бирже. Сумма вышла весьма приличная, и она предположительно осела в кармане Радо — как говорили, речь шла о более чем 100 000 долларов[42].

Преследуемый чуть ли не всем миром, Радо отправился в

душераздирающую одиссею, которая путем предательств и разочарований, по всей вероятности, привела его к гибели от пули какого-нибудь советского агента. После ухода и измены Маргарет, раздавленный как эмоционально, так в профессиональном смысле, Радо попытался выйти из игры, чего ни одному шпиону пока что не удавалось. Он умолял московского «директора» отпустить его с миром. Ответ был получен отрицательный. В отчаянном положении Радо решился обрести спасение в новой компании. У британцев. Он сблизился с игравшим не последнюю роль британским агентом в Женеве, известным под именем Джон Солтер, и британец представил его полковнику Картрайту, британскому военному атташе в Берне. Никакой конкретной договоренности достигнуто не было, но для Радо этот шаг возымел фатальные последствия. Русские, естественно, узнали об этом и назначили цену за его голову.

К тому времени была освобождена Франция, и Радо вместе с женой сумел уехать в Париж. Но как и где он ни пытался скрыться, всякий раз русские нападали на его след. В Париже стало слишком жарко, и он сбежал в Каир. Там он отдал себя в распоряжение британской секретной службы, но кто-то донес на него, и британцы наотрез отказались иметь дело с Радо. То были дни «Великого альянса»; британцы все еще выполняли российские требования, и теперь к ним прибавилось еще одно — немедленно выдать Радо. Русские направили в Каир очень серьезного человека, чтобы забрать Радо, и британцы преподнесли Москве провалившегося шпиона.

Что произошло после того, как русский полковник, забрав с собой Радо, покинул Каир, в точности не известно никому. Согласно одной версии, которую мне поведал источник, по-видимому, наиболее информированный, Радо по пути в Москву доставили в Прагу. Там, если верить источнику, он умудрился сбежать и добился пребывания на территории британской дипломатической миссии. Но у пражского руководителя британской секретной службы был приказ из Лондона, и Радо во второй раз был передан англичанами русским.

В Москве, по слухам, Радо предстал перед особым судом секретной службы. Согласно некоторым данным, его приговорили к длительному сроку заключения в сталинском лагере, где-то на севере СССР. По словам других, Радо[43] просто расстреляли в подвальной камере Лубянки.

Глава 13
Рапсодия в красном

Горные вершины
Спят во тьме ночной,
Тихие долины
Полны свежей мглой,
Не пылит дорога,
Не дрожат листы…
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Этот перевод печальной «Wanderers Nachtlied» Гете был написан одной американкой в немецкой тюрьме мрачной ночью в марте 1943 года всего за несколько часов до ее казни. Ее звали Милдред Харнак-Фиш, это была красивая жительница Нью-Йорка, вышедшая замуж за Арвида Харнака, отпрыска известной семьи немецких государственных деятелей, поэтов и мыслителей. Школьная учительница по профессии, воспитанная и приветливая, мужественная, скромная и преданная, Милдред, вполне возможно, могла жить абсолютно другой жизнью. Но ворвавшийся в ее жизнь нацизм превратил школьную учительницу в бунтаря и в шпионку. Она погибла вместе со своим мужем и небольшой группой тех, кто имел мужество выступить против Гитлера.

Если, несмотря на их мученическую смерть, имена Милдред Харнак и ее сотоварищей ныне упоминают нечастно, да и знают о них немного, так это потому, что они были рядовыми участниками потерпевшего неудачу движения. И заплатили за эту неудачу кровью.

Не считая красного террора в России, подпольная борьба в Германии стала самой кровавой в истории. Список ее жертв, видимо, длиннее списка граждан США, которые участвовали в освобождении Европы и погибли. В одной только федеральной земле Саксония 16 069 человек были казнены за измену гитлеровскому режиму. В Гамбурге таких жертв насчитывалось 458 человек. Книга учета гестапо за один-единственный месяц накануне Второй мировой войны доказывает, что лишь 603 человека были арестованы за обычные преступления и 1036 — за преступления политические. Согласно списку послевоенной организации «Жертвы фашизма», которая тщательно исследовала

каждое из обвинений, свыше четверти миллиона немцев участвовали в подпольных группах, активно выступавших против нацистов.

Часть антинацистски настроенных заговорщиков сформировали неофициальные разведгруппы и предлагали свои услуги иностранным державам. Выжившие негодуют, что их считают шпионами, но ведь на самом деле их деятельность была не чем иным, как шпионажем. Материал, который нелегальным путем доставляли из Германии, был конкретен и подробен, он раскрывал содержание совершенно секретных документов, представлял дословный текст оперативных приказов, сведения о вермахте, перемещениях войск, логистические графики, другой аналогичный материал и, прежде всего, доказательства намерений Гитлера.

Эти операции представляли собой случай беспрецедентный. Никогда прежде в подобных масштабах не существовало подобных секретных служб, состоявших порой из одиночек, свободных охотников, добровольно взявших на себя выполнение столь опасных и сложных функций, на которые правительства некоторых стран тратят колоссальное количество материальных средств и усилий.

Группы обеспечивали себя в частном порядке — личными финансовыми средствами ее участников. Это не могло не отразиться на их техническом оснащении. Каждую такую группу никто не поддерживал материально, напротив, им ставили палки в колеса всякого рода забюрократизированные разведслужбы союзников, для которых эти группы одиночек и выполняли работу.

Часть сведений отправлялась на Запад, в особенности в Лондон; часть их уходила на Восток, в особенности в Москву. Милдред Харнак была членом группы, которая ориентировалась на Советский Союз. Группа, в которую она входила, была известна как «Красная капелла», поскольку функционировала подобно оркестру, следуя взмахам дирижерской палочки.

Сам маэстро был довольно основательно законспирирован и известен под псевдонимом Агис. Это был замечательный молодой человек, звали его Харро Шульце-Бойзен, обер-лейтенант люфтваффе Геринга, сын военно-морского офицера, внучатый племянник гросс-адмирала Тирпица. Харро Шульце-Бойзен был душой и телом антифашист. В 1939 году он высказался следующим образом и следовал этому высказыванию все свою недолгую жизнь. «Эта война похоронит старую Европу, вместе с ее цивилизацией, в том виде, как они существовали до сих пор, — писал он, — и затем, когда воздух очистится, дышать будет легче,

здоровее. Наши собственные жизни, как мне представляется, не столь важны. Vivere not est necessere. Во всяком случае, я предлагаю нам всем показать, что мы — достойные люди».

Лейтенант Шульце-Бойзен был коммунистом, но преуспел в том, чтобы скрыть свою политическую ориентацию и удержаться на посту в одной из разведывательных организаций люфтваффе. Там у него был доступ к некоторым наиболее строго охраняемым тайнам Германии.

Его группа была столь же неординарна, как и он сам. «Красная капелла» действовала по принципу ячеек, которые, в свою очередь, объединялись в две отдельные сети — небольшую внутреннюю — 118 членов — и сеть покрупнее — из неприметных тайных агентов и пропагандистов. Это была огромная организация, располагавшая отделениями даже в Брюсселе и Марселе. Невзирая на то что «Красная капелла» была общепризнанно прокоммунистической, в ней состояло лишь весьма небольшое число истинных пролетариев. В своем большинстве это были интеллектуалы и выходцы из среднего класса, профессионалы и представители искусства.

Группа поддерживала собственную, тщательно продуманную систему связи и постоянно меняла местоположение радиопередатчиков. Однажды вечером они посылали радиограммы из рентгенкабинета одной женщины-врача, практиковавшей в одном из самых престижных районов Берлина. В другой раз под маской ремонтников они прибыли на фургоне к дорожному люку на Морицплац в безликом рабочем районе города, открыли люк и над ним разместили палатку. Прохожие не сомневались, что это рабочие во срочному вызову устраняют неполадки кабеля и прочищают забитый сток, а тем временем радисты «Красной капеллы» отстукивали в эфир последние сообщения Шульце-Бойзена.

Летом 1939 года «Красная капелла» объединилась с новой группой, возглавлял которую некто по имени Харро Шульце-Бойзен. Руководителем другой группы был Арвид Харнак, высокопоставленный государственный чиновник. Как и Шульце-Бойзен, Арвид Харнак был убежденным антифашистом. До даты слияния его организация ограничивалась ведением пропаганды — расклеивала по берлинским стенам небольшие плакаты, распечатанные на портативном множительном аппарате. Но под энергичным лидерством Шульце-Бойзена возросшая организация стала расширять круг операций. Пока Гитлер воевал только с Западом, их усилия не отличались особой решимостью, причем не потому, что их просоветская ориентация как-то охлаждала их антинацистский пыл, а потому, что они никак не могли

установить рабочую связь с западными разведслужбами. Но когда медовому месяцу Гитлера со Сталиным пришел конец, группа по своей инициативе стала действовать на ощупь, даже до того, как эмиссары из Москвы призвали их к действию. А это произошло в июне 1941 года.

Погожим утром того самого июня месяца невысокий, широкоплечий человек вышел прогуляться по Тиргартену. Выбрав скамейку в уголке потише, он уселся, достал утренний выпуск Volkischer Beobachter и стал читать газету.

Несколько минут спустя подошел человек с торжественно-серьезным выражением лица. Сидевший на скамье человек отвлекся от газеты и последовал за ним. Пройдя несколько десятков метров за низкими деревцами, он подошел к нему. Следующие пару часов оба прогуливались вместе.

Это была срочная консультативная встреча, важность которой трудно переоценить — один советский шпион передавал дела другому. Даже в сумрачном мире шпионов этот небольшого роста лобастый человек, казалось, излучал таинственность. Он был известен только как Александр Эрдберг, то есть по псевдониму агента, но был опытным, прекрасно подготовленным официальным сотрудником Разведуправления.

Эрдберг принадлежал к относительно немногочисленной сети агентов-резидентов, действовавших под прикрытием советского посольства в Берлине, а на самом деле — непосредственно из частной квартиры советника посольства Богдана Кобулова. Сеть Кобулова и еще одна советская шпионская сеть, руководимая уже вполне официальным шпионом, генералом Тупиковым, военным атташе в Берлине, — вот, пожалуй, и все, чем располагал Советский Союз в Германии, за исключением организации надежного товарища Эрдберга. Товарища этого звали Арвид Харнак, глава «Красной капеллы».

Кобулов понимал, что война неизбежна, как понимал и то, что дни его дипломатической группы в Берлине и Германии сочтены. Вот Кобулов и посвятил себя интенсивным поискам группы заслуживающих доверия немцев, причем немцев и по рождению, и по гражданству рейха, которым он мог доверить ведение строго законспирированной разведывательной деятельности. Он остановил выбор на «Красной капелле».

Харнак принял приглашение Кобулова с готовностью. На последующих встречах он представил Эрдберга Шульце-Бойзену и другим членам организации, которых он выбрал радистами. Один из них был рабочим-металлистом Гансом Коппи, членом подпольной Коммунистической партии Германии, другой известным писателем и театральным продюсером, скорее всего

даже вообще не коммунистом. Звали его Адам Клакхоф. Ему было 56 лет, он наверняка был одним из старейших членов группы.

На квартире Кобулова Харнак и Шульце-Бойзен получили инструкции от Кобулова и двух военных атташе, Тупикова и Скорнякова. Эрдберг учил Шульце-Бойзена, Копии и Клакхофа работать на рациях. Харнаку были переданы кодовые книги, кроме того, он получил несколько уроков по такому сложному делу, как криптография. Его также назначили казначеем, и Кобулов выдал ему 13 500 рейхсмарок наличными.

Явные недостатки этой сети дилетантов стали очевидными сразу. И у Харнака, и у его коллег энтузиазма было с избытком, да и в ценнейших сведениях они не испытывали недостатка. Одним из самых первых их радиосообщений, направленных в советское Разведуправление, был подробнейший отчет о люфтваффе. Они отправили его вслед за предупреждением неизбежного наступления немцев к Днепру. Но по причине малоопытности Харнака как шифровальщика эти важные донесения были настолько неудовлетворительно зашифрованы, что Разведуправление Генштаба Красной армии так и не разобралось, где конец, а где начало. Коппи и Клакхофа постоянно забывали даже вызвать Москву в радиограммах, и радисты Разведуправления отчаянно пытались вызвать их. Необходимо было срочно исправлять положение.

Поэтому в августе Эрдберг приказал, чтобы его лучший агент на Западе, капитан Виктор Сукулов[44], направился в Берлин. Сукулов постоянно находился в Брюсселе, где он был «маленьким шефом» советской разведсети, действовавшей в Голландии и Франции. Его опытность можно было определить уже по длине цепочки его псевдонимов: Дюпюи, Лебрюн, Фриц, Сирен, Артур, Аламо, Шарль и, чаще всего, Кент. В Брюсселе он был Винсенте Антонио Сьеррой, богатым торговцем из Уругвая, занимавшим элегантную виллу на авеню Сейер со своей любовницей Маргарет Барча (в девичестве Зингер), вдовой венгра.

У его группы имелась собственная штаб-квартира на вилле на Рю Дезатребат, арендованной у одной пожилой бельгийской мадам, считавшей своих квартирантов состоятельными и серьезными бизнесменами международного уровня. Впрочем, они и на самом деле были ими. Сеньор Сьерра поддерживал интенсивные коммерческие отношения с нацистами и даже набирал работников на предприятия Германии.

Следуя инструкциям из Москвы, Сьерра поехал в Германию по официальному разрешению, выданному ему через влиятельных лиц в Германии. Выехал он на поезде, к которому были прицеплены вагоны с отправленными в Германию на

принудительные работы лицами. Он встретился с Харнаком и Шульце-Бойзеном в Тиргартене, примерно по сценарию, уже проработанному Эрдбергом. Харнак доставил Сьерру к Копии и Клакхофу.

Сеньором снова стал Кент, и сразу же приступил к работе. Он обустроил новые пункты радиосвязи и привел в порядок уже действующие, как полагается, научил оперативной технике Копии и Клакхофа, подточил знания Харнака по части криптографии, ужесточил управление группой. Кент завербовал достаточно много новых агентов, имена которых рекомендовало ему Разведуправление, отдававшее предпочтение заслуживающим доверие коммунистам. Он также встречался с герром фон Шелиа, тем самым старомодным господином из МИДа, который до сих пор время от времени оказывал группе услуги, хоть и не столь значимые, как его предыдущий коллега.

Присутствие Кента в Берлине, хоть и непродолжительное, вселило в Эрдберга надежду. После этого визита группа Каро работала как часы, ее сообщения по ценности уступали лишь тем, которые Рёслер получал через Радо. Среди сведений «Красной капеллы» были стратегические планы ОКБ периода осени 1941 года; время и оперативные участки выброса немцами десантов, запланированные нападения на союзные конвои на пути к Мурманску и огромный объем информации, позволявший Разведуправлению регулярно и своевременно получать боевые приказы на предстоящие наступления вермахта. Однажды «Красная капелла» даже спасла русских от катастрофических последствий потерянного русского кода. Книга была захвачена немцами в Петсамо в Финляндии и использовалась в уже упомянутой радиоигре. Шульце-Бойзен обнаружил уловку и предупредил русских, которые сумели изменить обстановку в свою пользу.

В этой колоссальной сети даже Сукулов представлял собой лишь второй эшелон. Сукулова прозвали Младшим шефом. Над ним возвышался, дирижируя целым замысловатым оркестром, Маэстро, Большой шеф, с Зорге в Токио и Радо в Женеве — такова была легендарная тройка, или Большая тройка советского шпионажа во Второй мировой войне. Большой шеф был также известен как «генерал», неуловимый шпион, появлявшийся где угодно и когда угодно между Москвой и Шанхаем, Мадридом и Буэнос-Айресом.

Польский еврей Леопольд (Польди) Треппер работал под своим настоящим именем, которое использовал в последний раз в 1932 году, когда после безумных попыток достичь недосягаемого[45] он прибыл в Москву, где вступил в партию

большевиков. Ему было 28 лет, он был женат и принадлежал к так называемым неудачникам. И подумал, не попробовать ли себя в шпионаже.

Польское отделение Коминтерна организовало для него встречу с искателем талантов из 4-го управления штаба РККА, и тот усмотрел в Польди исключительный талант. Новые боссы прогнали его через 5 лет образовательного периода — Московский университет, МИМО, а затем школа Разведуправления (с мая 1939 г. называлось 5-м управлением Наркомата обороны, с июля 1940 г. — Разведуправлением Генштаба Красной армии).

Пройдя через все это, Польди стал другим человеком: прекрасно воспитанным, тактичным агентом, изъяснявшимся одинаково бегло на польском, русском, идише, иврите, немецком, французском, английском и испанском языках. Его направили в Париж под именем месье Жана Жильбера, которому предстояло окопаться в тылу: экспортно-импортная фирма Simex Corporation с шикарным офисом на Елисейских Полях и весьма комфортабельным обиталищем ее главы месье Жильбера[46].

В глубине шикарного кабинета Жильбера имелась тайная комната, где он вновь становился тем, кем был, — Польди Треппером. Там помещалась рация, сейф с кодами и шифрами, черные небольшие блокноты с кучей полезных адресов: списки его субагентов. Скрытая дверь вела из его большого кабинета в маленький и на лестницу, которая выходила в задний двор уже другого здания.

Тайный кабинет имел тайную же сигнализацию — особой конструкции радиопередатчик, присоединенный к часам, которые необходимо было раз в сутки заводить. Когда ничего не происходило, этот небольшой передатчик излучал равномерные сигналы, за которыми следил охранник в большом кабинете. Если сигналы прекращались, следовательно, что-то было не так. В экстренных случаях предупреждение могло быть отослано и другим способом.

Из этого парижского кабинета щупальца Жильбера протянулись во все правительственные учреждения Германии, и не только в Берлине и Париже, но и в Брюсселе, Гааге, Копенгагене — одним словом, везде в оккупированной Западной Европе. На него трудились лучшие сотрудники советского Разведуправления. Контакты с Москвой осуществлялись в основном по радио. Треппер располагал приемо-передающими устройствами в Брюсселе и Гааге, тремя в Швейцарии, новыми установками в Берлине и двумя во Франции: одним — в Париже, обслуживаемым беженцем из Польши, другим — в Пекёзе юго-

западнее Парижа, за который отвечали Робер и Люси, оба французские коммунисты.

Главного офицера службы сигнальной связи сети называли профессором, ибо его знания по части методов радиопередач были просто уникальные. Его тоже звали Гансом, а также Германом и Бергманом. А его настоящее имя было Иоганн Венцель, он был родом откуда-то из Восточной Пруссии. Стареющий мужчина, всю жизнь посвятивший Коминтерну, профессор страшно уставал от такой работы.

До июня 1941 года его рация на вилле в Брюсселе была в прекрасном состоянии и в любой момент готова к использованию, но передач она не вела.

Потом «профессору» внезапно потребовалось работать на полную мощь, как и всем его коллегам, рассеянным по территории Франции, Голландии и даже Германии.

Ведущие радиоперехват службы Канариса, Funkabwehr навострили уши на их станции в Кранце в Восточной Пруссии. Сигналы были быстро записаны и срочно отправлены в Берлин, но, как наилучший дешифровальщик ни пытался разгадать код, ничего у него не вышло.

Funkabwehr находился под командованием майора Вернера Ф. Флике, слывшего волшебником, если дело касалось обнаружения передатчиков. Не сразу, постепенно, посредством бесчисленных экспериментов и ошибок, сотрудники Флике все же нащупали трассу от Норвегии до самой Германии, через Голландию в Бельгию и, наконец, в Брюссель, в его пригород Эрбет и затем на конечный пункт — на виллу на улице Дезатребат.

Прощупывание это продолжалось около 6 месяцев. И завершилось в тот фатальный день — 13 декабря 1941 года. В ту ночь виллу окружили агенты абвера и Geheime Feldpolizei. Ровно в 23:30 агенты, натянувшие поверх обуви толстые хлопчатобумажные носки, прокрались в виллу и добрались до второго этажа. Ни один из троих советских сотрудников — дежурных — не услышал их. Немцы схватили и их, и почти все радиооборудование, но в последний момент один из русских — рослый мужчина Михаил Макаров — все же сумел уничтожить кодовые книги. Кроме того, профессора на вилле не оказалось.

Большой шеф, как выяснилось, находился в тот день в Брюсселе и вскоре после того, как на виллу нагрянули абверовцы, тоже явился туда передать срочные сведения. Его тут же схватили, но он, поняв, в чем дело, отреагировал чрезвычайно быстро — выдал себя за торговца кроликами, причем настолько убедительно, что немцы ему поверили и отпустили с миром. Он

немедленно предупредил свой аппарат. Большинство агентов успели скрыться, избежав немецкой петли.

Треппер возвратился в Париж, а Сукулов (Гуревич) поехал в Марсель. Вся агентура осталась на попечении молодого полковника по фамилии Емеров, действовавшего под псевдонимом Бордо. Профессор принимал все радиограммы у себя дома в Брюсселе. Немцам потребовалось еще полгода, чтобы определить его местонахождение. 30 июня 1942 года они наконец арестовали профессора, взяв его с поличным — он как раз передавал в Москву оказавшееся последним сообщение.

Профессор оказался первой действительно крупной рыбой, угодившей в расставленные абвером сети, и армейская разведка принялась вовсю обрабатывать его. Не выдержав побоев, старый большевик сломался и выдал весь разветвленный аппарат — его партнеров, коды, правила, одним словом, всю советскую шпионскую организацию[47]. Ворота распахнулись.

В папках абвера хранятся сотни перехваченных сообщений из Москвы и в Москву. Среди них обнаружен приказ, посланный годом ранее Сукулову. Согласно этому приказу, Сукулов должен был отправиться в Берлин и передать Харнаку, чтобы тот усилил работу. Будучи уверенными, что шифр надежен, к тому же под давлением внезапно изменившихся обстоятельств, русские агенты допустили ряд оплошностей в Брюсселе, включив в сообщение даже имена и адреса агентов, с которыми у Сукулова предстоял ряд встреч.

Теперь абверовцы с помощью профессора смогли ознакомиться с этим донесением. В нем сообщалось:

«KLS для RTX. 1010. 1725. 99wds. qbt. От директора Кенту, лично. Немедленно направьтесь по трем адресам, упомянутым ниже, в Берлине и установите, почему радиосвязь постоянно прерывается. В случае дальнейших прерываний займитесь этим вопросом сами. Работа трех берлинских групп и передача сведений первостепенной важности. Адреса: Нойвестенд, Альтенбургер-аллее 3, третий этаж направо. Каро. — Шарлоттенбург, Фредерисия-штрассе 26А, второй этаж налево. Коппи. — Фриденау, Кайзерштрассе 18, четвертый этаж налево. Адам и Грета Клакхоф. Запомните: «Ulenspiegel». — Пароль везде: «директор». Извещу до 20 октября. Во всех трех местах возобновить (я повторяю!) возобновить план радиопередач — утро пятнадцатого. qbt. 50385. ar. KLS для RTX».

Год и 12 дней спустя после отправленного сообщения, 30 августа 1942 года, гестапо арестовало Шульце-Бойзена, в тот момент, когда он выходил из здания министерства ВВС. Три дня спустя на летнем курорте взяли Харнака. Один за другим

музыканты «Красной капеллы» были подвергнуты аресту, только Сукулов и Треппер сумели скрыться от преследования. Сукулова выследили по пути в Марсель и арестовали прямо в поезде в ноябре 1942 года. Начались поиски «Большого босса» — самого Польди Треппера. Гестапо явилось к нему на фирму Simex Company, но господин Жильбер отсутствовал. На его столе, однако, немцы обнаружили календарь встреч. Там были перечислены периодические визиты Треппера к его дантисту. Абвер арестовал Треппера, когда тот сидел в кресле зубного врача[48].

Глава 14
Война в крыльях

Италия вступила в войну 10 июня 1940 года, без особой спешки и в то же время не желая упустить возможность воспользоваться преимуществами, обусловленными падением Франции. Гитлер с неохотой допустил Муссолини к участию в боевых действиях. Фюрер не сомневался, что предполагаемые беды, которые не мог не принести с собой дуче, не повлияют на исход войны. Он вспомнил издевательскую реплику времен Первой мировой войны, приписываемую генералу фон Фалькенхайну. Когда в 1915 году кайзеру доложили, что Италия задумала перейти на сторону противника, фон Фалькенхайн принялся уверять монарха, что это не возымеет значения. «Видите ли, ваше величество, — сказал он, — если они будут против нас, нам понадобятся 10 дивизий, чтобы разбить их. Если они будут за нас, нам понадобятся те же 10 дивизий, чтобы спасти их».

Разумеется, к следующей весне Муссолини считал каждый день, когда у его вооруженных сил не случилось неприятностей, как выигранный. 24 мая 1941 года, похоже, тоже должен был стать одним из таких. На Пинчо деревья испускали нежные ароматы великолепной римской весны. По элегантной Виа Кондотти шествовали красавицы-синьоры из римского общества — ничто в их нарядах не свидетельствовало о том, что страна — в состоянии войны. Но в тот день произошло одно, на первый взгляд, малозначительное событие, которому была уготована судьбоносная роль в будущем Италии Муссолини. Адмирал Франко Маугери стал директором СИС — Servizio Informazioni e Sicurezza della Marina — военно-морской разведки Италии.

В свои неполные 46 лет Маугери был невысоким, стройным, рано поседевшим мужчиной, с пронзительным взглядом серых глаз. В общении Маугери был человеком довольно раскованным и в то же время скромным. Это был интеллектуал, прекрасно воспитанный, большой ценитель книг, он тяготел к канцелярской работе, поскольку был сильно подвержен морской болезни и загару. Ранее он уже служил в СИС, это было в 1927–1929 годах. В то время СИС была чрезвычайно небольшим агентством; весь его штат состоял из 10 служащих и 20 военнослужащих. И ни одного одного тайного агента. Ни дома, ни за границей. Работа учреждения состояла в том, чтобы сопоставить периодические отчеты итальянских военно-морских атташе и выполнять другие обычные обязанности сидячей кабинетной разведки.

В те годы отношения между итальянским и британским военно-морскими флотами были чрезвычайно близки. Когда итальянский военно-морской флот создавался незадолго до Первой мировой войны, первоначальный план был таков: итальянский флот будет сражаться вместе с британским военно-морским флотом в качестве вспомогательных сил[49]. Многие флотские офицеры в Италии придерживались этой традиции и, даже когда отношения между их странами охладились, продолжали считать себя почетными служащими Королевского военно-морского флота Великобритании. Адмирал Маугери был убежденным антифашистом и тоже принадлежал к пробританской группе морских офицеров. Едва Маугери оказался на посту директора СИС, как эта организация стала, по сути, кусочком Британии в самом сердце итальянской армии и флота — иными словами, итальянским филиалом британской военно-морской разведки. Описанный статус-кво никогда не рассматривался как акт предательства ни Маугери, ни его подчиненными. Напротив, они были твердо убеждены, что, помогая Великобритании, они спасали Италию от сокрушительного поражения.

Когда Маугери возвратился к СИС в 1941 году, организация разительно переменилась. Она состояла из трех крупных региональных звеньев со штаб-квартирами в Мадриде, Стамбуле и Шанхае (везде при соответствующих итальянских военно-морских атташе) и четырех функциональных звеньев с буквенными индексами B, C, D и E. Отдел B являлся самой деятельной «темной палатой», контролируя эфир, шифруя и дешифруя информацию. Отдел D был собственно разведывательной службой. Материалы, поставляемые B и D, скапливались в отделе C, где анализировались, сопоставлялись и оценивались. Отдел E занимался исключительно контрразведкой.

Во главе отдела D стоял капитан 3-го ранга Макс Понцо. Понцо был низкорослым, коренастым, физически крепким мужчиной, напоминавшим небольшого бычка. У него был смуглый цвет лица и бегающие глазки, придававшие ему коварно-хитроватый вид. Понцо был блестящим, находчивым, храбрым и решительным офицером. Силой своей натуры Понцо доминировал над целой СИС.

До прибытия Маугери Понцо выстроил разведслужбу и организовал шпионскую сеть, какой СИС прежде никогда не обладала. Несколько мощных сетей функционировали в нейтральных странах — Швейцарии, Испании, Турции и Португалии. Небольшая агентурная сеть существовала даже в США. Одна из горничных в отеле «Уордмен-парк» в Вашингтоне,

округ Колумбия, где останавливались госпожа Дуайт Д. Эйзенхауэр и госсекретарь США Кордел Халл, работала на Понцо.

Если значимая информация поступала в основном из сетей за границей, лучший материал обеспечивался в Италии. Понцо сосредоточил усилия в Риме на американском военно-морском атташе, вероятно основываясь на предположении о сходстве характеров американцев и итальянцев, что должно было значительно облегчить работу для его агентуры.

С 1939 по 1941 год капитан Томас К. Кинкейд из военно-морских сил США был американским военно-морским атташе в Риме. Это был потомственный офицер, обходительный, и в будущем сделал себе неплохую карьеру. В его кабинете существовала, однако, серьезная лазейка. Отдел был недоукомплектован, и, поскольку Вашингтон не мог обеспечить его персоналом из Соединенных Штатов, Кинкейд был вынужден нанять нескольких итальянцев.

Как минимум один из этих итальянцев работал на Понцо. Он был довольно высокопоставленным служащим и время от времени имел доступ к сейфу. Ему удалось сделать копию ключа от него, и до тех пор, пока США не вступили в войну, в СИС знали в точности все содержимое сейфа военно-морского атташе заморской державы.

В начале 1941 года Кинкейда отозвали, и на смену ему прибыл капитан Лестер Н. Макнейр, тоже из военно-морских сил США. Макнейр решил, несомненно по указанию из Вашингтона, завербовать нескольких агентов. Внештатный шпионаж был любимым увлечением некоторых итальянских синьор, и среди них Макнейр отыскал привлекательную и даже очаровательную молодую женщину, которая показалась ему великолепной кандидатурой.

Это была синьорина Елена (увы, но фамилия этой дамы так и осталась неизвестной). Женщина была вхожа в римское общество, где имела возможность заводить полезные знакомства, ей была отнюдь не чужда романтичность и даже нежность, если того требовали обстоятельства.

Елена оказалась перед в некотором роде дилеммой — она действительно понятия не имела, каким образом и где получать сведения, требуемые от нее капитаном Макнейром. И решила проблему традиционным способом, став двойным агентом. Она обратилась к Понцо, выдала себя за американскую шпионку и по своей доброй воле предложила осведомлять Понцо о делах американцев и передавать Макнейру сведения, которые Понцо желал бы подсунуть американцам в папки. Такая договоренность удовлетворяла все заинтересованные стороны, включая капитана

Макнейра, который так никогда и не узнал о том, что Елена работала сразу на две стороны.

11 декабря 1941 года Италия объявила войну Соединенным Штатам, и с этого момента ценность Елены значительно возросла, поскольку она была фактически единственным шпионом, которым американские военно-морские силы располагали в Риме.

Перед отбытием Макнейр договорился с Еленой, что девушка будет отправлять материалы полковнику Барвеллу Р. Легге, американскому военному атташе в Берне, Швейцария. С Понцо, продолжавшим разруливать эту хоть и мало-значимую, но будоражившую кровь шпионскую историю, они договорились, что у Елены на квартире на Лунготевере будет появляться курьер от Легге и забирать нужные сведения. Понцо самолично был готов взять под наблюдение гостя — он стремился узнать, кто еще работал на Легге в Риме.

Вокруг здания были расставлены агенты СИС, и Елена была проинструктирована каждый раз сообщать о прибытии гостя сигналом — вывесив на балкон свой купальник, если гость — мужчина, или полотенце — если гость женского пола.

Агентам Понцо не пришлось долго ждать. В свое время изящный купальный костюм появился на балконе. Час спустя человек вышел из дома, и агенты Понцо последовали за ним вдоль широкого, усаженного деревьями проспекта на левом берегу Тибра, пока они не увидели, как он встретился с уже знакомым им уоррент-офицером, который работал на отдел Е майора Понтини в СИС, то есть в отделении контрразведки. Шпики видели, как эти двое обменялись рукопожатиями, уселись в поджидавшую их машину и уехали, по-видимому весьма довольные друг другом.

Агенты Понцо, получившие задание заманить в ловушку одного американского шпиона, сами того не желая, заманили двоих! И — horribile dictu — один из них был доверенным лицом, карабинером майора Понтини. Они сообщили о своем открытии Понцо, а Понцо, в свою очередь, информировал майора. У Понтини эта новость вызвала взрыв смеха.

«Мой уважаемый Макс, — сказал Понтини, — тот самый «вражеский агент», которого вы так профессионально отследили, — он не больше вражеский агент, чем вы. Он — один из моих работников. Американцы в Швейцарии завербовали его, вот он и работает на них, причем за неплохие деньги».

Понтини сокрушенно покачал головой: «Che stupidita americana!»

Вот такие сюрпризы подкидывает иногда шпионаж тем, кто решил поиграть в войну, позабыв о том, что у войны иные законы,

нежели у мирного времени.

Американской разведке потребовалось время приспособиться к требованиям и законам войны. А вот с британской разведкой дело обстояло по-другому.

Понцо регулярно снабжал весьма ценными и полезными сведениями военно-морской флот Италии о передвижениях британских судов в Средиземном море. Стоило британскому судну миновать Гибралтарский пролив, не важно, в каком направлении, как итальянцы получали соответствующий сигнал об этом. В Альхесирасе, есть такой городок в Испании, граничащий с Гибралтаром, итальянский консул был агентом шпионской сети Понцо. Он жил в отеле «Рейна Кристина», владелец которого поддерживал Италию и позволил Понцо устроить обсерваторию на крыше этого отеля. Понцо располагал мощными телескопами, другой оптикой с высокой степенью приближения, хронометрами и фотокамерами с телеобъективами. В номере отеля у консула имелся тайный радиопередатчик, по которому он каждые несколько часов сообщал о своих наблюдениях Риму. Вот так Понцо обеспечивал информацией военно-морской флот Италии о всех британских кораблях, проходивших через Гибралтар.

Этот потрясающий шпионский заговор в Альхесирасе был тем, что можно было бы назвать тщательно продуманным средством для отвода глаз, способом, которым СИС создавала впечатление, что ведет войну не на жизнь, а на смерть против англичан. Никто, казалось, не замечал, что фактически все усилия СИС в отношении британцев и ограничивались этой деятельностью. Никто не замечал, что отсутствие Понцо в Лондоне бросалось в глаза ничуть не меньше, например, чем его присутствие в Альхесирасе. Во время визитов в Рим адмирал Канарис хвастался графу Чиано о своей шпионской сети в Великобритании, состоявшей из агентов, чистых как слеза младенца, утверждая, что один из его шпионов гнал в Гамбург по 10 радиограмм в день. (На самом деле этот агент был хитроумной уловкой британской радиоигры.) Чиано вынужден был признать, что у Италии ничего подобного не было. У СИС не было вообще ничего и никого в Великобритании. Еще более знаменательным было то, что капитан 3-го ранга Понцо не сделал британцам и десятой доли того, что он столь блестяще делал американцам. Он не расставлял им ловушек в виде двойных агентов, он не вытягивал из них агрессивными способами сверхсекретных сведений.

После войны адмирал Маугери сделал потрясающее заявление. «На самом деле, — писал он, — я сомневаюсь, что в

Италии было так уж много британских агентов. В них просто не было нужды. У британского адмиралтейства и так было полным-полно закадычных друзей среди наших высокопоставленных адмиралов, да и в самом морском министерстве. Подозреваю, что англичане имели возможность спокойно получать подлинную информацию непосредственно из источника». Он, правда, не упомянул о том, что его собственная СИС выполняла львиную долю необходимой кропотливой работы в пользу британской разведки.

На живописной старой римской улице, названной в честь небольших и мрачных складских зданий, Виа делле Ботега Обскьюре, жил один замечательный человек, и под кровом этого человека жил и Макс Понцо. Речь идет об одном из самых знаменитых адвокатов Италии, Джованни Серао, человеке воистину блестящего, гибкого ума. Низкорослый, полноватый, но потрясающе живой человек с роскошной бородой. Его красноречие было уникальным даже для Италии. В число его клиентов входили представители самых благородных семейств страны и самых крупных корпораций, включая и ряд солидных зарубежных фирм, таких как американская Paramount Pictures и канадская Тихоокеанская железная дорога. Много лет синьор Серао служил консультантом по юридическим вопросам британского посольства в Риме и работал настолько великолепно, что за оказанные британской короне услуги был посвящен в рыцари. Он был единственным из римлян, к кому обращались как сэр Джованни, и он страшно этим титулом гордился.

Серао был тестем Понцо, более того, он был божеством для своего зятя. Сам Серао представил британцам все виды конфиденциальной информации, которой располагал, накопив за годы практики. Благодаря его близости с Понцо он мог также предоставлять и военную, и военно-морскую информацию высочайшей ценности. Все вопросы практического характера решались синьором Джованни Серао в статусе негласного резидента британской секретной службы в Риме.

Перед прибытием Франко Маугери в СИС вклад Понцо ограничивался чистой необходимостью. Его руководители не являлись участниками заговоров. Он вынужден был действовать самостоятельно. Связи посольства Серао рухнули с внезапным началом войны. Серао и Понцо ограничивались в предоставлении услуг скудными данными, которые подсовывали британцам всеми возможными способами, в основном через тайный контакт с британским дипломатическим представительством, остававшимся в Ватикане. Но даже эти скудные сведения стоили не так уж и мало.

Британцы располагали самыми точными данными касательно итальянского флота и отказывались рассматривать его как смертельную угрозу британскому владению на море, но определенная угроза все же существовала. Имелись некоторые опасения, в частности относительно сорока каких-то непонятных подводных лодок, принадлежавших итальянцам, которые, возможно, могли бы здорово помешать британскому судоходству в акватории Средиземного моря, при условии, разумеется, если их верно и умно использовать. Военно-морской разведке все же удалось раздобыть особый шифр, используемый итальянскими подводниками.

Один изобретательный офицер штаба адмирала Эндрю Каннинхэма воспылал фантастической идеей. Разрабатывая сигналы итальянского кода и имитируя итальянскую команду, он смог направить итальянскую подлодку в определенный участок Средиземного моря для атаки предполагаемых союзных торговых судов. Но стоило этой бедняге подлодке прибыть в намеченное место, как она была атакована дожидавшимися ее британскими эсминцами.

Вот таким образом, умело действуя своей подводной рукой, британцы сумели нанести Муссолини невосполнимые потери. Эта работа продолжилась бы, по всей вероятности, если бы не досадный инцидент. Британцы приказали прибыть определенной итальянской подлодке в один из намеченных участков, где ее уже поджидали эсминцы, но вот именно та лодка на тот момент стояла в сухом доке в Специи.

Грубейшая ошибка надоумила итальянцев, и игры с потоплением закончились, хотя ущерб, уже нанесенный итальянскому подводному флоту, оказался весьма серьезным.

Роммель беспощадно молотил британцев в Африке, а все поставки для его войск осуществлялись через Средиземное море. Заговор в СИС приобрел статус существенной важности. 25 марта 1941 года загадочный информатор предупредил адмирала Каннинхэма о злокозненных приготовлениях и задумках итальянского флота. Часть его ведущих кораблей во главе с линкором «Витторио Венето», как предполагалось, перемещались в направлении Эгейского моря для перехвата британских кораблей, охотившихся на итало-германские конвои. Так не совсем внятное сообщение привело к большой британской победе на море 28 марта. Произошло незабываемое сражение у мыса Матапан (Тенарон)[50]. По словам Черчилля, «эта своевременная и желанная победа у мыса Матапан устранила все препятствия для утверждения британской военно-морской мощи в Восточном Средиземноморье в тот критический период».

К началу апреля размеренная разведработа позволила британцам существенно усилить атаки транспортных судов, снабжавших силы Роммеля в Ливии. Это тайное сотрудничество возымело столь значимый эффект, что Малкольм Уонклин в подводной лодке Upholder сумел получить Крест Виктории за свои таинственные успехи на поприще розыска и уничтожения германских транспортных судов. Большая победа была одержана в апреле, когда группу из 4 эсминцев удачно навели на крупный конвой противника. Тогда было уничтожено 14 000 тонн военных грузов, полностью предназначенных для Роммеля.

Со временем Понцо сумел продумать и разработать более надежные связи с британцами. Сочувствующий СИС агент в Берне стал каналом связи для передачи секретных сведений британской разведке. А еще позже британцам удалось разместить засекреченный радиопередатчик в Риме. Теперь Понцо нуждался в посреднике для получения сведений от радиста. Его глаз упал на графиню Монтарини, англичанку по происхождению, которая была замужем за дворянином итальянцем. Графиня Монтарини являлась тещей блестящего молодого лейтенанта итальянского военно-морского флота. А сама работала директрисой салона красоты «Элизабет Арден».

Каждое утро по пути в салон графиня заходила в церковь Тринита дель Монти для краткой молитвы. Совершив молитву, графиня выходила и несколько минут стояла у церкви, любуясь площадью Пьяцца ди Спанья, расположенной чуть ниже у основания лестничного пролета.

Если созерцать Рим отсюда, он предстает на этой известной площади в самом выгодном свете. В центре квадрата расположен фонтан работы Бернини, La Barcaccia. Он исполнен в форме старинного военного корабля, извергающего струи воды из мраморных орудий. Ведет к нему Скала ди Спанья, лестница из 138 ступенек.

Когда графиня Монтарини спустилась по этой огромной лестнице, она могла бы встретить молодого человека, стоявшего на одной из ступенек. Эта случайная встреча вряд ли могла показаться необычной, однако на самом деле встреча весьма изобретательно была задумана как агентурный контакт. Ступенька, на которой стоял молодой человек, дожидаясь синьоры, имела особое значение. Каждая из 138 ступенек означала строго определенное, отдельное сообщение согласно тщательно продуманной закодированной системе. Каждая ступенька имела свое значение, в зависимости от того, как считать — сверху или снизу. Дополнительные сообщения передавались при помощи определенных действий, совершаемых

связниками, таких, например, как прикуривание сигареты, сморкание или складывание чашечкой пальцев ладони вокруг глаза.

Графиня не только служила чисто передаточным звеном цепочки, она и самостоятельно собирала достаточно много полезной информации. Салону красоты «Элизабет Арден» отдавали предпочтение очень многие самые влиятельные женщины Рима, включая жен, дочерей и любовниц дипломатов и высокопоставленных госслужащих. Пока их волосами занимались парикмахеры, ногтями — маникюрши, а кожей лица — косметологи, они вовсю сплетничали.

Графиня из наиболее доверенных лиц наняла мастеров для работы в салоне и быстро научила их подслушивать разговоры их высокопоставленных клиенток и спрашивать о достаточно важных вещах, не рискуя вызвать подозрения. Нередко стоило произнести ту или иную фамилию, как игра начиналась. Как-то один из мастеров сообщил графине, что клиентка салона сказала, что хотела бы выглядеть особенно привлекательной, поскольку ей предстояла встреча с мужем, которого она не видела больше года. Клиентка эта была женой генерала, назначенного на африканский фронт. Из этой ненароком брошенной фразы человеку сведущему ничего не стоило узнать достаточно много интересного — отзыв генерала, вполне возможно, предвещает существенную реорганизацию командных структур итальянской армии в Ливии.

Между тем в Африке Роммель одерживал победу за победой. Летом 1942 года, сокрушив 8-ю британскую армию между Газалой и Тобруком и оттеснив ее остатки чуть ли не до Каира, он пережил настоящий триумф.

Британцам удалось приостановить его наступление у Эль-Аламейна. В августе, однако, Роммель снова пытался наступать, но на этот раз его все же удалось остановить. Он не мог продвинуться дальше Эль-Аламейна, и теперь его возможности завоевать Египет были минимальными[51].

Существовало несколько факторов, которые отняли у него лавры победителя: британцы использовали предоставленный им перерыв[52] для перетряски своего Верховного командования, в результате 8-ю армию возглавил Бернард Монтгомери («Монти») и ему предоставили соответствующие подкрепления. Но решающую роль сыграло то, что «Монти» получил все необходимое, а Роммель не получил через Италию ни подкреплений, ни нужного количества горючего.

Маршал Кессельринг послал все топливо, которое просил Роммель, но так или иначе лишь часть отправленного из Италии достигла Африки. Как выразился Лиддел Гарт, «Лису пустыни»

«нанесли фатальный урон потопления танкеров в Средиземном море».

Немцы были уверены в утечке информации. Специальный отряд обычно безошибочного Funkabwehr, службы радиоконтроля абвера, прибыл в Италию на поиски исходящих сообщений, но ни одного подозрительного сигнала не обнаружили. Еще один спецотряд абвера III (контрразведка) тоже направили в Италию, и немцы в тесном сотрудничестве с бесстрашными карабинерами отдела Е СИС устроили настоящую охоту за шпионами. Но — источник утечки информации так и не был обнаружен. Раз не был обнаружен, следовательно, и ликвидировать было нечего.

То, что на самом деле произошло, было проще простого. Поскольку войны не совершаются в молчании, итальянцы должны были сообщать своему африканскому контингенту об этих конвоях. Об их маршрутах радировали в Африку зашифрованным военно-морским кодом, который, как считалось, противник не в силах разгадать. Но кто-то из Италии услужливо подкинул ключ этого священного кода британцам и посоветовал им действовать без промедления, ибо коды меняются, причем меняются быстро.

Роммеля почти полностью лишили горючего. Выражаясь словами капитана Лиддела Гарта: «Это решило проблему, и, как только враг начал падать в обморок как раз на самой дальней точке, он был уже неспособен ни на какие решительные действия до тех пор, пока не добрался до западной части Ливии, то есть отмахал свыше 1000 миль назад».

Работа Понцо продолжалась вплоть до заключения Италией перемирия в сентябре 1943 года. Когда немцы заняли Рим, оставаться там для Понцо было слишком опасно. И он направился на юг, в Таранто, где итальянский военно-морской флот возрождался к новой жизни в новой войне, на этот раз именно той войне, которой так жаждало большинство итальянских адмиралов, — войне против немцев.

10 октября Макс Понцо улизнул из Рима. Под видом отставшего от своих офицера он сумел пробиться к Таранто, где его приняли с распростертыми объятиями. На следующее после прибытия утро Понцо назначили руководителем новой итальянской военно-морской разведки, что произошло с искреннего одобрения союзников.

Ситуация в Риме оставалась в надежных руках. Адмирал Маугери ушел в подполье и стал одним из руководителей организации сопротивления в Вечном городе.

Позиция графини Монтарини пошатнулась. Она уже больше не могла и дальше изображать этот маскарад. Ее зять, военно-морской лейтенант, который действовал самостоятельно где-то

на периферии сети, при первой возможности перебежал к союзникам, и это окончательно убедило немцев в истинных чувствах и намерениях графини. С помощью друзей она исчезла, хотя Рим не покидала. Она будто в воду канула в огромном дворце князей Колонна (Палаццо Колонна), где оставалась до 4 июня 1944 года, когда в конце концов Рим был занят войсками союзников.

Глава 15
Тот, которого звали «Рамзай»

Весной 1935 года в Нью-Йорк по пути к Берлину из Токио прибыл турист. Он зарегистрировался в отеле «Линкольн» на 44-й Вест-стрит под именем доктора Рихарда Зорге, иностранного корреспондента газеты «Франкфуртер цайтунг», одной из главных в Германии.

Разведслужбы многих стран попытались проникнуть в биографию этого обаятельного человека, но оказалось сложно следовать столь запутанным курсом. Его «карта подозрительного лица» в папках американской контрразведки была датирована 1929 годом и содержала массу не лишенных мелодраматических аффектаций записей. Это обстоятельство превращало Зорге в очень важную персону необозримого аппарата советского шпионажа.

Зорге, родившийся в Баку на юге Российской империи в 1895 году, был интеллектуалом-меланхоликом. Его дедушкой был Фридрих Адольф Зорге, секретарь Карла Маркса периода I Интернационала, отец был немецким инженером, работавшим на нефтяной фирме Нобеля на Кавказе, сведения о матери обрывочны и неясны, единственное, что известно, что она была русской[53]. Рихард был чувствительным, добродушным, прилежным мальчиком, слегка подпорченным родителями, звавшими его в семье Ika.

Когда еще ребенком он переехал в 1898 году с семьей в Германию и узнал больше о связях его дедушки с Карлом Марксом, он проявил огромный интерес к социализму. Первая мировая война, в которой он участвовал и сражался под Ипром в районе деревни Лангемарк (в ноябре 1914 года, в 1915 году летом был ранен под Ипром первый раз), послужила подпиткой его идей[54], и после ее окончания молодой Рихард проторил путь к большевикам. Одна странная женщина сыграла важную роль в духовном формировании Зорге. Она была женой преподавателя, у которого он учился в Кильском университете, довольно распространенный тип «жены профессора», того, кому мало дела до супруги и которая, как следствие, проявляет повышенный интерес к студентам мужа. Эта женщина была намного старше Рихарда и сумела превратить своего почитателя в фанатичного идеалиста и даже повезла его в Советский Союз[55]. Большевики приняли его с распростертыми объятиями и поручили ему ряд тайных и не совсем обычных поручений в самых разных странах

Европы. В конечном счете его взяло к себе 4-е управление штаба Красной армии. Рихард Зорге стал полновесным советским шпионом. В аппарате он был известен под псевдонимом Рамзай.

Он сыграл ключевую роль в «Шанхайском заговоре», основной разведывательной операции конца 1920-х — начала 1930-х годов, когда интересы Советов сосредоточились на Китае. Из Шанхая он возвратился в Москву, но в мае 1933 года отправился в Германию, где вступил в нацистскую партию. Он устанавливал контакты с новыми немецкими спецслужбами, распространявшимися при Гитлере, и вступил в Немецкий институт геополитики Карла Хаусхофера. Зорге поступил на работу в редакционный отдел «Франк-фуртер цайтунг», и осенью 1933 года газета направила его собственным корреспондентом в Японию (одновременно был корреспондентом еще нескольких газет).

В Токио Зорге жил в большом доме в превосходном жилом районе. Он вступил в члены «Немецкого клуба», стал доверенным лицом германского посла и осведомителем германского военного атташе. Немцы воспринимали Зорге как одного из своих и слепо доверяли ему. Единственное, против чего возражали сотрудники посольства, так это его склонность флиртовать с их женами. Естественно, никто из них и предположить не мог, что нацизм был лишь прикрытием его реальной миссии.

Такова была обстановка в 1935 году, когда Рихард Зорге внезапно обнаружился в Соединенных Штатах. Он путешествовал под своим собственным именем, со своим собственным и подлинным немецким паспортом и другими документами, чтобы лишний раз показать, что собрался во Франкфурт на конференцию и поездка эта была организована газетой, которую он представлял. Никаких компрометирующих документов или моментов. За исключением одного — он странствовал в одиночку, если не считать еще одного человека.

Этот человек был также чужаком среди чужаков, путешествующих по весьма надежной «легенде». Человек этот был капитаном, сотрудником 4-го управления, специально направленным Москвой передать лично в руки Зорге поддельный паспорт для тайного визита в Москву.

И Зорге на несколько недель исчез из поля зрения. Его коллеги из редакции в Германии не сомневались, что он все еще оставался в Нью-Йорке, но письма и открытки, которые они получили от Зорге в тот период, были написаны им заранее и отправлены с надлежащими интервалами курьером.

Зорге незаметно добрался до Москвы и обнаружил, что во главе 4-го управления штаба РККА новый человек, генерал

Урицкий[56]. Также он убедился, что и политическая линия радикально сменилась на основе непонятной оценки ситуации.

Через кремлевские окна Европа в 1935 году представлялась весьма нестабильной. Франция, как обычно, пребывала в муках серьезных внутренних противоречий и споров. Великобритания представлялась более устойчивой, но ее стабильность была иллюзорна. Кремль скорее смотрел сквозь Гитлера, но никак не на него. Германия представляла собой проблему, как заявил Зорге Урицкий, но второстепенную и под надежным контролем. Проблема Третьего рейха разрешится сама собой либо когда Гитлер рухнет под весом собственных грубых ошибок, либо в результате войны.

Советской разведке, как заявил Урицкий, было бы интересно знать, что произойдет после краха Гитлера. Соединенные Штаты, несомненно, приложили бы руку к его уничтожению и поэтому обязательно выдвинутся на первый план в качестве доминирующей мировой державы. Следовательно, продолжал он, советская разведка стремится действовать без промедления, чтобы обогнать Соединенные Штаты.

Она действовала куда быстрее, стремясь обогнать страны, которые, как считал Урицкий, должны были стать ступеньками для грядущего господства Соединенных Штатов. В первую очередь это была Япония, с которой неизбежно нужно было договариваться, причем это должен быть откровенный обмен мнениями. Зорге предстояло изучить признаки этого откровенного обмена мнениями и выяснить, в каком направлении пойдут японцы: то ли против Советского Союза, то ли против Великобритании и Соединенных Штатов. Он должен был вскрыть японские стремления и намерения, ее военный потенциал и тайны ее военной машины и, в особенности, ежемесячно отслеживать отношения Японии с Соединенными Штатами, ни в коем случае не упустить из виду момент, когда обе эти державы будут близки к войне друг с другом.

Урицкий предоставил Зорге щедрый бюджет, значительную самостоятельность и нового радиста, рослого, бесстрастного немца по имени Макс Клаузен, которого Зорге знал еще по работе в Шанхае.

Зорге возвратился в Нью-Йорк, затем направился в Германию и, наконец, назад в Токио. Клаузен следовал за ним окольными путями: в Токио он обнаружил примитивную рацию своего предшественника и изготовил новую с максимальным диапазоном действия до 2500 миль. Он собрался управлять своей «музыкальной шкатулкой» под прикрытием экспортно-импортного бизнеса, продавая немецкую светокопировальную

технику — великолепная приманка для таких клиентов, как японская армия и военно-морской флот, крупные банки Токио и промышленные предприятия Японии.

Прибыв в Токио в ноябре 1935 года, Клаузен обнаружил кучу работы для себя. Зорге уже вовсю получал неоценимую информацию о политике и планах японского правительства от некоего Хоцуми Одзаки, доверенного лица премьер-министра принца Коноя, весьма уважаемого публициста, учредителя «Клуба «Брекфест», места сбора политической и дипломатической элиты, где открыто обсуждались весьма конфиденциальные темы, касавшиеся внешнеполитического курса Японии.

Внутри агентурной сети СССР носил кодовое название «Висбаден» — в честь курортного города в Германии. Именно в «Висбаден» Клаузен посылал радиограммы через расположенную под Владивостоком советскую ретрансляционную станцию. Радиообмен осуществлялся в цифровом коде, кодовой книгой служил немецкий статистический ежегодник. Клаузен использовал позывные «АС», к которому добавлялась цифра и еще 2 буквы, которые часто менялись. Позывные «Висбадена» начинались с XU и основывались на том же принципе. Радистам в «Висбадене» Клаузен был известен как Фриц.

В течение шести лет Клаузен работал на своей рации без перерыва, причем практически без пауз. Зорге загружал радиста до предела, постоянно снабжая его невероятным объемом информации. За 1939 год Фриц провел в общей сложности 60 радиосеансов, всего 23 139 слов. Пик был достигнут в 1940 году, когда в эфир было послано около 30 000 слов.

Одзаки оставался основным поставщиком сведений Зорге, но были и другие информаторы. В целом численность лиц, задействованных в его сети, составляла от 36 до 50 человек: от 57-летней портнихи до 21-летнего служащего при «Китайском иследовательском институте», что служило кодовым названием японской спецслужбы. Среди сотрудников Зорге были государственные чиновники, журналисты, художники, студенты, двое брокеров и врач. У некоторых из них был доступ к материалам японской секретной службы. Дополнительная разведка осуществлялась благодаря доступу к материалам германского посольства, к которым у Зорге имелся допуск.

В весь информационный массив включалось огромное количество подлинных документов, многие из которых Одзаки получал от высокопоставленных государственных чиновников, обращавшихся к нему за консультациями. Одзаки передал Зорге даже некоторые совершенно секретные государственные бумаги, полученные от князя Коноэ. Документы фотографировали на

микропленку и вывозились из Японии, главным образом курьерами, прибывавшими за ними из Москвы, но иногда самими Клаузеном или Зорге. В течение нескольких месяцев Макс доставил в Шанхай примерно 30 катушек по 1000 микрофильмированных кадров каждый. Позже последовали еще 30 катушек, потом еще не менее внушительное количество. Позже заработали еще несколько каналов передачи: Токио — Гонконг, Токио — Манила и другие каналы. Зорге однажды самостоятельно поехал в Манилу как официальный курьер германского посольства, имея при себе секретную документацию в дипломатической почте. У него на теле были закреплены и микрофильмированные фотокопии тех же документов. Дипломатическую почту передали в Берлин, а вот микропленка предназначалась уже для Москвы.

Материалы Зорге имели чрезвычайно важное значение для формирования советской политики. Несмотря на то что Япония рассматривалась как постоянный соперник Советского Союза на Дальнем Востоке и его наиболее вероятный противник в будущей войне, Зорге настойчиво убеждал Москву, что Япония не нападет на СССР, но зато вполне может объявить войну США.

Эти попытки убедить советское руководство достигли кульминации в сообщении, которое Зорге поручил передать Клаузену в середине сентября 1941 года. К тому времени Советский Союз содрогался под страшными ударами нацистов. В 1941 году, за первые несколько месяцев германо-советской войны, Красная армия потеряла миллионы солдат и офицеров; армия отчаянно нуждалась в пополнении, чтобы избежать тотального разгрома. Если бы только дислоцированные на Дальнем Востоке части и подразделения Красной армии можно было перебросить на запад СССР!

В одной из последних радиограмм Зорге прямо заявил Разведывательному управлению, что правительство Японии и ее верховное командование твердо решили не перебрасывать войска к советской границе, а нанести удар в южном направлении по владениям Великобритании и по принадлежавшей Нидерландам Ост-Индии и Филиппинам, а затем через Тихий океан и по Соединенным Штатам. В этом последнем сообщении Зорге убеждал Москву, что Япония определенно нападет на США, «вероятно, в декабре [1941 года], но точно не позже января 1942 года».

В Кремле эти сведения восприняли с облегчением, и огромный по численности контингент из состава Дальневосточной армии был переброшен на запад Советского Союза, чтобы остановить натиск немцев. Разведка Зорге,

разумеется, в первую очередь помогла устоять Москве. Немцы подошли к пригородам советской столицы. Немецкие солдаты невооруженным глазом видели шпили московских зданий и луковицы церквей. Красная армия понесла огромные потери, но каким-то чудом удержалась. Более того, она получила солидное подкрепление — свежие дивизии. Гитлер поинтересовался у генерала Франца Гальдера, начальника штаба ОКБ, как и откуда у русских появилось столько дивизий, но так и не получил от Гальдера вразумительного ответа.

Завеса спала. «Агентурная сеть Зорге в Токио, — писали Диксон и доктор Хейльбрунн, — помогла России в 1941 году, сообщив, что Япония не намерена нападать на СССР, и эти разведданные позволили русским перебросить имевшиеся на Дальнем Востоке резервы на Европейский театр военных действий, куда они прибыли как раз в канун Битвы за Москву. Россия была тогда уверена, что будет вести войну на один фронт, в то время как Германия вынуждена была оставить значительную часть сил на Западе на случай внезапного открытия второго фронта. Германия с тех пор сражалась одной рукой, вторая была связана у нее за спиной, а Россия действовала обоими кулаками».

Зорге не было дано вкусить плоды триумфа. 18 октября 1941 года он был арестован у себя дома сотрудниками «Токкока». Свой провал Зорге, должно быть, воспринял как ироническое подтверждение своим мыслям. Дело в том, что за 3 дня до ареста он велел Клаузену передать в Москву сообщение, в котором высказал мысль Центру о том, что, мол, не видит больше оснований продолжать работать в Японии. И предложил снабдить его новыми инструкциями.

Клаузен считал это мнение преждевременным. Он промолчал, но сообщение в Москву не отправил.

Зорге содержался в камере в здании Совета столичной полиции Токио, более или менее в безопасности — его оставили вариться в собственном соку, пока сотрудники собирали на него веские доказательства у его соучастников, причем прибегая при этом к зверским методам. Зорге и Одзаки были повешены 7 ноября 1944 года. Клаузен был приговорен к пожизненному заключению, но был освобожден американскими оккупационными властями в 1945 году.

Зорге до самого конца оставался своенравным интеллектуалом, фанатиком и идеалистом с поэтическим складом ума. Если случалось, что двойная жизнь, которую он вел, погружала его в сомнения, он уходил в мир поэзии, времяпрепровождение, которое он скрывал даже от своих немногих друзей. Известны лишь очень немногие стихотворения

этого незаурядного человека, однако они помогают нам проникнуть в глубины его души. Одно из них начиналось такими словами: «…вечный чужак, себя осуждающий, — никогда так и не познавший реальный мир…»

Глава 16
Цель: Соединенные Штаты

За предшествовавшее Пёрл-Харбору десятилетие мир шпионажа обрел новую фигуру, которой просто суждено было стать заметной. Это был тайный агент Японии, достигший довольно курьезного престижа со странно зловещим подтекстом. «Шпион Страны восходящего солнца» стал любимым персонажем мультфильмов, всем известным человеком, низко кланявшимся и шипевшим: «Так Солли, пожалуйста», с зубастой улыбкой, деловито возящимися в чьем-либо кармане руками.

Сами японцы ничего забавного в своих шпионах не видели. Они рассматривали шпионаж как смертельно опасное и весьма серьезное занятие, важный инструмент национальной политики. Подчеркнуто восточный по характеру, японский шпионаж был отчетливо шизофреничен. В Азии он действовал с необузданной дикостью, но в Соединенных Штатах, например, шпион мог быть и обаятельным, и учтивым. В Азии японские агенты для достижения целей не гнушались ни наркотиками, ни проституцией, ни порнографией, ни азартными играми. Основной целью агента было добиться своего любым, пусть даже самым непотребным методом. Насилуйте, убивайте, похищайте, поджигайте и подделывайте документы — таковы были методы и средства в арсенале японских тайных агентов. Их жертвы подвергались воистину средневековой жестокости, даже собственные японские агенты, если они, как выяснялось, были китайцами или белыми, считались людьми второсортными.

Эта система прочно внедрилась в Маньчжурии, завоевание которой было делом рук агентов спецслужб, однако подобный подход с треском провалился в Китае. В конце концов властителям в Токио пришлось вводить войска[57], ибо никакое вдохновляемое японцами беззаконие так и не смогло привести Китай к краху.

Шпионские усилия японцев, направленные против западного мира, выглядели куда приличнее. Это было крупномасштабное и льстиво-вкрадчивое маневрирование, когда шпионы не выходили за дозволенные пределы и, сплетая сети шпионажа в странах Запада, следовали принятым и установившимся там образцам.

Японцем, достигшим истинного мастерства и наибольшей известности по части шпионажа, был генерал Кендзи Доихара, которого иногда называли Лоуренсом Маньчжурским. Подобное прозвище обеспечивало ему чуть ли не неограниченный кредит

на легкое завоевание Маньчжурии, которую он захватил, согласно легенде, имея в распоряжении полный карман шпионских уловок и горстку агентов.

На самом деле Доихара не был мастером шпионажа. Своей репутацией он был обязан в основном тому, что, будучи братом любовницы имперского принца, он мог приписывать себе достижения других. Разумеется, завоеванию, например, Маньчжурии всегда способствовал и некий шпионский заговор, в описываемое время фантастические тайные усилия предпринимались Китаем и другими странами Азии, но все это продумывалось и направлялось безликими и безымянными спецами, ненавидевшими Доихару за то, что он сумел оттеснить их на третий план.

Японская система шпионажа была лишена зрелищности, присущей, к примеру «Логову лиса» Канариса в Берлине или 4-му разведуправлению в Москве. Они были бюрократическими и сколоченными по псевдопрусским образцам в своей флегматичности и занудной эффективности.

Структуру японской секретной службы трудно скопировать из-за ее размытости и широчайшей рассредоточенности. Она состояла из 4 крупнейших агентств, работавших на равных, несмотря на то что в министерстве иностранных дел существовало подобие Центрального разведывательного управления.

Это отделение секретной службы работало под номинальным руководством министра иностранных дел. Инструкции, даваемые агентуре, нередко подписывались лично министрами. МИД поставляло резидентов сетей за рубежом. Оно обеспечивало в посольствах и дипломатических представительствах функционирование соответствующих резидентур. Оно отвечало и за технические службы, предоставляло документы, удостоверяющие личность (включая поддельные), производило необходимые выплаты и обслуживало линии связи.

Постановка на якорь секретной службы в дипломатическом механизме Японии тяжело сказалась даже в мирное время и возымела катастрофические последствия во время войны. Разрыв дипломатических отношений не мог не разрушить шпионскую систему Японии, причем именно там и тогда, когда и где это было наиболее срочно необходимо. Это произошло в Соединенных Штатах 7 декабря 1941 года, когда японское посольство закрылось. С отъездом его сотрудников был демонтирован весь аппарат японского шпионажа в Соединенных Штатах. Вся шпионская деятельность переместилась в посольство Японии в Рио-де-Жанейро в Бразилии, затем в Аргентину и Чили,

а это было слишком далеко от США, чтобы оставаться эффективной.

Отдел военно-морской разведки был другим главным отделением службы, и это, естественно, играло весьма важную роль в ходе приготовлений к удару по Пёрл-Харбору. Было несколько странным совпадением, что Китисабуро Номура, посол Японии в Вашингтоне как раз в период нападения на Пёрл-Харбор, в свое время стоял во главе военно-морской разведки. Она функционировала более-менее в рамках традиций при этом адмирале имперского военно-морского флота.

Военная разведка управлялась 3-м отделом имперского Генерального штаба. Его важность подчеркивалась тем, что его начальник обычно был в звании генерал-лейтенанта или по крайней мере генерал-майора. Служба была децентрализована, и различные армии, дислоцированные за рубежом, как Квантунская армия в Маньчжурии, имели собственные, автономные разведслужбы.

Четвертый эшелон, контрразведка, был поделен надвое: он состоял из «кемпетаи» (Kempetai), выполнявшего функции тайной полиции армии, и «токкока» (Tokkoka), столичной полиции Токио, особое (политическое) отделение которого в основном отвечало за контрразведку. Тот самый «токкока» осенью 1941 года и разгромил сеть Зорге. До этого этот контрразведывательный отдел расправился с британской сетью, предположительно возглавляемой корреспондентом агентства Рейтер в Токио Джеймсом М. Коксом.

Эти две организации тайной полиции разделяют вину за сомнительную репутацию Японии. Их методы допроса были безжалостны и жестоки. Пытки, которым они подвергли Кокса, привели его к самоубийству. Японцы были изобретательны по части жестокостей и противозаконных методов ведения расследований и ни для кого из подозреваемых в шпионаже исключений не делали. Одним из них был и Отто Толишус, токийский корреспондент «Нью-Йорк тайме» в период атаки на Пёрл-Харбор. В книге, которую он написал после освобождения и возвращения в Соединенные Штаты, он представил шокирующую картину японских «следователей», куда больше напоминавших объездчиков лошадей.

Шпионаж Японии против США имел место еще в 1920-е годы; всеми операциями заправлял военно-морской атташе Японии в Вашингтоне. Он работал в окружении пестрой толпы не очень перегружавших себя службой агентов как в форме, так и в штатском, которые действовали под разного рода тщательно продуманными прикрытиями. Возможно, некоторые и отнюдь не

худшие агенты шпионы Японии действовали в США как раз в этот полусонный период мира, но скорее всего их было не так уж и много. До нападения на Пёрл-Харбор японский шпионаж в США переживал безмятежные денечки. Тогда в середине 1930-х годов военно-морским атташе в Вашингтоне был некий капитан Тэмон Ямагучи. Это был единственный период, когда японцам удавалось завербовать коренных американцев (включая и бывших служащих американских военно-морских сил). Заместитель Ямагучи, Тосио Миядзаки, убедил уволенного из ВМС США Уильяма Томпсона стащить для него несколько секретных наставлений и снабдить его кое-какими сведениями тактического характера. Ямагучи искал подходы к бывшему командиру Джону С. Фарнсуорту, пытаясь получить подобную информацию и от него. Но обоих бывших служащих американского флота арестовали до того, как они нанесли серьезный ущерб флоту.

Третье лицо, которое Ямагучи пытался включить в список своей агентуры, был человеком сугубо штатским, работавшим на военно-морском оружейном производственном предприятии в Вашингтоне. Этот человек сообщил о контакте с японцем в военно-морскую разведку, ему дали указания продолжать знакомство и снабдили фальшивыми чертежами якобы нового восьмидюймового снаряда. Ямагучи был в восторге и за это отвалил «агенту» 500 долларов в новых, хрустящих американских банкнотах. Американские власти, не желая терпеть у себя под боком японского шпиона, выслали его из страны, и Ямагучи вынужден был покинуть Вашингтон. Эту пробоину Япония заделала нескоро.

После Ямагучи в США прибыла целая свора японской агентуры. На улице Калле, 10а в Колоне в Панаме существовала галантерейная лавка, принадлежавшая привлекательной, всегда изящно и со вкусом одетой женщине бальзаковского возраста, некой Лоле Осава. Разумеется, это был ее псевдоним и ее магазин существовал лишь для маскировки. Женщина эта в действительности была Чийо Морасава, супруга японского военно-морского офицера, вместе с которым она создала шпионский дуэт, специализировавшийся на секретах Панамского канала. Ее магазин играл роль местной штаб-квартиры для одной из нескольких японских агентурных сетей, рассеянных повсюду в Панаме с 55 филиалами, в том числе и мужскими парикмахерскими.

Карибское море было наводнено японскими рыболовными судами, занимавшимися сбором информации под бдительным взором некоего Кетарино Кабаямы, обходительного мужчины с тихим, мягким выговором, который и на самом деле носил

фамилию Кабаяма и служил капитаном на имперском военно-морском флоте Японии. Улов Кабаямы отправлялся в Японию неким Шоичи Йокои, якобы бизнесменом-экспортером, на самом деле командором Масаказу Йокои. Целая огромная флотилия подобных рыболовецких шхун бороздила воды Тихого океана вдоль западного побережья США от Аляски до Мексики, и на борту каждой находился соответствующим образом обученный и проинструктированный сотрудник японской секретной службы. В Ванкувере, Британская Колумбия, Канада, группа японцев (все до одного родственники) с головой ушли в скупку и эксплуатацию бензозаправочных станций и топливных фирм. Все эти люди были японскими агентами, получающими якобы законным способом доступ к горюче-смазочным материалам, которые тайно закачивали и тайно хранили в надежно замаскированных резервуарах, располагавшихся, как правило, в труднодоступных местах на скалистых берегах.

Очень немного оставалось мест вдоль такого доступного Западного (и не только Западного) побережья Соединенных Штатов, где бы не действовал хотя бы один представитель японской секретной службы.

У себя дома в Японии были сотни сотрудников разведслужб, занимавших как весьма важные, так и крайне малозначительные должности. Японские спецслужбы держали под контролем и банки, и закупочные фирмы. Существовали так называемые армейские и морские отделы контроля, «Шелковое бюро разведки», бюро путешествий, «Хлопковое бюро разведки» и масса других квазикоммерческих организаций. Самым заметным из оплотов шпионажа был загадочный «Клуб Токио», сеть поставщиков наркотиков и организаторов подпольных игровых притонов. Этот «клуб» имел филиалы во многих городах Западного побережья США. Клубы не только занимались сбором информации, но и обеспечивали агентуру необходимыми для работы денежными средствами и нанимали случайных людей для исполнения всякого рода разовых поручений.

Информационное агентство «Домен» представляло собой еще один фронт. Консульские бюро являлись региональными штаб-квартирами сети. Накануне нападения на Пёрл-Харбор Япония имела консульства в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Сиэтле, Нью-Йорке, Филадельфии, Хьюстоне, Чикаго, Гонолулу и Маниле. Этот солидный аппарат управлялся одним холостяком, Нобутака Терасаки, занимавшим кабинет в роскошном белом здании посольства Японии на Массачусетс-авеню в Вашингтоне, округ Колумбия. Господин Терасаки держался незаметно, вообще производил впечатление мелкого порученца, занимая при этом

должность второго секретаря. Это был тихий, пунктуальный, малообщительный человечек, тип прилежного интеллектуала, обязательного, скромного, с едва ли не гипертрофированной страстью к анонимности. Он предпочитал ничем и никогда не выделяться из толпы служащих посольства. У него не было друзей. Тем не менее этот низкорослый скромняга был главным руководителем целой японской сети не только в США, но во всем Западном полушарии. Этот тихий и не повышавший голоса второй секретарь диктовал распоряжения адвокату в Буэнос-Айресе, генеральному консулу Японии в Нью-Йорке и даже послу Японии в США в Вашингтоне. У него в распоряжении была довольно малочисленная армия помощников, включая великолепного специалиста по контролю и обслуживанию сетей связи Косака, работавшего на его рации. Косака направили в США в конце лета 1941 года в связи с интенсификацией радиообмена, и он прибыл туда с новым набором кодексов и шифров.

Наиболее важную роль за пределами Американского континента играли Гавайские острова, где на японскую секретную службу трудились в поте лица около 400 секретных агентов. Работа направлялась генеральным консулом Нагао Кита, следующим по важности после Терасаки руководителем японской разведки в Соединенных Штатах.

Его первым замом был консул Атожиро Окуда. Связь с агентами региона была сосредоточена в руках секретаря консульства Тадаси Моримура. Он также занимался и вопросами выплат агентам, а иногда исполнял роль курьера.

На самом деле Моримура был энсином[58] имперского военно-морского флота Такео Йосикава. Его перевели из разведывательного отдела, где он специализировался на американском Тихоокеанском флоте и его основных военно-морских базах, включая и самую крупную, намеченную для первой атаки.

Именно зимой 1940 года всерьез началась его подготовка к этой секретной миссии. Моримура получил приказ при министерстве иностранных дел овладеть английским языком и сдать соответствующий экзамен, после чего был назначен вице-консулом. В качестве прикрытия он получил и новое имя, и все остальные идентификационные данные. В августе начальник военно-морской разведки предупредил его: «Йосикава, вы едете в Гонолулу как вице-консул. Напряженность на Гавайях растет, как вы знаете, и коротковолновые передатчики легко засечь радиопеленгаторами. Так что вы отправитесь туда в качестве дипломата и будете ежедневно предоставлять отчет о боевой готовности американского флота и его баз, используя

дипломатический шифр. Это — единственный безопасный канал связи, и вы будете нашим единственным агентом. Думаю, нет необходимости разъяснять важность порученной вам миссии». «Есть!» — ответил Йосикава.

«Значит, мы договорились, — продолжал начальник разведки. — Вашим руководителем будет новый генеральный консул Нагао Кита, он — дипломат, в настоящее время находится в Кантоне, в свое время тесно сотрудничал с имперским военно-морским флотом в области разведки и по другим вопросам, в частности, касательно нашей оккупации Китая. Ему можно доверять полностью. Сначала в Гонолулу прибудет Кита, затем вы. Можете приступать к подготовке».

Энсин Йосикава прибыл в Гонолулу в апреле 1941 года и сразу же приступил к выполнению порученной миссии. Его весьма удивила предоставленная ему американцами свобода передвижения. «Например, — как он позже вспоминал, — я обычно без труда арендовал самолет в аэропорту Джона Роджерса в Гонолулу для проведения контроля американских военных аэродромов и почти каждый день проходил через городок Перл-Сити до самого конца полуострова, откуда спокойно мог разглядывать взлетно-посадочную полосу на острове Форд-Айленд в центре бухты Пёрл-Харбор и выстроившиеся в ряд линкоры в Пёрл-Харборе».

Йосикава во время частых купаний в гавани изучал все: подводные преграды, течения, склоны берега. Он часто отправлялся на прогулки по холмам, откуда открывался вид на Гонолулу. «Великолепные наблюдательные пункты, — оценил он, — я регулярно наблюдал, как корабли выходили в море». Его любимым наблюдательным пунктом стал уютный японский ресторанчик «Шаньчу-го», расположенный чуть ниже Аиеа. Сидя на соломенной циновке и потягивая саке, он развлекался в обществе гейши, а сам тайком наблюдал за действиями флота через высокое окно, выходившее прямо на гавань. «Я узнал много полезного, — вспоминал Йосикава, — очень много полезной информации о новых кораблях и способах боевого перестроения. В том числе и от развлекавшей меня гейши, которая развлекала не только меня, японца, но и личный состав американской базы по вечерам. Так я по крупицам собирал нужные сведения».

Поскольку день «Х» близился, японская секретная служба направила на Гавайи еще одного подлинного гения шпионажа. У него была чрезвычайно важная работа, однако все же мало что известно об этом человеке, за исключением разве что его имени. Это был Итиро Фудзи, если это, конечно, было его настоящим именем, а не очередным псевдонимом. Он прибыл в Гонолулу в

сентябре 1941 года с особыми указаниями от адмирала Ямамото лично и быстро заменил консула Наго Кита во главе иерархии, но только в аспекте организационном. Для непосвященных он так и оставался как бы не существующим. Есть основания полагать, что его личность и присутствие в Гонолулу не были известны даже американским агентствам контрразведки, несмотря на то что к тому времени они были уже весьма недурно информированы о составе генерального консульства Японии.

Информация, собранная этими шпионами, в конечном счете ложилась на стол адмирала Исороку Ямамото, главнокомандующего Объединенным флотом Японской империи. Именно он — автор и инициатор плана грандиозной атаки флота США в Пёрл-Харборе.

Будучи военно-морским атташе Японии в Вашингтоне в 1926 году, Ямамото хорошо знал Соединенные Штаты, и эти знания помогли ему при разработке своего знаменитого плана. В 1941 году во время выступления перед кабинетом министров Ямамото обещал скорую и решительную победу, потому что, как он утверждал, длительная война завершится неизбежным поражением Японии. «Если вы говорите мне, — сказал он на секретной встрече, — что необходимо, чтобы мы сражались, то за первые шесть месяцев — год войны против Соединенных Штатов и Англии я готов совершить и невозможное, чтобы доказать вам, что такое непрерывная преемственность побед. Но должен сказать вам, что, если война затянется на 2–3 года, у меня нет уверенности в нашей окончательной победе».

Для задумываемого им внезапного нападения на американский флот Ямамото, разумеется, были необходимы некоторые сведения, но не так уж и много, и в основном тактического характера. Большая часть материалов уже была аккуратно подшита в папки в Токио. Упомянутые сведения поступали главным образом из опубликованных, то есть открытых, американских источников, где с поразительной откровенностью описывались и боевой состав, и графики дежурств американского Тихоокеанского флота. Разведслужба докладывала адмиралу, что американская авиация на Гавайях сосредоточена на авиабазах Хойлер, Хикэмфилд и на военно-морской авиабазе на острове

Форд-Айленд. В агентурных отчетах были отмечены все до единой позиции зенитных орудий. На основе этой информации Ямамото запланировал 199 самолетами атаковать аэродромы и еще 154 — военно-морские объекты и корабли. И теперь необходимые разведданные ограничивались лишь сведениями о перемещениях судов, включая соответствующие графики.

Секретная служба быстро приступила к ежедневному сбору указанных сведений. 6 января 1941 года генеральному консулу в Гонолулу передали через Терасаки, что он должен постоянно направлять отчеты о передвижении американских кораблей в Пёрл-Харборе, что должен сообщать даже об отсутствии таких передвижений, что он должен необходимым образом настроить агентуру на серьезную работу.

15 февраля Токио передал по телеграфу «Инструкцию министерства» Терасаки в Вашингтон для непосредственного ознакомления с ней всех агентов сети. Агентов проинструктировали бросить всю остальную работу, прекратить пропагандистские операции и сосредоточить внимание исключительно на разведработе. Распоряжение включало пространный «список» разнообразных позиций, поделенных на 12 основных категорий.

24 сентября Токио направил в Гонолулу запрос — разделить акваторию Пёрл-Харбора на 5 отдельных участков и сообщить о наличии кораблей в каждом из упомянутых участков. Речь, по всей вероятности, шла о распределении целей для подразделений, которым предстояло участвовать в атаке. В сообщении указывалось: «Относительно боевых кораблей и авианосцев, мы хотели бы обратить ваше внимание на то, чтобы вы сообщили о тех, что стоят на якоре (они не столь важны), у причалов, бакенов и находятся в доках (тип и класс определять кратко. По возможности хотелось бы получить данные и о количестве судов у того или иного причала)».

1 декабря в Токио кабинет министров официально одобрил начало военных действий в день, предложенный Ямамото, — 7 декабря 1941 года. Токио также намеревался свернуть аппарат Терасаки, в котором, по мнению Ямамото, отпадет необходимость сразу же после первого смертельного удара. 2 декабря Терасаки и его четверым ответственным лейтенантам приказали немедленно вылететь. Это стало настоящим ударом для посла, который зависел от постоянно поступавших от Терасаки разведданных, необходимых ему для ведения переговоров с Белым домом и Государственным департаментом США. Он срочно запросил Токио оставить Терасаки, но просьба посла была отклонена. Оказалось, что тихий и незаметный второй секретарь был куда важнее самого господина посла Японии.

В Гонолулу операции японских шпионов последнего рубежа принимали новый и мелодраматический оборот. Таинственный главный шпион Итиро Фудзи раздавал прощальные распоряжения. Его разбросанные повсюду сотрудники должны были передать заключительные сообщения теперь уже не ему и не

Нагао Кита в консульство, а непосредственно приближающемуся ударному кулаку — с увязших в укромных местах в песке побережья заброшенных судов. Они получили сигналы для сообщений о готовности Пёрл-Харбора к предстоящей атаке японцев и о любых передвижениях американских кораблей в последнюю минуту.

Главный законспирированный японский агент, от которого они зависели больше всего, действовал превыше всяких похвал. Он только что сообщил консульству, что обстановка в порту весьма благоприятна: он определил 7 линкоров, 6 крейсеров, 2 авианосца, 40 эсминцев и 27 подводных лодок, короче говоря, большую часть Тихоокеанского флота США.

Этот солидный шпион не был японцем вообще. Это был некий Джимми, владелец почтового отделения № 1476 в Гонолулу, источник, с которым Токио сотрудничал с 1936 года. Джимми иногда упоминался как «Фридель», и он был на самом деле немцем по имени Бернард Юлиус Отто Ктон, по-видимому, состоятельный человек, имевший один дом в Ланикае, другой — в Каламе и прогулочную яхту со звездой на парусе. Псевдоним Фридель Джимми происходил от имени его жены Эльфриды.

Кюн, должно быть, работал недурно, потому что внес 70 000 долларов на счет в банке Гонолулу в период с 1936 по 1939 год. Друзьям он сказал, что деньги эти он получил в наследство от родственника в Германии, а сумма была передана ему банком Токио. В действительности, конечно, эти 70 000 притекли из японской секретной службы. Кюн купил свои два дома и яхту на японские деньги. В 1940–1941 годах Кюн работал ничуть не хуже, за что и удостоился еще 16 000 долларов. Последняя оплата суммы в 14 000 долларов была произведена ему Моримурой фактически накануне атаки Пёрл-Харбора.

Японские шпионы рангом повыше обычно общались с Кюном по обычной почте, посылая ему открытки прямо в почтовое отделение 1476. 2 декабря такая открытка предупредила Кюна о предстоящем рандеву с Моримурой. И на следующий день во время встречи они обменялись новой и весьма изобретательно разработанной системой шифров и кодов. Она основывалась на обоих принадлежавших Кюну домах и его яхте со звездой на парусе. Дом у пляжа Ланикай располагался на северо-восточном побережье острова Оаху; другой — в прибрежной деревне в миле к северо-западу от Ланикая. В домах каждый час должен был зажигаться свет, каждый свет в каждый час, это и служило заранее подготовленным сообщением. Например, свет в определенном окне в доме в Ланикае между полуночью и 1:00 ночи означал: «Все транспортные компании отбыли». Свет в

чердачном окне в Каламе (у Кейлуа на юго-востоке острова Оаху) между 19:00 и 20:00 часами сообщал: «Все линкоры отбыли».

Предусматривались и другие методы связи, например, на случай, если нет возможности пользоваться световыми сигналами. Фудзи посылал агентов на остров Мауи, и те оттуда сигнализировали кострами, заметными на большом расстоянии в открытом море. Но даже этим аварийным сигналом дело не ограничивалось, существовала и еще одна договоренность. Текст передаваемых радиостанцией KGMG в Гонолулу рекламных объявлений также служил закодированными сигналами.

Японцы предусмотрели любой поворот событий, ничего не оставляя на волю случая.

4 декабря японская армада приближалась, ежечасно получая необходимые сведения. Фудзи принял сообщение с заключительным вопросом: «Просим детально сообщить все об американском флоте». Он отправил в ответ: «Флот в порту. Прибыли 3 дополнительных линкора».

Ничто не избежало внимания его рядовых агентов. В порт прибыла британская канонерка с дипломатической почтой для консула. Японский шпион следовал за курьером от причала до самого консульства, затем обратно к канонерке и с берега наблюдал ее отбытие. В течение часа его рапорт был зашифрован и передан в Токио. Вероятно, подобные меры могут показаться излишними, но они убеждали Токио в том, что обстановка полностью под контролем.

6 декабря Нагао Кита отправил последнюю закодированную радиограмму в эфир: полный список всех американских военных кораблей в Пёрл-Харборе, по всем пяти участкам порта. Он сообщал о 8 линкорах, 3 легких крейсерах, 16 эсминцах. Кое-что было упущено. На самом деле в порту находилось 2 тяжелых крейсера, 6 легких крейсеров, 26 эсминцев и 5 подводных лодок плюс упомянутые 8 линкоров. Но это уже не имело значения. Упущенное шпионами уж как-нибудь обнаружат самолеты Ямамото.

В ту ночь японская армада двинулась на цель. Пилоты соблюдали полное радиомолчание. На кораблях ни огонька. Поступило сообщение из Токио следующего содержания на английском языке: «Поднимитесь на гору Ниитака».

Это был сигнал для атаки.

Когда самолеты с ревом неслись, в кабине у всех пилотов имелась небольшая карта. На этих картах был изображен Пёрл-Харбор, разделенный на небольшие пронумерованные участки. Каждый пилот знал, какие корабли атаковать и на каком участке.

Эти карты представляли собой обычные видовые открытки из

так называемого «набора Лапорелло». На них была изображена панорама порта. Вид с воздуха. Один из агентов Нагао Кита за несколько месяцев до описываемых событий приобрел их в сувенирной лавке в Гонолулу.

Цена? По доллару за набор.

Глава 17
Чудеса «черного кабинета»

Для очень многих Пёрл-Харбор синоним не только позора, но и полного провала американской разведки и потрясающей воображение победы японского шпионажа. Это ни в коем случае не так. Накануне Пёрл-Харбора японцы поработали на славу, никто с этим не спорит, однако у них, как у того безногого нищего Порги, было и все, и в то же время ничего. Им были известны отдельные детали боевого построения американского и британского флота, они были в курсе передвижения кораблей, знали их диспозицию, тактические данные, которые любой мало-мальски ответственный командующий обязан иметь накануне атаки. И на этом вся их пресловутая мудрость заканчивалась. Они нанесли по Пёрл-Харбору воскресный удар, использовав имевшиеся сведения.

Хваленая японская секретная служба на следующее утро после Пёрл-Харбора даже не могла толком отчитаться перед своим Верховным главнокомандованием о достигнутых успехах. Ночью 7 декабря американского адмирала спросили на острове Оаху (где находится Пёрл-Харбор): «Думаете, они вернутся с войсками, высадятся и захватят острова?»

«Да, черт побери, — ответил тот, — но, если они дадут нам продержаться еще пару недель, мы их сюда не пустим».

Японцы, разумеется, не вернулись ни с войсками, ни без таковых, и все потому, что не располагали стратегической информацией, а только она позволила бы им в полной мере использовать представившуюся историческую возможность.

Соединенные Штаты, в свою очередь, почти не располагали сведениями тактического характера о японцах. А для добычи сведений стратегического уровня у них имелось лишь одно подразделение секретной службы, в достаточной степени изобретательное, компетентное и соответствующим образом оснащенное технически. Именно оно и сумело подобраться к самой сердцевине японского правительства. Речь идет о лучшей в мире дешифровальной службе. Благодаря ей США прочитывали хоть и далеко не все, но большинство секретных сообщений японцев и сумели создать общую картину их намерений и дислокаций. Но даже такое превосходное оружие разведки не избавляло американцев от горы проблем и недочетов в другой области.

Анализ дешифрованной информации доказал свою

полезность еще на Вашингтонской конференции в 1921–1922 годах. Японцы прибыли на эту конференцию с большими надеждами, но возвратились домой весьма разочарованными. Япония была вынуждена согласиться прекратить выпуск военных кораблей сроком на 10 лет и ограничить военно-морские силы 315 тысячами тонн водоизмещения в сравнении с 1 миллионом 250 тысячами тонн американских, британских и французских военных кораблей, вместе взятых. Молчаливое согласие японцев на такую договоренность в основном явилось результатом весьма искусного ведения переговоров американцами. В ходе конференции американцы, казалось, предугадывали каждый шаг японской делегации и действовали соответственно. Как подобное стало возможным?

Загадка неожиданно разрешилась в 1930 году после публикации одной диковинной книги. Книга эта называлась «Американский «Черный кабинет». Автор — майор Герберт Осборн Ярдли, бывший криптоаналитик Государственного департамента США и офицер-шифровальщик в американском экспедиционном корпусе во Франции в годы Первой мировой войны. Ярдли воспользовался для названия книги французским словосочетанием cabinet noir — название секретного бюро, вскрывавшего и прочитывавшего послания врагов короля. Ярдли признал, что в 1922–1923 годах США имели свой «Черный кабинет», занимавшийся расшифровкой шпионских сообщений и располагавшийся в неброском, построенном из песчаника доме в центре Нью-Йорка. Таким образом, уточнил он, американские дипломаты имели возможность знакомиться с содержанием секретных инструкций, которые министерство иностранных дел Японии из Токио телеграфировало японской делегации в Вашингтон, перечисляя им границы уступок для ведения нелегких переговоров.

С опубликованием Ярдли этих сведений его «Черный кабинет» вызвал бурю возмущения. В 1929 году госсекретарь Генри Л. Стимсон запретил ее, раздраженно заметив: «Джентльмены не читают почту друг друга». Решение Стимсона укрепило Ярдли в его враждебности к правительству США. Его откровения привели в ярость и японцев. Они стали разрабатывать планы денонсации договора и негласно готовить меры для восстановления доброго имени.

Усилиям японской секретной службы противостояли определенные структуры в Госдепартаменте. В 1941 году у Госдепа не было специализированного агентства для ведения дипломатической разведки, скорее это была сопутствующая функция дипломатической службы в целом. В Вашингтоне в

Дальневосточном отделе (возглавляемом Максвеллом М. Гамильтоном) укомплектовали отделение, занимавшееся Японией, блестящими экспертами, и, кроме того, направили в американское посольство в Токио когорту весьма опытных дипломатических работников. Тех, кто в годы работы послом Джозефа Кларка Грю обеспечивал сбор разведданных высшего качества и важности.

Другие агентства, не связанные напрямую с Государственным департаментом, также стали снабжать его секретными сведениями. Упомянутые сведения поставляли:

1. Армейский Генеральный штаб, разведка «Джи-2» (военная разведка), начальник штаба — генерал-майор Шерман Майлс, собирала, оценивала и распространяла сведения, имеющие отношение к военному потенциалу, топографии, вооруженным силам и военным операциям зарубежных стран, а также стратегической уязвимости Соединенных Штатов и владений США. «Джи-2» также выполняла и некоторые функции контрразведки, проводила военное картографирование и шифровальные работы.

2. Начальник штаба ВМС, отдел военно-морской разведки при контр-адмирале Теодоре С. Уилкинсоне. Иностранное отделение (возглавляемое капитаном Уильямом А. Хердом) получало, сравнивало, анализировало и распространяло информацию. Внутреннее отделение (при контр-адмирале Говарде Ф. Кингмэне) имело дело с внутренней подрывной деятельностью, шпионажем и подобными операциями.

3. Военные и военно-морские атташе, с квазидипломатическими назначениями, на самом деле представляли «Джи-2» или ONI соответственно. В Японии подполковник Гарри Кресуэлл занимал должность военного атташе после 1938 года. До 1939 года капитан Гарольд Бемис был военно-морским атташе; за ним тогда следовал капитан-лейтенант Генри Х. Смит-Хаттон.

4. Федеральное бюро расследований (ФБР), под руководством Дж. Эдгара Гувера (Роберт Л. Шиверс — ответственный за Гавайские острова), само выполняло определенные сопутствующие функции разведки. ФБР несло прежде всего ответственность за контрразведку, но время от времени оно также поставляло сведения, полученные в ходе проводимых им операций.

И у военных, и у военно-морских разведывательных подразделений, разумеется, существовали и вспомогательные боевые органы разведки и шифровальные отделы.

Американская служба радиотехнической разведки

располагала службами главного шифровальщика (впоследствии полковник) У.Ф. Фридмана, считавшегося передовым экспертом в мире в области шифрования.

Военно-морской отдел связи, возглавляемый контр-адмиралом Ли Нойесом (капитан Джозеф Р. Редмонд был заместителем директора), состоял из нескольких подотделов. Капитан Л.Ф. Саффорд отвечал за безопасность связи; подотдел переводчиков возглавлял капитан А.Д. Крамер;

и шифровально-исследовательский подотдел — капитан-лейтенант Джордж В. Линн, старший вахтенный офицер. Существовали также отделы связи разведки по каждому из контролируемых военно-морских участков. На Гавайских островах такой отдел возглавлял командующий Джозеф Дж. Рошфор. В его юрисдикции находились и радиостанции на островах Оаху, Мидуэй, Самоа и в Датч-Харборе на Аляске на острове Уналашка. Другие пеленгационные станции и станции радиоперехвата были расположены в Вашингтоне, остров Коррехидор (у входа в бухту Манила, Филиппины) и на Западном побережье США.

В дополнение ко всему вышеперечисленному Федеральная комиссия по связи также имела в распоряжении службу радиослежения.

Так в простейшем виде выглядели американские службы на 3 января 1941 года. В тот день адмирал Ямамото и замыслил план атаки на Пёрл-Харбор. Хотя адмирал ознакомил с упомянутым планом весьма узкий круг служащих, тем не менее о нем стало известно многим — от личного состава линкора Nagato, его флагманского корабля до самого Токио. Затем 27 января 1941 года Эдварду С. Крокеру, первому секретарю американского посольства, о плане поведал его друг, доктор Рикардо Ривера Шрайбер, перуанский министр, у которого был особый круг друзей среди влиятельных японцев. Крокер тут же передал сведения послу Грю, и тот немедленно сообщил об этом в Государственный департамент США:

«Перуанский министр сообщил одному из моих подчиненных о полученном из нескольких источников, включая японский, известии, что в случае обострения обстановки между США и Японией японцы намереваются внезапно атаковать Пёрл-Харбор всеми имеющимися у них средствами. Перуанский министр считает упомянутые слухи вымыслом адмиралов. Тем не менее он полагает, что они представляют достаточную важность для передачи этих сведений одному из моих подчиненных». В ту же ночь Грю сделал об этом запись в своем личном дневнике.

Сведения были направлены из Государственного

департамента в Управление военно-морской разведки для оценки и комментирования. Большинство тамошних экспертов считало, что Япония вряд ли решится выступить против Соединенных Штатов. Оценка Управления военно-морской разведки содержала такую фразу: «Подразделение военно-морской разведки не доверяет подобным слухам. На основании известных данных относительно существующего расположения и загруженности японских военно-морских и сухопутных сил атака Пёрл-Харбора представляется возможной или даже планируемой на обозримое будущее». Этот документ датирован 1 февраля 1941 года.

Теоретические изыски, казалось, подтверждались и доказательствами, по крайней мере косвенными. Цвет сухопутных войск Японии, ее превозносимая до небес Квантунская армия, дислоцировалась в Маньчжурии, и ее весьма независимые военные командующие, как поговаривали, грезили о том, чтобы напасть на русских на Дальнем Востоке[59].

Впрочем, к июню 1941 года Россия в качестве возможной или даже вероятной цели для Японии была стопроцентно исключена. США сумели заполучить очень необычные и непростые для анализа сведения. Это был отчет начальника японской секретной службы в Маньчжоу-Го (как Терасаки, он был обычным вторым секретарем посольства), посланный своему руководителю в министерстве иностранных дел. Отражая согласие командного генералитета Квантунской армии, сотрудник рекомендовал Токио критически принимать германскую точку зрения о неизбежном распаде Советского Союза. «Географическая необъятность, — писал он, — изобилие человеческих и материальных ресурсов, приближение зимы — все это потребует пристального изучения перед тем, как прийти к какому-то результату. Поскольку Россия теперь полностью коммунистическая, возможность свержения Сталина контрреволюционным путем крайне маловероятна».

Сотрудник также сообщал, что «точка зрения Японии относительно войны должна оставаться в рамках осторожно-выжидательной», и напрямую не рекомендовал ввязываться в «наступление против России». Напротив, он считал, что Японии было бы необходимо сосредоточиться на окончательном урегулировании «китайского вопроса» с тем, чтобы получить возможность всеми имеющимися ресурсами выступить против Соединенных Штатов.

Как вышло, что столь деликатный для обсуждения вопрос, изложенный в послании одного разведчика достаточно высокого ранга другому, оказался в руках у американцев? Ответ следует искать в шифрах. Соединенные Штаты снова обрели доступ к дипломатическим сообщениям японцев. Несмотря на то что сотни

людей были вовлечены в эту деятельность, ничто из этих сведений не стало всеобщим достоянием и не натолкнуло на догадку японцев. Это был триумф политики скрытности и полностью вводил в заблуждение японцев, невзирая на то что в шифровальной войне ничто не считается само собой разумеющимся за исключением того, что каждая страна пытается взломать существующие коды и шифры.

С развитием радио войны превратились, как отметил Флетчер Пратт, в единоборства шифровальщиков. «С того самого дня в августе 1914 года, когда контролируемые Германией радиостанции всего мира одновременно выпустили в эфир сообщение «СЫН РОДИЛСЯ», кодовую фразу рейхсвера, — писал он, — не было ни одного значительного события, которому не предшествовала бы лихорадочная работа в шифровальных кабинетах, и во многих случаях победа или поражение определялись именно в этих шифровальных кабинетах, а уж потом они могли свершаться и на поле битвы, и на морях».

Шифровальщики, в силу их весьма засекреченной работы, формируют некую овеянную мистикой относительно небольшую группу людей, пребывающих большую часть жизни в почти полном уединении. Рассказывая о времени, проведенном в «кабинете 2646» морского департамента, адмирал Захариас писал: «Мы часами и словом не обменивались друг с другом, просто сидели над грудами индексированных листков, покрытых числами и буквами в хаотическом беспорядке, пытаясь решить проблему, постепенно как будто складываешь мозаичный рисунок из кусочков».

Сырой материал, который перерабатывали эти люди, поступал, конечно же, через радиостанции перехвата. Все, что перехватывалось в четные дни месяца, передавалось военно-морскому флоту, в нечетные — в сухопутные войска. Службы потом дешифровали материал (эта работа часто выполнялась сотрудниками, не знавшими японского языка!), переводили его и готовили 14 экземпляров, которые рассылались по другим службам, в Белый дом и Государственный департамент.

Таким образом, нескончаемый поток крайне важной и ценной информации устремлялся вверх от сотрудников разведки к политикам. Вновь следует подчеркнуть, что офицеры разведки имеют право лишь предоставлять информацию, реагировать на нее — не их дело. Кроме того, я должен еще раз повторить, что сотрудники, в задачу которых входит оценка сведений, нередко оказываются в тупике по причине кажущихся противоречий в содержании тех или иных документов и присущего им самим как работникам педантичного стремления не дай бог совершить

роковую ошибку — вследствие чего возникают столь частые уклончивые и неконкретные рекомендации.

Наконец, тот, кто находился «на вершине горы», президент Рузвельт, мало походил на Черчилля, питавшего искренний интерес ко всему на свете и понимавшего толк в разведке. Если бы в Белом доме сидел тогда не Рузвельт, а Черчилль, мог бы он предотвратить — или, по крайней мере, ослабить — урон, нанесенный США в Пёрл-Харборе? Мы можем лишь гадать об этом…

Во всяком случае, 2 декабря 1941 года было перехвачено то, что должно было послужить стопроцентным предупреждением. Сообщение из Токио давало посольству в Вашингтоне команду приступить к уничтожению кодов, что как раз указывало на то, что Япония готовит войну.

В сообщении говорилось:

«№ 867. Совершенно секретно. 1. Из всех телеграфных кодов, которыми вы пользуетесь в вашем отделе, должны быть сожжены все, кроме в настоящий момент используемых шифровальной машиной и по одной копии кодов «О» («Ойе») код (L). (Сжечь также и остальные коды, имеющиеся в вашем распоряжении.)

2. Немедленно остановить кодирование на одной шифровальной машине и полностью ее уничтожить.

3. По завершении работ телеграфируйте в ответ — одно слово «Нагипа».

4. В наиболее подходящее время и наиболее подходящим способом уничтожить все папки с сообщениями, как входящими, так и исходящими, и все остальные секретные документы.

5. Сжечь все кодексы, доставленные вам Косакой. (В этой связи необходимость контакта с Мексикой, о чем упомянуто в моем № 860, отпадает.)»

Сообщение было отправлено по команде в высшие инстанции — правительству США. О дальнейшей его судьбе сведений не имеется.

Кроме подобных сведений, полученных непосредственно от источников, в которых разъяснялись намерения Японии, самые важные сведения оперативно-тактического характера были получены различными радиоподразделениями разведки, отслеживавшими радиообмен японского военно-морского флота. До этого все попытки разгадать японские военно-морские коды были безрезультатными, но даже при том, что американские шифровальщики так и не смогли прочесть дословно военно-морские сообщения японцев, они все же сумели сделать из них важные логические выводы. Эти выводы следовали из анализа радиообмена японцев и из изменений его обычного режима, из

отклонений от нормы.

Самым важным отделом являлся отдел 14-го военно-морского участка на Гавайских островах адмирала Клода К. Блоха, возглавляемый капитаном 3-го ранга Джозефом Дж. Рошфором, одним из самых выдающихся специалистов тайной войны. Он был фактически никому не известен, даже в военно-морских силах, за исключением разве что узкого круга его командиров и коллег, хотя был, несомненно, самым опытным шифровальным экспертом ВМС. Кроме того, Рошфор изучал и японский язык, поэтому мог обходиться без переводчика и самостоятельно оценивать отдельные перехваченные сведения. Рошфор постоянно находился в Пёрл-Харборе.

В период Пёрл-Харбора высокое качество работы Рошфора было особенно заметно еще и потому, что используемое им оборудование было устаревшим, а среди его подчиненных было крайне мало квалифицированных специалистов и что он вынужден был осуществлять радиослежение за передатчиками, находившимися на огромном расстоянии. Все попытки получить более современное оборудование оставались тщетными, но это не мешало Рошфору успешно работать. Летом 1941 года, при поддержке адмирала Блоха, он все же сменил оборудование в Пёрл-Харборе и установил дополнительные пеленгаторы на атолле Мидуэй и на атолле Пальмира[60] с помощью материалов, которые пришлось везти из самого Пёрл-Харбора.

Большая часть сведений оперативно-тактической разведки, переданных капитан-лейтенантом Эдвином Т. Лейтоном, офицером разведки флота, адмиралу Хасбенду Э. Киммелю, главнокомандующему Тихоокеанским флотом, основывалась на результатах работы отдела Рошфора. Материалы были и достаточно объемными, и убедительными, и все потому, что день Пёрл-Харбора неуклонно приближался.

В течение ноября Рошфор поддерживал контакт с ударной группой японцев, постоянно перехватывая их радиообмен и делая выводы из сумбурных и не всегда верных донесений. Частые изменения позывных и ряд других признаков косвенно подтверждали тщательно продуманный маневр и убедили Рошфора в том, что готовятся значительные по важности события. Его ежедневные устные отчеты Блоху и ежедневные письменные Киммелю отражали его убежденность в этом.

Примерно 1 ноября Рошфор стал замечать, что деятельность японцев приобретает не совсем обычный, торопливый и угрожающий характер. В начале ноября японцы ввели совершенно новый набор позывных для подразделений на плаву. Также он сумел перехватить и серию высокоприоритетных сигналов,

посланных с главной военно-морской базы в Йокосуке командующим японским флотом. 3 ноября радиоразведка суммировала наблюдения в еще одном перехваченном сообщении, которое показалось важным: «В основном сообщения продолжают поступать от радиопередающих устройств, расположенных в Токио. Таких объемов информации ранее не наблюдалось, и содержание их непонятно. Это не просто рутинные радиопереговоры. Создается впечатление, что эти сообщения — периодические отчеты определенного рода верховному главнокомандующему».

1 декабря радиоразведка указала, что японцы намерены начать крупномасштабную операцию. С полной определенностью было установлено, что ударная группа находится в движении. «Подводя итог всех отчетов, — добавила радиоразведка в заключение, — есть основания полагать, что многочисленный флот, состоящий из 2, 3 и 1-го флотов, покинул воды Империи».

Самым зловещим из всего было полное радиомолчание японских авианосцев — можно подумать, все вдруг разом без вести пропали в океанских водах, но это ведь было явно не так. Именно это «исчезновение» морских авиатранпортных средств и вселяло в Киммеля нешуточное беспокойство. Его офицер разведки уже не один день хранил молчание по этому поводу, и адмирал сам вынужден был его спросить: «А вам что, неизвестно местонахождение авианосной техники? Собираетесь сказать мне, что они, мол, огибают Дайамонд-Хед [юго-восточный угол остров Оаху, вулканический конус юго-восточнее Гонолулу, а Пёрл-Харбор расположен западнее Гонолулу], а вы были не в курсе?»

«Я рассчитывал, что они обнаружатся», — только и мог выговорить офицер разведки. В результате о пропавших авианосцах так ничего и не было известно вплоть до утра 7 декабря.

Было сделано много выводов из той военной и военно-морской неготовности, которая превратила день 7 декабря 1941 года в катастрофу со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако эта неготовность отнюдь не ограничилась военными инстанциями и политиками. В те дни министерство юстиции было такой же передовой линией обороны Америки, как и Тихоокеанский флот. В некотором смысле это была даже первая линия обороны. Армия и ВВС пока что не опомнились. Зато опомнились шпионы.

В предвоенные годы была широко распространена идея о том, как защитить Соединенные Штаты от иностранного шпионажа. Централизованного агентства контрразведки не существовало в принципе. В основном шпионов отлавливало ФБР, но и военно-

морские силы и армия располагали собственными контрразведывательными организациями. И хотя они правом арестовывать не обладали, тем не менее рассматривали себя как главных хранителей военных, военно-морских и промышленных секретов.

С началом войны в Европе 6 сентября 1939 года президент Рузвельт издал директиву, в которой определил ФБР как центральное федеральное ведомство по «проведению следственной работы в вопросах, касающихся шпионажа, саботажа и нарушений нейтралитета». Со своими ограниченными полномочиями Рузвельт большего предпринять не мог. Он не мог давать распоряжения государственным, окружным, муниципальным или частным правоохранительным инстанциям. Он мог просто попросить их передать ФБР любую имевшуюся в их распоряжении информацию о подрывной деятельности.

Несмотря на президентскую директиву, неразбериха и постоянные межведомственные конфликты оставались, позволяя иностранным агентам действовать более-менее безнаказанно. Нигде не было ничего подобного, как на Гавайских островах. В декабре 1941 года, когда у ФБР было в общей сложности 2602 агента, Гувер назначил только 9 из них в местное отделение ФБР в Гонолулу. В разведотделе военно-морского флота, который функционировал в основном как отдел контрразведки, в штате состояло около 100 человек служащих, устных и письменных переводчиков. Армия тоже занималась контрразведкой, но число сотрудников, которым была поручена данная функция, было незначительным.

Между различными ведомствами и службами доминировало поверхностное сотрудничество, но на самом деле преобладала межведомственная ненависть. Важные операции проводились в условиях перманентного конфликта. Если агенты различных американских органов безопасности конфликтовали, улаживать эти конфликты, по сути, было некому. Пришлось приостановить множество перспективных проектов только из-за того, что конкурирующие органы погрязли в разного рода юридических мелочах.

В ноябре 1941 года, например, ФБР поставило на прослушку телефон японского генерального консульства в Гонолулу, которое вполне обоснованно считалось гнездом японского шпионажа на Гавайях. Эта единственная мера дала весьма существенные результаты, но ФБР было вынуждено прекратить ее. Две «конкурирующие фирмы» — военно-морская разведка и федеральная комиссия по связи, узнав о прослушке, сумели отстранить ФБР от нее. И, как следствие, возникла склока между

федеральной комиссией по связи и военно-морской разведкой. Спор был в конце концов улажен запретом обоим агентствам, а телефонная линия генерального консула Японии осталась без прослушки в самый канун Пёрл-Харбора.

Разочарованный этой братоубийственной войной и неспособный управлять обстановкой так, как считал необходимым, Гувер дистанцировался от контроля за японскими шпионами на Гавайских островах. В декабре 1940 года он сказал Роберту Л. Шиверсу, спецагенту, возглавлявшему местное отделение ФБР в Гонолулу, на острове Оаху, что «Бюро не считает желательным, чтобы ваше отделение в данный момент брало на себя ответственность за наблюдение за всеми японскими шпионами на территории Гавайев».

Список подозреваемых японцев, который Бюро постоянно обновляло, включал 770 человек, то есть это была огромная мощь агрессивного шпионажа. ФБР знало, кем они были и чем занимались, но также мало что могло предпринять, если вообще могло, для того чтобы обезопасить их.

Среди этих подозреваемых был и некий Талибана, один из офицеров японского военно-морского флота, направленный в Соединенные Штаты на полуофициальной основе в качестве переводчика. В мае 1941 года Бюро получило неопровержимые доказательства, что Талибана был шпионом, японским агентом. Гувер рекомендовал Государственному департаменту принять во внимание этот факт и осведомился, как Госдеп отреагирует на арест Тачибаны. 27 мая Госдеп уведомил ФБР, что возражений не имеет. И Талибана был арестован в Лос-Анджелесе.

14 июня посол Номура обратился к секретарю Хуллу и стал просить его «в интересах продолжения дружеских отношений между нашими двумя правительствами» позволить Талибане отправиться домой в Японию без суда. «Тщательно изучив этот вопрос, — писал Халл, — я решил удовлетворить просьбу Номуры».

Было нелегко собрать доказательства шпионажа Тачибаны. ФБР подобное решение вопроса было не по душе. Оно и понятно — видеть, как загнанного тобой в клетку хищника вновь выпускают на волю, не очень приятно. В особенности если подобное происходит с ведома и одобрения Государственного департамента США. Описанные выше примеры со всей очевидностью подтверждают, что Пёрл-Харбор не был исключительно военной и военно-морской катастрофой, за которую должны нести ответственность только генералы и адмиралы. За эту катастрофу несут ответственность и ведомства, обеспечивавшие внутреннюю безопасность Америки.

Задним числом даже стало популярным выспрашивать у высокопоставленных армейских и морских служащих, где они были, когда посыпались бомбы. До предела раздута история о том, что генерал Джордж К. Маршалл не мог вспомнить точно, что он делал именно в тот момент, поэтому открыто заявил, что, вероятно, был на прогулке. Но если армия и ВМС были не в курсе того, что должно было произойти и произошло в то роковое воскресенье, то министерство юстиции и подавно.

Генеральный прокурор Фрэнсис Биддл уехал в Детройт. Гувер был в Нью-Йорке. Его заместители, включая заместителя директора ФБР Эдварда А. Тамма, сидели на трибуне стадиона Гриффит-Стадиум в Вашингтоне и смотрели футбольный матч между «Вашингтон Редскинз» и «Филадельфия Иглз».

У органов внутренней безопасности Америки имелся собственный Пёрл-Харбор. Они были настолько озабочены братоубийственной войной, что у них уже не оставалось ни сил, ни желания организовывать действенные кампании по борьбе с иностранными агентами на территории Америки.

С началом войны уже не было нужды подвергать сомнению способность ФБР энергично разбираться с иностранными шпионами и саботажниками. И эффективности в этом смысле способствовал непонятный раздор в стане самих врагов. После войны генерал фон Лахузен, один из выживших руководителей абвера, сказал мне, что все верно, что у его организации никогда не лежало сердце к внедрению шпионов и саботажников в оплот Дяди Сэма. Впрочем, и на операциях абвера в других местах лежала печать на удивление неуклюжих попыток немцев. Абвер блистал только в тех странах, где не было единства, где нацизм был популярен в широких слоях населения и где абвер или СД Кальтенбруннера — Шелленберга могли как угодно обходиться с местным населением.

Уже в 1941 году ФБР удалось разгромить крупную сеть нацистских агентов в Соединенных Штатах, возглавляемую неким Куртом Фредериком Людвигом, уроженцем Огайо, и сеть эта, надо сказать, состояла в своем большинстве просто из невежественных болванов. Сеть посредственностей Людвига управлялась переезжавшим с места на место субъектом с фальшивым паспортом на имя Хулио Лопеса Лидо, сотрудником абвера. На самом деле он был Ульрихом фон дер Остеном, ветераном немецкого шпионажа. Он работал под прикрытием своего рода менеджера по предоставлению туристических услуг на огромной территории от Шанхая до Нью-Йорка. Его внезапная гибель в автомобильной аварии на Таймс-сквер в Нью-Йорке и привела ФБР к Людвигу, а от него — к другим агентам сети.

В 1940 году ФБР одержало огромную победу, о которой долго говорили. Сумев соответствующим образом организовать и подготовить операцию, ФБР проникло в святая святых абвера — в систему его микрофотографирования, использовавшуюся при передаче секретных сообщений. В начале лета 1942 года ФБР арестовало группу немцев, посланных Канарисом в США для совершения диверсий. Группа эта прибыла на двух подводных лодках. Немцы окрестили эту акцию «Операцией «Пасториус». Пасториусом якобы звали первого немца, эмигрировавшего в Америку. Главной задачей прибывших было совершать акты диверсий на объектах американской алюминиевой промышленности. Если бы немцам удалось одержать успех, это, возможно, серьезно замедлило бы увеличение производства самолетов.

С помощью двойного агента, все еще известного лишь как ND 98 (агент-наемник, продававший услуги американскому дипломатическому представительству в Монтевидео, едва прибыв в Уругвай), ФБР организовало радиоигру. ND 98 была отведена роль передавать сведения, собранные тремя германскими агентами в Соединенных Штатах по секретной радиостанции где-нибудь в Уругвае. Когда он был схвачен сотрудниками ФБР, ND 98 попросил разрешение абвера проводить операции из Нью-Йорка. Там

ФБР разместило его в надежном месте на Лонг-Айленде с радиопередатчиком. И он 4 декабря 1941 года начал отстукивать свои наживки, и отстукивал их вплоть до 2 мая 1945 года, до того момента, когда британцы захватили радиоцентр абвера под Гамбургом. В общей сложности в абвер было послано 2829 сфабрикованных сообщений и 824 было получено от немцев. То ли успехи вскружили голову этому ND 98, то ли еще по каким-то непонятным, возможно, даже нелепым причинам, 1 июня 1944 года он стал раздавать советы своим работодателям, что, дескать, день «D»[61] необходимо отложить «вследствие сбоя в производстве барж вторжения» и что войска в Англии, обнаруженные воздушной разведкой люфтваффе, надо срочно перенаправить на Средиземное море.

ФБР наводнило своими сотрудниками всю береговую линию, Северную, а также Центральную и Южную Америку. Бюро удалось помешать нескольким солидным резидентам абвера, майору Людвигу фон Болену в Чили, а также его преемнику, Бернардо Тиммерману, Йозефу Якобу Йоганнесу Стажичны и Отто Эбелю в Бразилии, а также некоторым резидентам, действовавшим в других латиноамериканских странах. Кроме того, был ликвидирован канал контрабандных поставок немцам таких

редких и ценных стратегических материалов, как платина из Колумбии и промышленные алмазы из Венесуэлы, вследствие ареста того, кто руководил работой упомянутого канала, — выдававшего себя за британского банкира Гарольда Эбери. Этот «банкир» был арестован в своей роскошной вилле в Калифорнии на полуострове Монтерей.

Кроме борьбы со шпионами и диверсантами, ФБР проводила огромную работу по возвращению в американские лагеря сбежавших оттуда немецких военнопленных. Число немецких военнопленных в США доходило до приблизительно 400 000, и примерно 75 человек в месяц совершали попытку побега. Утверждают, что за военные годы задержали 2803 человека сбежавших из лагерей военнопленных.

ФБР сумело вернуть всех немцев живыми. Три человека: Курт Россмайсль, Георг Гертнер и Курт Вестфаль — все еще оставались на свободе.

Дж. Эдгар Гувер направлял масштабную охоту на шпионов с невиданным изяществом. Он был далек от шпиономании, охватившей страну в начале войны. Он был крайне негативно, если не сказать ожесточенно, настроен против массовой эвакуации 120 000 проживавших на Западном побережье США японцев в так называемые «лагеря для интернированных». Он был потрясен не только жестокостью этой массовой депортации, но и побуждениями, которые никак не были обусловлены требованиями внутренней безопасности. Даже сам термин «интернирование» вызывал у него отвращение, как отражено в отрывке из серьезной книги Дона Уайтхеда «История ФБР». Уайтхед писал: «Истерия была следствием холодного расчета тех, кто выступал за выселение японцев по экономическим причинам и из-за расовых предрассудков. Решения об интернировании принимались в высших эшелонах администрации. И, таким образом, вышло так, что десятки тысяч лояльных японско-американских граждан вынудили покинуть свои дома согласно изданной администрацией директиве, наделявшей особыми полномочиями армию…»

Гувер знал, что те 120 000 японско-американских граждан не представляли собой никакой опасности как потенциальные шпионы. Еще перед войной благодаря усилиям Гувера было установлено местонахождение 773 японцев, которых он считал фактическими или потенциальными шпионами. И все до одного они оказались за решеткой.

Отсутствие крупномасштабного немецкого, итальянского и японского шпионажа и диверсий в США стало одним из феноменов Второй мировой войны. Кроме энергичных мер ФБР по

установлению местонахождения и уничтожения всех лазеек, произошло два значительных события, серьезно воспрепятствовавшие любому шпионажу. Первое произошло в июне 1941 года, за 5 месяцев до Пёрл-Харбора, когда министерство финансов США заморозило все германские и японские активы у себя и в большинстве центральноамериканских и южноамериканских стран. Жизненная основа шпионажа и саботажа — деньги. Даже лучшая секретная служба без них мертва.

Другое событие отличалось потрясающей изобретательностью. Центром немецкого шпионажа в Соединенных Штатах было генконсульство рейха в Нью-Йорке. Когда генконсульство за несколько месяцев до Пёрл-Харбора было закрыто, сотрудникам абвера, изображавшим из себя дипломатов, пришлось срочно избавляться от компрометирующей документации. Иными словами, сжигать бумаги. Они призвали на помощь швейцара здания, американца Дика Холлэнда, и попросили его развести огонь в печи — дело было летом, и печь не топилась. Холлэнд (почти наверняка агент ФБР) развел огонь так, что он едва горел, и то с одного бока печки. Когда немцы принесли ему документы, изобретательный Холлэнд сунул их в печь так, чтобы огонь не достал их, и таким способом сберег их для ФБР.

Среди этих бумаг находился полный список немецких агентов и осведомителей, действовавших в Соединенных Штатах.

Глава 18
Мозг Донована

Январским днем 1942 года президент Рузвельт позвонил Уильяму Дж. Доновану в Белый дом и прямо, чуть ли не оскорбленно заявил ему: «У нас нет «Интеллидженс сервис»!»

Эту фразу президента, сумевшего уложиться всего в пять слов, генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр детально разъяснил уже после войны. Эйзенхауэр писал:

«Уже целый год в Европе шла война, прежде чем Америка проявила беспокойство о своей обороне, находившейся в жалком состоянии… Препятствий оказалось много. Важнейшим из них было психологическое — все еще настойчиво продолжало давать о себе знать благодушие. Даже падение Франции в мае 1940 года[62] не пробудило в нас стремление — под словом «нас» я подразумеваю многих профессиональных военных и политических деятелей — в полной мере осознать надвигавшуюся угрозу».

«В системе военного министерства поразительно мало внимания уделялось разведке, что препятствовало всякому конструктивному планированию».

«Группа офицеров, которые между двумя мировыми войнами добросовестно усвоили военные теоретические взгляды, преподносимые в наших учебных заведениях, была прекрасно подготовлена для выполнения важных задач оперативного планирования, за исключением сферы разведывательной деятельности».

«Одним из наших жалких жестов в этом направлении было содержание военных атташе в большинстве столиц иностранных государств, а поскольку государственных средств на оплату необычных расходов должностных лиц такого рода не выделялось, то на должности атташе можно было назначать только офицеров с независимым материальным положением. Как правило, это были достойные и обеспеченные люди, но многие из них не знали даже азов разведывательной работы.

Результаты деятельности таких атташе были плачевными. Положение еще больше усугублялось тем, что по установившемуся порядку существенным обстоятельством для назначения на руководящие должности в разведывательном управлении военного министерства являлся срок работы в качестве военного атташе, а не личные способности».

«Отношение к разведке как к пасынку в системе Генерального

штаба подчеркивалось многими фактами. Например, число генеральских должностей внутри военного министерства было настолько ограничено законами мирного времени, что одно из основных управлений постоянно возглавлялось полковником. Это обстоятельство само по себе, может быть, и не имело серьезного значения, поскольку куда предпочтительнее назначать на эту должность высококвалифицированного полковника, чем посредственного генерала. Однако такая практика ясно указывала, как недооценивалась в армии разведка. Это находило свое отражение и в наших военных учебных заведениях, где слушателей обучали только некоторым вопросам техники ведения разведки на поле боя, а более широкие аспекты разведывательной работы почти полностью игнорировались. У нас имелось всего несколько человек, способных квалифицированно анализировать ту информацию, которая попадала в поле зрения военного министерства, и особенно это касалось того, что превратилось в самую суть разведывательных исследований и анализа, а именно промышленности».

«В первую военную зиму эти явные пороки стали серьезной помехой в работе. Вначале разведывательное управление не могло ни составить четкий план работы своей организации, ни выбрать ту часть информации, которая казалась существенной для определения целей и возможностей наших противников. Начальник разведывательного управления обычно являлся в управление военного планирования и со скучающим видом спрашивал, не может ли он быть чем-либо полезен нам».

Эта откровенная жесткая оценка была сделана Эйзенхауэром спустя 6 лет после описанных им событий и 3 года спустя после войны, в победоносное завершение которой он внес значительный вклад. Его уничтожающая критика ограничивалась «Джи-2» (армейской разведкой), и это справедливо, поскольку даже в описываемый им период общая картина разведки была не так уж и плоха, как он ее изобразил. Либо президент Рузвельт был не так уж детально информирован, либо он сознательно заострил углы, безапелляционно заявив Донована, что, мол, у Соединенных Штатов нет «разведывательной службы».

С одной стороны, весьма квалифицированная шифровальная служба армии и военно-морского флота функционировала лучше, чем когда-либо ранее, если ознакомиться с большинством секретных отчетов неприятеля. Именно в этот период шифровальщики военно-морского флота приступили к сбору данных, позволивших адмиралу Честеру Уильяму Нимицу отыграться за Пёрл-Харбор, причем на удивление скоро, и в значительной степени изменивших обстановку в зоне Тихого

океана в пользу США. Возможно, сейчас было бы уместным кое-что уточнить с тем, чтобы у читателя сложилась объективная картина и о хорошем, и о плохом в состоянии американской разведки в тот период.

Непосредственно после нападения на Пёрл-Харбор Нимицу предстояло выяснить, каков же будет следующий шаг противника. Адмирал, призвав на помощь всю свойственную ему интуицию, предположил, что теперь японцы двинутся на Мидуэй, атолл в 1100 морских милях к западо-северо-западу от острова Оаху, утопавший в зарослях карликовой магнолии и населяемый черноногими альбатросами[63].

Но Нимиц полагался не только на интуицию. Предпринимаемые Ямамото в Токио шаги говорили именно об этом варианте. Он рассчитывал захватить Мидуэй и уничтожить остатки Тихоокеанского флота США.

Офицеры разведки Нимица не обладали блестящим интеллектом, его явно не хватало для объективной оценки сил японцев. Там, где Ямамото располагал 11 линкорами, Нимицу докладывали о 2–4 кораблях. Легких крейсеров у противника будто бы вообще не имелось, хотя их было у японцев 6. Согласно подсчетам американцев, японцы имели от 16 до 24 эсминцев, а в действительности их у Ямамото было целых 49. Кроме того, японский адмирал располагал 16 подводными лодками, а по мнению американцев — всего 8—12. Примерно совпадали данные относительно авианосцев и тяжелых крейсеров.

С одной стороны, такая недооценка флота Ямамото была выгодна для США. Нимиц крепко подумал бы прежде, чем разрабатывать свой дерзкий и блестящий план ударить Ямамото в лоб, зная заранее, сколько боевых единиц противника ему будут противостоять. Но у Нимица было мощное собственное оружие — дешифрование.

С началом военных действий каждому японскому флоту назначили несколько кодирующих систем, и все коды по прошествии определенного промежутка времени менялись. Несмотря на это, американский дешифровальщик обнаружил, что подсказок в радиообмене достаточно, и смог выработать объективную картину японских намерений и мер. Подсказки включали объем обмена радиоданными, повторение позывных, длину сообщений, типы используемых кодов. Все эти контрольные подсказки каталогизировались капитаном Рошфором и его подчиненными до тех пор, пока они не смогли представить окончательный вариант:

Ямамото готовится к еще одной операции. Но цель его приготовлений, упоминавшихся в донесениях японцев в виде

таких буквосочетаний, как AF, и могло означать любое место — и Мидуэй, и другие Гавайские острова, и Алеутские острова, и Новую Каледонию, и даже австралийский Сидней.

Однако в тот период — весной 1942 года — знание планов врага стало насущной необходимостью. У Нимица возникла одна идея. Он дал распоряжение командующему Сирилу Т. Симарду, своему подчиненному на Мидуэе, сообщать в Пёрл-Харбор по радио, что водная система атолла нарушена. Сигнал этот отправили открытым текстом, и японцы (которые, разумеется, тоже сидели на прослушке и перехвате сообщений американских радиостанций) могли спокойно принять и прочесть. Двое суток Рошфор и его коллеги не вставали со стульев, дожидаясь, пока японцы не угодят в западню. На третьи сутки это произошло.

Одно из перехваченных сообщений об AF включало упоминание о трудностях с поставками пресной воды.

Теперь Нимиц мог заниматься своими планами в полной уверенности, что цель — Мидуэй. Теперь у дешифровальщиков «белых пятен» не оставалось; фактически все сообщения могли быть перехвачены с идеальной точностью. План, разработанный Нимицем, стал образцом изобретательности и смелости. Он навсегда вошел в историю войны на море как классический образец. Описание баталии 4–5 июня 1942 года выходит за рамки этой книги, но Нимиц понял, что оно выиграно, когда рано утром 5 июня капитан Рошфор вручил ему перехваченный сигнал флагмана Ямамото. В переводе это было: «Охват Мидуэя отменен».

После Мидуэя адмирал Ямамото слег и в течение недели страдал сильнейшими болями в животе, его личный врач так и не смог диагностировать заболевание. Одно было ясно — оно носило психосоматический характер. Неудивительно — Ямамото понял, причем предельно ясно и намного раньше остальных, что Япония, по сути, проиграла войну с поражением у Мидуэя. «Отказ Ямамото взять Мидуэй был крупнейшей его неудачей, — писал Тэддеус

Туледжа. — Его неудачу усугубила потеря 4 тяжелых быстроходных авианосцев вместе с самолетами и большинством пилотов. Для такой страны, как Япония, с ее ограниченными производственными мощностями, это была невосполнимая потеря».

Ямамото потерпел поражение от американской криптографии. В конце концов она свела его в могилу. В середине апреля 1943 года, почти точно в годовщину баталии, Ямамото отправился в инспекционную поездку на Соломоновы острова, где шли тяжелые бои. Точный маршрут его полета (Ямамото летел на

остров Бугенвиль) стал известен, поскольку сообщение об этом было перехвачено американским дешифровальщиком. Военно-морская разведка подготовила перехват самолета Ямамото и нескольких истребителей сопровождения. Японские самолеты (2 бомбардировщика, в одном из них Ямамото, и 6 истребителей сопровождения) стартовали по графику, американские истребители (18 машин) перехватили их 18 апреля и сбили самолет Ямамото. Находившийся на борту адмирал погиб.

Дешифровка по-прежнему играла решающую роль на протяжении всей Тихоокеанской войны. Однажды дело едва не привело к беде — «Чикаго трибьюн» торжествующе расписала ее роль в победе в баталии при Мидуэе. Неприятности на этом не кончились — в один прекрасный день команда слишком уж ретивых агентов Управления стратегических служб США напала на резиденцию японского военного атташе в Лиссабоне, взломала его сейф и похитила кодовые книги. Оба события заставили японцев изменить коды. Система подверглась опасности и в третий раз, когда часть перехваченных материалов по радионаблюдению за японцами исчезла из военно-морской разведки в Вашингтоне. Часть их содержания позже всплыла в статьях в журнале «Кольере», таким образом проинформировав противника, пусть и непреднамеренно, что его коды не столь уж и надежны.

Каждый допущенный факт неосмотрительности вынуждал дешифровальщиков начинать с нуля, но им всегда удавалось вновь и вновь проникать в секреты неприятеля.

И хотя эти сотрудники и сияли подобно ярким звездам на небосводе американской разведки в начале войны, они все же были не единственной группой, кто обеспечивал Америке вклад в победу в войне. Соединенные Штаты со временем все же обзавелись тем, что можно назвать квази-разведывательной организацией. Это был отдел, известный как Координатор информации, учрежденный незадолго до Пёрл-Харбора по инициативе и под руководством Донована. Упомянутое учреждение представляло собой агенство с не совсем ясными задачами, причем строго гражданского статуса, и состояло в основном, по выражению Джона Чемберлена, «из так называемых «Ста преподавателей» — группы специалистов средних лет по антропологии, экономике и десятку других наук плюс несколько молодых преподавателей — докторов философии, до этого вполне добросовестно протиравших штаны в залах библиотек».

Высмеиваемые, подначиваемые и игнорируемые профессионалами разведки, эти вновь прибывшие оказались намного лучше своей репутации. Эти сто профессоров вместе со

своими молодыми ассистентами представляли собой откапывавших факты исследователей, которых не надо было учить тому, как извлекать важные сведения из библиотечных книг и вычитывать их между газетных строк. Самым представительным было отделение в Нью-Йорке, возглавляемое Уильямом Вандербильтом, бывшим губернатором Род-Айленда. При подборе кадров ему приходиось надеяться исключительно на себя, и он стал по крупицам собирать разведслужбу некогда отвергнутых профессионалов, выявлять тех, кто обладал специальными знаниями в определенных областях, и даже собирать фотографии тех мест, которые были сделаны в мирное время, а теперь находились на занятых врагом территориях или вовсе во враждебных государствах, и интенсивно общаться с возращавшимися из-за рубежа туристами.

Намного позже, во время бомбардировок Германии, определенное производственное предприятие в рейхе смогли точно определить как цель для будущих бомбардировок из увеличенного фото, приобретенного ранее кем-то из сотрудников в офисе Координатора. Он помнил, что крупные фирмы часто печатали изображения своих производственных предприятий на официальных бланках в виде «шапок», и отныне он стал ярым коллекционером подобных служебных бланков. Изображение того самого германского важного производственного предприятия и было получено из одного из подобных фирменных бланков.

Другим выдающимся успехом Координатора информации была важная информация, необходимая для овладения городом Бон[64] в Северной Африке. Она была получена в нью-йоркском бюро говорившей на нескольких языках супругой одного выдающегося психоаналитика в ходе рутинного допроса одного французского инженера, беженца из города Бон.

Но, несмотря на перечисленные успехи, в первой половине 1942 года Рузвельт, делая свое заявление, был в целом прав — у Соединенных Штатов не было аппарата разведки, в котором ведущая держава нуждалась для ведения большой войны. На первом месте в разведке, как указал Эйзенхауэр, стояли военные и военно-морские атташе. И в армии, и в военно-морском флоте военные атташе формируют своего рода элиту, а потом превращаются в группировку. Большая часть их времени уходит на участие в бесполезных церемониях. Они склонны прививать свои собственные воззрения и образ мышления преобладающим тенденциям в странах, где они служат, вместо того чтобы оставаться беспристрастными. Президент Рузвельт, раздраженный не столько их нередкими проявлениями невежества, сколько их печально известной предвзятостью, не скупился на язвительную

критику в их адрес.

Ни слова нет в отчете, которое указывало бы на то, например, что капитан Генри Х. Смит-Хаттон, военно-морской атташе в Токио, мог ясно предупредить Морское министерство о предстоящей атаке японцев Пёрл-Харбора в декабре 1941 года, несмотря на то что он по собственной инициативе сжег свои коды 5 декабря 1941 года. В его заключительном анализе и оценке неотвратимого будущего он был введен в заблуждение внешним видом некоторых японцев, а копнуть глубже этот человек был просто не в состоянии. В течение дней, непосредственно предшествующих нападению, большое количество японских матросов бродило по улицам Токио и Иокогамы, явно экипажи кораблей, которые, как предполагалось, базировались в Йокосуке[65]. На самом деле эти «матросы» были переодетыми солдатами. Солдат сухопутных войск специально переодели в морскую форму, чтобы ввести в заблуждение потенциальных наблюдателей.

Полковник Айвен Йетс был американским военным атташе в Москве во время вторжения Гитлера в Советский Союз, прилетел обратно в Вашингтон летом 1941 года и представил генералу Маршаллу полностью ошибочную оценку ситуации. В этой связи у Эйзенхауэра был другой характерный, хоть и малозначительный инцидент:

«Рвение, с которым мы ухватывались за каждую крупицу казавшейся нам правдоподобной информации, особенно проявилось с прибытием в Вашингтон полковника Джона Ретея, находившегося в начале войны в Румынии в качестве нашего военного атташе. Полковник был исключительно энергичным офицером, одним из наших лучших атташе. После того как в ноябре 1940 года Румыния присоединилась к державам оси, он был интернирован и через нейтральный порт отправлен в США.

Оперативное управление, узнав о приезде Ретея, немедленно запросило у него сведения о противнике. Полковник был глубоко убежден, что германская военная мощь еще не полностью пущена в дело и она настолько велика, что Россия и Великобритания наверняка потерпят поражение до того, как Соединенные Штаты смогут эффективно вмешаться в войну. По его мнению, у немцев в то время было в резерве 40 000 самолетов с обученными экипажами, готовых в любой момент для ввода в действие. Он считал, что эти самолеты были изъяты из развертываемых сил с целью их использования во время вторжения в Англию. Он также считал, что у немцев достаточное количество резервных дивизий, еще не введенных в боевые действия, чтобы осуществить успешное вторжение на Британские острова.

В оперативном управлении мы не могли поверить утверждениям Ретея относительно находившихся в оперативной готовности 40 000 самолетов. Русские только что остановили немецкие войска под Москвой, и мы были уверены, что никакая армия, обладая оружием такой подавляющей силы, не стала бы держать его в резерве только ради планов будущего использования, особенно когда применение этого оружия обеспечило бы разрушение и захват такого важного объекта, как Москва. Конечно, было очевидно, что если бы немцы действительно располагали столь громадными резервами, то любая попытка вторжения на Европейский континент путем высадки десантов с моря наверняка потерпела бы неудачу».

Ситуация в Управлении военно-морской разведки была живо описана в письме одного удрученного офицера разведки полковника Джона В. Томасона-младшего из Корпуса морской пехоты, который почувствовал, что не может не написать о тех военных днях 1942 года своему находившемуся на службе в море другу:

«Наш отдел напоминает больше какой-то внешний край циклонического шторма. Все разбросано. [Адмирал Эрнест Дж.] Кинг назначен на ту же должность, что и [адмирал Гарольд К. «Бетти»] Старк, поглотив большинство функций последнего: вдруг в нашу Солнечную систему взяли да воткнули еще одну планету первой величины; обе сияют, приводя в недоумение навигатора».

«[У адмирала Теодора С.] Уилкинсона есть Управление военно-морской разведки, третий начальник за полтора года. У Билла [капитана Уильяма] Херда иностранный отдел; есть [капитан Дж. Б.В.] Уоллер, у того — внутренний отдел. Ваш старый [дальневосточный] стол в весьма надежных руках [капитана Артура Х.] Макколлума. Мы все жутко переполнены спесью: никогда еще не существовало такого приюта для невежд и с железными связями. На самом деле Управление военно-морской разведки не такое уж и плохое, если дело касается сбора сведений. Но какой толк даже из наилучших сведений, если их не используют? Здесь, кажется, преобладает музейный дух».

Кроме музейного духа, ситуация осложнялась тем, что Управление военно-морской разведки также исповедовало свою специфическую философию и систему предрассудков. Личный состав Управления военно-морской разведки был настроен традиционно антикоммунистически, и это не могло не наложить отпечатка на оценку возможностей Сталина.

Существовало лишь единственное исключение из этой системы взглядов, и представлено было оно начальником

советского отдела Управления военно-морской разведки, то есть тем, кто по должности был обязан знать свой участок работы лучше всех. И он на самом деле знал. Это был отпрыск прославленного рода моряков, который имел звание майора в Корпусе морской пехоты. Звали этого человека Эндрю К. Уайли. Весь советский отдел и состоял из майора Уайли и его зама.

Отдел занимал один-единственный кабинет в здании Морского министерства в Вашингтоне. Майор Уайли превратил его в миниатюрный оазис СССР. Майор был настроен антикоммунистически, как и все на том «корабле», — возможно, даже сильнее, ибо на самом деле неплохо знал противника, — но у него была слабость к русским как к людям. В пылу энтузиазма майор Уайли развесил по стенам кабинета советские плакаты — презент военно-морского атташе СССР в Вашингтоне. В кабинете стоял и граммофон, имелась и коллекция записей хоровых песен Красной армии.

Подобные взгляды не остались незамеченными. Майор подвергался остракизму за свои представления о бушевавшей в Советском Союзе войне. И остракизм этот порой заходил настолько далеко, что его отчетам на ежедневных совещаниях о войне в России коллеги доверяли отнюдь не всегда и даже в конце концов решили пригласить какого-то полковника со стороны — из «Джи-2», поскольку тот исповедовал более пессимистичный подход к вопросу.

«Джи-2» каждое утро в кабинете карт Белого дома делилась сомнениями с президентом Рузвельтом. Ему редко было по душе сказанное, отчасти оттого, что новости были настолько плохи, и отчасти потому, что хоть чему-то из-за традиционной предвзятости «Джи-2» все-таки удавалось просочиться и на президентские брифинги. Рузвельт имел и свои предубеждения — против разведки в целом и против «Джи-2» в частности.

Ситуация ухудшилась настолько, что впоследствии, когда существенно улучшенный аппарат разведки попытался убедить президента перейти к более решительной политике, способной приблизить конец войны, Рузвельт отказался от этого, причем главным образом по причине своего не очень большого доверия к разведке. Так он упорствовал в вопросе относительно потенциальных возможностей европейского подполья, о котором был невысокого мнения. Рузвельт не верил отчетам, в которых сообщалось об острых разногласиях в германском Верховном командовании, Рузвельт отклонял все рекомендации, могущие повлиять на формулировку о безоговорочной капитуляции, хотя весьма надежные данные разведки необходимость подобных изменений только подтверждали.

Рузвельт был серьезным политиком во всем, что касалось ведения войны, но, в отличие от Черчилля, он не был зациклен на разведке. Поразительно, но после такого страшного застоя американская разведка тем не менее развивалась в отлаженную и эффективную систему, в которую превратилась, освободившись от людей вчерашнего дня.

Значительные изменения к лучшему начались 5 мая 1942 года, когда генерал-майор Джордж В. Стронг был назначен главой «Джи-2». Это продолжилось в июне того же года с приходом еще двух офицеров: капитана Эллиса М. Захариаса, которого назначили заместителем начальника военно-морской разведки, и полковника Уильяма Дж. Донована, который стал во главе совершенно новой организации при Объединенном комитете начальников штабов — Управления стратегических служб.

Стронг был выбран генералом Джорджем К. Маршаллом не потому, что являлся выдающимся экспертом в вопросах разведки, а потому, что он, как было известно, отличался неукротимой энергией и решимостью. «Джи-2» как никогда нуждалась в «большой стирке», и только человек, обладавший инициативой, смелостью, независимостью суждений и цельностью натуры, мог осилить эту колоссальную работу. Маршалл, по мнению Стронга, был именно таким человеком.

Надо сказать, Стронг более чем оправдал ожидания Маршалла. Прежде всего он отправился в Лондон для ознакомления с тем, как ведут разведывательную работу британцы, и установил с ними тесное сотрудничество.

По возвращении в США он создал фактически совершенно новую организацию. Он не наступал на любимые мозоли и не рубил головы без разбора. Стронг не только оставил старослужащих на их прежних должностях — опыт и неоспоримые знания ценны, — но положил конец их доминированию, введя новых сотрудников и предоставив им достаточно большую свободу действий.

В Управлении военно-морской разведки «капитан Зак» не обладал полномочиями Маршалла, таким образом, в значительной степени политика отдела какой была, такой и осталась, однако в конечном итоге агентство обрело большинство. С одной стороны, в течение нескольких лет у Управления военно-морской разведки было 4 начальника. Новым стал Гарольд Трэйн, офицер, как сам Захариас позже выразился, «которого регулярно представляли на контр-адмирала и который ни дня не проработал в разведке». Но накануне нового назначения Трэйна все же произвели в контр-адмиралы.

«Несколько недель в Управлении военно-морской

разведки, — писал Захариас, — убедили меня, что, если бы мы хотели превратить Управление военно-морской разведки в эффективную разведывательную организацию военного времени, нам предстояло начать с нуля и полностью все перестроить. Мне часто напоминали о пророческих словах Д.В. Томасона, что музейный дух все еще преобладал. Мое назначение заместителем начальника здорово разочаровало меня, поскольку я знал, что традиционная система цепочки инстанций замедлит реализацию моих уже подготовленных планов, но я надеялся, что заручусь полной поддержкой адмирала Трэйна, который был в разведке «варягом» и не был знаком с ее специфическими проблемами и способами их решения. И предстоящие несколько месяцев оказались чрезвычайно трудными. Мне пришлось вести очень нелегкую борьбу… Именно здесь тогда, в 1942 году, я столкнулся с еще одной войной, которую приходилось вести: нескончаемые сражения в Вашингтоне, когда друг с другом сцеплялись памятные записки, а в роли жертв выступали донесения и проекты предложений».

Захариас в первую очередь сосредоточил внимание на подготовке вновь прибывших в разведку офицеров. Фактически все они были люди с гражданки, многие из них имели за спиной лишь трехмесячные краткосрочные курсы. Он создал Школу основ разведки в городе Фредерик, штат Мэриленд, и Школу углубленной подготовки разведки. Последняя разместилась в нескольких номерах отеля «Генри Хадсон» в Нью-Йорке.

«Чего нам не хватало, так это оперативных навыков разведки, — признавал Захариас, — того самого взаимодействия между стратегией и тактикой, которая и решает в разведке все…» Захариас планировал обучить несколько сотен офицеров-оперативников. На самом деле он обучил их тысячу.

Захариас сыграл роль повивальной бабки и при рождении новых подразделений Управления военно-морской разведки, занимавшихся, в частности, решением таких задач, как допросы арестованных, изучение и использование захваченных у врага документов, вопросы ведения психологической войны, а также химической и бактериологической войн со всеми проблемами, сопутствующими проведению разведки в их ходе. Он ввел секретную разведку (вид разведки, занимающей некое среднее место между традиционной разведкой и выходившей за рамки традиций) и разработал инструкции и наставления для действий в тылу противника, в особенности в Китае, но также и в Италии. Он установил тесную связь с коллегами из британского адмиралтейства, он организовал школы японского языка, где сотни молодых американцев днями и ночами зубрили этот

труднейший язык.

После отъезда Захариаса из Вашингтона 5 сентября 1943 года для принятия командования линкором «Нью-Мексико» он имел все основания оглянуться на проделанную им работу и с вполне обоснованным удовлетворением заявить: «Это — мой ребенок, и он достиг совершеннолетия!» Освобождение Захариаса от прежней должности и его отъезд был воспринят как гром среди ясного неба. «Даже сейчас, — писал он после войны, — я не понимаю, что именно послужило причиной этого и было ли это на самом деле оправданно. Вероятно, все дело в том, что я стал кое-у кого из вышестоящих и не только вышестоящих, но влиятельных особ бельмом на глазу, продвигаясь слишком быстро».

Уход Захариаса был не только прискорбным, он нанес существенный урон всему ходу войны разведок. Он стал для разведки тем же, чем обернулся для дипломатии уход Самнера Уэлса: сплошными затяжками и латанием дыр в ближайшем будущем. Если бы Захариасу позволили остаться и довести задуманные им планы до логического завершения, Соединенные Штаты приобрели бы в его лице весьма заметную фигуру. Он, возможно, мог бы стать американским Реджинальдом Холлом. Трудно представить больший вклад в оборону страны, чем деятельность Захариаса.

Третьим ответственным за фундаментальные изменения шпионажа был «Дикий Билл» Донован. Донован появился, казалось, из ниоткуда вместе со своей пестрой армией шпионов и диверсантов; он обучал их, экипировал, отправлял на хитрые задания, где не приходилось гнушаться ни поджогами, ни убийствами. А когда в этих людях необходимость отпадала, он отправлял их обратно, в их нудную, обычную жизнь, удалялся и сам, но к тихой и достойной практике законов о корпорациях. Донован олицетворял невероятный триумф везунчика-любителя, возглавлявшего группу одаренных дилетантов.

До сих пор это тайна, причем восхитительная тайна — почему все-таки из всех для выполнения подобной работы выбрали именно Донована? По натуре он был человеком кипучим и энергичным, как очень многие ирландцы. В нем не было ничего ни мрачного, ни зловещего, ни внушавшего отвращение. Этот человек был и нежен, и ровен, и даже несколько наивен.

Уильям Джозеф Донован родился на Новый год, 1 января 1883 года в Буффало, штат Нью-Йорк, в семье железнодорожного диспетчера, проявлявшего интерес к политическим событиям округа. В Колумбийском университете он, играя в защите университетской футбольной команды, на всю жизнь заработал

прозвище «Дикий Билл». После этого Уильям Донован занимался адвокатской практикой. В 1912 году он организовал конное подразделение для нью-йоркской Национальной гвардии и служил в ее составе на мексиканской границе. В 1917 году добровольно отправился на Первую мировую войну и к 1918 году дослужился до полковника. 14 октября 1918 года за безрассудную храбрость в ходе операции в районе Мёз — Аргон[66] был удостоен Почетной медали Конгресса.

Впоследствии он в качестве хобби избрал разведку. Как охотник отправляется за крупной добычей в Индию или Судан. Донован стал участвовать в очень многих войнах, в которых не было недостатка в мире. Это было дорогостоящим увлечением, ибо он участвовал в них как полуофициальный наблюдатель, в лучшем случае как частное лицо, за что всегда приходилось платить. В своем двусмысленном статусе желающего поглазеть на войну Донован побывал в Сибири в тылу у адмирала Колчака, сражался с Советами. Кроме того, Донован был в 1935 году в Эфиопии, год спустя в Испании во время Гражданской войны 1936–1939 годов. Когда полковник Фрэнк Нокс стал министром ВМС при Рузвельте, он предоставил Донована полуофициальный статус и послал его в Англию для изучения британских вооруженных сил и разведки. Донован вернулся с детальным отчетом о британской разведке и спецоперациях, которые произвели на Рузвельта очень благоприятное впечатление. Затем, уже в январе 1942 года, Рузвельт вызвал Донована к себе и велел представить проект новой разведывательной службы, которая соответствовала бы глобальной войне. «Вам придется начинать на голом месте», — предупредил его президент. Мы убедились, что это заявление Рузвельта было преувеличением, но, по сути, он был не так уж и не прав.

«Если бы вам в Вашингтоне в начале 1941 года вдруг потребовалась карта Мишлена Вогезов или Верхней Савойи, вы, скорее всего, ее не нашли бы, — писал Джон Чемберлен. — И при этом не было смысла обращаться в какое-либо государственное учреждение с вопросом о ширине железнодорожной колеи в Алжире или стоимости киловатт-часа электронергии в Японии…»

Так вот именно такого рода сведения могли потребовать от Донована, и тот обязан был их предоставить хоть из Библиотеки конгресса, хоть прямо из папок противника. Несколько месяцев спустя Донован явился к Рузвельту с готовым планом. План президенту понравился, и он 13 июня 1942 года подписал указ о создании Управления стратегических служб. Начальник управления — Уильям Джозеф Донован.

Управление стратегических служб состояло из трех

параллельных отделов — разведки, специальных операций, исследований. Самым крупным был отдел исследований. Сотня профессоров занимались сбором жизненно важных сведений из обычно открытых источников.

Второй отдел занимался «специальными операциями» — пропаганда, дезинформация, подрыв боевого духа противника — одним словом, ведением психологической войны.

Третьим был «отдел секретной разведки», служивший негласным ядром организации, готовил группы шпионов и диверсантов, партизан и их проводников, «роковых» женщин; там же осуществлялось и обучение радистов. Из-за характера деятельности отдел этот удостоился различных ироничных кличек. Его деяния нередко ни к чему не приводили, но зато всегда были окружены ореолом романтики, будь это тайное проникновение сотрудника разведки нейтрального посольства в Вашингтон (для получения компрометирующей информации о Германии) или экспедиция в Гималаи и Тибет, чтобы убедить далай-ламу в Лхасе тоже присоединиться к союзникам.

Управление стратегических служб получило еще одно прозвище: «Сверхобщительное». Вначале, когда Управление стратегических служб еще не успело разрастись, Донован рекрутировал туда почти исключительно своих друзей и знакомых. Нед Бакстон, его первый наставник в шпионаже, стал его первым замом. Из его нью-йоркской юридической фирмы прибыли «01еу» Дёринг и Нед Патцел. Среди других высокопоставленных сотрудников были финансисты Чарльз Честон и Рассел Форган. Были там и Дэвид Брюс, зять Меллона, Атертон Ричардс, наследник гавайского ананасового магната, Билл Вандербильт из род-айлендского семейства Вандербилт, известный спорщик международный юрист Аллен В. Даллес, Луис Рим из компании «Юнайтед стейтс стил», игрок в поло Уинстон Гест, бывший царский полковник Серж (Сергей) Оболенский, к тому же еще и русский князь[67], отпрыски династии производителей вооружений и другие представители подобных нерестилищ шпионажа и диверсий, как «Сошиэл реджистер», «Сторк клаб» и «Эль-Марокко».

В ходе войны Управление стратегических служб наняло в общей сложности 22 000 человек, потом штат уменьшился приблизительно на 12 000 сотрудников — иными словами, штатная дивизия военного времени. Состав сотрудников варьировался от заслуженных профессоров и лауреатов Нобелевской премии до плейбоев и сумасбродов, от всемирно известных персонажей фильмов до открытых коммунистов, от набожных миссионеров до алкоголиков и наркоманов и т. д.

Кадровая политика полковника Донована была еще одним примером замечательного ума этого человека. В декабре 1942 года я встретил его в поезде на Вашингтон, и мы обсуждали огромную ошибку, которую допустила Франция, когда интернировала почти всех без разбору беженцев из Германии вместо того, чтобы использовать их сливки в войне против нацистов. Он упомянул книгу, которую недавно прочел на эту тему, и она побудила его к размышлениям. Это была автобиографическая книга Артура Кёстлера. «Я никогда не допущу подобной ошибки, — пообещал Донован. — Все, кто против гуннов[68], — за меня». И в этом Донована поддерживал и президент Рузвельт. Его лояльность этим париям общества и вера в них с лихвой оправдались. Ни один прибывший в Америку из какой-либо страны и нанятый в Управление стратегических служб не стал предателем. А та горстка, которые стали предателями, как, например, Карло Марцини, были коренными американцами, и они предавали ради русских.

В ходе операций Управление стратегических служб одержало не одну блестящую победу. Но были и горькие поражения. Уровень смертности ее агентов, посланных в Тунис, был удивительно высок из-за ни на чем не основанной веры в местные контакты. Большое число сотрудников, нелегально направленных в Словакию для поддержки разгоравшегося антинемецкого восстания, были схвачены и закончили жизнь в концлагерях, и все потому, что разведданные о событиях в Словакии оказались неверными: к тому времени, когда посланники Управления стратегических служб прибыли, немцы уже успели подавить восстание. Даже когда промахи Управления обходились без жертв, часть потраченных этой организацией 135 миллионов долларов все же пошли коту под хвост. Но как любил повторять Донован, как сплоченная команда его организация располагала как минимум 260 сотрудниками, и это, добавлял он, неплохая цифра в любой лиге.

Донован был неисправимым любителем всевозможных приспособлений и устройств, механических штучек. У него было масса оружия, выполненного в виде курительных трубок например. И даже поговаривали, что раз кто-то с трубкой во рту показался за спиной какого-нибудь наци, это явно человек Донована.

Донован встраивал в портфели миниатюрные механизмы, от которых эти портфели взрывались, если кто-то из чужаков пытался их открыть. Несколько подобных взрывов послужили приятным разнообразием на коктейлях в Вашингтоне, куда штатные сотрудники Управления стратегических служб явились

прямо из своих кабинетов. Имелся и секретный компас, скрытый в зубном протезе. Но существовало одно требование, неукоснительно соблюдавшееся в Управлении стратегических служб, — его агент должен был иметь свои зубы. Так куда сунуть компас? Проблему решили, выдрав здоровый зуб агента и вставив в коронку компас.

Управление стратегических служб, разумеется, тщательно соблюдало режим секретности, и все же… Имел место случай с преподавателем, который прибыл в Вашингтон по срочной судебной повестке. Когда он пришел, никто и слыхом не слыхал ни о каких судебных повестках, ни о преподавателе, ни о работе, которая, предположительно, ждала его.

Растерянного бедолагу гоняли туда-сюда по бесчисленным мрачным коридорам штаб-квартиры Управления, но объяснить ему никто ничего не мог. Наконец пробило 17:00, и большинство сотрудников отправились домой, заперев свои кабинеты. В отчаянии этот преподаватель решил прибегнуть к последнему средству — он решил позвонить самому Донована и потребовать объяснений от него. Дежурный сотрудник с негодованием отказался назвать номер телефона столь высокого шефа. Как этот бедняга ни пытался выудить номер, ничего у него не вышло.

Тогда он вернулся к себе в отель, усталый, раздраженный, и решил позвонить другу и поделиться с ним своими неприятностями. И пролистывая телефонную книгу, он совершенно случайно наткнулся на «сверхсекретные данные»: в ней был указан телефонный номер директора Управления стратегических служб, включая адрес местожительства Донована.

Глава 19
Несчастья и величие тайной войны

Блестящая как металл и отлаженная война Гитлера скатывалась вниз. Поразительная слаженность, с которой ее начинали немцы, исчезала без следа, просыпалась, словно песок из дырявого мешка. Вооруженные силы стран оси вроде бы одерживали победы почти везде, но происходило нечто незаметное, неуловимое и в коммюнике неупоминаемое, нечто столь неопределенное и неясное, что невооруженный глаз пока что не мог зафиксировать. В темных закоулках глобального конфликта, на ночных улицах, в ставших смертельно опасными лесах оккупированных территорий развертывался второй фронт.

Оглядываясь на те отмеченные неопределенностью дни, генерал Колин Габбинс, начальник британской разведывательно-диверсионной службы, считал, что немцы рассчитывали поработить побежденные народы и их экономику при условии полной поддержки германских военных устремлений. «На первых порах, — утверждал он, — такая стратегия, возможно, и срабатывала, но впоследствии им пришлось заплатить страшную цену за попрание всех людских законов, за неспровоцированную агрессию против беззащитных народов, за немыслимые жестокости, жертвами которой становились и мужчины, и женщины, и дети, и старики. Немцы, несмотря на все их попытки, так и не смогли одолеть саботаж. Как и не смогли предотвратить формирование тайных армий, при этом прекрасно понимая, что их формирование продолжается». Неоспоримым фактом являлось то, что немцы утрачивали контроль над важной составляющей войны — над ее тайной составляющей.

Началось это как раз с той страны, которая первой пала к их ногам, с Чехословакии, народы которой тоже имеют героические эпосы и легенды. Согласно этим легендам существует призрачная армия, скрытая в горе Бланик. Это — Рыцари горы Бланик. Когда все идет хорошо, они спокойно спят в горе; во времена испытаний для чешского народа они седлают коней и скачут на помощь. И в 1940 году легендарные рыцари стали появляться.

Одним из них был Йозеф Скальда, редактор подпольной газеты, размножаемой на надежно скрытом печатном станке в Праге и распространяемой добровольцами, нередко просто мальчишками, повсюду и в Чехии, и в Моравии. При содействии Скальды и других неизвестных людей, украдкой появлявшихся там, где их не ждали, стали разворачиваться антинацистские

акции. К марту 1941 года они стали достаточно многочисленными, чтобы побудить турецкого посла в Праге посылать отчеты о них своему правительству.

19 июля Великобритания признала чехословацкое правительство в изгнании. Этот запоздалый статус, не очень охотно предоставленный, вселил оптимизм в остававшихся в стране патриотов. Передачи Би-би-си на Чехословакию стали смелее, если не сказать провокационнее. В августе в Чехословакию прибыла группа советских агентов. Их задачей было основать коммунистическое подполье, а также организовать шпионскую сеть Разведуправления. Ненасильственные акты сопротивления участились. Прослушивание передач Би-би-си стало повсеместным явлением. Росло число диверсий. В Праге и Братиславе прошли даже демонстрации против немецких войск.

Нацисты бросились на розыски Скальды. 23 сентября они арестовали его вместе с еще 15 единомышленниками. Не все выдержали пытки допросов, и наверняка кто-то рассказал немцам о существовании весьма многочисленного и сильного подполья. Безвольный барон Константин фон Нейрат был заменен новым германским наместником — безжалостным Рейнхардом Гейдрихом.

Гейдрих прибыл в Градчаны, древний замок Праги на холме, 27 сентября, и сразу же развернул кипучую деятельность, раздавая удары направо и налево, не особо разбираясь, кто прав, а кто виноват, вероятно следуя принципу «лучше 10 невинных обезглавить, чем одного вора проглядеть». Премьер-министр Элиас был арестован, кроме него и трое известных генералов более не существующей чехословацкой армии — Билы, Вотья и Горачек, — не считая сотен других людей попроще. Против некоторых из них имелись улики, но в большинстве случаев Гейдрих до юридических тонкостей не снисходил. За 4 дня его правления было казнено 22 чешских патриота, включая Скальду и троих упомянутых выше генералов. В октябре было арестовано еще 314 подозреваемых, 58 из которых были либо повешены, либо расстреляны.

Ответом чехов на устроенную Гейдрихом кровавую баню было неповиновение. Теперь подполье перешло к акциям впечатляющих масштабов. Помощь прибыла и из Лондона. Самолеты без опознавательных знаков доставили новых чешских командиров вместо казненных новым наместником рейха. Кроме того, самолеты сбрасывали все необходимое для ведения подпольной борьбы.

Террор Гейдриха продолжался. Всего за один день в январе 1942 года было расстреляно 23 рабочих по подозрению в

совершении диверсий. В апреле участились случаи диверсий в Чехии и Моравии, что возымело трагические последствия в Тешине[69] и Богумине: по распоряжению Гейдриха было повешено 25 патриотов в Тешине и 6 человек расстреляно в Богумине.

В мае подполье оживилось вместе с пришедшей весной и с неспособностью Гейдриха искоренить сопротивление, невзирая ни на какие жестокие расправы. Помощь из-за границы также послужила большим подспорьем подпольщикам. 5 мая во время бомбового удара Королевских ВВС по заводам «Шкода» в Пльзене[70] англичане сбросили группу парашютистов с весьма важным заданием. Вместе с ними приземлились и контейнеры со специальным оборудованием. Би-би-си разразилась весьма агрессивными нападками на имперского наместника, и с этих пор тональность британских радиопередач не менялась.

С каждым днем обстановка осложнялась, и Гейдрих решил начать еще одну всеобщую кампанию борьбы. На этот раз он постановил выкорчевать последние остатки подполья раз и навсегда. Для него составили планы, потом эти планы были направлены в Берлин на суд Гитлера и Гиммлера, которые их одобрили. Гейдрих был в ударе — взахлеб расписывал будущее протектората Богемия (Чехия) и Моравия, замечательные планы, с ним связанные, но, как он выразился, для этого требовалось время и силы.

Однако в тот период как раз времени у Рейнхарда Гейдриха было совсем в обрез. Он вскоре погиб от пули борца чехословацкого Сопротивления, того самого, которое он так и не сумел сломить[71].

Тайная война гремела в Чехословакии и еще шире — в СССР.

25 июля 1941 года кампании в России исполнилось всего 33 дня; коммюнике германского Верховного командования не уставали вопить о все новых и новых победах. Но было еще одно коммюнике, негласное. Оно упоминало о какой-то спорадической деятельности горстки «лесных бандитов» — партизан, в тыловых зонах боевых действий, нацеленных в основном, и не всегда эффективно, на войсковой подвоз немцев. Это было первое упоминание о призрачной силе, которую Советы выстраивали против захватчиков.

Лето 1941 года выдалось погожим, и немцы наслаждались живописной красотой русской земли. В особенности их очаровали девственные леса, как писал тогда один поэтически настроенный немецкий корреспондент (продвигавшийся за наступавшими войсками): «высокие, широкие зеленые стены, прорезанные извилистыми лентами труднопроходимых девственных дорог».

Пройдет совсем немного времени, и лесные идиллии и буколическое очарование уйдут в прошлое, сменившись страхом за жизнь, исходящим именно от лесных призраков, которые завладеют этими бескрайними зелеными просторами. «Ныне леса больше не склоняют нас на поэтические фантазии, — писал тот же корреспондент после двухчасового боя с обитателями лесов. — Отныне леса возвышались по обе стороны тянувшихся через них дорог, и от каждого дерева, каждого куста, казалось, исходила смертельная угроза…»

12 сентября краткое коммюнике упомянуло о стычке немецкого патруля «с лесными бандитами в нейтральной зоне». 5 ноября тоже упоминались «бандиты», подрывавшие здания после отступления Красной армии. Девять дней спустя офицер разведки немецкой 11-й армии был настолько потрясен действиями партизан, что засел за написание памятной записки о «лесных бандитах».

«Согласно полученным донесениям, — писал он, — хорошо организованная, централизованно управляемая дисциплинированная организация совершает акции в южной части Крыма. В ее распоряжении большие и малые базы в горах, достаточное количество продовольствия, оружия и боеприпасов». Их задача, добавлял автор памятной записки, «скорее всего заключается в уничтожении сигнальных устройств и атаках тыловых частей германских войск, в частности колонн войскового подвоза. Выявлено несколько шпионов и диверсантов».

К тому времени несколько из «бандитов» попали в руки врага, и у немцев была возможность вживую оценить их. Они просто поразили немцев. «Уже их внешность и одежда выдают в них бандитов, — писал майор Шефер. — Вообще, у них отсутствует общепринятая военная форма со знаками различия, чаще всего это смесь гражданской одежды и военного обмундирования. Они притворяются невиновными, малограмотными и безобидными жителями сельской местности. Упомянутая смесь штатской одежды с военным обмундированием позволяет им в считаные секунды преобразиться… Мы встречали целые группы упомянутых лиц в обмундированиии вермахта, включая знаки отличия…»

Партизаны были выходцами из самых разных социальных прослоек. Так, группа из троих мужчин состояла из молодого человека, отставшего от частей Красной армии, 60-летнего инженера из Феодосии и одного татарина. Еще двое задержанных — 23-летний сапожник и 34-летний школьный учитель из Керчи. К марту 1942 года фронт больше не ограничивался аккуратными линиями, проведенными генштабистами. Фронт был везде.

6 марта 1942 года Йозеф Геббельс пишет в своем дневнике: «В донесении СД сообщается о положении в оккупированной России. Оно еще более неустойчиво, чем все предполагали. Опасность со стороны партизан растет с каждой неделей. Партизаны безраздельно господствуют над обширными районами оккупированной России, они установили там режим террора».

Еще одна запись — от 16 марта 1942 года: «Деятельность партизан в последние недели заметно усилилась. Они ведут хорошо организованную партизанскую войну. До них очень трудно добраться, так как они прибегают в оккупированных нами районах к таким террористическим методам, что население теперь боится идти на сколько-нибудь искреннее сотрудничество с нами».

И еще одна: «29 апреля 1942 года. Партизаны в оккупированных районах по-прежнему представляют огромную для нас угрозу. Этой зимой они поставили нас перед большими трудностями, которые отнюдь не уменьшились с началом весны».

Партизанская война не была случайным ответом русских. Еще в 1934 году, говоря о возможной будущей войне против Советского Союза, Сталин сказал: «Это будет самой опасной для буржуазии войной… потому что народы СССР будут драться насмерть за завоевания революции. Она будет самой опасной для буржуазии еще потому, что война будет происходить не только на фронтах, но также и в тылу противника»[72]. И на двенадцатый день войны в своем выступлении по радио 3 июля 1941 года Сталин сказал: «В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

В течение недели сталинские слова обрели форму приказа в директиве ЦК ВКБ(б). В Москве были созданы партизанские штабы. Начальником штаба партизанского движения[73] стал многообещающий молодой деятель коммунистической партии Пантелеймон Пономаренко. Ему было присвоено звание генерал-лейтенанта (1943), он получил целый штат подчиненных и все необходимое оборудование, и он максимально использовал и то и другое.

По словам генерала Реджинальда Ф.С. Деннинга, британского эксперта по партизанским операциям, «армия в лохмотьях» Пономаренко внесла «значительный вклад в поражение немецких

армий». После войны Сталин даже сказал, что, если бы не партизаны, Советский Союз не победил бы в этой войне с немцами.

Пономаренко привел примеры успехов партизан в 1945 году, подготовив отчет: «Уничтожение украинскими партизанами охраны войск железнодорожного узла Сарны, подрыв крупных мостов на реках Птичь и Дрисса (Дрыса), изгнание белорусскими партизанами немцев со станции Славное, разгром гарнизона и уничтожение военных объектов в Слуцке, подрыв орловскими партизанами крупных мостов через Навлю, с уничтожением охраны, разгром смоленскими партизанами гарнизона на станции Пригорье и уничтожение поездов на ней, операции ленинградских партизан, уничтоживших генерала фон Вирца и его адъютанта, полное изгнание четырех гарнизонов карело-финскими партизанами на острове Большой Климецкий, подрыв моста в Савкино и уничтожение гарнизона в деревне Сутоки калининскими партизанами, изгнание штаба армейского корпуса в Угодском Заводе московскими партизанами и многие другие».

По словам Пономаренко, всего за 2 года партизанской войны в тылу врага партизанами уничтожено 30 генералов, 300 000 солдат и многие тысячи русских предателей. Горничная взорвала Фридриха Кубе, немецкого генерал-комиссара (руководителя оккупационной администрации) Белоруссии, еще одна женщина-партизанка уничтожила Фабиана Акинчица, начальника немецкой секретной службы в Минске[74], а еще одна партизанка — Фридриха Фенца, гауптkомиссара города Барановичи[75].

В тот же период (с 1941 по 1943 г.) партизаны Пономаренко пустили под откос 3000 поездов, взорвали 3260 мостов, подбили 1191 танк и сбили 476 самолетов противника. Потери Германии составили в общей сложности 6 600 000 погибшими на всех фронтах. Из них, по утверждению Пономаренко, советскими партизанами уничтожено свыше 1 000 000 неприятельских солдат и офицеров».

Как любая другая, партизанская армия отчаянно нуждалась в разведданных. Сведения доставлялись шпионами, количество которых исчислялось тысячами. Владимир Морозов был лишь крохотным винтиком в этой гигантской службе партизанской разведки. Ему было 33 года на момент начала немецкой оккупации. Морозов был бухгалтером по профессии. С началом войны он добровольно явился к командиру гарнизона Красной армии в своем городе и вызвался пойти в партизаны. Его направили в школу в Краснодаре на Кавказе для подготовки. По завершении партизанских курсов он вместе с еще 28 выпускниками были распределены по различным партизанским

отрядам. Курсы продлились всего 20 дней — и это считалось расширенными курсами. Потому что были и такие, которые занимали не более 3 дней. Такая спешка диктовалась крайней нехваткой времени на более длительную подготовку.

18 февраля 1942 года он был направлен в Керчь (временно была отбита советскими войсками) в партизанский отряд, где ему предстояло воевать. Сразу по прибытии ему было приказано отправиться в немецкий тыл для сбора сведений о численности немцев в районе Ислам-Терека (ныне Кировское), о расположении складов боеприпасов и топлива в селе Ички (ныне не существует, рядом с современным селом Ковыльное). Партизаны переправили его через Сиваш, а затем Морозов уже самостоятельно пробрался в тыл германских войск.

Обычного шпиона ждал обычный конец. Его имя и задание сегодня нам известны, потому что немцы схватили его и расстреляли, оставив нам на память соответствующий акт длиной в 2 странички. Тысячи таких Морозовых погибли, выполняя задание подобное описанному, но другие тысячи вернулись, выполнив задание и доставив ценные сведения командованию.

Ровно половина партизанских шпионов были молодые красивые женщины, занимавшиеся древнейшей профессией, ублажая фронтовиков и вытягивая из них информацию, но были и пожилые женщины, работавшие уборщицами, медсестрами, в общем, на самых разных работах. Партизанские разведчицы возрастных ограничений не знали.

14 февраля 1942 года в городке К. был замечен молодой человек, передавший клочок бумаги пожилому человеку на перекрестке. Член немецкой тайной полевой полиции, случайно проходя мимо, решил проверить обоих. Когда русские попытались убежать, немец открыл огонь. Обнаруженные на теле убитого документы свидетельствовали о том, что ему было 54 года и работал он на железной дороге и кроме этого был партизанским разведчиком в К. Молодой человек тоже был партизаном и прибыл за сведениями. Тот, кого немец-полицейский принял за молодого человека, оказался 14-летней девочкой.

В шпионском ремесле молодость считалась преимуществом. В сталинской директиве и приказах Пономаренко ясно указывалось, что «дети играли важную роль как тайные агенты».

В партизанской разведке служил офицер — лейтенант. Он выполнял директивы. Звали его Иван Брусенко, и проживал он на квартире у некоего Дереченко в Полтаве. Лейтенант подружился с семьей, в особенности с 12-летним сыном Павлом Дереченко. Комната Брусенко превратилась в импровизированную шпионскую школу, где лейтенант Брусенко учил мальчика

особенностям нелегальной работы.

Брусенко продумал вероятное прикрытие для Павла. Мальчик должен был поехать в Личовку (Лычовку) на правом берегу Днепра, выдавая себя за сироту, побираясь, вовлекать немецких солдат в разговоры и по возможности выпытывать у них сведения военного характера. Раз в 2–4 дня мальчик должен был возвращаться на левый берег Днепра и сообщать собранные за это время сведения и получать новые инструкции.

Брусенко требовал от мальчика никаких записей не делать, а полагаться исключительно на память. Кроме того, ему запрещалось действовать с помощниками и никому не рассказывать о связях с партизанами. Такое было под силу мальчику, и Павел, в общем, справлялся с заданиями.

Несколько недель спустя Павел исчез из дому и в одиночку добрался до места у реки, где они договорились о встрече. Там его поджидал один из помощников Брусенко. Ночь была холодной, и босой мальчик, соответственно одетый для такого задания, дрожал от холода, пока сержант Красной армии переправлял его через реку на лодке.

На следующее утро он подошел к немецкому солдату и попросил дать ему немного хлеба. Они разговорились, и солдат спокойно отвечал на все задаваемые ему вопросы.

Двое суток спустя тоже ночью Павел отправился назад к реке. Лейтенант Брусенко ждал его. Он был доволен полученными сведениями и приказал Павлу тут же возвратиться обратно.

Возвращаясь после выполненного задания, Павел наткнулся на немецкий патруль. Мальчишка отчего-то показался ему подозрительным, и начальник патруля доставил его в Личовку в тайную полевую полицию. Под давлением в ходе допроса паренек начал противоречить себе. Там его передали сотруднику, которым не стал с ним церемониться, несмотря на возраст, и мальчик стал путаться в показаниях. Короче говоря, его приключения закончились.

Автор данной книги восстановил историю Павла Дереченко из отчета «Группы 626» тайной полевой полиции. Это был относительно краткий отчет, написанный на напыщенно-трудночитаемом официальном немецком языке. Завершался он всего тремя словами:

«Дереченко был расстрелян».

Едва ли в Советском Союзе можно было найти подростка, который держался бы в стороне от других во время войны. Официальные сообщения партизан изобилуют историями о них и показывают, что даже очень молодые люди отличились на всех фазах партизанской войны.

«Группа детей, — как говорится в одном из отчетов, — под командованием двух мальчиков 12 лет недавно поднесли заряд динамита к мосту и поместили его в нужное место, воспользовавшись темнотой и тем, что часовой заснул. После этого они подожгли бикфордов шнур и убежали в лес. Мост был до основания взорван».

Если в Советской России (СССР. — *Ред.)* все эти акции осуществлялись в полном объеме без какой-либо помощи извне, то подпольным формированиям других стран Европы оказывалась существенная помощь от британской разведывательно-диверсионной службы, американского Управления стратегических служб и обосновавшихся в Лондоне правительств в изгнании других государств. Агенты разведывательно-диверсионной службы прибывали из многих стран и самых разных слоев общества. Человек по имени

Частелен был директором нефтяной компании в Румынии, но во время войны он подготовил диверсию некоторых установок его собственной старой фирмы. Денис Дж. Рейк был известным художником-декоратором цирка, выступавшего в Бельгии, и в годы войны стал одним из британских героев бельгийского подполья. Йео-Томас — известный «Белый Кролик» — был управляющим знаменитым парижским Домом моделей и стал лидером движения «маки». Одетт Сансон была симпатичной супругой одного англичанина и матерью трех красивых дочерей, но стала одной из самых удачливых шпионок всех времен. Эта женщина выжила и даже единственной из всех женщин подполья удостоилась Креста Георга[76].

Среди загадочных и темных фигур разведывательно-диверсионной службы была невысокая француженка с волосами цвета воронова крыла, которую знали только по кличке — La Souris (Мышь). В ней мало было от мыши, разве что один жест, которым она пользовалась в подпольной работе. В случае необходимости тихо скребла по оконной или дверной раме, и это очень напоминало звук, издаваемый мышью. Именно Мышь первой предоставила Великобритании сведения о «супероружии», которым немцы рассчитывали выиграть войну, — всем известной ракете V-1 («Фау-1).

Для описания способов работы этих агентов я расскажу сложную историю, которую соткали вокруг упомянутой Мыши.

Мышь была учительницей в одной из парижских школ и уроженкой Нормандии. Когда немцы добрались до столицы Франции в июне 1940 года, она возвратилась к своим родственникам в Льон-ла-Форе, чтобы переждать там оккупацию. Эта женщина терпеть не могла сидеть сложа руки и стала

подыскивать того, кто мог бы переправить ее в Англию. Однажды ночью какой-то грузовик подъехал к сельскому дому, где она жила. Постучал мужчина и спросил ее.

Не спрашивая его ни о чем, женщина взяла свою старомодную учительскую шляпу и пальто и последовала за мужчиной к грузовику. Он велел ей залезть в кузов и спрятаться за мешками с картошкой. Машина тронулась, и он довез ее до какого-то домика в чистом поле, где трое мужчин, сидя на корточках, вполголоса беседовали. Она молча уселась рядом.

Полчаса спустя послышался гул самолета. Трое мужчин выбежали в поле с факелами в руках. Маленький самолет приземлился и подрулил к ним. Это был самолет черного цвета без опознавательных знаков — одна из малогабаритных машин Lysander транспортного отдела разведывательно-диверсионной службы.

Она поднялась на борт машины. За ней последовал один из мужчин. Самолет развернулся и, разбежавшись, взлетел. Женщина посмотрела вниз, но ничего, кроме тьмы, не увидела.

На следующее утро она была уже в Лондоне и сидела за столом полковника Кенвика, возглавлявшего отдел Западной Европы разведывательно-диверсионной службы, в доме Норджеби на Бейкер-стрит. Перед полковником лежала ее папка, которую завели, когда она была еще во Франции. Вскоре ей задал несколько вопросов капитан Пикет-Уикс, затем женщину повели на Дюк-стрит, 10, к полковнику Пасси, главе секретной службы генерала де Голля.

После обучения она возвратилась на Дюк-стрит, где ей объяснили, чем предстоит заниматься, и попросили запомнить символы, которыми были обозначены члены ее малочисленной группы. После этого ей вручили документы — удостоверение личности, водительские права, годные по времени продовольственные карточки. Все это было искусно подделано в разведывательно-диверсионной службе. В тот же вечер ее привезли на секретный аэродром где-то в Мидленде (Центральная Англия), дали чашку горячего чая, коробочку фенамина, чтобы не заснуть, если требовалось бодрствовать, и таблетку цианида, чтобы уже точно заснуть, но заснуть навеки, если, не дай бог, возникнет такая необходимость. Кроме того, ей выдали и спецодежду, костюм, резиновый шлем и особые подкладки под позвоночник — все было чуть великовато, но зато лучше смягчало удар о землю при приземлении после прыжка с парашютом. Ей вручили также револьвер, нож и компас, а потом проводили на летное поле, где она поднялась на борт бомбардировщика «Ланкастер».

В 3:00 ее выбросили над Францией. Сразу же после приземления появился мужчина и помог ей подняться. «Вы Мари?» — спросил он. Она ответила: «Да», несмотря на то что никто даже не потрудился сказать ей, что ее отныне будут звать Мари. Человек привез ее в Льон-ла-Форе, и на следующее утро она села на утренний поезд до Парижа, а приехав в столицу, пошла по нужному адресу, где ее ждали остальные члены группы. Мышь прибыла на место.

Человек, с которым ей предстояло встретиться, был инженером, работавшим на авиационном заводе в Париже. Жил он в пригороде Парижа под названием Вокресон. Он только что возвратился из Германии, где работал в Пенемюнде и где наблюдал странные эксперименты с самолетами-снарядами, которые наводили на цель с земли. Этому инженеру нужен был человек, кому он мог передать сведения. Мышь в тот же вечер поехала в Вокресон, нашла квартиру этого инженера и подошла к освещенному окну на первом этаже. И условно царапнула по стеклу ногтями. Затем через темную кухню пошла в дом через незапертый черный ход. На ощупь добравшись до стола, она взяла приготовленный для нее конверт. Хозяин квартиры шепотом пригласил ее зайти в другую комнату. Она последовала за голосом в темную комнату, и человек сказал: «Я еще не совсем готов передать вам все. Это — только часть сведений. Мы должны будем встретиться снова в следующую среду».

«Где?» — спросила Мышь.

«В бистро под названием «Флоридор». Это на Ке Вольтере. В шесть часов? Планы, — продолжал мужчина, говоря о содержании конверта, который она взяла, — очень опасны. Если вас схватят с ними, нам всем конец».

«Не схватят», — ответила Мышь, хотя сама не была так уж уверена в этом. — Они иногда делают выборочные проверки на поезде в Париж?»

«Не всегда, — ответил мужчина, — никогда нельзя знать заранее. Боши[77] ведь непредсказуемы».

«Тогда прощайте, — сказала она. — До следующей среды».

«Мышь… Так вы — действительно Мышь?» — поинтересовался мужчина, но она уже уходила через темную кухню, так и не ответив ему. При звуке шагов на брусчастке она замерла и пропустила двух немецких солдат. Патруль. Оба прошли мимо, и она вышла на улицу, повернула за угол, спустилась к железнодорожной станции и села на последний поезд в Париж.

Мышь волновалась. Ее заданием было забрать бумаги, вернуться в Льон-ла-Форе и доставить их в Англию на

«Лисандре». Теперь она была вынуждена торчать здесь еще целых пять опасных дней, да еще с этими документами. Что делать с ними? Куда пойти? Этот адрес можно было использовать только один раз.

Мышь решила возвратиться в Льон-ла-Форе. Она пошла к Пон-дю-Ларш, затем на Флёри-сюр-Андель и попросила, чтобы курьер подполья отвел ее домой. Той же ночью прибыл «Лисандр», и она отдала конверт пилоту.

Следующим утром она вернулась в Париж. У нее был второй адрес и даже ключ от квартиры, но стоило ей зайти в подъезд, как консьержка грубо выгнала ее. Позже она узнала, что грубость консьержки была сигналом, чтобы предупредить ее, что квартира «засвечена» гестаповцами.

Мышь должна была установить один из своих экстренных контактов, с женщиной по имени Мод, владелицей перчаточного магазина на Рю де-ла-Бутье. Она вошла в магазин и попросила пару зеленых замшевых перчаток размера 6,5, и ее проводили в дальний конец магазина к столу, за которым сидела полная женщина лет шестидесяти. «Мадам ищет зеленые замшевые перчатки, размер 6,5», — сказала продавщица, и полная женщина протянула руку. «Рада видеть вас», — сказала она.

Мышь оставалась в ее квартире до среды, затем пошла во «Флоридор» на Ке-Вольтер и ровно в 6 вечера была уже там. Ей нужен был мужчина, читавший «Журналь офисьель», но в бистро никого не было.

Ее проинструктировали никогда не ждать того, с кем намечена встреча, и она сразу вышла, но 15 минут спустя вернулась, уселась на террасе и заказала «Сен-Рафаэль» с содовой. Когда официант поставил сифон с водой на стол, она рассеянно царапнула по бутылке, и официант предложил ей вечернюю газету в тонком бамбуковом держателе. На третьей странице, где помещают новости «в последнюю минуту», в одном из объявлений было подчернуто слово — Tronchet. Цифры 8 и 5, а в другой колонке — 2 и 7 тоже были подчеркнуты. Расплатившись, Мышь поехала в Тронше, вышла на углу и направилась к № 85. Поднявшись на второй этаж, женщина позвонила в квартиру № 7. Ей открыл какой-то мужчина, и Мышь задумчиво поцарапала по стеклу высокой двери. Мужчина, распахнув дверь, пригласил ее войти.

«Инженер вынужден был возвратиться в Германию, — пояснил он. — Мы разместим вас до его возвращения». В тот же вечер он привел Мышь в дом в Нейи, где ей дали работу по обучению 9-летней девочки. «Мы не знаем, когда инженер вернется из Германии, — объяснил он. — Но здесь вы будете в

безопасности».

Она прождала инженера два месяца, потом приехал все тот же мужчина и отвез ее в Вокресон. Он оставил ее стоять перед почтовым отделением, затем уехал, а она пошла к дому инженера на холме. Она поцарапала стекло освещенного окна, вошла через черный ход в кухню и взяла конверт. В этот момент к дому подъехал автомобиль. Один мужчина вышел из него, другой остался сидеть за рулем. Человек приблизился к главному входу и позвонил в дверь. Мышь спокойно прошла до конца сада за домом, потом перелезла через низкий забор в другой сад, потом таким же способом попала в третий и четвертый. Выйдя на улицу, она увидела, что автомобиль уехал от дома инженера. Она так и не узнала, зачем он туда подъезжал. И никогда больше этого инженера не видела.

Мышь была готова к возвращению в Англию. В Вокресоне она села на поезд, шедший на юг, затем снова приехала на север во Флёри-сюр-Андель. Двое суток спустя она пришла на уже знакомое место неподалеку от Лион-ла-Форе и стала ждать самолет «Лисандр». В воздухе послышался знакомый гул, тут же появились двое мужчин с факелами. Час спустя Мышь была в Тэнджмере, и британцы получили проекты V-1.

Во время следующей миссии она царапнула по оконному стеклу дома в Шартре. Дверь отворил человек из гестапо. Ее контактера взяли за час до ее прихода, и, когда немцы стали топить его в собственной ванне с ледяной водой, он заговорил. Так вышло, что Мышь в последний раз использовала свой хитрый прием.

Это было ужасной недоработкой разведывательно-диверсионной службы. Немцы знали слишком много. Множество квалифицированных и смелых агентов завоеванной Европы оказались в лапах нацистов, потому что какое-то время спустя после начала оккупации немцы все же сумели внедрить своих людей фактически в каждую группу Сопротивления.

В Словакии они захватили целиком группу Управления стратегических служб, доставленную с запозданием. Их заданием было помочь плохо подготовленному восстанию[78]. На самом деле во главе восстания стоял немецкий провокатор. Впоследствии этих агентов убили в нарушение всех международных прав в концентрационном лагере Маутхаузен.

В Венгрии оказался в ловушке сам его высочество, сам регент, когда попытался организовать антинемецкий заговор[79] вместе с двумя югославскими генералами, которые в действительности оказались агентами немецкой секретной службы, возглавляемой опытнейшим мастером шпионажа Вильгельмом Хеттлем.

Во Франции были схвачены один за другим лучшие из лучших лидеры движения Сопротивления: Жан Мулен, бесстрашный мэр Шартра, которого прочили на пост первого премьер-министра освобожденной Франции, генерал Делестрейн, Лара, Боллар. Их сменили люди заурядные, которые оставались в лидерах, пока их не сменили коммунисты. Диана Хоуп Роуден, 28-летняя красавица, была арестована, подвергнута пыткам и убита, ее безжизненное тело бросили в мусоросжигательную установку в концентрационном лагере Натцвейлер в Эмгасе. Виолетт Сабо, бесстрашная жена члена группы Свободных офицеров Франции, была зверски умерщвлена в концентрационном лагере Равенсбрюк, когда отказалась признать свою вину. Даже выжившим пришлось пройти настоящий ад, прежде чем союзники освободили их. Кристофер Берни, которого до его поимки прозвали «королем диверсантов», провел полтора жутких года в тюрьме гестапо в Париже и еще год и 3 месяца в Бухенвальде. Множество норвежцев томились в нацистских застенках Виктория Террес в Осло. Не были исключением и бельгийцы, поляки, итальянцы и венгры — для всех них немцы находили тюрьмы и лагеря.

Погиб даже стойкий командир, француз Пьер Броссолетт, погиб и сам «Белый Кролик», командир звена Йео-Томас.

Часть агентов союзников провалились из-за того, что немцы тоже преуспели в провокациях. «Englandspiel», или «радиодезинформация на Англию», — пример тому. Она началась в сентябре 1940 года после случайного ареста британского агента под Леуварденом в Нидерландах. Об аресте этого первого агента сразу сообщили инспектору Йозефу Шрайдеру. Человека порядочного, криминолога Шрайдера не привлекали извращенные методы нацистских допросов. Этот арест стал первым убедительным доказательством, что британские агенты добираются до Голландии и что голландская подпольная война в процессе создания.

Шрайдер проконсультировался с майором Гискесом, главой контрразведки абвера в Голландии. Они решили проверить эту сеть, инфильтровав в нее своих людей, затем взять реванш и получить над ней контроль. У них было несколько «V-persons» — информаторов, изображавших из себя голландских патриотов и вступавших в контакт с подающим надежды подпольем. Одного из них звали Антоном ван дер Ваальсом, другого Георгом Риддерхофом, которого прозвали «Вспотевшим лбом», потому что этот человек обильно потел даже в самые холодные зимние ночи. Шрайдер и Гискес использовали «подсадных уток», чтобы ввести их в подполье. Антон и Джордж приложили все усилия, но в

течение целого года никого из них ввести так и не удалось.

Наконец Риддерхоф сообщил Гискесу, что двое агентов только что прибыли из Англии. Первый — диверсант, второй — его радист. Он даже назвал контрразведке их настоящие имена: саботажником был Тийс Таконис, евроазиат, родившийся в Нидерландской Ост-Индии, радистом был Хубертус Лауверс, молодой моряк голландского торгового флота.

Несколько недель спустя немецкая станция радиоперехвата в Голландии сообщила о передатчике в Гааге и определила даже местонахождение дома, в котором стоял передатчик. «Следующая передача запланирована на 6 марта 1942 года», — объявила служба перехвата. В тот день автофургон-пеленгатор проник в улицу, где радио работало. В фургоне находился инспектор Шрайдер и молодой лейтенант из службы радиоперехвата, как раз занятый прослушкой вовсю работавшего в нескольких шагах от них передатчика. Когда радиосеанс завершился, Шрайдер заметил выходящих из дома двоих мужчин. Несколько минут спустя оба уже сидели в автомобиле в наручниках. Машина неслась на большой скорости по обледенелым улицам к Биненнхофу, где у Шрайдера помещался кабинет. Немцы обыскали дом и нашли радиопередатчик и коды. В Великобритании об этом провале не узнали.

У Шрайдера был собственный метод работы с допрашиваемыми. Когда Лауверса привели к нему в кабинет, Шрайдер встал и приветствовал его рукопожатием. А когда Лауверс заявил ему, что он — лейтенант британской армии, Шрайдер обратился к допрашиваемому по званию. И тут Шрайдер задал весьма прямой вопрос:

«Как насчет того, чтобы работать на нас?»

«Что вы имеете в виду?» — вопросом на вопрос ответил Лауверс.

«Вам дадут время подумать над этим, — продолжал Шрайдер, понизив голос, — кроме того, вы спасете своему другу жизнь, если согласитесь продолжить радиоработу на нас, как будто ничего не произошло».

Лауверс ответил: «Хорошо». Шрайдер попытался понять, что у этого молодого голландца на уме. Вроде не дурак. Обычно секретные службы готовят своих радистов не только стучать на ключе. Они предоставляют им ряд проверок безопасности, хитрых кодовых символов в абсолютном коде, и также со многими по-видимому безвредными сигналами опасности, которые радисты могут отослать, не будучи обнаруженными, работая под давлением.

Шрайдер сомневался, доверить ли Лауверсу Englandspiel, но у

него не было помощника-немца, который мог взять эту роль на себя. И следующая передача была запланирована на 12 марта 1942 года. Лауверс не мог пропустить ее, иначе британцы что-нибудь непременно заподозрили бы.

Таким образом, 12 марта Лауверса снова отвезли в тот самый дом, а Шрайдер все для него подготовил. Лондон ответил: «Мы планируем послать «Арбора». Пожалуйста, примите меры для его приема». Лауверс побледнел, он ведь послал сигнал опасности, а Лондон его проигнорировал. Несчастный британский агент, майор по имени Бингхэм, возглавлявший голландский отдел разведывательно-диверсионной службы в Лондоне, допустил грубейшую ошибку, которая и передала целую группу британских агентов в руки гестапо.

27 марта 1942 года «Арбор» спустился на парашюте прямо в объятия поджидавших его гестаповцев. И в эфир полетело бодренькое сообщение: «Арбор» благополучно прибыл в 23:23 [2323] как запланировано». Englandspiel сработала.

Если бы в августе 1943 года, ровно год и 5 месяцев спустя после первой передачи Englandspiel, майор Бингхэм изучил свою организацию в Нидерландах, он, должно быть, был бы доволен ее работой. Ему удалось заполучить 54 агента в Голландии, и он знал лишь о 3 жертвах. У него было 18 отправителей, 16 из которых работали с умиротворяющей регулярностью. Диверсионная организация, организованная его агентом Джорджем Джембрусом при подготовке ко дню «D», насчитывала 1067 человек. Для них регулярно отправлялось значительное количество поставок. Подполье в 1067 человек поддержало бы «группу Джембруса» в решительный час, и еще как поддержало бы.

У майора Бингхэма, казалось, были серьезные основания быть удовлетворенным этим достижением, за исключением одной вещи. Его организация существовала только на бумаге. На самом же деле из этих 54 агентов один был мертв, а другие в руках гестапо. Сам Джембрус сидел в камере, и в его группе не было ни единого человека. Подполье было фикцией, вымыслом, плодом воображения инспектора Шрайдера.

Потом показалось, что пресловутой Englandspiel придет конец. В ночь на 29 августа 1943 года двое из заключенных Шрайдера, Йохан Бернард Убинк и Пит Доурлейн, сбежали из тюрьмы и сумели пробраться в Швейцарию, где сообщили обо всем генералу ван Тричту из голландской военной разведки. Но Шрайдер все еще не отчаивался. Он использовал одну из своих 18 раций, чтобы опорочить эти двух героев. «Убинк и Доурлейн сбежали с немецкой помощью, — так он радировал Лондону, —

чтобы таким образом пролезть в голландскую разведслужбу. Мы принимаем соответствующие меры против них». Таким образом, когда эти двое агентов добрались до Лондона, англичане засадили их в тюрьму и держали там в течение многих месяцев, даже при том, что их история была совершеннейшей правдой.

23 ноября 1943 года в темную осеннюю ночь из тюрьмы сбежали еще трое агентов. Эти добрались до Англии, где сообщили в Честер-Сквер драгоценную тайну инспектора Шрайдера.

Теперь Шрайдер был бессилен, но все-таки послал последнее сообщение господам Бланту, Биргхэму и Со., «Старой фирме» на Бейкер-стрит.

«Мы знали в течение некоторого времени, — говорилось в этом сообщении, — что вы кое-чем занимались в Нидерландах без нашей помощи. Будучи на самом деле вашим единственным представителем в течение достаточно долгого времени, мы рассматриваем это как злоупотребление доверием. Все же это не помешает нам как-нибудь встретиться с вами в намного большем формате, принять, например, ваших эмиссаров с тем же гостеприимством, которое мы показали вашим агентам в недалеком прошлом».

После этого сообщения все 18 передатчиков умолкли навечно. Но за предыдущие 2 года и 5 месяцев эта современная «Сирена» соблазнила свыше 50 агентов и диверсантов — они «напоролись на скалы». Было подготовлено 190 парашютистов, и на самом деле 95 из них были сброшены. Сюда следует прибавить 570 контейнеров и 150 пакетов с почти с 30 000 фунтов взрывчатых веществ, 3000 пистолетов-пулеметов «Стен», 5000 револьверов, 300 пулеметов «Брен», 2000 ручных гранат, 75 радиопередатчиков, 100 специальных сигнальных ламп, 500 000 патронов, 500 000 голландских гульденов наличными и значительную сумму в других валютах.

Это было наихудшее поражение союзников за всю тайную войну.

Глава 20
Накануне дня «Д»

Разящий удар, нанесенный Эйзенхауэру немцами в 1943 году в Северной Африке, отчасти объясняет поразительно гладко проведенное вторжение во Францию в 1944 году. В штаб был включен Кеннет Стронг, что и обеспечило поразительную достоверность разведывательного обеспечения операции «Оверлорд» в июне 1944 года.

В феврале 1943 года в ходе Тунисской кампании из фронтовых частей в штаб «Айка» (Эйзенхауэра) поступали агентурные сообщения об угрожающей активности противника в районах Фандука, Фаида и Гафсы. Упомянутая активность носила все признаки скорого и массированного контрнаступления. Фронтовые разведчики ожидали удара со стороны Фаида. Однако верхний эшелон собственной разведки «Айка» сначала отмел эти предупреждения как фантазии необученных вояк, а затем решил, что если и существует угроза контрнаступления, то со стороны Фандука. Контрудар был нанесен со стороны Фаида. Немцам удалось продвинуться далеко вперед, прежде чем командование союзников сумело правильно оценить сложившееся положение. Немцы перешли перевал Кассерин и к 23 февраля в точке самого глубокого прорыва отбросили союзников примерно на 80 миль.

«Разведывательный отдел допустил серьезную ошибку, — писал позднее Эйзенхауэр. — После битвы я сменил начальника разведывательного отдела в штабе командования союзных войск».

Заменой стал бригадир Королевского шотландского фузилерного полка Кеннет Уильям Добсон Стронг. Это был 43-летний, аскетичного вида, жилистый, умный кадровый военный, всю свою сознательную жизнь специализировавшийся на разведке. Он был настолько предан своей работе, что даже не женился, считая, что лишь не обремененный женой и детьми холостяк способен полностью отдаваться всепоглощающим требованиям избранной им специальности. Старший сын профессора, бригадир был продуктом британских закрытых частных привилегированных школ и Сандхерста. За исключением краткого периода командования батальоном фузилеров, вся его карьера была посвящена разведке. Он жил в Германии, Франции, Италии и Испании, изучая обычаи и языки этих стран. Его первая явная разведывательная миссия пришлась на Берлин накануне войны. К 1943 году в британской армии за ним прочно укрепилась репутация выдающегося эксперта по Германии.

Привлечение Эйзенхауэром Стронга было ярким примером того, какую важную роль и какое большое место отводил «Айк» разведке. Эйзенхауэр был тем, кого можно было назвать солдатом мыслящим. По-настоящему в безопасности он чувствовал себя, только понимая, что в его личном распоряжении находится самая лучшая разведка, укомплектованная и подготовленная самым лучшим из ее начальников.

Накануне вторжения в Северную Африку осенью 1942 года возникла настоятельная необходимость установления тайных контактов с просоюзнически настроенными французскими генералами в Алжире и Марокко. Эйзенхауэр носился с идеей отправиться на это секретное задание лично. «Поскольку я сам, безусловно, не мог пойти на такую встречу, — писал он, — то из числа многих добровольцев я выбрал своего заместителя генерала Кларка». До места встречи Кларк и сопровождавшие его «агенты» пробрались на борту подлодки и испытали на себе опасности шпионского ремесла. Им пришлось скрываться, уходя от слежки секретных служб режима Виши, у которых они вызвали подозрение. Это был прославленный тайный вояж, в ходе которого Кларк потерял штаны, но добыл бесценную информацию.

Впоследствии Эйзенхауэр организовывал другие подобного рода секретные миссии: бригадира Стронга и начальника собственного штаба генерала Уолтера Беделла Смита, в августе 1943 года отправившихся на тайные встречи в Лиссабон для обсуждения с генералом Кастеллано капитуляции Италии, а другой генерал, Максвелл Д. Тейлор, действовал как его визитная карточка в Риме, пока город еще удерживали немцы.

«Айк» в полной мере оценивал не только важность, но и увлекательность подобных тайных операций. В «Крестовом походе в Европу» он описывал их с наивным энтузиазмом поклонника Эрика Амблера. «Затем началась, — писал он, — серия переговоров, секретных обменов мнениями, тайных вояжей секретных агентов и частых встреч в условленных местах, над театральностью которых, окажись они плодом вымысла романиста, читатель от души посмеялся бы. Составлялись различного рода планы, которые тут же отменялись в силу изменения условий». Особенно сильное впечатление на него произвело мастерство Тейлора как конспиратора и его бесстрашие в оккупированном противником Риме, «его личные приключения и приключения сопровождавшего его товарища составили еще одну яркую страницу всей этой захватывающей истории». «Айк» добавил: «За всю войну я не просил никого из агентов или эмиссаров идти на такой риск, на какой решился

Тейлор. Столь сложное задание он выполнил безукоризненно и до конца, ежеминутно рискуя быть раскрытым и встретить смерть».

В Англии с января по конец мая 1944 года бригадир (позднее генерал-майор) Стронг отвечал за комплекс разведывательных мероприятий по подготовке дня «Д». Он состоял из трех взаимосвязанных, но, по сути, совершенно различных операций. Одна из них — сбор разведданных. Другая — обеспечение соблюдения абсолютной секретности при подготовке предстоящих действий в целях сокрытия готовящегося вторжения. Третья — разработка сложной системы дезинформации, вводящей противника в заблуждение в отношении реальных намерений союзников, его численности и направления главного удара.

Игры во введение врага в заблуждение начались в январе 1944 года, сразу же после прибытия Эйзенхауэра в Англию и принятия на себя командования операцией «Овер-лорд». В то время союзники окутали все непроницаемым туманом, позволившим немцам лишь подозревать о лихорадочной подготовке к неизбежному вторжению в Западную Европу. В те дни и недели «Айк» действовал со всей возможной скрытностью. Главной задачей всеобъемлющей секретности было сбить с толку немцев и заставить их распылить свои силы по всему обширному фронту.

В марте единственный новехонький бомбардировщик B-29 приземлился на аэродроме Бовингдон в Англии. Этот прилет не остался не замеченным военным атташе Испании в Лондоне, из чьих донесений в Мадрид немцы, как известно, черпали важные разведывательные данные. На самом деле B-29 предназначались для боевого применения на Тихоокеанском театре военных действий, однако создавалось впечатление, что их намерены использовать против Германии. Дезинформация привела к значительной перегруппировке немецкой противовоздушной обороны и вынудила противника начать поглотившие много сил учения вместо того, чтобы сосредоточить эти силы в нужный момент на диктуемых реальностью оборонительных мероприятиях.

В мае, всего за несколько недель до дня «Д», дезинформационная кампания шла полным ходом. Ее замысел основывался на использовании ахиллесовой пяты Германии — острейшей нехватки общевойскового резерва. По оценке Объединенного разведывательного комитета союзников, у Гитлера имелось в общей сложности 336 боевых дивизий, однако, согласно разведывательным данным, из них во Франции и в странах Бенилюкса дислоцировались лишь 58. Около 200 действовали на Восточном фронте, связанные ожесточенными

боями с Красной армией[80].

Остальные были разбросаны от Северного Ледовитого океана до Италии, свидетельствуя о том тупике, в который загнал себя Гитлер, отхвативший куда больше, чем был в состоянии проглотить.

Для укрепления обороны во Франции немцам пришлось бы снять войска с других фронтов, вывести войска из других мест, и в целях недопущения этого командование союзников прибегло к дезинформации. Дезинформация, подкрепленная секретными мероприятиями, была направлена на то, чтобы убедить немцев, что «Айк» намеревается нанести удар по Норвегии, где у немцев было всего 12 дивизий. Стронг был весьма доволен, когда его агентура в Норвегии доложила о переброске в страну еще одной немецкой дивизии, поскольку, знай немцы правду, они перебросили бы ее во Францию, где от нее было бы куда больше проку.

20 мая капитан 3-го ранга Батчер записал в дневнике: «Когда мы вторгнемся западнее Сены, будем надеться, что немцы сочтут это всего лишь второстепенной операцией и будут ожидать главный удар в районе Па-де-Кале, что удержит нацистов от переброски войск оттуда на участок побережья между Сеной и Шербуром». В те дни фельдмаршала Монтгомери видели в самых нелепых и известных местах, что должно было свидетельствовать о его присутствии на определенных мероприятиях, распознать характер которых для любого мало-мальски опытного аналитика из разведки проще некуда. Этот Монтгомери просто исполнял предписанную ему роль, изображая из себя ответственного командующего, — настоящий же командующий уже работал на тех участках, о которых противнику знать не полагалось.

Таким образом, прилагались тщательно продуманные усилия позволить противнику в точности узнать то, что мы намеревались позволить ему узнать. Усилия по сокрытию от него истины были продуманы тщательнее некуда.

Беспрецедентный масштаб предстоящей операции, сложность и многообразие приготовлений и огромная численность войскового контингента союзников не позволяли скрыть от противника все. Существенная часть информации непременно должна была стать известна военным атташе и другим защищенным дипломатическим статусом персонам в Лондоне, явно дружественно настроенным к немцам. Часть приготовлений было невозможно скрыть от развившей лихорадочную деятельность разведки люфтваффе. Никак нельзя было обойтись без передачи в эфир множества секретных сообщений. И хотя передавались они зашифрованными, были основания полагать,

что центральная криптографическая служба люфтваффе, так называемый «форшунгсамт», часть их все же прочитывала.

Тем не менее, сколь бы эффективной ни была операция прикрытия, немцы в конечном счете все же располагали определенными разведывательными данными. Они знали, что день «Д» приближается, но у них не было точной информации для оценки наших намерений, времени, численности сил и направления главного удара. Несмотря на то что меры по обеспечению секретности никогда не воспринимались как нечто само собой разумеющееся, сегодня нам известно, что они оказались почти идеальными. Фактически помимо произошедших по причине халатности случайностей, грозивших раскрыть точную дату дня «Д», имелась лишь одна важная утечка, из-за которой, как опасались союзники, немцы могли заполучить те самые разведывательные данные, которые были им так отчаянно и срочно необходимы.

В марте 1944 года пакет с совершенно секретными документами об операции «Оверлорд» был обнаружен в Чикаго. Отправленный из отдела боеприпасов военного министерства обычной почтой, он был адресован частному лицу, проживавшему в районе города, известном как место компактного проживания уроженцев Германии и выходцев оттуда. Пакет даже не был заклеен как полагается, и документы из него выпали. Не менее десятка человек прочли их на чикагской почте. Затем его явно неумышленно отправили не по адресу на конверте, а в командование тылового обеспечения 6-й армии в Чикаго. Там еще четверо не имевших допуска к секретной документации человек имели возможность внимательно прочесть документы, и только после этого они оказались в руках сотрудников разведывательного отдела и контрразведывательной службы.

Генерал Клейтон Бисселл, новый начальник разведывательного отдела в Вашингтоне, лично занялся этим делом, возглавив расследование. В ходе этого расследования было установлено, что из отдела боеприпасов военного министерства в Вашингтоне пакет перенаправил американский солдат немецкого происхождения. Представленное им объяснение было абсолютно неудовлетворительным. Он утверждал, что у него в Чикаго якобы серьезно больна сестра и он, видимо думая о ней, ошибся и по оплошности отослал пакет на ее домашний адрес.

Кем он был? Солдатом или шпионом? Не была ли пресловутая оплошность частью разветвленного шпионского заговора? Случай этот так и не был выяснен до конца. За лицами, ознакомившимися с содержанием документа, а также солдатом и

его родными было установлено наблюдение. В результате ничего компрометирующего в их поведении обнаружено не было. Их предупредили об ответственности за разглашение прочитанного, однако гарантировать их молчание не мог никто. Тем не менее похоже, что от этих лиц к немцам ничего не просочилось, однако на протяжении полутора месяцев в Верховном командовании союзных войск никто не мог спать спокойно.

Выдающимся успехом операции прикрытия дня «Д» явилось утаивание от немцев сведений о двух искусственных портах. Две огромные металлические платформы, получившие условные обозначения «Малбери» и «Гузбери», предполагалось отбуксировать через Ла-Манш и притопить в предусмотренных заранее местах пролива для обеспечения причаливания судов снабжения в ходе операции высадки. Огромный поток поставок позволил бы обеспечить вторжение в обширном районе высадки. Особые усилия предпринимались для выяснения того, подозревают ли немцы о существовании этих искусственных портов. За неделю до высадки Стронг с удовлетворением убедился, что немцы все еще рассчитывают на несколько высадок, первую из них считая отвлекающим маневром. Из этого разведчик сделал вывод, что ни о «Малбери», ни о «Гузбери» им ничего не известно. Затем, всего 10 дней спустя, когда искусственные порты были на месте вместе с разгружавшимися на них транспортными судами, немцы просто отказались поверить, что они настоящие, и подумали, что разведывательные самолеты люфтваффе сфотографировали какой-то сложный объект, возведенный в целях камуфляжа.

Тем временем британская разведка лихорадочно работала, собирая информацию. Масштабы этой задачи невозможно адекватно выразить. Требовалось идентифицировать немецкие соединения, части и подразделения вплоть до взводов и отделений. Необходимо было выяснить расположение аэродромов люфтваффе, а также численность люфтваффе — количество и качество самолетов, обеспеченность горючим и запчастями и численность личного состава. Необходимо было получить подробные чертежи хваленого Западного вала — системы немецких укреплений вдоль побережья. Требовалась точная информация о береговых батареях, в том числе о новых крупнокалиберных морских орудиях, снятых с больших военных кораблей и размещенных в стратегических точках. Необходимо было и вести наблюдение за железнодорожным транспортом.

Разведка должна была получить информацию об условиях на участках высадки, о минных полях вблизи берега и на берегу и сложной системе подводных заграждений. Эти подводные

заграждения представляли особую проблему, которую необходимо было решить любой ценой. Среди них разведка опознала напоминавшие ворота сооружения из стального уголка, получившие название «Элемент О». Другие, названные «Тетраэдрами», представляли собой пирамиды из стального уголка около четырех футов шести дюймов каждая. Самыми распространенными были стальные колья из двутавровых балок или рельсов. Если десантным судам понадобится добраться до берега, эти заграждения необходимо вывести из строя, а это означало вручную подрывать их.

В итоге Стронгу и его спецподразделениям удалось собрать практически все необходимые данные, включая образцы мин и заграждений, что позволило специальным группам саперов провести соответствующие учения в рамках подготовки к операции.

Нервным центром этой невообразимой деятельности являлся командный пункт в Вайдвинге, штабе войск вторжения Эйзенхауэра. Там все полученные данные сортировались и наносились на огромные карты. На одной карте было представлено побережье, включая глубину на участках моря, где войскам предстояло выйти на сушу. Другая карта сообщала о расположении огневых точек, противотанковых ежей, рядов колючей проволоки и минных полей. Следующая — все вражеские аэродромы в пределах досягаемости орудий флота вторжения.

На бумагу была нанесена дислокация немецких боевых частей и подразделений с указанием всех командующих от фельдмаршалов фон Рундштедта и Роммеля до командиров полков. Тут же были приведены и боевые характеристики каждого подразделения. Согласно имеющимся сведениям, в районе предстоящего вторжения было дислоцировано 14 немецких дивизий. Разведка также выявила и сухопутные спецформирования, укомплектованные русскими предателями родины из числа бывших военнопленных. Предполагаемая численность боевых машин люфтваффе составляла 160 самолетов.

Откуда взялась вся эта информация?

Большая часть данных была почерпнута из обычных источников традиционной разведки — воздушного наблюдения и аэрофотосъемки, перехваченных радиосообщений противника и документов, а также в результате использования других имевшихся в распоряжении средств сбора разведывательных данных. Периодически на берег направляли специальные разведгруппы для получения более подробной информации о некоторых целях, получение сведений о которых по ряду причин

затруднялось. Агенты-резиденты отправляли дополнительную информацию о конкретных оборонительных сооружениях, последних изменениях в дислокации боевых частей и подразделений и некоторых объектах, оценка которых требовала специальных знаний.

Эта впечатляющая деятельность осуществлялась в самом обычном порядке — никакой театральности или бравады, сплошная повседневность. Какова бы ни была в разведывательной деятельности доля шпионской романтики, она в любом случае бесконечно мала в сравнении с рутинной, едва ли не тоскливой, коллективной работой по сбору разведданных.

Существовала область бесконечных трений, споров, разногласий, временами достаточно серьезных, чтобы поставить под угрозу успех операции. Речь идет о роли, отводимой французам (точнее, французам и француженкам) в процессе их освобождения.

В самой Франции силы Сопротивления были готовы действовать, однако роль, которую им предстояло сыграть, все еще оставалась неясной. Связано это было преимущественно со стойким раздражением, вызываемым у Рузвельта Францией (крах которой в 1940 году оставил у него горькое чувство) и его иррациональной враждебностью к де Голлю, которого он считал эгоистичным возмутителем спокойствия. Рузвельт отказывался верить в то, что де Голль обладал каким-либо влиянием на людей и события в оккупированной Франции, да и вообще в существование сил истинного Сопротивления. Надо сказать, что подобное отношение американского президента не было основано на реальных фактах. Президент получал доклады Управления стратегических служб (УСС) Донована, чьи специальные подразделения, отдельные агенты и инструкторы по вооружению на территории Франции работали в тесном сотрудничестве с французским подпольем. С 1943 года Управление стратегических служб действовало из Лондона, поддерживая французское Сопротивление, а в январе 1944 года специально для проведения тайных операций в связи с вторжением была создана квазиавтономная организация, получившая наименование Штаба специальных войск (SFHQ). Уже за первый месяц существования упомянутого штаба американцы сбросили 96 контейнеров снабжения для французского подполья, и эта секретная поддержка быстро увеличивалась как в качественном, так и в количественном отношении, достигнув в конце концов внушительной цифры — до 5000 сброшенных контейнеров в месяц.

Если президент не верил на слово Доновану, он мог бы

получить все необходимые ему доказательства из объективного и научного источника, от капитана 3-го ранга Трэйси Д. Киттреджа из Резерва ВМС США. Выдающийся просветитель в гражданской жизни, Киттредж служил в штаб-квартире ВМС США в Лондоне офицером связи между де Голлем и французским движением Сопротивления. Задача у Киттреджа была труднейшая и неблагодарная, поскольку ему приходилось вести свою персональную войну и с предрассудками Рузвельта, и с весьма распространенным и укоренившимся скептическим отношением к французскому патриотизму в собственной команде.

Еще 17 апреля 1944 года это отношение отразилось в дневниковой записи Батчера. «Французские железнодорожники нам вряд ли помогут, — писал он. — И я постоянно спрашиваю себя, не слишком ли большие надежды мы возлагаем на французское Сопротивление». Немцы также не доверяли французским железнодорожникам, но по прямо противоположным причинам. Они решили обучать своих работников, чтобы те после начала вторжения взяли управление железными дорогами на себя, убежденные в том, что от этих французов им будет больше вреда, чем пользы. События показали, что немцы оказались правы. За 3 недели в результате саботажа французских железнодорожников было выведено из строя больше подвижного состава, чем налетами ВВС союзников за 4 месяца.

Отношение британцев к этой подпольной армии было двояким. На самом высоком политическом уровне Черчилль потакал Рузвельту, придерживаясь его политики невмешательства. В то же время британский МИД Энтони Идена поддерживал со «Свободной Францией» тесные контакты, в свою очередь потакая де Голлю.

Еще теснее была связь французского подполья и британской разведывательной службы, Управления специальных операций (УСО). Управление поставляло большие объемы крайне необходимого подпольщикам оружия и взрывчатки. Как и Управление стратегических служб, оно забрасывало офицеров связи и инструкторов по вооружению. Британская разведка также разрабатывала планы совместных операций, преимущественно шпионаж и диверсии. В ходе операций британцев во Франции (с 15 марта 1941 года, когда было выполнено первое задание, и до конца кампании в 1944 году) французский отдел УСО обучил и забросил 366 агентов, организовал 50 групп Сопротивления и осуществил около 4000 снабженческих миссий.

В рамках подготовки к вторжению из сил французского Сопротивления сформировали две основные группы. Одна из них,

под названием «Большая армия» («Grande Агтёе»), имела большую самостоятельность, подчиняясь командирам на местах и выполняя случайные, не очень крупные и значительные задания. Главной ее целью было создание некоего людского резерва, из которого в стратегический нужный и подходящий момент можно было бы сформировать Внутренние французские войска, подпольную армию Франции. «Малая армия» («Petite Агтёе») создавалась для ведения при необходимости открытых действий, выполнения конкретных разведывательных заданий и совершения диверсионных актов. Личный состав «Малой армии» подбирали весьма тщательно. Это формирование вообще предпочитали держать пока в резерве, приберегая ее решительный удар до начала вторжения.

В отличие от Рузвельта и некоторых своих коллег Эйзенхауэр ожидал от французов значимого вклада. Однако имелось серьезное расхождение между этими благими надеждами и помощью, которую генерал даже был готов предоставить французам. 1 февраля 1944 года после серьезных препирательств разрозненные подпольные группы были все же объединены во Внутренние французские войска (Forces Francaises de l'lnterieur). В марте командующим Внутренними французскими войсками был назначен Жозеф Пьер Кёниг, один из самых высокопоставленных и бесстрашных соратников де Голля.

Однако лишь в апреле союзники согласились с планом задействования Внутренних французских войск в операции вторжения, да и то в унизительно ограниченном масштабе. В зоне ведения боевых действий бойцам Внутренних французских войск отводилась исключительно роль разведчиков. Диверсионные акты — только в тыловых районах. Был составлен целый ряд планов — «Зеленый план» предусматривал «полный паралич» железных дорог. Согласно «Синему плану», акты диверсии охватывали предприятия коммунального хозяйства, имелся план саботажа при разгрузке топлива и боеприпасов, а согласно еще одному плану обстреливались колонны войскового подвоза противника.

Но, следуя какому-то абсурдному принципу, союзники вдруг стали срывать эти планы, отказались от обещанных поставок оружия и материально-технического снабжения. Для установления радиоконтактов Эйзенхауэр направил всего 4 специалистов, в то время как надобность была в 400. Вместо согласованных ежедневных 60 тонн поставок, контрабандой ввозившихся во Францию по различным подпольным каналам, за целый месяц Внутренние французские войска получили всего 20 тонн.

В день «Д» лишь половина бойцов Внутренних французских

войск имела необходимые для выполнения планов оружие и оснащение. Тем не менее приказ о начале боевых действий был отдан, и люди сражались с такой самоотверженностью и мастерством, что впоследствии Эйзенхауэр признал боеспособность Внутренних французских войск эквивалентной 15 регулярным дивизиям.

После войны Эйзенхауэр оценил важность вклада французов эмоциональной фразой. «По всей Франции, — писал он, — «свободные французы» оказывали нам неоценимую помощь в ходе боев, но особую активность они проявили в Бретани. Иначе нам потребовалось бы значительно больше времени для освобождения Франции и разгрома противника в Западной Европе, кроме того, наши потери были бы серьезнее».

Французское подполье, которое отказывался признать Рузвельт, доказало, что оно отнюдь не призрачная сила. За четыре года подпольной борьбы французское Сопротивление потеряло 105 000 участников. Около 30 000 из них были казнены немцами, 75 000 погибли в концентрационных лагерях.

«Однако возможно, величайшее достижение, — писал Рональд Сет, — заключалось не в нанесении урона врагу, а в возвращении чести Франции».

Глава 21
Дом на Херренштрассе

Через пару дней после высадки войск союзников в Нормандии штаб Эйзенхауэра опубликовал коммюнике. В нем раскрылась важнейшая военная тайна, состоявшая в том, что уже 10 часов спустя после высадки на берег первого эшелона войск солдаты-десантники союзнической армии получили в пайке различные сорта мороженого. Целью этого сообщения было показать мещански противившемуся большой войне народу у себя дома, что вторжение — всего лишь главная проверка ратного чувства юмора.

Когда в первый день операции первый десантник высадился на берег в Нормандии, он, как выразился историк Перси Эрнест Шрамм, автор официального военного дневника Верховного главнокомандования вермахта, «был один против огромных сил [германской] армии, против того максимума, который только мог быть сосредоточен немцами на Западе». Союзникам потребовалось время на высадку войск через пролив для достижения равенства сил. Даже через неделю после дня «Д», когда у нас на берегу было 326 000 человек, немцы все еще превосходили нас. В конце концов понадобились миллионы солдат союзников и почти одиннадцать месяцев, чтобы победить этого упорного и опытного врага, невзирая на то что он сражался на два фронта.

Тем не менее даже 6 июня 1944 года, в начале развертывания крупнейшей в мировой истории десантной операции, существовал один-единственный американец, чья деятельность, при условии предоставления ему должных полномочий и соответствующей поддержки, могла бы обеспечить победу над врагом без таких фантастических усилий.

Этим человеком был Аллен Уэлш Даллес, бывший дипломат и адвокат. В те годы он находился в Швейцарии и держал в своих руках невидимые нити великой войны. Задолго до дня «Д» Даллес установил личные контакты с рядом влиятельных и высокопоставленных лиц в Третьем рейхе, которые выражали желание и, похоже, были способны обеспечить победу союзникам и без колоссальной операции по десантированию миллионной армии союзников из Англии.

Однако заявлять сейчас, что Даллес мог один выиграть эту войну, было бы таким же преувеличением, каким глупым и бестактным мог показаться вопрос: действительно ли был

необходим этот исторический прыжок союзников через Ла-Манш?

При всем при том подобный вопрос, вероятно, все же правомерен и оправдан с учетом общей обстановки в Германии и на оккупированных ею территориях, картины, которую хорошо представляли себе руководители союзных государств в самый канун дня «Д». Даже с чисто военной точки зрения вторжение было лишь второй частью двойного удара, поскольку союзники уже находились на континенте — в Италии. Можно было вести крестовый поход в Европу с этого обширного итальянского плацдарма (где у немцев было 23 дивизии), затем выйти на юг Франции и в Юго-Восточную Европу (сразиться еще с 30 вражескими дивизиями) и прорваться по территории Франции и Восточной Европы к жизненно важным центрам Германии без вторжения через Ла-Манш.

Сказанное — в известной степени плод досужих рассуждений. Куда более веским фактором не в пользу высадки союзников из Англии было наличие другой ситуации, блестящие возможности которой, почти полностью упущенные, весьма неохотно и поверхностно отражены в описаниях историков Второй мировой войны.

К 6 июня 1944 года вермахт уже не представлял прежней монолитной силы. Если боевая мощь вермахта оставалась исключительно высокой и немецкие войска в целом представляли собой чудовищную военную машину, недовольство и отчаяние, словно термиты, набросились на офицерский корпус армии и гражданское руководство в глубоком тылу страны и принялись разъедать их с невиданной силой. Все больше и больше немцев склонялись к тому, чтобы как можно быстрее прекратить эту войну даже с помощью государственного переворота, даже полагаясь на государственную измену, даже невзирая на лишения и возможность поражения.

Нелегко установить точное время начала разложения немецкого тыла и немецкого офицерства, но вполне вероятно, что это произошло в июне 1943 года. Тогда молодой подполковник (с 1 июля полковник) германской армии решил, что «с него хватит», что пора действовать. Это был фон Штауффенберг, 36-летний офицер, который решил присоединиться к подпольной организации антинацистских офицеров в вермахте. Он был отпрыском швабских дворян, и его незаурядные способности привлекали внимание высших военных чинов вермахта, прозвавших его «молодой Шлиффен». Он воевал в Северной Африке, где был тяжело ранен во время воздушного налета, лишился глаза, кисти правой руки и двух пальцев на левой руке. Одно время он совсем потерял зрение. Его единственный глаз

некоторое время ничего не видел. Лежа в полевом госпитале, он с ужасом думал о том, что никогда уже больше не вернется к активной жизни. Там же он решил продолжать борьбу, но не с иноземными врагами, а с нацистами, которых он стал рассматривать как величайших безумцев. Весь свой гнев он обрушил против Гитлера. Им овладела мысль о необходимости убить человека, которого он считал ответственным за физические мучения, причиненные Германии, и в еще большей степени за ее моральную деградацию.

Фон Штауффенберг был новичком в давнем заговоре против Гитлера, которого давно ненавидела и презирала целая группа высокопоставленных армейских офицеров. Они были твердо убеждены в том, что ликвидация Гитлера покончит с кошмаром, царившим в Германии.

Первая попытка арестовать Гитлера была предпринята в 1938 году накануне Мюнхенской конференции группой генералов во главе с Францем Гальдером, начальником Генерального штаба сухопутных войск (вместо ушедшего в отставку Людвига Бека, духовного вождя антинацистской оппозиции), и Эрвином фон Вицлебеном, комендантом берлинского военного округа. Инициатором заговора был Остер, неутомимый организатор антигитлеровского подполья в абвере, но капитуляция Чемберлена в Мюнхене на исторической конференции смешала все карты. Позже, 3 сентября 1939 года, в день начала войны на Западе, генерал-полковник Гаммерштейн-Экворд задумал арестовать Гитлера во время визита последнего к нему в штаб и ликвидировать существовавший режим, но Гитлер тогда так и не приехал.

Первое покушение на Гитлера было намечено на начало ноября 1939 года. Оно готовилось Остером с помощью Гальдера. Однако последний, по словам Остера, проявил малодушие, не поддержал заговор военными силами, которые были необходимы для его проведения. Кроме того, была предпринята еще одна робкая попытка произвести покушение на жизнь Гитлера в одной из пивных Мюнхена. Но служба безопасности случайно напала на след заговорщиков. Были приняты строжайшие меры охраны, и подготовленному Остером убийце не удалось даже приблизиться к Гитлеру.

Еще одна попытка была запланирована на 4 августа 1941 года, но и она провалилась, видимо, потому, что информация просочилась в гестапо.

Фон Вицлебен вернулся к делу в декабре. Все было подготовлено для развязки, когда срочная операция Вицлебена привела к тому, что план рухнул.

Некоторые из этих заговоров против Гитлера очень напоминали рассчитанные на весьма невзыскательные вкусы мыльные оперы. Так, один из заговоров предусматривал убить Гитлера во время демонстрации новой военной формы для армии. Доброволец, демонстрирующий новые модели формы, должен был иметь при себе бомбу.

Небольшая группа офицеров, которой руководил Остер, решила вплотную перейти к подготовке покушения. Руководителем группы был генерал фон Тресков, начальник штаба группы армий «Центр» фельдмаршала фон Клюге на Восточном фронте. Его адъютантом был лейтенант Фабиан фон Шлабрендорф, адвокат по профессии, смертельно ненавидевший Гитлера. Его ненависть к Гитлеру не знала пределов, а его честолюбие переходило все границы, ставя иногда под угрозу весь заговор. В Берлине кроме Остера в подпольную группу входил генерал Штиф, начальник организационного управления Генерального штаба сухопутных сил.

В марте 1943 года фон Тресков получил сообщение о том, что Гитлер прибудет в штаб фон Клюге в Смоленске с инспекционной целью. Фон Тресков тут же решил совершить покушение на фюрера. План действий был таков: самолет Гитлера намечалось сбить и уничтожить сразу после вылета из Смоленска. Затем командир кавалерийского полка Бозелагер должен был совершить «переворот» в штабе фон Клюге и установить контроль над войсками его группы армий. Штифу поручалось захватить в свои руки руководство министерством обороны в Берлине, а Остер и его помощники должны были заниматься политическими вопросами, вступить в переговоры с союзниками и наладить политическую жизнь в стране.

Бомба, с помощью которой намечалось взорвать самолет Гитлера, была спрятана в пакет весьма безобидного вида. Пакет этот передали полковнику Брандту, одному из сопровождавших Гитлера офицеров, причем ему сказали, что в пакете две бутылки коньяку. Самолет с «бутылками» и Гитлером на борту вылетел по графику, но бомба не взорвалась! Фон Шлабрендорф срочно вылетел в Берлин и перехватил злосчастный пакет до того, как стало известно его содержимое.

Несколько обеспокоенные неудачами, заговорщики не оставляли, однако, своих планов. Выписавшегося из госпиталя фон Штауффенберга послали проходить дальнейшую службу при Генеральном штабе. Таким образом, ему представлялась возможность сыграть в заговоре ведущую роль. В группе заговорщиков были социал-демократы, христиане и атеисты. Здесь были люди самых различных профессий и политических

убеждений. Положение, которое эти люди занимали в государстве, казалось, сулило им успех.

Таково было состояние подпольного движения Сопротивления гитлеризму в Германии, когда в январе 1944 года Эйзенхауэр прибыл в Лондон, чтобы вплотную заняться подготовкой десантной операции союзников под кодовым наименованием «Оверлорд». Произвели ли на него впечатление потенциальные возможности, таившиеся в брожении внутри военной верхушки вермахта, учитывалась ли хоть в малейшей степени исторически сложившаяся ситуация, предоставлявшая советникам Эйзенхауэра прекрасные возможности собрать полную информацию по этому поводу, — неизвестно. Насколько мне удалось установить, Эйзенхауэр не приложил никаких сколько-нибудь серьезных усилий для получения сведений по вопросу брожения в самой сердцевине германского Верховного командования. Он, казалось, вообще не обращал внимания на то, как изменились настроения личного состава вермахта, некогда боготворившего своего фюрера, и целиком сосредоточился на чисто военных аспектах войны, которую собирался выиграть сугубо военными средствами.

Эйзенхауэр не поддавался попыткам втянуть его в политическую сферу войны. Возможность переворота в Германии как средства внезапного прекращения войны не раз затрагивалась на различных совещаниях в его присутствии, но всегда речь шла исключительно о возможности переворота и ни разу никто не привел ни конкретных планов, ни дат в подтверждение осуществимости этого замысла. Так, 27 января 1944 года посол Джон Вайнант сообщил «Айку» о существовании такой возможности, но Беделл Смит наотрез отказался принимать в расчет эти соображения. Государственный секретарь Эдуард Стеттиниус 14 апреля того же года вскользь упомянул о том, что «если бы поработать над созданием в германском Генштабе соответствующих настроений, там мог бы появиться немецкий Бадольо», имея при этом в виду кого-нибудь из немецких генералов, кто подобно итальянскому маршалу Бадольо был бы готов преподнести союзникам судьбу своей страны на серебряном подносе. Эйзенхауэр же не только выразил сомнение в существовании такой реальной возможности, но вообще был против каких-либо переговоров с немецкими генералами.

Если взять самый высокий уровень, то президент Рузвельт гнушался политической войны. Своей философией ведения войны и ее прекращения исключительно безоговорочной капитуляцией он скорее затягивал ее.

Президент Рузвельт поддерживал пренебрежение Эйзенхауэра

к политическим аспектам и методам ведения войны. Он не верил в возможность государственного переворота в Германии. Большое влияние в этом отношении оказывал на него генерал Джордж Маршалл, типичный представитель касты военных, для которых характерно узкомилитаристское мышление. Для генерала Маршалла война была лишь единоборством армий, и в своей приверженности лучшим американским традициям он недолюбливал генералов-политиканов. Он не допускал возможности иметь дело с заговорщиками, даже если речь шла о достижении победы в войне без дальнейшего кровопролития. В глубине души президент Рузвельт давно пришел к выводу, что ни в коем случае нельзя иметь дел с германским юнкерством, которое, по его убеждению, составляло ядро прусского милитаризма. Он даже не хотел, чтобы безоговорочная капитуляция Германии была достигнута благодаря заговору в этой стране, и считал, что будет лучше, если Германия сложит оружие в результате убедительной победы союзных войск.

Бесспорным фактом является то, что нежелание Рузвельта использовать все средства для достижения победы над врагом, включая и политические, инициированное им игнорирование немецких оппозиционеров, лишение их действенной помощи и моральной поддержки извне в интересах победы союзников над нацизмом, в значительной степени затянуло войну.

Возглавляемое Черчиллем правительство его величества полностью следовало в этом вопросе принципам Рузвельта, хотя при этом исходило исключительно из своих собственных интересов. Горькое напоминание об том, что произошло в Вейл о, в Уайтхолле запомнили навеки. Английское правительство не хотело даже слушать сладких песенок германских «патриотов», так как не было никаких гарантий, что эти «патриоты» не превратятся в подсадных уток или же улыбчивых двойных агентов. Антигитлеровская оппозиция Германии предпринимала энергичные меры для установления тайных связей с союзниками. Еще в октябре 1939 года, несколько недель спустя после начала военных действий, представитель оппозиции и видный католик Йозеф Мюллер предложил установить с английским правительством постоянную связь и поддерживать ее через Ватикан. Из Ватикана Мюллер связался с Лондоном, что было далеко не безопасно и могло стоить жизни Мюллеру. Агент абвера предупредил Берлин о предпринимаемых Мюллером шагах, но, к счастью, сообщение агента попало прямо к Остеру, которому удалось скрыть его.

В феврале 1942 года германский дипломат Ульрих фон Хассель, продолжая линию заговорщиков, провел в Арозе

(Швейцария) переговоры с английским послом Брианом. Однако англичанин вынужден был заявить фон Хасселю, что ему не удалось заинтересовать этим делом английское министерство иностранных дел.

В феврале 1942 года германский дипломат Ульрих фон Хассель, продолжая линию заговорщиков, провел в Арозе переговоры с английским эмиссаром Дж. Лонсдейлом Брайансом. Однако англичанин вынужден был заявить фон Хасселю, что ему не удалось заинтересовать этим делом Форин-офис.

В ноябре 1941 года антигитлеровская оппозиция воспользовалась помощью корреспондента агентства Ассошиэйтед Пресс в Берлине Луиса Лохнера для установления тайного контакта с Лондоном через Соединенные Штаты.

В апреле 1942 года подобная же попытка была предпринята с помощью шведского финансиста Валленберга, а в мае германская евангелическая церковь попыталась связаться с английским правительством через английского епископа Чичестера, но министр иностранных дел Иден категорически заявил епископу, что английское правительство не заинтересовано в этом.

Ближе к концу 1942 года у антигитлеровской оппозиции неожиданно появилась возможность установления связи с союзниками. В ноябре этого года в Швейцарию прибыл Аллен Даллес и открыл дело в Берне на Херренштрассе.

Номинально Даллес был помощником по особым поручениям американского посла Гаррисона. Фактически же он являлся руководителем швейцарской резидентуры Управления стратегических служб.

Аллен Даллес родился в Уотертауне в 1893 году. Он был младшим сыном пресвитерианского священника, женатого на дочери генерала Уотсона Фостера, военного, адвоката, издателя, дипломата, посла в России в 1880–1882 годах, государственного секретаря в 1892–1893 годах.

Закончив Принстонский университет (где изучал историю и философию и был членом студенческого братства «Фи Бета Каппа»), Даллес отправился в Аллахабад в Индии преподавать английский язык в миссионерской школе. В 1916 году он вступил на дипломатическое поприще, служил в Вене и Берне. После Первой мировой войны Даллес днем возглавлял ближневосточный отдел Госдепартамента, а по ночам изучал право. Получив ученую степень по юриспруденции, он со скандалом ушел с дипломатической службы, пожаловавшись на низкие зарплаты американских дипломатов.

Он занялся адвокатской деятельностью в юридической фирме, возглавляемой его старшим братом Джоном Фостером

Даллесом, и при этом создал себе обширную клиентуру из числа американцев немецкого происхождения. Вот почему, когда потребовался опытный человек, способный возглавить бернское отделение Управления стратегических служб в Швейцарии, Донован выбрал именно Даллеса.

По прибытии в Берн Даллес решил некоторое время терпеливо выждать. Поскольку все границы Швейцарии были закрыты, он вынужден был все донесения и доклады передавать в Вашингтон по телеграфу. Даллес действовал довольно ловко и остроумно, используя представившуюся возможность рекламировать себя перед германским Верховным командованием. Для передачи некоторых своих телеграмм в Вашингтон он умышленно пользовался таким кодом, который можно было легко расшифровать. Телеграммы эти прочли в Берлине, и они произвели там благоприятное впечатление своей объективностью, то есть оказали желаемое действие. Замысел Даллеса состоял в том, чтобы привлечь к себе внимание тех немцев, которые искали агента союзников, готового выслушать их и способного организовать свою собственную агентурную сеть.

Так Даллес создал мышеловку, к которой быстро протоптало дорожку большое число гитлеровских «мышей». Поскольку большинство немецких граждан в Швейцарии находилось на службе у различных разведывательных организаций, и особенно на службе у абвера, и поскольку именно немецкая разведка имела наиболее свободный доступ к перехваченным телеграммам Даллеса, самыми первыми посетителями, так сказать, «ранними пташками» из той, «другой Германии», были некоторые из офицеров абвера. Среди них следует особо отметить Ганса Гизевиуса. Гизевиус был весьма противоречивой фигурой среди членов антигитлеровской оппозиции. Являясь вице-консулом при германском посольстве в Берне, он выполнял отдельные разведывательные задания. От него Даллес узнал о назревавшем заговоре против Гитлера.

В начале февраля 1944 года заговорщики решили выступить до высадки союзников в Нормандии, чтобы поставить их перед реальным фактом возникновения новой Германии, избавившейся от Гитлера и готовой заключить мир. Были произведены тщательные приготовления. Фельдмаршал Бек должен был стать главой государства, а Герделер, бывший бургомистр Лейпцига, — канцлером. Фон Хассель получал пост министра иностранных дел, фон Вицлебен становился главнокомандующим вермахтом. Фон Тресков должен был стать во главе полиции.

Одно из покушений на Гитлера было намечено на 11 февраля 1944 года, но оно не состоялось, так как Гиммлер, которого также

предполагалось убить в этот день, не явился на встречу с Гитлером. 9 марта было подготовлено новое покушение на Гитлера во время одного из очередных оперативных совещаний. Однако осуществить и это покушение не удалось из-за того, что провести убийцу на совещание оказалось невозможным. 15 мая 1944 года к антигитлеровской оппозиции примкнули фельдмаршал Эрвин Роммель и генерал фон Штюльпнагель, комендант оккупированного Парижа.

Даллеса информировали о каждом шаге оппозиции в Германии. Предполагают, что он сообщал обо всем Эйзенхауэру и Донована. Однако нет никаких данных о том, что был информирован Рузвельт. Так или иначе, президент отказался санкционировать активное американское участие в заговоре.

Даллеса бросало то в жар, то в холод. Приподнятое настроение сменялось полным расстройством. Жгучему желанию вмешаться в государственный переворот в Германии противостоял приказ из Вашингтона оставаться в стороне. Даллес тем не менее держал свои пальцы на лихорадочном пульсе антигитлеровской оппозиции, имея возможность доставить заговорщикам помощь, в которой они так сильно нуждались. Но руки его были связаны. Он не имел права оказывать заговорщикам какую-либо помощь, даже снабжать их запалом для бомбы, не имел права даже на моральную поддержку. Он был подобен человеку, умирающему от жажды всего в нескольких метрах от кристально чистого источника.

Начавшаяся в Нормандии высадка союзных войск произвела на участников заговора против Гитлера ошеломляющее впечатление, и все дальнейшие попытки совершить покушение на фюрера были отложены. Только Роммель не согласился с отсрочкой и начал кампанию по подготовке покушения своими средствами. В ночь на 1 июля заговорщики решили приступить к осуществлению плана покушения на Гитлера немедленно, без проволочек. На бумаге это решение сформулировано так: «после высадки союзников непоправимой катастрофы можно избежать, только прекратив войну и дальнейшее кровопролитие путем немедленного формирования нового правительства, выбранного из ведущих членов сопротивления, созданного таким образом, чтобы быть приемлемым для союзников в качестве партнера по переговорам. Это предполагает смерть Гитлера».

Исполнителем покушения на жизнь Гитлера был назначен фон Штауффенберг. Чтобы он смог попасть в ближайшее окружение Гитлера, его сделали начальником штаба генерала Эриха Фромма, командующего так называемой Резервной армией. Гитлера решили убить с помощью бомбы с химико-механическим

детонатором английского производства, содержащей около килограмма взрывчатки. Взрыватель должен был сработать через тридцать минут после снятия предохранителя. Предполагалось, что Штауффенберг пронесет эту бомбу в конференц-зал Гитлера в кожаном портфеле. Заряд был небольшим, и весь расчет строился на том, что в бункере, где намечалось совершить покушение, ударная волна усилит эффект взрыва.

20 июля в 10 часов 15 минут утра Штауффенберг прилетел в Растенбург в сопровождении своего адъютанта, старшего лейтенанта фон Хефтена, и Штифа, и сразу же отправился в офицерскую столовую в гитлеровском бетонированном убежище «Вольфшанце». Там он стал ждать вызова к генералу Буле (между ними должна была состояться деловая беседа). После беседы вместе с Буле он отправился к фельдмаршалу Кейтелю. Все это время он не выпускал из рук своего портфеля. В 12 часов 20 минут должна была состояться встреча с Гитлером, к которой он полностью подготовился. Но каково же было отчаяние Штауффенберга, когда он узнал, что совещание состоится не в бункере, как обычно, где Гитлер всегда заслушивал доклады об обстановке, а в «чайном домике» — дощатом сооружении барачного типа. Это произвело на Штауффенберга удручающее впечатление, но тем не менее он все же решил осуществить задуманное. Войдя в «чайный домик», он сделал вид, что заблудился в коридорах, и забрел в какую-то боковую комнату. Штауффенбергу необходимо было уединиться, чтобы пустить в действие запальное приспособление бомбы, находившейся в портфеле.

Когда Штауффенберг вошел в конференц-зал — около 11 м в длину и 4,5 м в ширину, с огромным столом посередине, — Гитлер сидел в центре недалеко от входа спиной к нему. Слева от фюрера сидел Кейтель. Он представил фон Штауффенберга Гитлеру как представителя Фромма. Для Штауффенберга места за столом не оказалось, и потому он прошел в дальний правый угол, где сидел Брандт, поставил свой портфель под стол и вышел из зала под предлогом, что ему надо срочно позвонить в Берлин и взять стул.

Вместе с фон Хефтеном он сел в ожидавшую их машину и уже миновал внешнее кольцо охраны района, когда послышался взрыв. Штауффенберг посмотрел на часы. Было 12 часов 50 минут. «Гитлера уже нет в живых», — решил он и по прибытии в Берлин направился в министерство обороны на Бендлерштрассе. Здесь Штауффенберг узнал, что покушение не удалось и Гитлер жив.

Заговор провалился. По всей стране прокатилась волна

кровавых репрессий. Нацисты устроили самую настоящую кровавую баню, которую открыли казнью Штауффенберга. В момент покушения на Гитлера фельдмаршал Бек находился на Бендлерштрассе в министерстве обороны. Впервые после своей отставки в 1938 году примерно в течение часа он был триумфатором. Только ему одному гитлеровцы позволили покончить жизнь самоубийством. Бек сильно нервничал. Он приложил пистолет к виску и выстрелил, но пуля только оцарапала кожу на виске. Затем он выстрелил еще раз и был смертельно ранен. Генерал Фромм приказал своему адъютанту прекратить страдания этого человека. Это был, пожалуй, единственный акт милосердия за весь период разгула репрессий, последовавших за провалом покушения на Гитлера.

Эйзенхауэр не мог не знать, что на 20 июля назначено время открытого столкновения в Германии, поскольку у Даллеса имелись точные сведения о дате предстоящего покушения, и он проинформировал Вашингтон. Управление стратегических служб передало информацию на передовой командный пункт штаба союзных экспедиционных сил, где «Айк» провел несколько последних дней в Англии до перевода своего штаба во Францию.

20 июля был четверг. Эйзенхауэр собирался перелететь через Ла-Манш для встречи с Монтгомери и Брэдли во Франции, а затем вернуться в главное командование союзных сил в Уайдинге. Согласно дневниковым записям Батчера, в те дни генерал-майора заботило медленное развитие наступления «Монти» (Монтгомери) и прохождение любимой собакой карантина. Заговор упомянут в дневнике Батчера 22 июля, и в записи есть загадочное замечание: «Я от этого в восторге, но не «Айк». В остальном описание Батчера полно неточностей, отражающих широко распространенное незнание этого вопроса в штаб-квартире Эйзенхауэра. После обеда 22 июля «Айк» согласился посмотреть пресс-релиз на предмет сплетен о покушении на жизнь Гитлера. Тот в основном состоял из таких банальностей: «Покушение на Гитлера может иметь далеко идущие последствия, но какие именно, представить невозможно». В мемуарах Эйзенхауэр не счел событие достойным упоминания.

В Берне Даллес двигался ощупью в темноте. Гизевиус вернулся в Берлин. Он вернулся домой в ожидании смерти Гитлера, надеясь занять нишу в новом рейхе. Гизевиус, как всего горстка заговорщиков, бойню пережил, но сотни, если не тысячи патриотов были уничтожены. Зверская жестокость мести неописуема. Она не ограничивалась дикой изощренностью казней, призванной сделать смертную агонию жертв как болезненной и продолжительной, так и бесчеловечной. Пыткам

подверглись ближайшие родственники. Семьи известили о смерти близких краткими письмами, в которых, как в случае одного из лидеров восстания генерала фон Тюнгена, говорилось: «Народным трибуналом

Великогерманского рейха по обвинению в измене и мятеже бывший генерал-лейтенант барон Карл фон Тюнген приговорен к смертной казни. Приговор приведен в исполнение 24 октября 1944 года. Публикация объявления о смерти запрещена».

К таким письмам прилагался счет. В нем в марках и пфеннигах указывались расходы, которые должна была заплатить семья за последние дни близкого человека — 300 марки за вынесение смертного приговора, 1,84 марки почтовых сборов, 81,60 марки в качестве гонорара адвокату, 44 марки за содержание в тюрьме, 158,18 марки за казнь и 12 пфеннигов за печать на конверте, в котором этот мрачный счет прислали родным.

Особенно трагичное последствие 20 июля состояло в том, что были уничтожены многие лучшие люди Германии, страну лишили тех, кто мог бы внести большой вклад в ее восстановление в послевоенном мире. С точки зрения союзников, была упущена огромная благоприятная возможность завершить войну в Европе через 44 дня после вторжения — за 9 месяцев и 18 дней до «Дня Победы в Европе» в мае 1945 года. То, что это более чем возможно и широкомасштабные военные действия можно прекратить, умело используя заговор в стане противника, тот же Даллес доказал всего несколько месяцев спустя, когда получил полномочия на проведение разведывательной операции исторического масштаба, а не только на сбор информации.

В Берне Даллес занимался не только сбором информации, но и созданием разветвленной сети шпионов и осведомителей. В этом деле Даллесу особенно везло. Ему удалось завербовать ряд агентов из числа руководителей дипломатической и разведывательной служб Германии. Практически без исключения это были благородные высокопоставленные бескорыстные немецкие патриоты, работавшие без вознаграждения. Мотивом этих людей была их ненависть к нацизму, но нацисты называли это изменой и мятежом. Если это было предательством, выгоду из него извлекли не только Соединенные Штаты. Как мы видели, англичане этот источник широко использовать отказались, но Советский Союз получил из него максимум. Люси (Рудольф Рёсслер) тоже работал в Швейцарии.

О масштабах усилий, направленных против Третьего рейха, можно судить по «калибру» агентов, характеру информации и количеству переданных документов. Даллес как-то признался, что

он получил около 2600 фотокопий оригинальных документов непосредственно из Германии. Количество документов, полученных Рёсслером, также равнялось тысячам.

Среди агентов американской разведки в Германии были, например, два немца, имевшие в прошлом связь с Соединенными Штатами и морально подготовленные к сотрудничеству с этой страной. Одним из них был некто Отто Кип, кадровый работник министерства иностранных дел, занимавший ответственный пост в этом ведомстве. Его еще хорошо помнили в Нью-Йорке, где он служил генеральным консулом с 1930 по 1933 год. В годы войны, когда Кип стал представителем министерства иностранных дел Германии в германской контрразведке, он являлся источником очень важной информации. Ему удалось остаться живым и невредимым до января 1944 года, когда в его агентурную группу, носившую условное наименование «Солф-кружок», проник агент гестапо. По доносу этого агента Кип был арестован, приговорен к смертной казни и казнен в тюрьме Плетцензе 26 августа 1944 года.

Вторым агентом-немцем был Адам фон Тротт цу Зольц, бывший советник германской миссии в Швейцарии, член группы интеллектуалов-антифашистов, под названием «Кружок Крейзау». Летом 1939 года Тротт цу Зольц установил агентурные связи с руководителями американской разведки в Вашингтоне и поддерживал с ними связь в течение всей войны. Самая ценная информация, полученная Даллесом, поступила от Тротт цу Зольца. Как активный участник подготовки покушения на Гитлера 20 июля, Тротт цу Зольц 15 августа 1944 года был приговорен к смертной казни. Имя его нацисты внесли в «поминальник» (так цинично они называли регистрационные списки своих жертв) под номером К-2063, был казнен 26 августа 1944 года.

Другими немецкими дипломатами, с которыми Даллес поддерживал агентурную связь и от которых получал информацию, были Ганс Бернд фон Хефтен, Рихард Кюнцер и Вернер фон Шуленбург, бывший посол Германии в Москве во время заключения договора Сталина с Гитлером в августе 1939 года[81].

Даллес никогда не раскрывал своих истинных источников информации и ограничивался только сообщением, что большая часть информации попадала к нему с помощью таинственного посредника-связника по кличке Джордж Вуд. Вполне возможно, что Вуд — собирательное имя, под которым имелся в виду целый ряд осведомителей и посредников — связников.

Даллесу удалось установить агентурные отношения с одним из служащих центрального архива министерства иностранных дел

Германии в Берлине, через руки которого проходили практически все документы министерства иностранных дел, направлявшиеся в подшивку на хранение. Этот агент систематически фотографировал дипломатические документы и другие материалы. Обычно документы выносились после работы и доставлялись в больницу Шарите. Агента проводили в операционную под видом пациента, там, пока якобы шла операция, производилось фотографирование. Утром до начала работы оригиналы возвращались в папки, а копии на 35-миллиметровой пленке «Лейка» контрабандой доставлялись Даллесу.

Значение полученной им информации было бесценно. В то время немецкие дипломаты в нейтральных странах порой были секретными агентами, и МИД получал от них информацию, причем не только о дипломатических вопросах. Однажды немецкое посольство в Дублине передало в Берлин сводку о конвое союзников, сбор которого в Нью-Йорке заметил агент. Копия этой радиограммы попала в руки Даллеса. Информация о том, что конвой обнаружен, была отправлена в Вашингтон, и конвой успешно изменил курс.

В один из периодов войны некий сомнительный албанец, служивший камердинером у британского посла в Турции, нашел выгодный приработок, когда ему удалось открыть маленький сейф в спальне работодателя, где его превосходительство хранил самые секретные документы. Он передавал добычу нацистскому агенту в Анкаре в обмен на огромную сумму, выплачивавшуюся в английских фунтах. Банкноты оказались поддельными, изготовленными умелыми руками заключенных концентрационного лагеря. Немцы получили фантастические разведывательные данные, в том числе предполагаемый протокол Тегеранской конференции, на которой присутствовали Рузвельт, Черчилль и Сталин. Утечка обнаружилась, когда Даллес узнал об этом от своих агентов в министерстве иностранных дел в Берлине. Британцы, похоже, не очень обрадовались, когда Даллес попрекнул их за неосмотрительность одного из высокопоставленных дипломатов, скупая благодарность заставила предположить, что утечка, возможно, была преднамеренной, и Даллес закрыл дыру, которую его коллеги из британской разведки хотели держать открытой.

На Херренштрассе часто разыгрывались мелодрамы, отчасти потому, что характер самой миссии Даллеса был весьма своеобразным, а отчасти потому, что Даллес в глубине души любил все драматическое. Даллес был скорее одаренным разведчиком-любителем, самоучкой в шпионаже, чем опытным

специалистом, мастером шпионских дел. Его резиденция находилась в сером доме XV века с кованой дверью, ведущей в средневековый внутренний двор на реке Аре. Скромная визитная карточка на двери квартиры, занимаемой Даллесом, сообщала, что в квартире проживает Аллен В. Даллес — специальный помощник посла Соединенных Штатов.

Даллес любил работать по ночам, когда можно было немного отдохнуть от напряжения дня и когда посещавшие его доверенные лица и агенты могли беспрепятственно входить в дом и выходить из него под покровом ночи. Ежедневно в полночь Даллес связывался с Вашингтоном по трансатлантической телефонной линии и вел довольно продолжительные разговоры, используя при этом несовершенный импровизированный устный код. Пользование несовершенным кодом в телефонных разговорах привело к гибели одного весьма ценного агента союзников. Бывший министр иностранных дел фашистской Италии граф Чиано решил установить нелегальную связь с союзниками. Даллес сообщил об этом в Вашингтон шифрованной телеграммой. Но шифр Даллеса был раскрыт. Его телеграмму расшифровали и передали Муссолини. Граф Чиано был казнен.

Непосредственное участие Даллес принимал преимущественно в решении срочных и сложных, «деликатных» дел. Всей же остальной оперативной работой фактически руководили его помощники, среди которых наиболее значительной фигурой был, пожалуй, молодой американец немецкого происхождения, Геро фон С. Геверниц, сын доктора Герхарта фон Шульце-Геверница, известного либерального политика Веймарской республики. Молодой Геверниц эмигрировал в Соединенные Штаты, когда нацисты в Германии пришли к власти. В Нью-Йорке он получил работу на Уолл-стрит. Геверниц поддерживал активную связь с Германией, где у него было много друзей, включая некоторых влиятельных служащих министерства иностранных дел. В числе других сотрудников группы Даллеса было много беженцев, которые ушли от нацистских преследований и временно жили в Швейцарии. Поскольку эти беженцы не могли надлежащим образом скрыть то обстоятельство, что они работали на Даллеса, и поскольку у них не было никаких легальных средств существования, швейцарская полиция непрерывно угрожала им выселением из страны. Проблему решили весьма своеобразно: для этих беженцев организовали «приют» в одном из предместий Берна. Беженцы были объявлены психически ненормальными и, таким образом, выведены из-под опеки швейцарской полиции. Они могли свободно передвигаться по стране, уходить из своего «приюта» и

приходить в него, когда им заблагорассудится.

Помимо неоценимой повседневной деятельности, эта группа немецких беженцев, работавших на Даллеса, совершила самый настоящий подвиг. Все началось в январе 1945 года, когда две американские армии теснили немцев в Арденнском выступе и союзники вклинились в линию Зигфрида. В Италии, однако, германская армия сдерживала продвижение союзников.

Немецкими войсками в Италии командовал фельдмаршал Кессельринг, один из ближайших соратников и друзей Геринга. Политическое руководство осуществлял Рудольф Ран, личный посланник Гитлера при Муссолини. Какую-то промежуточную позицию между этими влиятельнейшими лицами занимал Карл Вольф, начальник действовавших в Италии войск СС. В прошлом адъютант Гиммлера, он был послан в Италию наблюдать за Кессельрингом и Раном. Вольф жил на широкую ногу, поселившись с целой свитой в мраморном дворце на берегу озера Гарда, неподалеку от местечка Фазано.

В кругу этих людей неожиданно появился до сих пор совершенно неизвестный человек. Это был молодой лейтенант, эсэсовец Гуидо Циммер. Ему суждено было сыграть решающую роль в событиях, которые повлекли за собой капитуляцию немецких войск в Италии. Циммер давно считал войну проигранной и надеялся, что развязка наступит весной, когда союзники наверняка перейдут в наступление. Во время визита австрийского гаулейтера к Вольфу Циммер подслушал разговор, в котором обсуждался план оставления Италии, вывода немецких войск без боев и потерь под прикрытие непроходимого оборонительного рубежа — Альпийских гор, где нацисты планировали вести длительную оборону.

Циммер подслушал и некоторые другие секреты. Из отрывочных замечаний полковника Дольманна (начальника штаба Вольфа) Циммер сделал вывод, что Дольманн также жаждет окончания войны.

У Циммера созрел блестящий план. Он знал, как связаться с союзниками. Среди его знакомых был титулованный итальянец, который вел двойную игру и «заглядывал по обе стороны забора», — барон Луиджи Паралли, бывший представитель американских автомобильных компаний в Европе. Паралли был, с одной стороны, фашистом, другом Вольфа, а с другой — поддерживал связь с некоторыми либеральными кругами в Швейцарии.

Циммер рассказал Паралли о настроениях Дольманна, о том, что среди высших чинов СС царит недовольство войной, и добавил при этом, что, видимо, и сам Вольф заражен такими же

настроениями. Паралли обещал передать эти сведения союзникам, но передал лишь учителю Максу Хусману, известному в Швейцарии как человек с прекрасными связями. Хусман сообщил новость другу, доктору Максу Вейбелю, оказавшемуся майором из разведывательного отдела швейцарского Генерального штаба. Так смутное представление о зарождающемся заговоре в конечном счете достигло союзников.

Сообщение это не было для Даллеса неожиданностью. Его агенты сообщили ему о различных признаках недовольства среди немцев в Италии. По словам одного из таких агентов, немецкий штабной офицер, приехавший на день в Цюрих, открыто говорил о пораженческих настроениях в своем штабе. Согласно информации другого, немецкий консул в Лугано искал представителя союзников, с которым он мог обсудить заключение мира.

Даллес решил доложить обо всем этом в Вашингтон и запросить разрешение вступить в переговоры. Вайбель был делегирован на них как представитель Швейцарии. В то же время Парралли сообщил о замысле молодого Циммера непосредственно Вольфу и Дольманну и, как ожидал Циммер, получил согласие на переговоры. Вольф делегировал Дольманна своим представителем на первой встрече с американцами, состоявшейся в ресторане «Бианчи» в Лугано.

Такие переговоры, несмотря на необходимость быстро принимать решения, как правило, требуют массы времени.

Только 8 марта Вольф активно подключился к подготовке вывода немецких войск из Италии. В этот день он был встречен на швейцарско-итальянской границе и препровожден к Даллесу в Цюрих.

Вольф был полон энтузиазма и привез дары. Среди них были два выдающихся итальянских партизанских вожака, которых он вызволил из гестаповских застенков в Вероне и Милане в качестве доказательства своих честных намерений. Один из них, профессор Ферруччио Парри, оказался старым другом Даллеса. Ему суждено было стать первым премьер-министром Италии после освобождения.

Даллес молча выслушал разговорчивого нациста, обещавшего отдать союзникам Северную Италию. Он одобрил намерения и планы, изложенные Вольфом, но ему было ясно, что у группы немецких офицеров во главе с Вольфом недостаточно сил и мало возможностей для успешного выполнения этого плана. В то же время Даллеса пугала мысль, что даже его собственный замысел был рискованным. Никогда прежде разведке не приходилось проводить таких огромных по масштабу операций. На карту

ставилась судьба сотен тысяч солдат. Пожалуй, не меньшее значение имели и политические последствия операции, которую должна была осуществить агентура Даллеса. Западные союзники, как известно, обязались перед Советским Союзом не заключать сепаратного мира с Германией, а группа германских армий в Северной Италии была слишком велика[82], чтобы не вызвать возражений со стороны русских.

Чтобы уберечь себя от неприятностей, Даллес попросил фельдмаршала Александера, находившегося в штабе союзных войск в Казерте, назначить для участия в переговорах с немцами нескольких высших офицеров. Александер согласился и поручил вести переговоры генерал-майору американской армии Лемнитцеру и генерал-майору английской армии Эйри. Специальный отряд Управления стратегических служб США тайно доставил их в Швейцарию. Они остановились в доме Даллеса на Херренштрассе. Не обошлось, конечно, без некоторых досадных инцидентов и нарушения конспирации, которую должны были соблюдать эти делегаты. Во время длительного ожидания переговоров генерал Эйри раздобыл себе где-то собачонку по кличке Фрицель. Вопреки правилам конспирации Эйри иногда выходил из дома на Херренштрассе в город, чтобы погулять с собачкой.

Возникли и другие затруднения. Вольф вызвался убедить Кессельринга в необходимости вывода немецких войск из Северной Италии. И как раз в то самое время, когда фельдмаршал, казалось, был готов согласиться с этим, его отозвали в Германию, и на его место прибыл генерал фон Фитингоф, решительно отказавшийся сотрудничать в подготовке вывода немецких войск из Италии. Вслед за ним прибыл генерал войск СС Гарстер, который должен был следить за Вольфом, так же как в свое время Вольф следил за Кессельрингом. Гарстер, которому Вольф по своей наивности признался в подготовке заговора, немедленно доложил об этом Гиммлеру, а последний приказал Кальтенбруннеру заняться этим делом и ликвидировать заговор.

Тем временем русские узнали о подготовке американцами переговоров с немецким командованием в Италии и так нажали на своих союзников, что 23 апреля Александер приказал Даллесу прекратить переговоры. Переговоры были прекращены, но лишь на несколько дней, после чего они были возобновлены, так как союзники увидели, что предложение немцев слишком заманчиво, чтобы не воспользоваться им только из-за возражений русских.

Всякие маневры подобного рода подвержены риску случайной неудачи, и одно такое неожиданное вмешательство

едва не сорвало сделку. Возвращаясь со встречи с Даллесом в Швейцарии, Вольф с охраной попал в засаду, устроенную итальянскими партизанами у местечка под названием Черноббио. Вольф позвонил Вейбелю в Берне, обратившись за помощью. Вейбель предупредил Геро Геверница, бросившегося в Кьяссо, где встретился с Дональдом (Скотти) Джонсом, офицером по связи с итальянскими партизанами из УСС. Геверниц поручил Джонсу спасти Вольфа, и американский секретный агент отправился на помощь немецкому генералу, которому угрожали бойцы итальянского Сопротивления. Джонс добрался до виллы, где прятали Вольфа, вызволил его и переправил в безопасное место, и удалось ему это только потому, что партизаны прекрасно знали и доверяли «амико Скотти».

Наконец 27 апреля, то есть через три месяца после первой попытки Циммера связаться с союзниками, два уполномоченных Фитингофом и Вольфом представителя германского Верховного командования в Италии вылетели к Александеру в Казерту и подписали документ о прекращении военных действий. Этот документ был доставлен в Больцано, где Фитингоф и Вольф должны были его ратифицировать, но в это время к ним прибыл нежданный гость — гаулейтер Франц Гофер из Австрии, человек, которому была поручена организация мифического редута в Австрийских Альпах. Гофер немедленно донес об обстановке Гиммлеру и Кессельрингу.

В то время как Даллес в Берне и Александер в Казерте ждали сообщения о том, что война в Италии окончена, в германском Верховном командовании с новой силой разгорелась борьба. Кессельринг срочно вернулся в Италию, принял на себя командование и приказал арестовать Фитингофа и Вольфа. Однако приказы Кессельринга не были выполнены. Вольф отказался подчиниться. В 10 часов вечера 1 мая германским войскам в Италии был отдан приказ прекратить огонь. В 11 часов вечера германское радио сообщило, что Гитлер мертв, но Кессельринг все еще отказывался дать санкцию на капитуляцию войск в Италии. Наконец в 4 часа 30 минут утра он уступил и согласился на капитуляцию.

Через семь с половиной часов война в Италии была прекращена, мир был куплен бесконечно малой ценой не кровью, а потом большого мужчины в мятом твидовом костюме. Даллес своими действиями доказал, что секретная служба, играющая в войне такую большую роль, способна создавать из хаоса и смятения мир, умело используя заговоры в лагере противника. Таков был главный урок из операции, проведенной Даллесом, урок, которым мы пренебрегли 20 июля 1944 года в Германии и

который мы, к прискорбию, недоучли летом 1945 года в Японии.

Глава 22
Капитуляция Японии

Утром 8 мая 1945 года президент Гарри Трумэн пригласил журналистов в свой кабинет в Белом доме для официального объявления о капитуляции Германии. Зачитав своим монотонным голосом с южным акцентом радостную новость, он сам раздал журналистам размноженное на ротаторе «воззвание к Японии», с призывом к ее немедленному освобождению.

В воззвании говорилось:

«Нацистская Германия разгромлена.

Японский народ ощутил мощь наших наземных, воздушных и морских атак. И пока руководство и вооруженные силы страны продолжают войну, поражающая мощь и интенсивность наших ударов будет постоянно нарастать и приведет к полному разрушению промышленного производства Японии, ее судоходства и всего, что поддерживает ее военные усилия.

Чем дольше продлится война, тем больше бессмысленных страданий и трудностей предстоит претерпеть японскому народу. Наши удары не прекратятся до тех пор, пока японские сухопутные и военно-морские силы не сложат оружие в безоговорочной капитуляции.

Что означает безоговорочная капитуляция вооруженных сил для японского народа?

Она означает конец войны!

Она означает конец господства военных, приведших Японию на грань сегодняшней катастрофы.

Она означает возможность солдатам и матросам вернуться к своим семьям, к своим полям, к своей работе.

Она означает прекращение сегодняшней агонии и страданий японского народа в тщетной надежде на победу.

Безоговорочная капитуляция не означает уничтожения или порабощения японского народа».

Сидя перед радиоприемником в своем кабинете в строго охраняемом здании с ограниченным доступом, я слушал чтение этого воззвания с комом в горле, ведь текст, только что прочитанный президентом, был написан мною. И это был первый залп в последней крупной разведывательной операции Второй мировой войны, результат трехлетних шагов на ощупь к цели.

В Управлении военно-морской разведки в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, я работал в составе небольшой группы, перед которой поставили большую задачу — принудить

Японию к капитуляции невоенными средствами, или, как формулировал наш главный приказ, оперативная директива 1-45: «Сделать излишней высадку десанта с боем на Японских островах, путем ослабления воли Верховного командования добиться прекращения боевых действий и подписания безоговорочной капитуляции с минимально возможными потерями с нашей стороны для досрочного окончания войны».

Начинание было сумасбродное. На необъятных просторах Тихого океана за победу сражались сотни тысяч мужчин. А здесь, в Вашингтоне, ту же задачу пытались решить всего десять человек. Это был Op-16-W, специальный военный отдел Управления военно-морской разведки, оперативно-разведывательное спецподразделение, занимавшееся преимущественно психологической войной и рядом других спецопераций, раскрывать которые я по-прежнему не имею права.

Отдел Op-16-W сформировали в 1942 году, всего несколько месяцев спустя после Пёрл-Харбора, приблудное дитя одного из самых необычных офицеров ВМС США, лейтенант-коммандера Сесила Генри Коггинса, военно-морского хирурга, на службе в военно-медицинском управлении специализировавшегося на акушерстве. Однако большую часть времени он уходил на спецзадания, занимаясь разного рода разведывательными операциями. Доктор Коггинс, худощавый, стриженный по уставу, узкоглазый, лишенный чувства юмора человек безграничной энергии и энтузиазма и, как и Аллен Даллес, маэстро шпионажа.

В начале 1942 года доктор Коггинс случайно прочел мою книгу «Немецкая психологическая война», решил стать первопроходцем психологической войны на флоте. Ему виделось применение такого рода атак на вражеские военно-морские силы, которые вместо принуждения оружием использовали убеждение и, как он любил выражаться, парализовали пальцы, нажимающие на спусковой крючок.

Впервые я встретил Коггинса в августе 1942 года, когда он без предупреждения зашел ко мне в Нью-Йорке в Комитет по национальной морали, где я работал руководителем исследовательской группы. Он представился, присел к моему столу и с энтузиазмом нарисовал передо мной тщательно продуманный план, к реализации которого он уже приступил, по организации в военно-морской разведке отдела психологической войны. Он пригласил меня его возглавить и стать генератором идей и руководителем исследований. Я сказал ему, что не надеюсь быть принятым в Управление военно-морской разведки, поскольку я все еще гражданин Венгрии и прожил в США менее 5 лет. Более того, маленькая Венгрия сочла возможным объявить

Соединенным Штатам войну, и у меня был статус подданного неприятельского государства.

— Не важно, — сказал Коггинс. — Это я улажу.

И он дал мне указания, настолько же странные, насколько странен был и сам этот человек. Стоял август, жаркий летний день, но Коггинс сказал мне: «Приезжайте в Вашингтон 4 декабря. Прямо с вокзала Юнион поезжайте в отель «Фэрфакс». Не регистрируйтесь, а идите прямо в номер 307 и входите без стука. Дверь будет открыта. Будьте там точно в 5 вечера. Я сейчас отправляюсь на Тихий океан, но встречу вас в Вашингтоне».

Больше трех месяцев спустя, точно в указанное время я стоял на третьем этаже отеля перед номером 307, когда дверь открылась. За ней был Коггинс, а войдя в номер, я увидел еще трех человек. Это были капитан Захариас, немолодой коммандер Джозеф Рихельдафер и молодой лейтенант Бут. Через три часа меня приняли на работу «секретным агентом», поскольку мой статус подданного неприятельского государства исключал занятие любой другой административной должности в Управлении военно-морской разведки.

В столь же мелодраматической манере Коггинс решил вопрос с моим призывным статусом. В то время я был признан годным к прохождению военной службы без ограничений, однако Коггинс позвонил в мою призывную комиссию в Нью-Йорк, представился терапевтом и сказал им, что у меня был нервный срыв и меня следует направить в «психиатрическую лечебницу». Меня тут же признали полностью негодным вплоть до моего 38-летия в сентябре 1944 года, когда я перестал быть военнообязанным, и Коггинс смог выписать меня из психушки.

Мой кабинет располагался в охраняемой зоне приспособленного каркасного здания под названием «Времянка-Л», архитектурного пережитка Первой мировой войны, у мемориала Линкольна. Наш отдел занимал три комнаты и примыкал к руководимому Рихельдафером отделу «Z», секретному подразделению Бюро связи ВМС.

У наших соседей в *«Z»* была одна из самых увлекательных работ в Вашингтоне военного времени: допросы военнопленных, использование в наших интересах захваченных документов, перехват не прошедших цензуру сообщений и выполнение нетривиальных заданий интеллектуального шпионажа. В течение следующих четырех лет им предстояло поставлять боеприпасы для операций нашего отдела.

Моим первым заданием была разработка плана прямой психологической атаки на военнослужащих грозного подводного флота Дёница. Вдоль Атлантического побережья рыскали до 180

вражеских подводных лодок.

Никогда прежде пропагандист из штата американской разведывательной организации не получал доступ к секретной информации и мог говорить с противником напрямую. Я предложил начать работу с серии передач для подводников на основе этих разведданных. Идею сразу одобрил начальник военно-морских операций Эрнест Дж. Кинг.

Я придумал персонажа, который будет выступать в качестве официального представителя американских ВМС перед офицерами и матросами кригсмарине, германских ВМС. Эта личность родилась из-под клавиш моей пишущей машинки, я сочинил о ней тридцатистраничный рассказ наподобие легенды для прикрытия шпиона. Я нарек его «Роберт Ли Норд ей», поскольку для американского уха это имя звучало с легким налетом конфедератского шовинизма, но в то же время немцы легко могли его воспринять и без труда выговорить. Я присвоил ему воинское звание — коммандера ВМС США — высокое настолько, чтобы вызывать уважение, но не настолько, чтобы отпугнуть младших офицеров и рядовых моряков. Я представил, хотя бы мысленно, где именно он родился, его родителей, полученное им образование, род занятий, жену и детей, хобби и домашних животных, пока персонаж не ожил.

Жизнь в этот плод моего воображения мы вдохнули благодаря офицеру, работавшему в отделе «Z». Это был Ральф Герхарт Альбрехт, в гражданской жизни выдающийся юрист-международник, лейтенант-командир в резерве ВМС, выполнявший в «Z» деликатные «особые» задания. Альбрехт был высокий, прямой как палка, с аккуратным ежиком седых волос, усиками в британском стиле и командирским металлом в голосе. По-немецки он говорил абсолютно свободно и лишь с небольшим акцентом, как раз для того, чтобы у слушателей не оставалось сомнений, что говорящий — американец, а не предатель-немец.

Чтобы придать ему подлинности и в служебном смысле, мы внесли фамилию «Нордена» в реестр почтового отделения и подали заявку на включение в список офицеров военно-морских сил. Это было мудрой предосторожностью, поскольку на его имя должен был обрушиться шквал писем слушателей, отделенных от него океаном и войной, но находящих возможность писать ему. За войну коммандер Норден провел 600 передач для немецких подводников. Он прославился среди них и пользовался их уважением, за исключением Дёница, который его ненавидел.

В своих передачах Норден всегда оставался на стороне простого подводника, говоря, что Гитлер и Дёниц намеренно посылают его на верную смерть. Однажды, когда мои

исследования показали, что ни один унтер-офицер или матрос никогда не получал заветный Рыцарский крест Железного креста, мы написали для Нордена сценарий, в котором он сетует на этот факт. Он сказал, что опасности подводных рейдов одинаковы для всех, вне зависимости от званий. И закончил вопросом: «Откуда эта дискриминация?»

Пару дней спустя мы обнаружили на телетайпной ленте сообщение с объявлением о награждении Рыцарским крестом Железного креста подводников не из числа офицеров: «Фюрер по представлению гросс-адмирала Дёница был рад наградить Рыцарским крестом» и т. д. В тот же день Норден вышел в эфир, поздравил награжденных нижних чинов, но добавив: «В цитате была только одна ошибка. Фюрер наградил Рыцарским крестом не по представлению гросс-адмирала Дёница, а по представлению военно-морских сил Соединенных Штатов».

Захватив выведенную из строя подводную лодку, мы нашли на борту копию немецкого списка офицеров военно-морских сил и были поражены необыкновенно большим числом адмиралов в кригсмарине. Мы сложили их, и оказалось, что в Германии за месяц подлодок произвели меньше, чем людей в адмиральские звания. Мы рассказали об этом подводникам, которые адмиралов не жаловали.

Мы поняли, что боевой дух подводников высок и всякий прямой призыв к сдаче услышан не будет. Тем не менее мы все же хотели внедрить эту идею в их сознание, поэтому решили поговорить с ними, но не о сдаче, а о том, как лучше всего сдаться. Мы описали, как сдать подводную лодку. У экипажа на борту не было ничего белого, чтобы подать атакующему эсминцу США знак, чтобы тот прекратил огонь, поскольку все шторы и полотенца на лодке были зелеными. Мы предложили, чтобы для такой чрезвычайной ситуации члены экипажа принесли на борт что-то белое. И, естественно, когда экипаж подводной лодки просигналил американскому военному кораблю о том, что покидает корабль, в ход пошла белая ткань. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это рубашка старшего помощника, единственная белая вещь, которую они осмелились пронести на борт в соответствии с предложением Нордена.

В захваченных документах говорилось о Нордене и его «разрушительном влиянии на моральный дух экипажей». В качестве прямого доказательства можно привести пример командира подводной лодки Хайнца Эберхарда Мюллера, чья лодка была потоплена у побережья Виргинии. Тяжелораненого капитана Мюллера доставили в госпиталь в Форт-Мид, Мэриленд, где он первым делом попросил о встрече с коммандером

Норденом. Эта просьба, хотя и лестная, вызвала немалые затруднения, хотя бы потому, что «Норден» был полным коммандером, а его голос — лишь лейтенантом[83]. Для поездки к постели Мюллера Альбрехту дали еще одну лычку. Мюллер принял его со слезами на глазах и поблагодарил его за полные сострадания трансляции, после которых, по его утверждению, многие подводники стали доверять информации Нордена больше, чем немецкому радио.

Самая драматичная трансляция Нордена была посвящена капитану подводной лодки Вернеру Хёнке, фанатичному нацисту и уважаемому, но не любимому экипажем командиру. Когда в Южной Атлантике был потоплен шедший в Южную Африку британский транспорт «Керамик» с членами семей военнослужащих на борту, нам из секретного донесения разведки стало известно, что командиром потопившей судно подводной лодки был Хёнке. Также мы узнали, что, прежде чем скрыться с места катастрофы, Хёнке отказался помочь или вызвать подмогу для спасения гибнувших в воде.

Норден вышел в эфир с суровым предупреждением о том, что после победы союзников Хёнке за свой поступок будет осужден как военный преступник. По странному совпадению всего неделю спустя после этой трансляции американские самолеты потопили подводную лодку Хёнке, а Хёнке выжил. И вновь, по иронии судьбы, адмирал, командовавший проводившим спасательную операцию авианосцем, читал английский перевод передачи Нордена о Хёнке. Он приказал доставить военнопленного в свою каюту.

— Вы знаете, — сказал ему адмирал, — что англичане вас разыскивают. Я иду на Азорские острова, где собираюсь передать вас им.

Командир подводной лодки сломался под этой угрозой. Он признался, что слышал передачу Нордена о себе, и всеми силами постарался заверить адмирала, что Норден ошибался. Адмирал был непреклонен.

— Вас передадут британцам, — сказал он, — если вы не будете сотрудничать с нами.

— Но как? — спросил Хёнке.

— Вы подпишете документ, подтверждающий ваше согласие на сотрудничество с нами.

Хёнке подписал. Его увели и больше не допрашивали, но, как стимул для сотрудничества, показали подписанный им документ его людям. Хёнке так и не смог этого пережить. В лагере он покончил жизнь самоубийством.

Это было грязное дело, и оно прекрасно удалось. По словам

прославленного корреспондента «Нью-Йорк тайме» и руководителя Управления военной информации Уоллеса Кэрролла, передачи Нордена были «нашим единственным эффективнейшим пропагандистским оружием в период войны».

В отделе мы также писали листовки, сочиняли слухи, распростиравшиеся агентами среди подводников, а среди прочего составили для немецких моряков песенник, каждая песня которого описывала простой способ уклонения от несения службы.

Наша самая действенная листовка, особо отмеченная коммандером Коггинсом, была изначально настолько же уморительной, насколько впоследствии оказалась эффективной. У моряка с пытавшегося прорывать блокаду корабля офицеры отдела «Z» нашли своеобразную брошюрку. Это был путеводитель по борделям Бордо, порта приписки корабля, с картой города и обозначением домов терпимости по именам их лучших прелестниц, типа «мезон Фифи» и т. д. В ней же перечислялись больницы и кабинеты врачей, куда моряки могли обратиться за профилактикой или лечением. К брошюре прилагалась пайковая карточка, только с указанием, что каждый моряк имеет право на однодневное посещение дамских учреждений.

Мы выпустили 5 миллионов копий брошюры, как она есть, воссоздав все детали, вплоть до скверной бумаги, на которой она была напечатана, и разбросали их над Германией. Только на последней странице мы добавили одну фразу (красным): «Немецкие женщины! Поблагодарите фюрера за такую превосходную заботу о ваших мужчинах!»

Операция «Норден» имела огромное тактическое значение. С течением времени военный отдел также получил важные стратегические задания, а именно два: критически проанализировать суть и моральные последствия формулы президента Рузвельта о безоговорочной капитуляции и подготовить скоординированную кампанию в адрес Верховного командования Японии, выдвинув аргументы, которые будут использовать японские сторонники капитуляции.

Формулировка о безоговорочной капитуляции, провозглашенная на Касабланкской конференции в январе 1943 года, явилась для нас камнем преткновения. Стало очевидно, что она укрепляет моральный дух противника, не позволяя ему даже помыслить о капитуляции, и ведет к продолжению войны. Эйзенхауэр попросил Объединенный комитет начальников штабов США и Великобритании что-то сделать с формулировкой, и в феврале 1944 года комитет поручил нашему отделу подготовить записку с рекомендациями. «Вопросы, — пишет в

«Секретных миссиях» Захариас, — на которые были призваны ответить эксперты военного отдела, состояли в следующем: во-первых, способствовала ли формулировка о безоговорочной капитуляции усилению или ужесточению сопротивления противника; а во-вторых, как мы можем изменить формулировку, не теряя лица или не нанося ущерб политическому престижу».

Когда формулировку только провозгласили, мы в военном отделе считали ее выдающейся психологической находкой, поскольку, как выразился Захариас, «она демонстрировала и нашу решимость, и уверенность в доведении войны до победного конца в то время, когда военная ситуация оснований для подобного оптимизма и уверенности не давала». Однако к 1944 году мы стали сомневаться в мудрости и эффективности подобной формулировки. Еще до получения приказа Объединенного комитета начальников штабов я провел исследование об историческом происхождении и законности формулировки.

Я установил, что она основана на историческом заблуждении, неверном толковании выражения Гранта, употребленного в ходе гражданской войны. Более того, я обнаружил, что она юридически ничтожна и по нормам военного права фактически незаконна. С учетом положений Гаагской конвенции, четко различающей меру ответственности комбатантов и нонкомбатантов на войне, этот термин применим исключительно к прекращению боевых действий, но не к будущей судьбе целого народа.

Тем не менее мы рекомендовали Объединенному комитету начальников штабов придерживаться формулировки ради сохранения престижа, если та «не подразумевает режим, который будет установлен после войны и который должен обусловливаться прямо выраженными условиями мирного договора, а не диктатом, подразумеваемым безоговорочной капитуляцией». Эта озабоченность отдела формулировкой о безоговорочной капитуляции обрела еще большее значение в связи с нашим японским заданием.

В нашем отделе работала горстка людей, а его бюджет был меньше стоимости пары торпед. У нас имелось итальянское подразделение в составе милого лейтенанта из добровольного женского резерва ВМС, Дороти Сандлер. Германский подотдел состоял из профессора Стефана Т. Поссони из Джорджтаунского университета, и Иомена Эрнста Эриха Нота, сегодня профессора Университета Оклахомы. В японском подотделе работали профессор Джон Пол Рид из Университета Майами, Деннис Маковой, писатель и лингвист, поразительно бегло говоривший

по-японски, профессор Йоси Ёсиока, известный японский психолог, Фрэнсис Ройал Истлейк и Клара Ист-лейк, дети великого американского лексикографа, составителя прославленного японско-американского словаря. Истлейк был выдающимся лингвистом, его сестра — социологом. Нашим военно-морским советником был профессор Бернард Броуди из Дартмутского колледжа, автор книги «Военно-морская мощь в машинную эру», исследователь «мэхэнианской» доктрины[84] и, на мой взгляд, самый выдающийся и яркий американский эксперт в области стратегии и политологии. Я, в роскоши своего одиночества, участвовал в исследованиях и специальных разработках, сотрудничая со всеми подотделами тематически и как литератор, предлагая темы и идеи сценариев для Нордена, выдумывая слухи, сочиняя листовки и поставляя аргументы нашему старшему офицеру для защиты нашего отдела от прицельного огня твердолобых военно-морских консерваторов.

Коггинс остался хирургом у китайских партизан за линией японского фронта в Китае. Его место занял коммандер Уильям Х. Каллинан, новостной радиокомментатор из Бостона, чей дипломатический такт оказался крайне необходим для самого нашего выживания.

Тем не менее важнейший сотрудник отдела стал заметен после отъезда. Это был Захариас. Спустя 9 месяцев после формирования подразделения его перевели из Управления военно-морской разведки и отправили в море командовать линкором «Нью-Мексико». Это было тяжелым ударом для нас, как и для всего Управления военно-морской разведки, поскольку Зак был самым динамичным руководителем в управлении. Пока он работал в управлении, военно-морская разведка буквально горела активностью. Именно в пору пребывания в управлении он участвовал в секретной миссии по похищению адмирала-антифашиста из Италии. Он также тесно сотрудничал с Управлением стратегических служб по нескольким совершенно секретным шпионским проектам, а также с различными отделениями британской секретной службы в операциях, выходящих далеко за пределы узкой компетенции военно-морской разведки. Он сумел отлично организовать работу во всех своих подотделах, но в особенности в японском, возглавляемом полковником морской пехоты Буном и капитаном ВМС Эгбертом Уоттсом.

За день до отъезда «капитан Зак» пригласил меня к себе домой и дал мне прощальное задание.

— Послушайте, — сказал он мне, — я пойду в море и сделаю все, что в моих силах, чтобы внести вклад в военное поражение

японцев, однако я абсолютно уверен, что лучше и быстрее мы могли бы одержать над ними победу невоенными средствами. Я хочу, чтобы вы всесторонне изучили все ситуации поражения японцев в истории и сделали выводы. Затем подумайте об аргументах, которые мы могли бы представить тем высокопоставленным японцам, которые мечтают о мире и нуждаются в них.

Это было в конце лета 1943 года!

Он ушел на два года и покрыл себя славой. За время его отсутствия я часто уходил в Библиотеку конгресса и с помощью Истлейка и профессора Ёсиоки выполнил поручение Зака.

Мои изыскания привели к фантастическому выводу. За всю свою историю японцы вели всего несколько войн с другими государствами, обычно сражаясь между собой, клан против клана. Мы исследовали сотни таких братоубийственных конфликтов и выяснили, что подобные войны крайне редко велись до победного конца. Вопреки популярной легенде капитуляция среди самураев была отнюдь не экзотикой. Харакири после поражения японцы прошлого совершали редко, если вообще совершали[85].

Результатом этого исследования — важной составляющей разведывательной деятельности — явился утвердительный ответ на вопрос: «Можно ли надеяться или ожидать, что японцы капитулируют?» Мы подготовили наши данные в ожидании возвращения «Зака», однако с командной должности в море его перевели на берег, начальником штаба военно-морского округа на Западном побережье США. Именно там в начале 1945 года его, вынашивая исторический план, нашел министр военно-морских сил Джеймс В. Форрестол[86].

Захариас был одержим идеей о том, что ему удастся убедить японское командование капитулировать, даже безоговорочно, при условии предоставления определенных гарантий, таких как заверение в том, что императору, символу «японского духа», будет позволено сохранить трон. Захариас изложил свою идею Форрестолу, и министр решил вернуть его в Вашингтон для ее воплощения в жизнь. Однако даже гражданский руководитель ВМС был бессилен преодолеть отдельные возражения против второго пришествия Зака.

Форрестол решил дать Заку шанс и потому пошел на компромисс. Он назначил Захариаса в Управление военной информации, над которым недруги Зака на флоте не имели власти, а затем Форрестол выделил ему стол в своем собственном офисе и напрямую подчинил себе.

Захариас прибыл в Вашингтон в феврале 1944 года и, как снег на голову, явился в наш отдел. Первую неделю в Вашингтоне

он провел, погрузившись в анализ всех разведывательных донесений, а вторую — составляя отчет с оценкой ситуации лично для министра.

Я встретил его специальным «подарком», заставившим Захариаса едва не подпрыгнуть от радости. Это было всего одно разведывательное донесение, но столь выдающейся значимости, что он посчитал его окончательным подтверждением своей теории. И вот как оно оказалось в нашем распоряжении.

Президент Рузвельт наградил своего друга Джорджа Эрла, бывшего губернатора штата Пенсильвания, захватывающим назначением на должность помощника военно-морского атташе в посольство Софии в Болгарии, отличным постом перехвата информации. У Эрла были все самые лучшие качества для этой работы, однако осмотрительность в их число не входила. Он был неординарен, одарен богатым воображением, смел и умен, но он одновременно ярок и легко вскипал. Эрл показал себя настолько хорошо, что немцы потребовали, чтобы болгарское правительство объявило его персоной нон грата. Рузвельт перевел губернатора в Турцию, где тот подружился с высокопоставленным чиновником министерства иностранных дел в Анкаре и через него получил копии докладов турецких послов в столицах противника.

Из докладов в Анкару из Германии или Венгрии мы мало что узнали, однако отчеты турецкого посла в Токио оказались чрезвычайно полезными. Ему мы дали оперативный псевдоним «Акула». Вечером в канун Рождества в 1944 году я был на работе один, когда вестовой принес пятистраничный отчет. Он был от «Акулы». В нем содержалась информация чрезвычайной важности.

«Акула» подробно описывал будущий политический курс Японии. Он прямо написал, что Коисо вскоре отправят в отставку с поста премьер-министра и на смену ему придет адмирал Судзуки, доверенное лицо императора. Однако еще важнее было то, что он писал о наличии в высших эшелонах власти в Токио «партии мира» и о том, что с недавних пор к ней примкнул сам император. Главная цель «партии мира» заключалась в получении от нас разъяснений формулировки о безоговорочной капитуляции и изучении наиболее благоприятных условий мирного договора. По утверждению «Акулы», сам император все еще не встал окончательно на сторону «партии мира», главным образом потому, что не уверен в сохранении за собой трона. Если союзники смогут его в этом уверить, он связал бы свою судьбу с «партией мира» и сделал все возможное для ее победы.

«Акула» даже описал ход событий, которые приведут к капитуляции Японии. В самый удобный момент Судзуки тоже уйдет в отставку, уступив место принцу, прямо отражающему

волю и власть императора и который и подписал бы капитуляцию Японии, гарантируя «исполнение и соблюдение условий капитуляции». В декабре 1944 года «Акула» даже назвал имя этого принца — Хигасикуни, двоюродный брат императора.

Я был в восторге от этого отчета и агитировал за него в Управлении военно-морской разведки, но сторонников не нашел. Даже эксперты японского отдела сочли его пустой фантазией. В Управлении военно-морской разведки, в Объединенном комитете начальников штабов и во всем Вашингтоне на возможность капитуляции Японии смотрели с изрядной долей скептицизма. Помня о выводах, к которым я пришел, поработав в Библиотеке конгресса, я этот пессимизм не разделял.

Другое мое исследование показало, что от дислоцированной в Маньчжурии пресловутой Квантунской армии осталась лишь внешняя оболочка. Большую часть ее элитных полков уже бросили в бой на фронты в Тихом океане и уничтожили на Сайпане и Палау. Это был еще один отчет, который я усердно продвигал, но не нашел единомышленников.

Когда Захариас вошел в мой кабинет, я показал ему отчеты, и он отнес их Форрестолу, а затем использовал в кампании по вербовке сторонников своего плана в Белом доме и на Капитолийском холме. Вскоре у нас было два чрезвычайно важных покровителя, адмирал Уильям Л. Лехи, начальник личного штаба президента, и сенатор США от штата Юта, Элберт Томас, когда-то служивший миссионером в Японии и оценивший план «Зака» как эксперт.

В то время (мы этого не знали и узнали, когда стало слишком поздно) между нами и учеными, работавшими над созданием атомной бомбы в Лос-Аламосе и Ок-Ридже, шла гонка. Сравнивать эти два проекта в плане масштабов может показаться неправомерным, однако это вполне оправданно, поскольку сегодня нам известно, что план нашего отдела имел отличные шансы на успех. Его успех сделал бы излишним не только вторжение в Японию, но и применение атомной бомбы. Оба проекта имели одну и ту же цель — ускорить капитуляцию Японии без кровопролитной десантной операции. В остальном проекты разительно отличались. Во-первых, наш отдел со дня формирования и до дня победы над Японией обошелся казне в общей сложности в 97 500 долларов, а Манхэттенский проект до момента взрыва первой бомбы — в 2 миллиарда долларов. Во-вторых, целью нашего проекта было спасение жизней, а атомная бомба унесла тысячи.

При наличии разумно многообещающей альтернативы применению бомбы против Японии, а по-моему, она имелась,

применение бомбы до предоставления этой альтернативе всех шансов на успех было бы глупостью.

19 марта Захариас положил перед Форрестолом свой план ведения наступления психологической войны. Цель формулировалась так: «Соединенные Штаты проведут интенсивную психологическую кампанию против японского командования через официального представителя высокого ранга для ускорения и достижения безоговорочной капитуляции Японии без необходимости боевого десантирования на главные острова Японского архипелага».

Форрестол одобрил план с ходу. Одобрил его и адмирал Кинг. Не возникло никаких возражений и у военного министерства. Несколько дней колебались в Объединенном комитете начальников штабов, но затем также его благословили. Осталось получить лишь одно окончательное и решающее одобрение — президента Рузвельта. Однако Рузвельта в городе не было, и беспокоить его было нельзя.

После утомительной и обременительной поездки в Ялту[87] он отдыхал в своей усадьбе в Гайд-Парке (Нью-Йорк).

Внезапно произошло событие, огромное значение которого было понятно только нам. 8 апреля кабинет генерала Коисо подал в отставку, и ему на смену пришло правительство Судзуки, как и предсказывал «Акула» в декабре. Для нас это было знаком того, что император окончательно связал свою судьбу с «партией мира» и что впредь усилия японцев по достижению «почетной капитуляции» будут ускорены.

Со своей стороны мы тоже удвоили усилия, подготовили сценарий первой радиотрансляции для «официального представителя», а также составили заявление от имени президента. Предполагалось, что оно будет первым из серии подобных президентских заявлений, призванных разъяснить японцам, что мы в нашем отделе понимаем под «условиями безоговорочной капитуляции».

Заявление лежало на столе Рузвельта в Белом доме, положенное туда директором Управления военной информации Элмером Дэвисом в один из апрельских дней, проведенных президентом в Вашингтоне по пути из Гайд-Парка в Уорм-Спрингс. Видимо, он читал и обдумывал заявление, сделав несколько бледных карандашных помет, которые мы увидели, когда документ нам вернули, однако уехал из города, не подписав его. Через день он умер.

Мы почувствовали, что для нашего проекта это звучит как похоронный звон, так как думали, что потребуется время, прежде чем Трумэн ознакомится с проектом, прежде чем мы «продадим»

ему идею и получим одобрение и согласие на сотрудничество. Мир был поглощен величественными событиями в Европе, где гитлеровский рейх опадал, как перепеченное суфле.

Затем Захариас откопал посредника, у которого был друг в Белом доме. Посредником был Самуэль Р. Дэвенпорт, другом Мэтью Дж. Коннелли, личный секретарь Трумэна. Дэвенпорт передал заявление Коннелли, который положил его сверху в корзину входящих бумаг на столе президента. За несколько дней заявление пределало путь из верхней в нижнюю часть корзины, поскольку Коннелли каждое утро покорно его перекладывал. И 8 мая в связи с провозглашением Дня Победы в Европе Трумэн внезапно его обнародовал.

В тот же день Захариас вышел в эфир со своей ведущейся по-японски передачей для Токийского высшего командования и зачитал заявление президента. Его слова транслировали мощные коротковолновые передатчики в Сан-Франциско и Гонолулу. На Сайпане его поставили в эфир на средней волне, используемой Радио Токио, дав возможность 5 миллионам японцам, владельцам радиоприемников, его услышать, если у них хватило смелости или интереса. Заявление адресовалось не им, хотя их интерес горячо приветствовался. Оно было прямо и непосредственно нацелено на императора и его круг, на членов «партии мира» и на японское высшее командование, избранную аудиторию, возможно, в 500 слушателей.

В этот момент в наш сюжет вторглась теневая фигура, очевидно даже не подозревавшая о нашем существовании. Это был Дзири Тагучи — один из иностранных дипломатов, направленных министром иностранных дел Того в Германию, чтобы в частном порядке и из первых уст поведать ему о смертельной агонии Третьего рейха. Нашим разведчикам удалось раздобыть копию этого конфиденциального отчета, предназначавшегося Того. В мрачном докладе Тагучи призывал министра иностранных дел предпринять какие-то меры, чтобы Японии удалось избежать судьбы Германии. Личное сообщение этого корреспондента мы передали в прямом эфире как адресату, министру иностранных дел Того, так и любому, кому привелось услышать.

Начали поступать отчеты агентов с сообщениями о реакции Японии на заявление президента и на внезапное появление в прямом эфире «официального представителя правительства США». 20 мая агент проинформировал нас, что заявление и передачи Захариаса обсуждались на заседании кабинета министров. На девятнадцатый день кампании мы почуяли запах настоящей крови. Первый ответ Захариасу дал в эфире

«официальный представитель» японского правительства, доктор Исама Иноуэ.

— Япония, — заявил Иноуэ, — готова обсудить условия заключения мирного договора при определенных изменениях в формулировке безоговорочной капитуляции. Мы хотели бы объединить усилия для создания международного механизма, направленного на утверждение мира во всем мире и на благо человечества.

Иноуэ неоднократно подчеркнул, что он не только ответил на призыв Захариаса, но и ожидал ответа от Захариаса.

— Мне хотелось бы узнать, — завершил свою передачу Иноуэ, — что думает Захариас-кун об этих предложениях Японии.

Присоединение к фамилии «кун» имело особое значение: «кун» — обращение, принятое в кругу близких знакомых, нечто вроде «мой дорогой друг».

Агенты сообщили, что Императорский дворец запросил копии трансляций Захариаса. В Берне Тагучи искал тайной встречи с американским министром Леландом Б. Гаррисоном. Хотя на руках Тагучи были полномочия, подписанные Того, его сочли свободным переговорщиком и не восприняли всерьез. Была упущена еще одна прекрасная возможность в цепочке, звенья которой могли бы шаг за шагом привести к капитуляции Японии.

В апреле на сцену вышел сам император. Используя архиепископа Токио в качестве личного посредника, он тайно попросил Ватикан прозондировать в Соединенных Штатах почву относительно приемлемых условий. Папа поручил заняться этим вопросом кардиналу Пьетро Фумасони Бьонди, никак не замешивая Ватикан.

Престарелый кардинал попросил Гарольда Титмэна, сотрудника американского дипломатического представительства в Ватикане, передать в Вашингтон послание императора с предложением о мире. По какой-то неясной и необъяснимой причине эта переписка велась не Госдепартаментом, а штаб-квартирой Управления стратегических служб в Вашингтоне. Я отчетливо помню, как бумаги нам носил самый высокопоставленный посыльный из когда-либо курсировавших по Вашингтону, первый помощник Донована в звании бригадного генерала. Появление в заговоре императора преисполнило нас большими надеждами, но нам велели их оставить, поскольку предложения о мире шли через Ватикан. Святейшему Престолу сочли нецелесообразным дозволять малейшее касательство к любому посредничеству в японской капитуляции, опасаясь, что общественное мнение в Соединенных Штатах заклеймит позором и возмутится этим фактом как папским вмешательством.

Малейшее шевеление в этом направлении не ускользало от нашего отдела, в то время в Вашингтоне он был единственным сейсмографом, фиксировавшим эти толчки. Государственный департамент на тот момент был практически парализован. Государственным секретарем был Эдуард Стеттиниус. Именно тогда оказался слишком занят подготовкой к торжественному открытию Организации Объединенных Наций, запланированному на июнь в Сан-Франциско. В отсутствие Стеттиниуса обязанности госсекретаря исполнял Джозеф Грю, многолетний американский посол в Токио, идеально подходивший для этой сложной операции, однако Грю перенес инсульт и еще не совсем оправился. Кроме того, Госдепартамент смущал весьма неприязненный настрой к Японии и пропагандистский шквал, обрушенный отдельными американскими политическими группировками, выступавшими против сохранения императора, поэтому он счел за благо не будить лиха, пока оно тихо.

В июне при весьма зловещих обстоятельствах была предпринята третья попытка начать мирные переговоры. В посланиях с высокой степенью шифрования, направленных Того своему послу в Москве, опытному и мудрому дипломату Сато, министр спросил его, что он думает о передачах Захариаса. Сато ответил, что они были интересны, но Захариасу следовало конкретнее описать подробности условий капитуляции. Того и Сато обменялись несколькими телеграммами, а затем Того вдруг прямо приказал Сато идти к Сталину и просить его о посредничестве между Японией и Соединенными Штатами.

Американские дешифровальщики, отслеживая все исходящие и входящие передачи в Японии, перехватили и расшифровали дипломатические депеши. Расшифровки отправили нескольким получателям, имевшим право допуска. Естественно, их передали Трумэну и Грю, но обошли нас.

Обращение японцев к Сталину за посредничеством было недвусмысленным. Никто из имевших доступ к этим телеграммам Того и Сато не мог сомневаться в искренности или срочности, с которой они надеялись урегулировать вопрос. Просьбу о посредничестве Сталин резко отверг, но также отказался проинформировать об этом самом открытом предложении мира нас, своих союзников. В июне его министр иностранных дел, загадочный Молотов, лично прибыл в Вашингтон, но о японском обращении помалкивал.

Сложилась уникальная в истории дипломатии ситуация. Правительство Соединенных Штатов знало, что Япония на грани краха и просит Сталина вмешаться, однако нам выказывать осведомленность в деле было неудобно, поскольку информация

была получена благодаря взлому японского дипломатического шифра.

Швейцарское правительство знало об усилиях Тагучи от имени и по поручению Того, но вновь отказалось признать их законными, как предпринимаемые неофициальным посланником.

Ватикан знал прямо от императора, что Япония пребывает в отчаянном поиске путей капитуляции, но отказался заниматься этим вопросом официально в силу отсутствия с Соединенными Штатами дипломатических отношений.

Швеция знала, что Япония ищет выход из войны, поскольку к ее послу в Токио японцы также обратились с просьбой о содействии.

Захариас прямо говорил с японцами о безотлагательности и возможности мира и получил ответ от представителя правительства Токио, фактически просившего его предоставить Японии условия, на которых она сможет подписать капитуляцию.

В этом пункте я решил взяться за дело сам и разработать «условия», которые Захариас вслед за тем мог бы передать японцам в одной из своих трансляций. Соединенные Штаты вцепились в формулировку безоговорочной капитуляции так, что сами не могли отцепиться, не вызвав волны общественного негодования, с которой Вашингтон не знал, как себя вести или справиться. Формулировку американской общественности прочно внедрили в сознание. И мужи в Государственном департаменте не знали, что с этим поделать.

Я собрал все возможные военные декларации Рузвельта, Черчилля и генералиссимуса Чан Кайши, имевшие отношение к капитуляции Японии. Их я нашел пять: Атлантическая хартия, Каирская декларация, Новогодняя декларация 1944 года Чан Кайши, заявление, написанное мною для президента Трумэна, и решение судьи Верховного суда Роберта Джексона о военных преступниках.

Я включил их в письмо редактору «Вашингтон пост», твердо полагая, что оно быстро дойдет до японцев. Подписать его я решил просто — «Обозреватель», чтобы создалось впечатление, что письмо было пробным шаром, запущенным американским правительством. Я не только ждал, что японцы признают его «условиями» нашей формулировки о безоговорочной капитуляции, но также и надеялся заставить свое собственное правительство принять их на себя и тем самым положить конец этому бесполезному периоду нерешительности.

Письмо я написал в своем кабинете, в рабочее время на госслужбе, на американской правительственной почтовой бумаге, поскольку оно не было моей собственностью, моей гордостью,

моей личной проблемой или моим личным интересом. Я даже не ожидал получать за него благодарности или признания заслуг. Я считал, что обязан об этом сказать, кричать со всех крыш так громко, чтобы быть услышанным на расстоянии в одиннадцать тысяч миль в Токио.

Редактором «Вашингтон пост» был Херберт Эллистон. Он был моим другом. Время от времени я ходил в его маленькую «святая святых», чтобы «вдохновлять» редакционные статьи о Японии. Теперь я пошел к нему снова и сказал, что устал барахтаться в этом «заговоре» в одиночестве и хотел бы, чтобы он стал моим партнером. Я показал ему письмо и попросил опубликовать его и поддержать в собственной редакционной статье. Я также сказал ему, что намерен остаться в тени и перебросить мяч на сторону Захариаса, поскольку официальный представитель, в конце концов, именно он. Я попросил Эллистона сказать любому, кто спросит об авторе письма, что оно написано «капитаном Заком», а его взгляды отражают политику правительства США.

И только после этого я вернулся в Военно-морское министерство и рассказал о письме «Заку», попросив его подготовиться к фейерверку, поскольку я собирался раздать письмо в Национальном пресс-клубе, а также проследить за тем, чтобы оно выстрелило по всему миру.

На следующее утро Херберт Эллистон, благослови Господь его душу, опубликовал письмо на целую колонку в «Вашингтон пост», и оно стало притчей во языцех у всех. Крючок был закинут ловко. Например, в одном отрывке говорилось: «В Атлантической хартии и Каирской декларации четко заявлено, что мы не стремимся к территориальному расширению. Более того, Атлантическая хартия гарантирует определенные преимущества как победителям, так и побежденным».

Еще один пассаж был призван успокоить императора Японии. «Американское военное право, — гласил он, — основанное на исторических прецедентах, а также решении

Верховного суда Соединенных Штатов, четко определяют, что завоевание или оккупация не влияют на суверенитет побежденной страны, хотя эта страна может находиться под полным военным контролем».

А далее следовало прямое приглашение: «Если японская сторона пожелает получить разъяснения относительно того, означает ли безоговорочная капитуляция иные условия, кроме содержавшихся в этих процитированных выше пяти документах, в ее распоряжении есть общепринятые дипломатические каналы, секретный характер которых исключает публичную демонстрацию слабости. Японская сторона знает о том, что нам известно о

поражении Японии в войне. Поэтому такое разъяснение не может быть неправильно истолковано или воспринято как демонстрация какой-либо слабости за исключением фактически наличествующей в Японии».

Мне не пришлось идти в Национальный пресс-клуб предупреждать его членов. Весь клуб явился к «капитану Заку», желая узнать, он ли автор письма и говорил ли он от имени Белого дома.

Типичной для газетных комментариев была статья, написанная нашим другом Дюком Шупом из «Канзас-Сити стар»: «Провокационное открытое письмо, приглашающее японцев начать переговоры о безоговорочной капитуляции, стало предметом широкого обсуждения, поскольку есть мнение, что его автор — капитан Э. М. Захариас, «официальный американский представитель», ведущий американские радиопередачи на Японию. Это провокационное письмо словно заимствовано из шпионского триллера, но отнюдь не исключено использование подобного способа для доведения до сведения японцев нашего понимания безоговорочной капитуляции».

Наш отдел сгорал от волнения. Мы ощущали, что мы на правильном пути, неуклонно и с возрастающей скоростью движемся к кульминации наших усилий. Мы каким-то образом почувствовали, что война в Тихом океане заканчивается, несмотря на ожесточенные бои на Окинаве. Мы четко видели и невозмутимого автоматизированного японского строевого солдата, цепляющегося за пещеры и бухты с чрезмерной жертвенностью, и упрямых и искусно просчитывавших каждый шаг государственных деятелей в Токио, понимавших, что мышеловка захлопывается. Нашей целью были государственные деятели, и наша цель состояла в захвате Токио этим словесным обстрелом.

Очень важным было доведение решения до реализации. Мы не могли позволить ни на миг отступиться от нашей двойной кампании, нацеленной как на японцев, так и на наше правительство. Наши действия были явным неподчинением, но мы не думали, что проводим политику, мы просто заполняли глубочайший вакуум.

А в нашем отделе мои коллеги, доктор Рид и доктор Поссони, которым помогал доктор Ёсиока, работали над нокаутирующим ударом для передачи «Зака», развивая темы письма в «Вашингтон пост». Его основной посыл сводился к четырем ключевым предложениям: «Руководителям Японии доверено спасение, а не уничтожение Японии. Как я уже говорил, японские руководители сталкиваются с двумя альтернативами. Одна из них —

фактическое уничтожение Японии, за которым последует мирный договор на продиктованных условиях. Другая — безоговорочная капитуляция с сопутствующими ей преимуществами, закрепленными в Атлантической хартии».

К тому времени безоговорочная капитуляция должна была казаться японцам яблоком с библейского древа познания. Разумеется, грехопадение, но и обещание некоего утешения.

Мы передали стенограмму этой трансляции в прессу, и она вышла с побережья до побережья на видных местах первых полос газет 21 июля. «Нью-Йорк тайме» перепечатала всю трансляцию. «Вашингтон пост» озаглавила ее так: «Соединенные Штаты предупреждают Японию — победа — виртуальное уничтожение».

Японцы ответили на него 24 июля. Хотя голос принадлежал доктору Киеси Иноуэ, мы знали, что зачитанный им ответ подготовило имперское правительство. Иноуэ сказал: «Если Соединенные Штаты искренне готовы претворять в жизнь то, что они провозглашают, например, в Атлантической хартии, за исключением ее карательной оговорки, японский народ, фактически японские вооруженные силы, автоматически, если не с готовностью предпримут шаги по прекращению конфликта. Тогда и только тогда мечи перестанут звенеть как на Востоке, так и на Западе».

Однако наша решительная радиопередача, как ее назвал Захариас, вызвала бурю иного рода прямо здесь, в Соединенных Штатах. Трансляция взорвалась в Госдепартаменте, как бомба. Внезапно наши дипломаты поняли, что кто-то занимается внешней политикой и подталкивает их к действию. В гневе они решили нас уничтожить, подорвав наше влияние в глазах японцев. Они мобилизовали собственных представителей, журналистов и радиокомментаторов, близких к департаменту, и велели им дискредитировать Захариаса. Образчиком их кампании был комментарий Раймонда Грэма Свинга от 21 июля, в котором со ссылкой на «высокопоставленный авторитетный источник» (на самом деле на Томаса Блейка, мелкого чиновника Госдепа) он отрицал применимость Атлантической хартии к Японии и утверждал, что претензия Захариаса то, что «он является официальным представителем правительства США», была «нелепой».

В то время как в Соединенных Штатах разворачивались все эти события, президент Трумэн и его новый государственный секретарь Джеймс Ф. Бирнс находились в Потсдаме на встрече с Черчиллем и Сталиным. Бирнс запросил Государственный департамент подробности о трансляции, и тот ответил обнадеживающей телеграммой, пытаясь показать, что «клика

Захариаса» не добилась ни малейшего успеха.

Требовалось восстановить авторитет Захариаса. Как обычно, нам помог министр Форрестол. Он пригласил в свой кабинет самого влиятельного вашингтонского журналиста Артура Крока из «Нью-Йорк тайме» и попросил его написать статью, которая дала бы понять, что Захариас не самозваный апостол мира, а действительно официальный представитель, чья радиопередача отражала взгляды и политику правительства США. На следующее утро Крок писал: «В стране выражалась озабоченность… радиопередачей на Японию капитана Захариаса… Капитан Захариас, подтверждая требование о безоговорочной капитуляции, сказал японскому народу, что на данном этапе у того есть возможность заключить «достойный мир» и воспользоваться преимуществами Атлантической хартии; и это вызвало опасения, что он убедит японцев, что мы ослабляем свои позиции, а они могут получить еще лучшие условия, если продолжат сопротивление…»

Далее следовала важная часть его статьи, вдохновленная Форрестолом: «Капитан Захариас работал над двойной проблемой, с которой правительство страны сталкивается в Тихоокеанской войне, и линия, проводимая им в эфире, — это высокого ранга официальная попытка решить ее напрямую. Он стремился (а) убедить японский народ в том, что его военачальники лгут, предрекая грабеж, порабощение, расчленение ее территории на островах метрополии, разграбление и низвержение их священных учреждений как неизбежные последствия безоговорочной капитуляции, и действовал в надежде на то, что японские народные массы смогут это понять и удастся приблизить окончание войны и спасти жизни многих американцев. Он стремился (б) показать американскому народу усилия, предпринимаемые для спасения этих жизней».

Мы все еще опасались, что Трумэн, продолжавший хранить зловещее молчание в Потсдаме, может от нас откреститься. Форрестол стремился это предотвратить. Он попросил коммодора Вардамана, военно-морского адъютанта президента, доложить Трумэну о деле. Это вмешательство нас спасло. Хотя президент продолжал воздерживаться от прямого участия в полемике, он разрешил Антони Ваккаро, корреспонденту Ассошиэйтед Пресс в Белом доме, освещавшему его пребывание в Потсдаме, сообщить, что президент «молчаливо одобрил передачу Захариаса».

Теперь мы почувствовали, что настало время активизировать кампанию, установив прямой личный контакт с японцами, чтобы обсудить с ними проблемы, которые надо было решить. Один из

главных японских милитаристов, генерал Осима, был пленен в Германии, где он представлял свою страну в качестве посла при Гитлере. Мы договорились доставить его в Вашингтон, а затем, взяв его с собой, собирались лететь на остров в Тихом океане для встречи с эмиссарами Токио.

Нам представлялось, что Захариас отправится в это секретное путешествие в сопровождении Денниса Макэвоя и, возможно, коммандера Дугласа Фэрбанкса-младшего, служившего при штабе адмирала Кинга, в котором, независимо от нас, пытались установить контакт с людьми, близкими к вдовствующей императрице, имевшей большое влияние на императора Японии. Мы получили разрешение на доставку Осимы в Вашингтон и начали готовиться к важному полету Захариаса, надеясь обеспечить участие японских эмиссаров примерно на уровне Захариаса. Предполагалось, что это будут предварительные переговоры, поскольку настоящие переговоры проводятся на гораздо более высоком уровне. Однако мы надеялись, что даже эти предварительные переговоры приведут к обширным сферам согласия и в ходе последующих переговоров добиться капитуляции удастся без больших проволочек.

Мы снова пользовались искренней поддержкой Форре-стола. Министр попросил Захариаса высказаться о дне, когда капитуляция станет совершенным фактом. Захариас без малейших колебаний ответил: «1 сентября». Оставался ровно месяц, но мы были уверены, что сможем выполнить обещание.

6 августа атомная бомба была сброшена на Хиросиму. 9 августа последовало падение второй бомбы на Нагасаки. В промежутке в Дальневосточную войну вступила Красная армия, напав на японцев в Маньчжурии и очень быстро одержав несколько побед.

Захариас был горько разочарован, когда его усилия развеялись в ядовитом грибе двух атомных бомб. «Ошеломляющий эффект атомных бомб на массовое воображение во всем мире, — писал он в автобиографии, — мгновенно убедил в том, что капитуляция Японии вызвана исключительно атомной бомбардировкой. И эта ошибочная уверенность очень широко распространена… Япония приняла бы наши условия капитуляции даже без принуждения в виде двух атомных бомб».

«Помимо потрясающего и ужасающего воздействия на человеческое воображение и создание впечатляющей кульминации войны, — писал он, — воздействие атомных бомб на японскую войну заключалось лишь в весьма незначительном ускорении выражения японцами уже принятого решения».

Япония сдалась 14 августа[88], а официально ее капитуляция

была оформлена 2 сентября на борту линкора «Миссури», вошедшего в Токийский залив.

Ради выигрыша двух недель Соединенные Штаты применили в конфликте самое дикое оружие в истории человечества, придав войне беспрецедентный ужас. Соединенные Штаты сделали это в то время, когда небольшая группа получивших специальное задание людей была готова продемонстрировать, что конфликты можно завершать в интеллектуальной сфере невоенными средствами.

Я всегда буду гордиться тем, что мне выпала честь принадлежать к этой небольшой группе получивших специальное задание людей.

notes

Примечания

1

Немецкая подводная лодка капитан-лейтенанта Прина, 14 октября 1939 г. проникшая в военно-морскую базу англичан Скапа-Флоу и потопившая линкор «Ройал Оук», действительно обошлась без помощи каких-либо шпионов. — *Здесь и далее примем, ред.*

2

Ныне Гливице в Польше.

3

Ныне Ключборк в Польше.

4

Ныне Гацибуж в Польше.

5

Ныне Ополс в Польше.

6

Имеется в виду фронт к северо-востоку, где немцы развернули стремительное наступление из Восточной Пруссии в южном направлении.

7

Причиной отправления в 1931 г. в отставку было то, что Гейдрих решил жениться на сельской учительнице Лине фон Остен и расстался с прежней своей избранницей, дочерью хозяина крупнейшего металлургического холдинга. И адмирал Редер после суда чести вынес свое решение.

8

Это были ложные слухи. Дело в том, что отец Гейдриха Бруно родился от первого брака бабушки нацистского вождя, которая во втором браке вышла замуж за еврея Зюсса. Нацисты внимательно исследовали генеалогию Гейдриха и евреев не обнаружили (докопались до 1738 г. по отцовской линии и до 1688 г. по материнской).

9

Руководил VI управлением СД с начала 1941 г. и до конца войны.

10

По фамилии второго мужа своей матери, который не был его отцом.

11

Сын Родриго Борджа (ставшего папой под именем Александра VI, 1431–1503), Чезаре Борджа (ок. 1476–1507), как и его отец, использовал любые средства для достижения намеченных целей. Макиавелли превозносил Чезаре Борджа как пример совершенного государя.

12

В 11 часов утра 3 сентября, после того как Гитлер категорически отказался от переговоров о приостановке военных действий в Польше, Великобритания объявила войну Германии, а вечером того же дня к ней присоединилась Франция.

13

Командующий Северо-Восточным фронтом.

14

В марте 1940 г. послу в Риме Андре Франсуа-Понсэ министр иностранных дел Италии Чиано раскрыл планы Гитлера на продолжение войны.

15

То есть МИД Франции на набережной Кэ д’Орсэ.

16

М.Г. Гамелен (1872–1958) с 3 сент. 1939 г. был главнокомандующим союзными войсками во Франции. 19 мая 1940 г., когда стало очевидно поражение союзников, был отстранен от командования.

17

Уайтхолл — улица в центре Лондона, название которой стало нарицательным обозначением британского правительства.

18

Департамент уголовного розыска (Criminal Investiqation Department).

19

Аквавит — скандинавский алкогольный напиток крепостью 37,5-50 %.

20

В самом узком месте фьорда, дефиле Дребак, норвежские батареи, включая 280-мм пушки и 2 305-мм пушки, с дистанции всего 500 м добились ряда прямых попаданий в тяжелый крейсер «Блюхер» и броненосец (так называемый «карманный линкор») «Лютцов». «Блюхер», получивший свыше 20 попаданий снарядов и 2 торпеды, выпущенные норвежцами из размещенной в скальном укрытии установки, затонул, «Лютцов» был сильно поврежден, но выполнил задачу, высадив десантников, которые в течение 10 апреля взяли все внутренние и внешние береговые укрепления.

21

В ходе обороны города погибло 5 тысяч польских солдат и офицеров и 25 тысяч человек гражданского населения, ранено около 16 тысяч военнослужащих и несколько десятков тысяч гражданских лиц.

22

План «Гельб» («желтый» — *нем.)* предусматривал наступление через Голландию, Бельгию и Люксембург в Северную Францию.

23

Сен-Жуэн-Брюнваль.

24

Ирландия, которую с XII в. колонизировали англичане, только в 1921 г. после долгих лет борьбы получила статус доминиона, в 1949 г. провозглашена независимой республикой.

С 1946 г. Правдинск в Калининградской области.

26

Франц Гальдер был начальником Генерального штаба сухопутных войск (ОКХ). Во главе ОКВ (Верховного главнокомандования вермахта) был Вильгельм Кейтель, штаб оперативного руководства ОКВ возглавлял Альфред Йодль.

27

Автор дезинформирует читателя. Абвер продолжал активную разведдеятельность на территории СССР, как и советские разведорганы на территории Германии и ее союзников, оккупированных немцами стран, а также нейтральных стран.

28

Ни сплошной ограды из колючей проволоки со сторожевыми башнями, ни «20 миль пустынной сельской местности» на границе СССР не имелось. Далеко не везде была и контрольно-следовая полоса.

29

Шпионы и диверсанты в большом количестве пытались прорваться именно через границу, неся большие потери, и некоторым это удавалось.

30

Построен в 1852–1854 гг. на южном мысу Варшавской цитадели русскими военными инженерами и строителями.

31

Страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония) добровольно вошли в состав СССР после победы в них на выборах, демократических и тайных, левых сил. Финляндию СССР не захватывал — после «зимней войны» 1939–1940 гг. к СССР отошли некоторые пограничные территории Финляндии.

32

Новейшие образцы вооружения, например танки Т-34 и КВ, действительно не участвовали в освободительном походе на Западную Украину и в Западную Белоруссию в сентябре 1939 г., так как поступили на вооружение позже — в декабре 1939 г., к 22 июня 1941 г. в войска поступило 1225 Т-34 и 639 КВ. Похожая картина была и в авиации.

33

Имеются в виду Западная Украина и Западная Белоруссия, захваченные Польшей в 1919–1921 гг. и освобожденные в сентябре 1939 г.

Это был окончательный вариант плана. Разработка же плана «Барбаросса» велась с 21 июля 1940 г. — распоряжением Гитлера она была возложена на ОКХ (Главное командование сухопутных войск).

35

Всего для осуществления операции «Барбаросса» было выделено 190 расчетных дивизий Германии и ее союзников, в том числе 19 танковых и 14 моторизованных.

— е управление штаба РККА существовало с 1926 по 1934 г. Позже переименовывалось в информационно-статистическое управление РККА, затем в Разведывательное управление РККА, в 1939 г. 5-е управление Наркомата обороны СССР, в июле 1940 г. передано Генштабу и получило название Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии. В феврале 1942 г., уже во время войны, оно было реорганизовано в Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии.

В это время оно уже называлось Разведывательным управлением РККА.

В 1942 г. был арестован гестапо и казнен.

39

В описываемое время (с 1925 по 1994 г.) называлась улицей Фрунзе.

С 1946 г. — Зеленоградск в Калининградской области.

41

Очевидно, имеются в виду бои в ноябре 1941 г., поскольку начальная фаза операции «Тайфун» (с 30 сентября 1941 г.) оказалась для советского командования неожиданной. Жуков стал командующим Западным фронтом только 10 октября (когда основные силы фронта оказались в окружении под Вязьмой).

42

Золотое содержание доллара в то время, 35 долларов за тройскую уницию, почти в 35 раз превосходило нынешнее (летом в 2018 г.), около 1200 долларов за унцию.

43

Шандор Радо в 1946 г. был приговорен к 15 годам лагерей, в 1954 г. освобожден, уехал в Венгрию, где работал в сфере географических наук, профессор, автор многих трудов. Умер в Будапеште в 1981 г.

Настоящее имя — Анатолий Маркович Гуревич.

45

Будучи членом сионистского движения, уезжал в 1924 г. в Палестину, откуда в 1929 г. его выслали.

46

Сначала Треппера в конце 1938 г. направили в Бельгию (где жил его друг по Палестине) под именем Адама Миклера, канадского фабриканта. И только в 1940 г. после вторжения немцев он стал Жильбером.

47

Гуревич действовал хитрее — запутывал, насколько возможно, немцев, давал им ложные сведения. Поэтому после войны его не расстреляли, а только посадили.

48

После ареста в ноябре 1942 г. Треппер сумел ввести в заблуждение гестаповцев и в сентябре 1943 г. бежал. В январе 1945 г. вместе с Шандором Радо и другими оказался в Москве. Там его приговорили к 15 годам лагерей, потом срок сократили, в 1954 г. выпустили и реабилитировали. В 1957 г. Треппер выехал в Польшу, а в 1973 г. в Израиль, где и умер в 1982 г.

49

Итальянский военный броненосный флот создавался еще в 1860-х гг. (известен морской бой с австрийским флотом при Лиссе (о. Вис) в 1866 г.). А перед Первой мировой войной Италия считалась союзницей Германии и Австро-Венгрии и только в 1915 г. предпочла Антанту.

50

Итальянцы (линкор, 8 крейсеров, в том числе 6 тяжелых, 13 эсминцев) потерпели поражение от англичан (авианосец, 3 линкора, 4 легких крейсера и 16 эсминцев). Итальянцы потеряли 3 крейсера и 2 эсминца, их линкор был поврежден.

51

В районе Эль-Аламейна южнее сравнительно узкой прибрежной полосы, где организовали оборону англичане, находится непроходимая для техники впадина Каттара. Поэтому возможностей для маневра у Роммеля не было, а его попытки прорвать фронт меньшими, чем у англичан, силами не увенчались успехом.

52

Из-за нехватки горючего у Роммеля.

53

Нина Кобелева, вторая жена Г.В. Зорге, из семьи железнодорожного рабочего.

54

После лечения в госпитале Зорге был направлен на Восточный фронт, в Галицию, где вскоре был ранен осколком русского снаряда. В 1916 г. был направлен на запад под Верден, где воевал в полку полевой артиллерии. В апреле 1917 г. тяжело ранен разрывом снаряда, в январе 1818 г. комиссован.

55

Зорге после демобилизации поступил на факультет общественных наук Кильского университета, затем записался на факультет государства и права в университете в Гамбурге, в 1919 г. получил степень по экономике. В 1918 г. участвовал в восстании матросов в Киле, был членом Кильского совета рабочих и матросов. В Гамбурге Зорге пропагандистскую работу совмещал с журналистской. Здесь встретился с Эрнстом Тельманом (лидером КПГ Германии), с 1919 г. член КПГ. Был пропагандистом в Руре, редактировал партийную газету и др. После запрета в 1924 г. КПГ Зорге с одобрения руководства по приглашению Исполкома Коминтерна приехал в Москву. В 1925 г. вступил в ВКП(б), получил гражданство СССР, принят на работу в аппарат Коминтерна.

56

Урицкий Семен Петрович (1895–1938), племянник Моисея Урицкого. В 1910–1915 гг. работал на аптекарском складе в Одессе, с 1912 г. большевик. В 1915 г. призван в армию. В 1917 г. один из организаторов Красной гвардии в Одессе, до 1920 г. в Красной армии. С 1920 г. — в разведорганах, в 1922–1924 гг. нелегально работал в Германии, Франции, Чехословакии. В 1929–1930 гг. подавлял антисоветские выступления в Чечне и Ингушетии. В апреле 1935 г. возглавил Разведуправление РККА, в июне 1937 г. — замкомандуюгцего войсками Московского военного округа. Арестован 1 ноября 1937 г. по обвинению в участии в антисоветском военном заговоре и шпионаже. Расстрелян в 1938 г.

57

Маньчжурия была оккупирована японскими войсками в 1932 г.

Примерно соответствует званию прапорщик.

59

Япония имела весьма крупные не только военно-морские, но и сухопутные силы. Квантунская армия, насчитывавшая в 1941 г. 700 000 человек, была только их лучшей по составу группировкой. Для войны в Юго-Восточной Азии Япония выделила 15 дивизий — 400 000 человек, 1600 самолетов. В Северо-Восточном Китае были сосредоточены 63 дивизии и 24 бригады (Квантунская армия и войска, сражавшиеся с китайскими войсками), в метрополии находились 18 дивизий и 2 бригады.

60

Мидуэй относится к Гавайским островам, Пальмира — к островам Лайн.

61

Высадка союзных войск в Нормандии 6 июня 1944 г.

62

Франция сопротивлялась с 10 мая до 22 июня 1940 г., когда было подписано Компьеньское перемирие с немцами (24 июня — с итальянцами).

63

На Мидуэе имелись пункт базирования ВМС и военно-воздушная база.

Современный город Аннаба в Алжире.

65

Японцы заблаговременно стягивали свои авианосцы и другие корабли из баз на Японских островах (Куре, Йокосука) к острову Итуруп (Курильские острова, с 1945 г. в составе СССР) в залив Хитокаппу (ныне залив Касатка). Отсюда 26 ноября 1941 г. японское ударное авианосное соединение начало выдвигаться в район атаки 7 декабря.

Мёз и Аргон — низкогорные гряды по обе стороны реки Мёз (ниже по течению за пределами Франции Маас). В этом районе на реке Мёз находится Верден.

Причем Рюрикович.

Подразумевались немцы.

Ныне Чески-Тешин.

Всю войну производивших бронетехнику и многое другое для вермахта.

71

Гейдрих погиб не от пули. Словак Габчик не смог его застрелить в упор, так как автомат заклинило. Чех Кубиш бросил бомбу, и Гейдрих получил тяжелое ранение селезенки, куда попали металлический фрагмент и кусок обивки сиденья автомобиля. В госпитале развился сепсис.

72

Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г.

Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) при Ставке Верховного главнокомандования.

74

Кто убил Фабиана Акинчица — белорусского коллаборациониста, не совсем понятно. Это случилось на квартире издателя оккупационной «Белорусской газеты» Козловского (того позже убили действительно советские партизаны).

75

Фенца убила не партизанка — он попал в засаду на охоте в Машуковском лесу. Засаду организовала группа партизан Кирилла Орловского (получил звание Героя Советского Союза).

76

Крест Георга — гражданский аналог Креста Виктории — высшей военной награды Великобритании.

Так французы называли немцев.

78

Словацкое национальное восстание 19 августа — 27 октября 1944 г. Оно долго готовилось Компартией Словакии, но основой вооруженных сил восставших должна была стать словацкая армия (47 000 чел.), до того с самого начала войны воевавшая против СССР. Но повторения румынского и отчасти итальянского переворота с переходом на сторону противника не случилось. Немцы успели ввести в Словакию свои войска, разоружили Восточно-словацкий корпус и развернули бои с партизанами (17 000 чел.).

Миклош Хорти также попытался пойти по пути румынского короля Михая, 11 октября 1944 г. в Москве были подписаны предварительные условия соглашения о перемирии с СССР и представителями США и Великобритании. Но и в этом случае немцы не допустили повторения катастрофы в Румынии августа 1944 г. 16 октября венгерский регент Хорти был смещен, его заставили выехать в Германию, а Венгрия до конца войны сражалась вместе с немцами против Красной армии под руководством венгерских фашистов и нового регента Салаши.

80

Против СССР на фронте в 4500 км от Баренцева моря до Черного моря у Днестра к июню 1944 г. действовали 179 дивизий и 5 бригад Германии и 49 дивизий и 18 бригад ее союзников — всего 4,9 млн чел., 59 000 орудий и минометов, 78 000 танков и штурмовых орудий, 3200 боевых самолетов.

81

Шул е н б у р г Вернер (1875–1944), был послом Германии в СССР с 1934 г. до 22 июня 1941 г. Противник войны с Россией, Шуленбург был вынужден передать советскому руководству ноту германского правительства об объявлении войны. За участие в заговоре против Гитлера 20 июня 1944 г. был арестован и 10 ноября 1944 г. повешен.

82

В начале апреля 1945 г. на итальянском фронте немецко-фашистские войска имели 439 000 человек личного состава (в том числе 280 000 боевого состава), 2500 орудий и минометов, 400 танков и штурмовых орудий и 130 боевых самолетов. У союзников здесь было 1 300 000 личного состава (в том числе 520 000 боевого состава), 10 200 орудий и минометов, 3100 танков и САУ, 4000 боевых самолетов.

83

Звание коммандер соответствует армейскому подполковнику.

84

А. Мэхэн (1840–1914) — американский военно-морской теоретик и историк, контр-адмирал (1906). Создал (одновременно с английским теоретиком Ф.Х. Коломбом) так называемую теорию «морской силы».

85

Вывод, противоречащий хорошо известным фактам японской истории. Харакири были общепринятыми, что подтвердилось и в 1945 г. после поражения Японии.

86

В 1947–1949 гг. был первым министром обороны США. В условиях сложной международной обстановки заработал психическую болезнь, постоянно повторял: «Русские идут, русские идут. Они везде. Я видел русских солдат». В конце концов выбросился из окна с 16-го этажа.

87

Где 4—11 февраля 1945 г. происходила Крымская (Ялтинская) конференция глав правительств трех союзных держав антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне — председателя СНК СССР И.В. Сталина, президента США Ф.Д. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля. Во многом определила судьбу послевоенной Европы. Было принято также решение о вступлении СССР в войну против Японии через 2–3 месяца после окончания войны в Европе, при условии возвращения Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских островов, сохранения статуса Монгольской Народной Республики, восстановления аренды на Порт-Артур как военной базы СССР и др.

88

Рескрипт императора Хирохито о принятии условий капитуляции был передан по радио 15 августа. Этому предшествовала попытка военного переворота в ночь на 15 августа. Группа офицеров во главе с майором К. Хатанака проникли во дворец, убили командира 1-й гвардейской дивизии, охранявшей императорскую резиденцию, напали на резиденции премьер-министра Судзуки, лорда-хранителя печати К. Кидо, председателя Тайного совета К. Хиранума, а также на Токийскую радиостанцию. Однако разыскиваемых лиц, а также пленки с записью речи императора не нашли. Путчистов арестовали, но не судили, а дали возможность сделать харакири по самурайскому обычаю. 15 августа покончили с собой военный министр Анами, создатель корпуса камикадзе вице-адмирал Ониси, главнокомандующий 1-й объединенной армией фельдмаршал Сузияма, командующие 10, 11 и 12-м фронтами, один из бывших командующих Квантунской армией генерал С. Хондзё, а также другие генералы и министры кабинета Судзуки. 15 августа военные действия между англо-американскими и японскими войсками были прекращены. Однако японские войска на территории Северо-Восточного Китая, Кореи, Южного Сахалина и Курильских островов продолжали оказывать сопротивление советским вооруженным силам. Лишь 19 августа состоялась первая встреча маршала А.М. Василевского, главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке, и начальником штаба Квантунской армии Хата, на которой стороны договорились о порядке капитуляции. С этого дня японские войска начали складывать оружие перед советскими вооруженными силами. Разоружение японских группировок в Северо-Восточном Китае, Северной Корее продолжалось до конца августа. Тогда же завершились операции на Южном Сахалине и Курильских островах (последние советские десанты 1 сентября на острова Кунашир и Шикотан).